

ЭТИ ПТИЦЫ...

Предисловие

Птицы, улетаая на юг, уносят с собой что-то глубоко нами любимое и родное, связанное и с землёй, и с водой, и с нашей душой, а ты всё мучаешься, страдаешь и никак не можешь понять – чего тебе не достаёт? Только к весне постигаешь, как не хватало тебе возможности взлететь вместе с птицами над собственным незнанием и сердечной усталостью, в тоже время, переживая в сердце то незабываемое ощущение невольной щедрости, с какой ты позволил им забрать осенью часть своей души.

Душа твоя устремляется вместе с птицами в какие-то неведомые дали, не находя ответа на мучающие её вопросы, и всю зиму терпеливо ждёт: с каким известием возвратятся птицы на родину? Вернут ли тебе заложенную им по осени душу, что, быть может, выздоровела? Или, благодаря их радостному прилёту, ты, наконец, осознаешь в себе потребность жить теперь по совести, обнаружив в своей душе Бога?

Глядя на торжественные косяки птиц, преисполненные стремления достичь родимых мест, в какой-то миг начинаешь понимать, что ты сам, оказывается, способен причаститься к незатухающей душевной работе, быть для самого себя воплощением божественных качеств на земле, отдаваясь на волю собственного сердечного чувства. Как трепетно и терпеливо, наверное, ждёт от тебя этого Всевышний, как Он радуется за твою способность быть самим собой! Ты теперь – хозяин своей судьбы, душа твоя жива, и осознав это, ты совсем иначе посмотришь на возвращающихся к родимым местам птиц, уже не полагаясь только на их неудержимую волю, но, тем не менее, родственную тебе, даже – очень близкую, дорогу.

Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь между собой в недостижимой вышине, птицы теперь летят с юга на север, и в этих стройных рядах представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий такт полёта стаи, и тебе вдруг откроется, что ты сам способен стать птицей...

Всем своим свободным существованием птицы как будто делятся с человеком трепетной мыслью о том, что мы очень близки, и человек так же свободен в своих мечтах и волен быть счастливым, на деле устремляясь в самые недостижимые выси. Быть птицей, оказывается, его истинное природное состояние, о котором он просто позабыл думать, и оно долгое время оставалось не востребуемым, а вот теперь, почувствовав своё душевное прикосновение к птицам, человек, несомненно, задумается и изменит свою жизнь.

Для этого ему необходимо самому стать птицей, возжелав полёта, а однажды взлетев – почувствовать слитность земли и неба. Это станет таким

очевидным после осознания этой удивительно простой и в тоже время очень важной истины, как бы подтверждая правильность собственных душевных устремлений.

Где-нибудь на исходе мая в ограду вашего деревенского дома вдруг залетит слёт горихвостки, начнёт безудержно порхать и биться в стекло, наполняя всё пространство удивительной жадой свободы. Пространство как будто даже задвигается, не на шутку всполошится, потревоженное свободолюбивой маленькой птицей, не будет находить себе места: вроде бы, такое же свободное, не зависящее ни от кого. И тебе страшно захочется поддержать эту птицу в руках, ты осторожно приблизишься к ней и ловко обхватишь ладонью трепещущее существо: птица сначала попытается вырваться, толкнётся в руке пару раз, а потом затихнет.

Упругое сердечко будет ударяться в такт твоему сердцу, только более учащённо, но вскоре успокоится, и ты поднесёшь птицу к самым глазам, и тихонько погладишь её головку, клюв и перья. Птица вновь встрепетается, и ещё раз попытается освободиться. Правда, уже не так отрешённо, скорее - для порядка, чтобы подтвердить своё свободное состояние, а ты вдруг сразу почувствуешь, что лёгкость овладения птицей лишь видимая, тебе не удастся долго удерживать её в своих руках, и овладеть подобной свободой можно лишь с помощью собственных душевных усилий.

Поняв это, ты выйдешь во двор, слегка поддашь рукой и выпустишь птицу в воздух, а она взвьётся неудержимо, метнётся от радости в одну, другую сторону и защебечет привольно прямо над твоей головой. На миг покажется, что это твоё взбудораженное сердце рванулось в небеса, заиграло там, забилося от охватившего восхищения, и ты даже испугаешься, но, спохватившись, тоже, как птица, обрадуешься открывшемуся торжеству жизни, произвольно взмахнёшь руками, как-то уж совсем просто оторвёшься от земли и ... полетишь.

Жаворонки

Невозможно представить весну без жаворонков! Из всех весенних звуков самый желанный и радостный – пение жаворонка. Ещё не сошёл с полей снег, редкие тёмно-коричневые проталины дымятся сизым ароматным парком, неуловимо вздымающимся в высоту, а навстречу этому аромату устремляется тонкая трель маленькой чудесной птички – нашего раннего гостя, будто вознамерившегося пронзить всех своим солнечным пением.

Маняще исчезая в сияющей голубизне, удивительная песня жаворонка произвольно очаровывает всех и не отпускает, будто удерживая землю на ниточках своих непревзойдённых трелей. Даже те, кто не общается с природой, заслышав звонкое пение под небесами, непременно отличают в нём песню жаворонка, не помышляя о какой-либо иной птице. Всем хорошо известен и доступен этот неподражаемый небесный виртуоз.

Испечённые ко дню сорока мучеников из теста в виде птичек булочки на Руси называли жаворонками. Обычно говорили, намекая, что это делается от хорошей жизни: «Ишь ты, жаворонками крошишь!» Жаворонков олицетворяли в народе с хлебом.

Как бы в противоположность тому, что несут с собой нечто приземлённое, родное, жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, а предпочитают им высокое синее небо. Они избегают густых тёмных лесов, выбирая для себя открытое и вольное пространство. Когда жаворонок трепещет крыльями, поднимаясь высоко в воздух, это равносильно тому, что слушаешь его песню: так его движения напоминают её, а вместе – и полёт, и звуки песни, что разливается повсюду всеобъемлющей гармонией.

Жаворонок поёт без передышки: «тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю», когда же ему надо сделать короткую паузу, он складывает крылья, так легко скользит вниз, и уже у самой земли их распускает. Поёт обычно самец, без усталости взвиваясь вверх, а самка в это время сидит на земле, и взлетает гораздо реже, как будто теряя терпение в ожидании самца. Впрочем, он и сам находится в полёте не так уж долго. Правда, пребывая на пике своей страсти, он способен подниматься на полторы сотни метров, но иногда поёт и на земле, усевшись на какую-нибудь кочку.

Земля должна достаточно прогреться, чтобы в воздухе появились восходящие тепловые потоки, и когда она просыпается, в ней открываются жёлто-чёрные, серо-зелёные и блёкло-коричневые заросли старых трав. Эта перемена в цвете природы и сулит прилёт жаворонков. Они и сами под цвет апреля – жёлтовато-серенькие восторженные птицы, что и льнут к пёстрой весенней земле, и как её живая частица возносятся с радостью в небо.

Каждый жаворонок больше любит оставаться один, во всеуслышание провозглашая весну, но иногда жаворонки объединяются в стайки, подобно дымчато-жёлтому облачку парят в вышине, а потом неожиданно прямо-таки валятся с неба в сухую траву, совершенно растворяясь в ней. Ещё с осени припасены там для них семена васильков, полыни и зверобоя, и потому жаворонки радостно сливаются с родной землёй после долгого перелёта, и не менее восторженно прославляют её.

Точка самого возвышенного и солнечного проявления жизни весной – это жаворонок, зависший в бездонной небесной высоте. Жаворонок не признаёт середины в своём переполненном радостью поведении: он либо кормится на земле, либо поёт под самым сводом неба. В поющем в поднебесье жаворонке всё сосредоточие весны, её музыка и проникновенность, и воздух будто поддерживает неутомимого певца. Воздух весной – его опора.

Кажется, чем выше жаворонок, тем звонче его песня. Звуки её рассыпаются во все стороны восторженными колокольчиками, сливаясь со звучанием колокольчиков, рассыпающихся от песен других птиц: овсянок, чибисов, зеленушек и коньков. Песня жаворонка – как небесный ручей:

течёт откуда-то с неба, переливаясь в ласковых солнечных лучах. Не отыскать ничего более чистого и трепетного даже на земле!

Жаворонок поёт так, что звуки его переливчатой песни доносятся отовсюду. Не покидает ощущение, что движется и поёт весь воздух, всё окружающее тебя пространство. Пристально вглядываясь в весеннюю вышину, не сразу различишь чуть вздрагивающую тёмно-коричневую точку. Она то зависает, то через некоторое время медленно опускается, как будто кто-то удерживает на невидимой ниточке трепыхающееся маленькое сердечко... Это – жаворонок.

По мере того, как жаворонок опускается, звуки песни усиливаются, проясняются, будто тянутся к тебе тонкими серебристыми нитями: они невидимы, но ощущаются. Песня не надоедает, сколько бы её ни слушал, разносится по всей округе на разные лады, и ты наслаждаешься этой удивительной птицей, неустанно, не переводя дух, радуящей своим присутствием. Кажется, что жаворонок никуда уже не денется, останется навсегда с тобой, такой он для всех простой и доступный. Когда я наблюдаю за поющим жаворонком, меня всегда не покидает ощущение, что он находится в каком-то сладостном забытии или даже во сне, до того отрешённо разносится его убаюкивающая песня.

Жаворонок поёт всегда громко и чисто, в издаваемых им звуках никогда нет какой-либо резкости, а только чистота и мягкость. В его песне будто собираются все звуки, что приносит с собой весна, она выбрала в свои глашатаи именно жаворонка, доверив ему всю страсть своего восторженного сердца, и жаворонок, будто зная это, старается изо всех сил. Но получается это у него ненадоедливо и привольно, так что всякий идущий по дороге непременно остановится, задерёт голову и прислушается, позабыв про заботы. Жаворонок окончательно вселит в его душу уверенность, что холода миновали: ведь народная примета неспроста гласит, что если рано утром не слышно жаворонка – это к дождю или плохой погоде, ну, а уж если поёт – жди тепла.

Но вот однажды жаворонки ошиблись, видимо, увлечшись неудержимо идущей по земле весной. И тепло пришло, и земля от снега оттаяла, и оголились прошлогодние травы с кормовыми семенами, а что-то в природе не улеглось в привычный для весны лад. Ещё с полудня задул ледяной северный ветер, небо сделалось безжизненным, стеклянным, и будто выгнулось от натуги: птицам же просто некуда было деться.

Отгнав машину с дороги в ложбинку, подальше от ветра, мы за всю ночь так ни разу и не сомкнули глаз. Ураган неистово рвал брезентовый тент, было слышно, как в лесу, на самой опушке, с глухим треском ломаются и падают деревья, про жаворонков мы и вовсе забыли. Только под утро, когда буря утихла, я вышел к краю поля и увидел, что оно усеяно мёртвыми птицами. Впервые в жизни я убедился в истинности народного замечания: такой холод, что птица на лету мёрзнет!

Все птицы лежали, опрокинувшись навзничь, с задранными кверху лапками, упругий ветерок слегка ворошил их перышки, но от этого они казались ещё более безжизненными. Среди них попадались и зеленушки, и коньки, и ещё какие-то серовато-бурые птички, но жаворонков было больше всего. Ничто, казалось, не предвещало беды, и было бы птицам скорое летнее счастье, да одолело ненастье.

Как же так, думал я. Во имя чего были нужны природе эти жертвы в обличье маленьких трогательных птичек?! Кому они помешали и что нарушили, всем своим существованием, казалось бы, предполагая только жизнеутверждающую радость?! Отчего мудрая природа их не сохранила и не уберегла от злой напасти как раз в то самое время, когда жаворонки должны были прославлять её нетленную душу?!

К природе нельзя подойти без ничего, она любит цельную натуру, и оттого чувства её оцениваются только силой. Очарованный этой силой природы, я смотрел, остановившись, на бездыханных жёлто-серых птичек в траве, опрокинувшихся на спину, и почему-то мне было так, будто не налетала злая непогода, опять светит ласковое солнце и в голубом высоком небе переливисто разносится радостная песня жаворонков.

Сколько времени я так стоял – не могу сказать. Моя душа летала вместе с воображаемыми жаворонками, возносясь в необозримые небеса, а когда возвращалась, я шёл по полю, приседая, дотрагивался до каждого застывшего тельца, и птички как будто отзывались мне на прощание.

Народная мудрость загадывает: дважды родился, ни разу не крестился, один раз умирает, радости никогда не теряет, и это – птица, наш милый жаворонок, но только жалко, если погибает он вот так рано, когда даже не оставил после себя потомства, но поверил своему сердцу и прилетел в родные края, преодолев тысячи километров. Появившись ещё с середины апреля, жаворонки уже к началу мая полностью отдали себя жизни, и этим ранили моё сердце, а от раны в душе стал глубже свет, которым захотелось поделиться со всеми.

Сила жизни

Чтобы выразить свои любовные чувства, многие птицы собираются по весне в одно место и принимаются токовать. Турухтаны резко, отрывисто трещат, дупеля – будто лучину ломают, бекасы блеют барашком, глухари пощёлкивают, а тетерева бормочут. Редко, когда кто-нибудь из них остаётся один, провозглашая весну как будто в неизвестности: птицы в эту пору предпочитают оживлённые сообщества. Им нужно, чтобы кто-то их видел, восхищался, благоговел перед той красотой, что источает всё их существо, и отдавал им своё сердце.

Дупеля сосредотачиваются на рёлке, среди болота, бекасы – в воздухе, над какой-нибудь поймой реки, глухари – в чащобе, у старого заброшенного болота или покоса, тетерева – на прогалинке, только что вскрывшейся от

снега, вяхири - на укромных еловых опушках. Всем найдётся в лесу пристанище по весне, когда хочется любить и быть любимым. Но вот если ты остался один, то можешь выбрать место самое неожиданное, на первый взгляд, совсем, кажется, не подходящее: одинокому, как говорится, везде дом.

Так, сам по себе, без дружки и подруги, затоковал однажды тетерев-косач прямо у нас на виду, когда мы с приятелем расположились на вытаявшем угоре у старой заброшенной пасеки. От пасеки осталась одна дощатая стена, выходящая на юго-запад, вокруг покоились полуистлевшие замшелые ульи, и только кое-где проклюнулись из не одевшейся до конца земли цветочки мать-и-мачехи, да редкие подснежники робко потянули свои головки в пробуждающееся пространство. В лесу воцарилось то ожидание всплеска жизни, какое бывает только весной, в середине апреля, когда, по народному поверью, даже одна голова и смеётся, и плачет, и скачет.

А тетерев, действительно, оставался один, и трудно было разобрать: то ли он радуется, то ли горюет. Косач уселся прямо напротив нас, на противоположном склоне глубокого лога, и постепенно так распелся, что трудно было предположить, будто один в поле не воин. В народе говорят, что если один у каши загинет, то только не весной, и наш тетерев, наверное, всё про одно неутомимо токовал: как чудесна весна, как вкусна прошлогодняя клюква, что перезимовала под снегом, как жарок его собственный голосок и неотразима выпяченная грудь, отливающая тёмно-бархатистой синью! Видно было, что тетереву никуда не хочется улетать: один одного весной стоит.

Перед нами стоял покосившийся стол, облупившийся от снегопадов и дождей, хозяева старой пасеки в воображении почему-то никак ни представлялись, и это было хорошо: лес, старая пасека и никому не известная речушка Карабаиха будто замерли, затаившись в преддверии именно их весны, которую разбудили люди. Нам нравилось уходить в лес далеко-далеко, мы как-то угадывали эти глухие места, где нас будто ждали неведомые силы, а придя туда и обустроившись, просто наслаждались покоем и тишиной. Всегда в этих лесных уголках поджидало что-то интересное, что запоминалось на долгие годы, и этот одинокий косач, поначалу не вызвавший особого интереса, постепенно всё более приковывал наше внимание.

Косач не умолкал весь вечер, перелетал с дерева на дерево, и вновь принимался самозабвенно токовать. Тетерев будто догадывался, что мы за ним наблюдаем, никуда далеко не перемещался, и каждый раз норовил выдать ещё более переливчатое колено.

Усевшись на суку, как баба на току, он то дребезжал крыльями, то разводил ими, словно руками, и беззлобно кому-то грозился: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу». Мы же, молча, любовались его расфуфыренным видом, и постепенно, через эту заброшенную пасеку, безудержно зарождающуюся повсюду весну и забавного косача, совсем, кажется, не переживающего

своего одинокого положения, всё отчётливее для себя понимали: одиночеством мир силён!

Глухариная весна

Тем и хорошо каждое время года, что не бывает точно таким, как предыдущее. В особенности это касается весны, и её невозможно представить без глухарей.

Случилось так, что привелось нам с приятелем провести чуть ли ни весь апрель в лесу, и когда уже, казалось бы, снегу пришло время окончательно сойти, он и не намеревался это делать, сохраняя толщину в метр. Причём, с настом, что выдержал бы лошадь с санями, до того крепкие, после мартовских сильных оттепелей, установились утренники. Не надеясь, что наст к полудню всё-таки не подломится, мы всё утро ходили с охотничьими лыжами на плече, но он, тем не менее, оставался несокрушим и в дневные часы, в то время, как сверкало ослепительное солнце, лазоревый небосвод сиял выгнувшейся от морозца чистотой, и не верилось, что стоит апрель, а не март.

Зернистый наст весело искрился под бодрящими солнечными лучами, был упруг до такой степени, что не поддавался под ударом пятки, и невольно начинало представляться, будто он и вовсе никогда не растает, и продержится в своей крепости до мая. Не верилось, что ему в этом может что-либо помешать. Такой весны невозможно было припомнить!

Вот и глухарь тоже не оставлял никаких следов на снегу, хотя тока были в самом разгаре. Он, наверное, пытался чертить расправленными крыльями, да у него ничего не получалось: наст до того затвердел, что по нему впору было кататься, и именно это обстоятельство, как оказалось позднее, принесло и апрельскому дню, и всей весне непередаваемое обаяние.

И ещё вспомнилось, какие красивые лебяжьи облака плыли тогда по небу, нежно подгоняемые упругим ветерком... Таких облаков не бывает зимой, они появляются только по весне, и каждое из них напоминает красивую белоснежную птицу, под стать ослепительному насту, что вольготно раскинулся под игривым апрельским солнцем.

Там и тут, очень причудливые по форме, облака будто соревновались между собой своей завлекательной неповторимостью, вовлекая и нас в эту занимательную забаву. И мы загадывали друг другу понравившееся облако, прежде обозначая его каким-либо животным, птицей или растением, для чего требовалось указать местоположение облака на пылающем синевой небосклоне, что нам на удивление легко удавалось, и от этого апрельский день воспринимался ещё более восторженным, а жизнь простой и замечательной.

Мы шли в валенках с лыжами на плече по необозримой солнечной белизне, и думали о том, как целый год готовились к глухариным и тетеревиным токам. Нам было так, что наступило, наконец, это счастье, весна

уже показала своё задорное обличье, и морозные утренники только добавляли в неё обаяния.

И тетерева, и глухари уже давно, ещё с конца февраля, в оттепели, принялись радовать наше влюблённое в лес сердце, а сейчас, в апреле, ещё более восторженно прославляли весну, отчего спать по ночам не хотелось. Солнечные дни дурманили своей ослепительной ласковостью, будто усыпляя, и мы бродили по лесам, опьянённые раскинувшимся повсюду светоносным пространством, розовым туманом, роящимся над оживающей рекой, и голубыми елями у горизонта.

До чего же хороша весна в апреле, когда бормочут тетерева, непрекращающееся бульканье их доносится отовсюду, а оранжевая заря занимается робко, но с затаенной надеждой разыгаться вовсю к полудню, так что и рябчики хороводятся на еловых ветках, смешно распушая хвост, и журавли томно курлычут где-то неподалёку, и барсук поднялся с норы, оставив на снегу грязноватые следки, похожие на ребячьи пятки... Всё вокруг взыграло, забормотало, задвигалось, и обо всём тебе нужно разузнать, на то она и весна, что взбудоражила сердце, и ты незамедлительно отправляешься в дорогу, что непременно приведёт тебя к чудесным открытиям. В этом просто нет сомнений: по земле идёт весна, и вместе с ней счастливо идёшь по жизни и ты, воспринимая её как неописуемое благо, с надеждой и верой, что всё у тебя в ней получится.

И так, мы думали о глухарях, и, конечно, не в силах были выразить всей радости, когда, попав на наш любимый ток, ещё с вечера, на подслухе, высмотрели присадку двух петухов, и оставили их до рассвета, отойдя метров за триста, к костру. Бывает, довольно одного этого костра, чтобы с радостью выпить до капли ожидание скорого токовища, и ты, усталый, забываешься на короткое время, а проснувшись посреди ночи от холода, не ощущаешь в душе ничего, кроме слитности с таинственно замершим лесом. Хорошо, когда в такие моменты рядом с тобой, у костра, оказывается какой-нибудь добрый человек, и с ним можно обо всём поговорить или помолчать.

Нередко на глухарином току человек находится в той стадии переутомления, когда, действительно, не в состоянии даже спать. Именно эти ночные часы и хороши для неторопливой дружеской беседы. Но иногда просто нет желания о чём-либо говорить, и ты сидишь на ворохе елового лапника, подбрасываешь в костёр перегоревшие ветки и слушаешь предутреннюю весеннюю тишину, когда только один мохноногий сыч настырно насвистывает себе под нос одному ему понятную мелодию. Сердце так сладко замирает от этой затаенности весенней ночи.

Именно такими ночами, у костра, в ожидании глухариного тока, понимаешь: невозможно изменить тому, что с детства не даёт покоя, и чему искренне поклонялся долгие годы. Эта склонность к лесному бродяжничеству, когда непременно хочется проникнуть в лесные тайны либо есть, либо нет. Тот, у кого она есть, предать её уже никогда не сможет.

Такому человеку хорошо быть на току и одному, но лучше всё-таки вдвоём. Возвратившись в двенадцатом часу с подслуха, можно спокойно обустроиться на ночлег, расположившись где-нибудь неподалёку от задремавших глухарей. Сладок этот миг, когда уж знаешь наверняка, что птицы здесь, в каких-нибудь двухстах шагах, и остаётся только немного потерпеть за приятной беседой у потрескивающего огня.

Товарищ твой лапника на постель наломает, а ты водицы принесёшь. Если нет поблизости реки - снегу весеннего натопишь: он в эту пору пахучий, со свежим, нежно ударяющим в нос ароматом. Беседа льётся неторопливым ночным ручейком, в котелке ненавязчиво побулькивает каша, и ночь вглядывается в тебя глазами неведомых зверей: то вскрикнет филином, а то провоет волчицей. До самого подъёма на ток не остывает чай в кружках, и всё время рисуешь себе предстоящий подход к глухарям под песню. Ночной костёр в весеннем лесу вселяет в сердце охотника неизгладимые и ни с чем несравнимые ощущения.

Костёр будет жарко потрескивать в весенней тишине, где-то прогугукает заяц и заблестит звезда. В сердце кольнёт пробудившееся чувство восхитительной сопричастности всему тому, что окружает, и тут же угаснет. Но только до раннего утра, когда в роящемся воздухе стремительно прошелестят крыльями озабоченные весной утки и мягко протянет первый вальдшнеп.

Часа в три коснёшься рукой своего приятеля, уютно задремавшего на еловом лапнике, и увидишь, что суконные штаны у него на боку совсем прогорели. Весело вдруг станет обоим: весна до того хороша, что и не жалко их! Столько замечательного можно увидеть в весеннем лесу, а штаны и починить не долго... Лишь бы, не переставая, пели глухари, которых мы всю жизнь ищем, но не всегда находим!

Иногда сидишь на таком ночном привале, после подслуха, смотришь в огонь, и приходят не совсем весёлые мысли о том, что когда-нибудь, если ты, конечно, доживёшь вдруг до старости, захочется тебе с товарищем, тоже уцелевшим в жизненных передрягах, вспомнить молодость, и опять отправиться на глухариный ток. Благо, глухари ещё будут живы, все открытые нами тока не вырубят, и мы сможем забраться в какой-нибудь, оставшийся в живых лесной уголок...

Нелегко нам, наверное, будет переживать свою последнюю весну, с грустью вспоминая самую первую. Ещё с непознанной впереди бесконечной дорогой, переполняющим грудь томлением от её нескончаемых тягот, что воспринимаются с радостью, не найденными глухариными токами... Нет, лучше пока не заглядывать в будущее, и не думать о прошлом, а жить настоящим. Тем, что объединяет нас сейчас, именно этой весной, у незатухающего лесного костра.

Счастье ещё раз увидеть всё то, что тебе дорого! Но всегда в лесу случается так, что он дарит нечто забавное, ранее - невиданное, и часто оно связано с глухарями. Не подвело нас и это глухариное утро.

Бывает, ночью, на току, и филин не ухнет, стоит такая напружиненная весенняя тишина, что даже засомневаешься: не зима ли вернулась? Всё вокруг замирает от подступающего холода, как будто прячется в себе, не веря, что наступит рассвет. Ночь в лесу обескураживает своей морозной нескончаемостью, словно окутывая непроницаемой промозглой шалью.

Оказавшись в такую пору под сияющими звёздами, забываешься на какое-то время, и не веришь, что это происходит с тобой, что ты находишься здесь, совершенно один, или с товарищем, а весь мир людей где-то спит, далеко-далеко, так что в какой-то миг начинаешь переживать свою неустроенность. Всё думаешь, мучаешься и никак не можешь достигнуть чего-то в душе, что бы помогло успокоиться и прийти в себя.

Но продолжается это недолго, до тех пор, пока глухарь не даёт о себе знать. К слову заметить, скученность глухарей на току бывает различной в зависимости от возраста, количества птиц и их желания принять участие в токовании. Именно на этом току нам с товарищем и привелось увидеть, как молодые глухари и копалухи, всего их было с полдюжины, расположились вокруг небольшой поляны, куда в пик своего возбуждения вышел взрослый петух, основной токовик. Глухарь запел в четыре часа ночи, в трёхстах шагах от этой поляны, и неторопливо двигался к ней до самого рассвета, то перелетая с дерева на дерево, то опускаясь на землю, осторожно ступая по насту, но глухари никак не реагировали на его близкое присутствие.

Сначала мы даже не подозревали об их существовании, так тихо вели себя птицы, терпеливо ожидая появления токовика, и их тесное соседство, похоже, не доставляло им особого беспокойства. Когда старый мошник, горделиво вышагивая по розовому насту, вдруг обнаружил напротив себя другого взрослого петуха, неожиданно появившегося рядом, мы даже не заметили – откуда этот глухарь взялся, он царственно замер, чуть приподняв бородатую голову, и тихонечко попробовал горлом подмороженный воздух – «тэк-к-к». Как только глухари застыли друг против друга, над поляной воцарилось какое-то неопишное напряжение, а затем все молодые глухари, вместе с копалухами, сорвались разом в чащу, поднимаясь один за другим, и мы были удивлены обилием их сосредоточения на довольно незначительном пространстве.

Но насторожившиеся напротив друг друга петухи как будто ничего не замечали, степенно замерев посередине полянки, и тот, что был моложе, нетерпеливо зобнул пару раз горлом и настороженно завертел головой. Старик же не шевелился, он был словно изваян из своих долгих лесных лет, и его мощно вылепленный временем силуэт горделиво чернел на розовеющем насте. Казалось бы, неожиданно взорвавшиеся в чаще молодые птицы должны были увлечь за собой этих взрослых мошников, но те невозмутимо оставались на месте.

Представьте себе ночной морозный лес, над заснеженной полянкой высыпали в небе яркие звёзды, всплыла красавица-луна, а прямо перед вами вот-вот готовы столкнуться грудь в грудь два великолепных мошника. И тут

вдруг происходит нечто необычное, что не сразу укладывается в нашем восприятии...

Молодой петух, видимо, обуреваемый нескрываемым желанием противостоять более опытному сопернику, весь подобрался, растопырил крылья, и в таком приподнятом настроении ринулся ему навстречу. Но на скользком апрельском насте не удержался и ... покатился, как на коньках, мимо грозно замершего токовика, прямо в лог.

Старый глухарь на мгновение опешил, повернувшись в сторону исчезнувшего петуха, от возбуждения затряс шеей, громогласно цокнул своей металлической гортанью, и уже двинулся было по сверкающему склону к тому, кто потревожил его покой, как тоже поскользнулся раз, другой, и, замахав крыльями, поехал, даже не помышляя взлететь! Можете себе подобное вообразить?

Подстывшая глянцевая корочка наста сказочно отливала розовато-перламутровым блеском, по ней вглубь лога катились, неловко подпрыгивая, два мощных токовика, а у края полянки так загадочно чернел волшебный лес, что всё увиденное воспринималось как в театре, когда занавес вдруг не во время раскрывается, и вашему взору предстаёт нечто невообразимое и оттого невероятно покоряющее восприятие... От неожиданно охватившего счастья хочется захлопать в ладоши и, не переставая, удивляться: как порой пленителен лес, когда ты не стремишься его завоевать, и только забываешься в нём от неопишуемого восторга!

До чего же хорошо, когда год на год не приходится, и весна случается совершенно необыкновенной, какой, вообще, ещё не бывало. Жить от этого становится так радостно и волнительно, что, кажется, и все последующие времена года ты проживёшь тоже незабываемо, с чем-то непередаваемо прекрасным и неизведанным, о чём раньше даже и не подозревал, а вот этим летом или осенью оно непременно откроется. Что-то ещё будет?!

Вороний суд

Однажды, уже на исходе зимы, мне посчастливилось увидеть, кажется, совершенно неправдоподобную картину – вороний суд. В народе издавна ведётся поговорка, суть которой я долго не мог взять в толк: «Ворон ворону глаз не выклюет, а хоть и выклюет, да не вытащит, но уж коли выклюет и вытащит, так оба!» Как нужно рассердить птиц, и что такого, по птичьим понятиям, должно произойти, чтобы они, достаточно сплочённые в своём врановом семействе, решились на подобное? По-видимому, нужно очень провиниться, не следуя исконным вороньим законам, чтобы тебя осудили и, мало того, жестоко расправились!

Я и раньше слышал, что у птиц вороньей породы, как и у некоторых других, есть своего рода общественный суд, хотя сам с этим явлением никогда не сталкивался, да и, честно признаться, мало в него верил. А как-то раз, почти уже выходя из леса неподалёку от деревни, вдруг слышал

оглушительное воронье карканье, и стал подкрадываться. По тому, как птицы надсадно и возбуждённо кричали, стало понятно, что среди ворон происходит нечто необычное.

И действительно, вокруг большой поляны, на берёзах, располагалась стая воронья, а внизу по снегу бродили, в раскачку, ещё несколько птиц. Правда, одна из них находилась почти без движения, чуть поодаль от других, и только крутила головой, тогда как остальные оглушительно каркали и даже шипели, вытянув головы в сторону притаившейся вороны. Не покидало ощущение, что эта одинокая птица чувствует себя ... виноватой.

Где-то я читал, что перед тем, как «вынести приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, а если подвергнутая суду ворона ведёт себя как-то неправильно или за ней числится большая вина, то все вороны, в конце концов, слетают с дерева и набрасываются на неё, заклёвывая порой до смерти. Но случается это, якобы, крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут столь грозному наказанию кого-нибудь из собратьев.

И, тем не менее, всё происходило именно так, как я когда-то слышал от одного старого и очень опытного охотника. Это было удивительно! Я бы раньше никогда не поверил, что такое, вообще, возможно, если бы не пришлось столкнуться с вороньим судом самому. Причём, прямо рядом с человеческим жилищем!

Птицы дружно облепили нижние сучья деревьев с одной стороны поляны, и чуть ли не сваливались с них от охватившего их возбуждения. «Подсудимая» же ворона, по-видимому, это была именно она, одиноко замерла в недобром предчувствии: что-то сейчас будет? Я притаился за маленькими ёлочками, внимательно наблюдая за происходящим.

Вороны надсадно кричали, перелетали с дерева на дерево, как будто распаля себя, и вот-вот готовы были броситься всей стаей на несчастного изгоя. Одинокая ворона сиротливо вжимала голову в плечи, и только беспомощно разевала клюв. Ей было страшно, она уже, видимо, смирилась со своим незавидным положением, но всё последующее произошло так стремительно, что я даже не успел среагировать.

Ближние к вороне птицы, проваливаясь в талый снег, неожиданно ринулись к ней и вмиг накрыли своими телами. За ними тотчас спустились с деревьев остальные, так что вокруг «приговорённой» вороны образовалась целая куча. Крик стоял невероятный, вороны, казалось, совершенно обезумели, и это уже был не суд, а натуральная бойня. Но, как говорится, всякий судит по своему, по своим понятиям, и это была воронья правда. Я и не думал вмешиваться, поскольку хотел посмотреть – чем всё кончится?

Птицы судили своего собрата, видимо, за дело, хорошо представляя, в чём он провинился. Но поскольку рассуждать не умели, то, громогласно осудив проштрафившегося соплеменника, тотчас надавали ему изрядных тумачков. Мне всё-таки стало жаль бедную ворону, которая в своих вороньих устремлениях вряд ли чем-либо отличалась от своих братьев, и я вышел из-за кустов на поляну.

Воронья стая всполошилась. Птицы ещё оглушительнее загалдели и начали взлетать. Но две-три, всё же, остались на снегу. Распалившись не на шутку, они не могли вот так сразу оставить свою жертву, несмотря на то, что та уже еле-еле двигала ногами, перевернувшись на спину. Крылья её распластались по снегу и только изредка вздрагивали, тем более, что другая ворона уцепилась клювом за одно из них и неистово тянула на себя, тогда как ещё одна то и дело клевала поверженную беднягу, выдирая клочья перьев. Не в силах сопротивляться, несчастная ворона полностью отдалась на волю судьбы. Взъерошенная, похожая скорее на измочаленную швабру, выглядела она плачевно.

Пока я шёл к растерзанной вороне, то и дело, проваливаясь в сырой снег, её обидчицы, наконец, отступили, причём, с неохотой, но совсем не улетели, а уселись неподалёку на берёзах, видимо, ожидая ещё продолжить свою расправу. Жаль не для того, чтобы расправить для полёта крылья...

Стоял ослепительно солнечный февральский день, с ярко-синим чистым небом, и только что произошедшее на моих глазах никак не укладывалось в голове. Но это была дикая природа, со своими суровыми законами, по которым одними поклонами не отделаешься. Лесной суд приговорил несчастную ворону платить, и ей никак нельзя было отсудиться, кроме как лечь костями перед безжалостным вороньим племенем за свои неведомые провинности. Нужно ли было мне вмешиваться в это воронье судилище, в котором всё вершится не человеческим умом?!

Когда я подошёл к побитой птице вплотную, ворона ворохнулась, привстала и неловко скакнула боком в измятый и окроплённый её кровью снег. Она сидела, нахохлившись, недобро воззрившись на меня карим глазом.

Пуганая ворона, говорят, куста боится, но эта, несмотря на только что перенесённую взбучку и весьма потрёпанный вид, вовсе не выглядела жалкой. В ней угадывалась, как ни странно, какая-то напористость, негибкая непримиримость со своим незавидным положением, и я, рассмотрев ещё немножко бедную ворону, отступил.

Удалившись от вороньего побоища, я ещё раз оглянулся. Пострадавшая птица, еле приволакивая искалеченное крыло, ровно заслуженно побитый человек, всё-таки добралась до раскидистой ели у края поляны, и забралась под нижние ветви.

«Всякому своя судьба», - подумал я. Меня, вот, она привела на это место, и я оказался свидетелем произошедшего, о чём нисколько не жалею, потому как немало сил затратил в лесу на то, чтобы встретиться с подобным. А ворона, если ей это суждено, может быть, оправится, выживет, и ещё не раз

провозгласит своё громогласное «карр-р». Нужно радоваться, что выпадает однажды увидеть в природе такое, ибо премудрые судьбы здравствуют Божьей волей и собственными молитвами!

Зимняя картинка

В народе говорят, что зима тетереву за обычай, и длится всего лишь ночь. Морозный же декабрьский день для птиц – в одну кормёжку, когда они вылетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, будто стерегут торжественный зимний покой.

Хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы. Не всегда увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоня шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, весело искрится на фоне нежно-голубого неба.

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теревить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка замирают, бросив клевать, и прислушиваются. Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. Смешно вытянув шеи, тетерева поворачивают головы к розовеющему востоку, настороженно вглядываются в морозную даль. Но нет, всё тихо, и убедившись в нетронутой тишине, птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток, и ничего не мешало их сладкой дреме под снегом.

Насытившись, тетерева не улетают, а тяжело срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим с края поляны лункам. Из них птицы неожиданно вырвутся однажды поутру, и снова ненадолго рассядутся по берёзам теревить серёжки, слушая зимнюю тишину.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами на заснеженных берёзах - самая красочная картинка зимы: она отражает её короткое пробуждение, предвкушая нескончаемо сладостный сон. А природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись красавцами-тетеревами.

Утёнок

Так уж сложилось, что у одной лесной мочажины, мимо которой я часто проходил во время охоты, меня всегда поджидало какое-нибудь интересное

событие. То застану лося, забрédшего по грудь в воду, то обнаружу свежие отпечатки косолапного медведя, прохаживающегося через дамбу, отделяющую озерко от глубокого лога. Бывало, залетали сюда и глухари с глухарками, неспешно бродили вдоль заросшей дорожки, выискивая недостающие им камешки, и пугали меня своим внезапным взлётom.

Неподалёку от мочажины, на укромной полянке, нередко подкарауливал я по весне краснобровых тетеревов, устраивающих здесь свои горячие токовища, по берегам озерка, на черёмухе, каждую осень кормились упитанные рябчики, а уж утка держалась постоянно. Попадались и селезень с серой утицей, и грязновато-пепельные гоголи, дружно взрывающие застоявшуюся тишину, и хлопотливые крякуши со своими беспокойными выводками, чирки же – постоянно!

Однажды, прямо передо мной, с мочажины взмыла в воздух небольшая стайка чирков-трескунков. Совершив плавный круг над лесом, чирки готовы были вновь плюхнуться в воду, но, напуганные выстрелом, ринулись в разные стороны, тогда как одну уточку, всё же, зацепило и, очутившись у камышей, она сразу куда-то исчезла. Подбитая птица никогда не тонет, всегда плавает на поверхности, и было ясно, что чирок просто умело схоронился.

Куда же он подевался? Может быть, ловкий чирок успел юркнуть в кусты прямо за болотиной, но травы стоят – не шелохнутся, а утёнка нигде нет. Ясное дело – не прост, оголец, да и то верно, что всякая птица в лесу на свой покров: мала птаха, а сходу не взять, есть у неё свой ум!

От этих мыслей всё во мне проникается уважением к чирочку, которого охотники прозывают «трескунком» или «свистунком» в зависимости от того, как тот себя ведёт, но только сейчас ловкая птица так затаилась, что я никак не могу её ни разглядеть, ни услышать. Чего, кажется, проще, а не даётся чирок: слов нет, с норовом, бродяга!

В лесу мне всегда было и потаённо, и весело: знай, разбирай повадки зверя и птицы, что бывают необыкновенно чудны, удивляя своей необычностью. Взять, хотя бы, этого самого чирка: мала уточка, а соображения в ней - на целую стаю оголтелых галок! Зачем, казалось бы, утёнку таким мудрёным быть, но пришла беда, и вот он во всей красе – себя своим природным умом спасает, охотника за нос водит: попробуй, возьми его!

Тихонько подойдя к тому месту, где пропал подбитый чирок, я стал внимательно вглядываться в прибрежную растительность, но ничего не заметил. Чирок словно сквозь землю провалился, хотя было понятно, что оставаться долгое время незамеченным, тем более, подраненным, он не может. А между тем, гладь озерка ничем не нарушалась, вокруг стояла полная тишина, и я уже начал было подумывать, что чирок погиб или задохнулся, застряв в камышах. Ведь не мог же он так долго находиться под водой?!

Я бы, наверное, так никогда и не раскрыл этот секрет, не показись из-за облаков солнце. Лишь на мгновение озарило оно поверхность озера с отражающимися в нём соснами и берёзками, и я вдруг сразу всё увидел: чирок прятался под круглым листочком кувшинки, причём, вытянулся под ним вертикально, как бы привстав на цыпочки, а кончиком клюва чуть приподнял его над собой. Так и дышал, оставаясь незаметным, и, конечно, пересидел бы меня, если б не случай. Недаром в народе говорят: утка только с носка плоска, да умом баска, и черенок листика – тот же утёнок!

Осенняя песня

Всё самое удивительное случается в лесу только раз, как будто оно именно для тебя и было уготовлено, чтобы ты лишь однажды, благодаря своему везению и трудолюбию, увидел его, насладился и запомнил на всю жизнь, впредь неукоснительно следуя мудрым лесным законам. Так открылась мне страничка из глухариной жизни, по осени, когда птицы с вечера, за два-три часа до заката, прилетают на высокие осины, объедают лакомый для себя, подвяленный ночным холодком, лист, и в удовлетворении засыпают на деревьях. Бывает, даже попоют немножко, что охотники меж собой называют «осенним током», но случается такой ток редко, и мне довелось подслушать его мельком, давно-давно, когда я ещё только начинал разыскивать глухариные токовища.

Сразу замечу, что для подобного везения должно много всего сложиться: и погожий осенний вечер, и сосредоточие глухарей в одном месте, и удобная полянка с высокими осинами, поднявшимися выше ёлок и берёз по самой её опушке, и ещё какое-то очень удачное стечение обстоятельств, будто предопределённое лесным богом. И всё лишь для того, чтобы ты увидел это таинство и пережил его вместе с птицами, после чего непременно покажется, ровно и сам полакомился подмороженным сладким листом и от удовольствия потом «токовал», забывшись в коротком сне под могучими осинами. Будто ты тоже глухарь, отчего вдруг приходит на ум, что когда-то, миллионы лет назад, может быть, это так и было, и именно с тех пор несёшь ты в себе любовь к этим древним птицам, и ничего не в силах с собой поделаться.

В пору летнего благоденствия и всеобщего раздолья в природе скрытая сила как никогда мучительно одолевает глухаря: что-то в его организме происходит значительное, превосмогающее прежнее, уже отвоёванное по весне пространство собственной жизни, и он, переживая линьку, забывается на всё оставшееся лето, держась глухих ложек с обилием смородины и малины. Опомниться глухарю суждено только под осень, наверное, с удовольствием узнавая теплоту её красочного довольства.

Незаметно подбираясь из глубины лета и опрятно прихорашиваясь, осень тихо устанавливается в своё время, с такой же незатейливой украдкой превращаясь в чудесное глухариное царство. Что за дело в нём

неприступным соснам, мокрым кустам и озимым травам до далёкого мира людей?! Что за дело самим глухарям до любознательного человека, что непременно усматривает в уютом существовании этих царственных птиц дорогие для себя мечты и желания?!

Наверное, глухари - нечто большее, чем просто мечты. Они – невольные законодатели потаённых лесных настроений, чутко предугадывающие их. Глухари - это ничем незапятнанная история жизни дремучего леса, его неугасающая надежда.

Поначалу глухарь всегда представляется птицей таинственной, и это недалеко от истины. В немалой степени тому причиной его резко снизившаяся в последнее время численность. Но верно в отношении него и то, что глухарь, сохранивший седую древность своего полузабытого прошлого, не изменил дикой природе: он мудро и неторопливо хранит свою верность ей, подпуская к себе только более сильного.

Осенью, в ясный солнечный день, лес, кажется, полон глухарями! Идёшь по просеке – красная бровь птицы то спрячется, то покажется: петух перебегают впереди, словно чёрный чёрт, как-то таинственно скособочившись. Он – всюду, ему нестерпимо в такую чудесную пору сидеть на одном месте, под ёлкой, как зимой.

А по осинам - радость: лист на вкус стал - ох, как хорош! Не сравнить с сосновой иглой, так опостылевшей за долгую зиму. Подправив по весне здоровье подснежником и сон-травой, отъевшись в благодатные летние дни ароматной ягодой земляникой, начал летать глухарь «на осину».

Осень даже ещё не залегла в лесах, только приноравливается – как ей удобнее это сделать, а глухарь уже на осине: любит он на самом склоне лета полакомиться её душистым листом. Лист слегка пожелтел и завернулся в трубочку – поневоле полюбишь его в эту пору, когда ягоды пропали, нет уже ни малины, ни черники, а брусника с клюквой ещё не поспели. Берёзовый лист стал словно лыко, а хвою ещё не прихватил мороз – ни сладка она для глухаря, ни желанна. Один выход – перебираться на осину.

Сидит глухарь в самой её верхушке и так прижмётся к ветке, что будешь стоять внизу, смотреть вверх, а ни за что его не увидишь. Рано поутру глухарь обычно не прячется и сидит свободно, чуть шелестя листвой. Сидит, осторожно посматривает вокруг – не видать ли кого? А заметит внизу зайца или лося – озабоченно защёлкает, затёкает, вытянув шею. Ничто его в эту пору особо не беспокоит, и глухарь находится в добром расположении духа.

Но не всегда и не сразу посчастливится это увидеть, зато уж если повезёт, то вволю насладишься незабываемыми живыми картинками из потаённой жизни осторожных и таинственных птиц! Рассаживаясь задолго до захода солнца, глухари выбирают деревья высокие, стройные, с густой шапкой листвы. И обязательно - неподалёку от весенних токовищ.

Бывает, что прямо после вечерней кормёжки глухарь никуда не улетает и тут же засыпает, а поутру, перед тем, как поклевать прихваченного за ночь холодком листа, неспешно пробует горлом осенний воздух. Воздух, как и

весной, роится замершим ожиданием, и так же ненавязчиво, но отчётливо слышатся и незаметно истаивают в настороженной тишине срывающиеся капли его скрипучего пощёлкивания: «Уок-уок-уоок!»

Глухарь не скиркает и не точит: так, роняет в воздух что-то по-осеннему раздумчивое, и не пытается отыскать. У него есть всё, чтобы не чувствовать ущерба от своего существования в преддверии зимы, и он сполна переживает эту упоительную лесную волю.

Мне нравится бывать в гостях у глухарей ранней осенней порой, как и весной, открывать их повадки, слушая редкие горловые поскрипывания, но о превращении в этих птиц, при всей своей любви к ним, я почему-то не думаю. Скорее, что-то из них уже когда-то перевоплотилось в меня самого, и вот теперь живёт покойно в предвкушении новой жизни. Что она, интересно, принесёт?

Часто встречая глухаря по осени, одиноко сидящего на осине, приходит мысль об утвердившемся в нём с веками унылом равнодушии. Но на самом деле глухарь, наверное, просто не ощущает в себе излишнего напряжения, и всем своим диковинным поведением отодвигает усталость однообразного существования. Он - не различимый человеком труженик, верно охраняющий никому непередаваемое терпение, красоту и благо первозданного леса.

Стоит только послеполуденному солнцу ласково озарить осиновые верхушки, как глухари дружно слетаются на них, озабоченно рассаживаясь и издавая хрюкающие звуки. Большой частью - это золотисто-рыжие копалухи, мошники же располагаются тёмными грушами неподалёку, на ёлках, делая это более незаметно и даже скрытно.

Осторожно передвигаясь у самой кромки леса, можно подойти к ним очень близко, замерев, долго стоять, задрав голову, но так и не разглядеть их жаркое в лучах предвечернего солнца оперение. Глухари умеют удивительно ловко маскироваться на толстых ветвях, и только при какой-либо неловкости с твоей стороны обнаруживают себя, тотчас перелетая на соседние деревья. Уже пожелтевшая и порядком поредевшая листва, казалось бы, не может надёжно скрыть их от твоего пристального внимания, и, тем не менее, глухари часто остаются незамеченными.

Но довольно знать, что глухари здесь. Вместе с последними отголосками уходящего лета солнце поспешно ускользает за горизонт, и весь лес окутывают прохладные сумерки. Птицы мгновенно забываются в чутком сне, и я неслышно ухожу в избушку, чтобы под утро, как и весной, подойти к ним в глубокой тишине, и ждать такого же чудесного пробуждения.

Ночью не хочется думать, что осенние звёзды льют тебе свой прощальный свет. Там, в вышине, в своей отрешённой задумчивости, они по-прежнему покойны и чисты. Месяц же, сияя, может быть, не так ярко, как зимой и весной, радостно красуется начищенной желтизной.

Глухари спят, вокруг тишина, и, коченея от подбирающегося осеннего холода, я пробираюсь к ним в темноте, почти как весной, только лишь с той разницей, что лес молчит, многие птицы уже отлетели на юг, но я счастлив,

что все глухари с весны остались целы: судьба сберегла их для будущей лесной жизни.

В этой распростёршейся повсюду осенней потаённой тишине тихо и полусонно посещает вдруг мысль, что в природе нет борьбы за свет и постоянного желания любить. Просто у каждого времени года существует своё, дарованное Всевышними Силами, прекрасное мгновение и жизненное пространство. Может быть, это какой-то величественный природный дух или божественное сознание, что не позволяет осени первенствовать в чём-то существенном перед зимой, так же как спокойная и раздумчивая зима, на деле, никогда по-настоящему не противится наступающей в своё время разудалой весне. Всё в природе происходит по какому-то чудесному, заведённому именно Богом порядку каждому явлению быть в своё время и на своём месте, иного предположить невозможно, да и не хочется, если не устаёшь постигать жизнь, и она тебя радует.

К чему это я? А к тому, что только по весне все птицы превозносят эту чудесную пору и заботятся о продлении рода, осенью же – готовятся к долгой зиме, но вот глухари, по неизвестной никому причине, иногда изменяют своей природе: они токуют в непривычное для себя время. Об этом мало кто знает, наверное, только потому, что увидеть и услышать осенний ток суждено настоящему искателю, неутомимому исследователю лесной жизни, когда необходимо затратить ещё больше усилий, чем весной, да и далеко не каждый лесовик решится на это. Стоит ли овчинка выделки, если песню глухаря и его самого можно в полной красе подслушать и подсмотреть весной, в подходящую для этого пору?

Сложность заключена ещё и в том, что осенью глухарь может проявить желание попеть, пусть и не так страстно, вовсе и не на месте расположения весеннего токовища, а там, где ему выпало счастье находиться. Скажем, во время удачной вечерней кормёжки, или поутру, после радостного пробуждения, когда этому способствует доброе осеннее утро, с лёгким морозцем и румяным солнышком, и такое место нужно ещё, к тому же, угадать, то есть, твоему поиску должно сопутствовать обыкновенное везение. Но удача сама не приходит, её работа за руку приводит.

Мне повезло, и вот, я здесь. В душе вдруг воцаряется удивительное ощущение неразделённости с этим обыкновенным лесным покосом, так уютно раскинувшимся прямо по над логом, на южной его стороне, с величественными осинами, оказавшимися даже выше берёз и ёлок. Эти осины, как неведомые стражи, замершие по краю поляны, кажется, были преисполнены присущим только им достоинством, покойно содержа в себе какую-то необыкновенную, но непритязательную силу. Недаром, наверное, глухари выбрали именно эти деревья, и мне тоже захотелось находиться рядом с ними.

Удобнее устроившись в небольшом стожке сена, прямо напротив осин, я имею возможность наблюдать всё, что будет происходить передо мной. Пронизывающий ночной холод предательски закрадывается под телогрейку,

но над головой, в восхищённо посверкивающем зелёными звёздами небе, также восторженно льёт на уснувшую землю свой таинственный свет ясный месяц. Взобравшись выше звёзд, он освещает всю полянку, и становится так, будто ты присутствуешь на каком-то завораживающем воображение театральном представлении, и оно неповторимо.

Всё, что сейчас окружает меня - прекрасно, и я почему-то начинаю думать о тех людях, что спят в эту ночную пору в своих уютных городских постелях, и ничего этого не видят. Недаром в народе пословица ведётся: час терпеть, а век счастливо жить. Мне же приходится терпеть гораздо больше, и оттого счастье моё безмерно!

Да, терпеть не беда, было б чего ждать, и в душе я радуюсь, представляя, как глухари, пробудившись, начнут осторожно пробовать своей отточенной природой гортанью подстывший, чуть вяжущий воздух: тэк-тэк, уоок, тэк-тэк, уоок - уоо-ок. А потом, насытившись пряной лесной сладостью и прочистив горло стылым утренним воздухом, мягко спланируют с высоких осин, с которых ещё не опал до конца лист, унося на своих мощных крыльях, за дальние синие леса, так и не разгаданную мной древнюю тайну.

Копалухи же, почти невидимые в кронах мощных деревьев, будут отчего-то озабоченно кокотать, недоумённо провожая их, и от всего этого сердце затрепещет в груди и перевернётся. Но когда ещё один мошник сорвётся за спиной, то оно и вовсе оборвётся, уносясь вместе с ним в манящие за рекой дали, целиком погрузив в эту сокровенно захватившую тебя осеннюю тревогу...

И так оно всё и случилось, а ещё позже опечаленные звуки осени затихнут где-то под бездонным небом, и уставший в себе за лето лес успокоится. В такую пору и глухари как будто замирают: с ними происходит что-то еле приметное, не поддающееся объяснению. Точно, как и у человека, когда, однажды, всё вдруг, кажется, кончается, но ты чувствуешь: в непроглядной темноте томится неизбывный живой дух, и он выведет тебя к свету.

Сойка

Когда-то я считал сойку самой скучной и неинтересной из всех птиц. В отличие от сороки или вороны сойка в лесу попадает редко, да и живёт бог весть где. Несмотря на то, что она старается крутиться возле людей, сойка всё-таки нелюдима. Мне даже в голову не приходило подумать: в чём от неё радость?

Про сойку существует поверье, рисующее её очень глупой птицей, что, впрочем, недалеко от истины. Сойка три раза в год начинает улетать на юг, и всё неудачно: первый раз она летит, когда зацветает греча, второй – когда созревают хлеба, и третий - когда упадёт снег. В первые два раза она принимает белеющий цвет полей за выпавший снег и спешит на юг, но с

половины пути возвращается назад, чтобы узнать, много ли она пролетела. В третий раз сойка не долетает до юга из-за недостатка корма.

Словом, по народному мнению, сойка - птица недалёкая. К тому же, вредная: её отличают вороватые наклонности. Часто можно увидеть, как сойка несёт в клюве какой-нибудь предмет, который она, конечно, где-то своровала: всё, что плохо лежит, оказывается её добычей. Правда, в этом она схожа с сорочьим и вороньим семейством.

Как и ворона с сорокой, сойка очень беспокойная и крикливая. Она никогда не сидит на одном месте, а завидев в лесу идущего человека или зверя, постоянно перелетает впереди него, время от времени издавая неприятный отрывистый крик. Кабы на сойку, да не свой язычок, то бы и не погибала!

И, действительно, эта вздорная черта характера птицы нередко её губит: сойка постоянно, более, чем другие пернатые, попадает в расставленные охотниками капканы. Ей не присуща, как, скажем, сороке, умопомрачительная осторожность. Сойка совершенно неприхотлива в своих нехитрых устремлениях, хоть и пуглива, что, впрочем, не мешает ей быть любопытной. Издали завидев охотника, который настораживает ловушку, она, толком ничего не разобрав, в скором времени оказывается её пленницей, оглашая всю округу невообразимо скрипучим криком!

И что ещё интересно: ходишь весь осенний или зимний день, и не то, что сойки, а даже рябчика не встретишь, но вот попадается чей-то путик с настороженными капканами, и почти в каждом сидит ... сойка! Можно подумать, что капканы для сойки – какая-то необъяснимая радость, утеха, к которой птицы бездумно стремятся. Где же они всё это время прятались, и чем занимались? Их даже не было слышно!

Обычно сойки кричат и бранятся весь божий день, как будто их бьют, или кто-то гоняется за птицами. Но не всяк кричит, кого бьют: сойки кричат просто потому, что не могут иначе реагировать на окружающую их в лесу жизнь. Всякая сойка и за себя-то дело сделать не сможет, а кричит одна за всех! Но ведь без голоса, как говорится, не кричится: есть он, оказывается, и у сойки.

По необъяснимой причине иногда голос сойки отличается удивительной, не схожей с её наклонностями мелодичностью. Чаше всего сойка держится по лесным дорогам и опушкам, и часто мне действительно приводилось слышать такой мелодичный свист, тогда как саму птицу я ещё не видел. Кто-то выделял в лесу причудливые тонкие колена, а я и помыслить не мог, что это напоминают о себе сойки. Издаваемые кем-то мелодии своей переливчатостью напоминали весенние песни иволги, которой здесь просто не могло быть. Озадаченный, я останавливался и пристально вслушивался в непонятные лесные звуки, и когда на опушку вылетала стайка пунцовых соек, удивлению моему не было предела!

И всё-таки, даже сквозь музыкальность издаваемой сойками мелодии выдаётся их беспокойная и неопределённая сущность. Прислушиваясь к

такой песне, непременно хочется заметить: старайтесь, ребята, старайтесь, помрёте, так с настоящей музыкой! Но откуда сойке быть хорошим певцом – ладно хоть горазда птица на подобные напевы, которыми сама себя тешит. Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть!

Да только сойка и не думает умирать и, держась всегда несколько в укрытии, время от времени даёт о себе знать. Объединяясь в небольшие стайки, птицы, как и в песне, тоже иногда преображаются, проявляя удивительную независимость. Однажды я наблюдал, как с полдюжины соек собирали по краю жнивья оставшиеся зёрна, сидели на земле в достаточном удалении друг от друга, и именно поэтому, наверное, явились объектом нападения ястреба-тетеревятника.

Ястреб, почуяв, видимо, лёгкую поживу, нацелился на сойку, которая находилась дальше всех в поле, и, сложив крылья, бросился на неё. Но сойка, на удивление, нисколько не испугалась, а бесстрашно зашипела на хищника и, замахав крыльями, зацокала клювом. Ястреб потом долго кружил над сойками, пытаясь подлетать к ним с разных сторон, но так и не решился напасть хотя бы на одну из них, в конце концов, оставив свои безуспешные попытки. Сойки совершенно не боялись его и продолжали спокойно кормиться, как будто не замечая.

Ещё сойка знаменита тем, что, как и кедровка, склонна к частым путешествиям, когда ей не хватает корма. Кедровка в Сибири «расселяет» кедр, а вот сойка сажает дубы. Питаясь желудями, птицы часто уносят их далеко от дерева, теряют их по дороге или прячут «на чёрный день» в какое-нибудь укромное местечко, и жёлуди, попадая в благоприятную почву, прорастают. Сойка может спрятать только в одной своей «кладовой» до нескольких килограммов желудей и ягод, непроизвольно обогащая тем самым наши леса.

Но больше всего среди лесных птиц славится сойкино перо! Тому, кто видит в этой птице только пустое беспокойство и бестолковый крик, остаётся восхищаться её красотой. Дымчато-пунцовое нежное оперение и голубое зеркальце на крыле, как нельзя, кстати, идут птице, которая ничем особенным себя не зарекомендовала. Но зачем природе понадобилось выделять такую обычную птицу, как сойка? Причём, очень ярко даже для нашей средней полосы, лишённой броских красок!

На то сойке голубое зеркальце дано, чтобы она в него, наверное, гляделась. Ей бы перед ним погадать на свою непутёвую судьбу, да она его, скорее всего, не видит. А может, сойка оттого такая взбалмошная, что хочет рассказать - какая она красивая, но все замечают в ней только вздорный характер, отчего сойке становится обидно, и она ещё больше распаляется, пытаясь обратить на себя внимание.

Сведущему человеку хорошо известна её краса, и он никогда не упустит возможности полюбоваться оперением сойки. А сойка, знай, красуется: ей есть что показать. Она не сорока, что в одно перо родится, в ней перемешана

и бархатная ночь, и пунцовый рассвет, и лазоревое облачко, посеребрённое лёгким утренним инеем: одно загляденье!

Достались сойке по наследству «перья после Лукерьи», но она ими, кажется, и не гордится совсем. Принимает свою птичью одежду как должное, ей «перо плеча не ломает». Оно дано сойке для чего-то, и, значит, так тому и быть, хотя жить в лесу с таким пером – смелее любого, даже самого острого, язычка.

Но не пером живут, даже красивым, а умом, и он у сойки, несомненно, есть. Сойка, несмотря на свою красоту, хорошо знает, что всех в лесу не перещеголяешь, и даже если ты дюже хороша - не по красивым слава. То она и таится чаще всего, давая о себе знать лишь скрипучим и всегда чем-то недовольным голосом.

Правда, сойкин умок, что весенний ледок: ненадолго схоронившись в лесной чаще, птица опять вскоре показывается. По-видимому, от неводержанности чувств: не может сойка долго в тени оставаться. Понимает птица, что с умом жить легко, но зато на красоту глядеть больно хорошо, и сойка красуется, не в силах сдержать свою неугомонную натуру, за что часто и расплачивается. Умна сойка, да не разумна: знать, её участь такая!

Изобретательная сорока

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неугомонно преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, предупреждая всех о происходящем. По сорочьему стрёкоту можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось, хитрая лисица или перепуганный заяц.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, что увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и, чуть не захлёбываясь, оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках, роняемых неугомонной птицей, угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал и переживал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась ... глухарина песня: вернее, её поразительно точное подобие, с присущими только глухарю переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным точением.

Сорока, охваченная страстью преследования гончей собаки, произвольно, может быть, даже под воздействием этого самого волнения, передавала когда-то уже услышанные в лесу звуки, причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках. И в какой-

то миг показалось: это сам глухарь огласил округу своей неподражаемой трелью, холод куда-то незаметно отступил, и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился!

Сорокопут

Только дважды довелось мне увидеть в лесу синицу и мышь, нанизанных сорокопутом на сучки, и я сразу подумал: отчего он так безжалостен, этот сравнительно небольшой жулан, что своим загадочным поведением, будто на самом деле, плетёт сорок пут?! Ведь если есть хотя бы один глаз, который зорек, тогда не надо и сорок, а сорокопуту зачем-то надо.

Может быть, только за тем, чтобы постоянно устрашать потенциальную жертву, заранее угнетая её этой боязнью жестокой расправы? Но даже сорок пут хоть кого на чистую воду выведут, как бы ты мудрёно их не плёл: они, скорее, для того и предназначены, чтобы запутать и увести от истины, а сколько ни путай, говорят в народе, концы всё равно выйдут наружу.

Когда-то на Руси слово «сорок» означало много. Но как это относится к маленькой птице, вес которой не достигает и ста граммов? Скорее всего, из-за тех ухищрений, к которым она прибегает.

Сорокопут имеет способность подражать голосам многих птиц, чем, видно, вносит достаточно сумятицы в их отношения, и, взбудораженные, они становятся его лёгкой добычей. Затем, схватив птицу, ящерицу или мышь, он не сразу её съедает, а накалывает на какую-нибудь колючку. Так ему, имеющему небольшие размеры, во-первых, удобнее управиться с жертвой, к тому же, сорокопут очень хищен по натуре, хоть и ростом не вышел, и оттого повсюду свирепствует, наводя страх на мелких обитателей леса. Таким же образом маленький разбойник хранит и свои запасы, и если даже он сыт, то всё равно ловит, накалывает на ветки и, мало того, обрывает у своих жертв головы!

Однажды я наблюдал, как самка сорокопута кормила двух молодых птиц. Какие они были прожорливые и капризные, как горланили, требуя пищи! Уже достаточно взрослые, сорокопуты сидели на проводах, прижавшись друг к другу, и с первого взгляда на них было видно, что им ни до кого нет дела. А ведь была уже предосенняя пора, середина августа, давно покраснела рябина, и птицам надо было скоро улетать, но молодые сорокопуты до сих пор чувствовали себя птенцами. В этой небольшой детали очень точно проявляется характер сорокопута: ему ничего не стоит угнетать, обманывая даже родную птицу, только чтобы удовлетворить свой каприз.

Взрослый сорокопут обычно устраивается на каком-нибудь возвышении – дереве или кусте, часто – на телеграфных столбах, и цепко высматривает добычу. Сидит в выжидающей позе, всегда насупившись, будто со сна, голову поворачивает медленно. Но вся эта сонливость – опять же, только видимая, запутывающая.

На самом деле сорокопут зорко глядит по сторонам и, как только замечает мышь, мгновенно бросается вниз, не присаживаясь, хватает её и, пролетев низко над землёй, крутой дугой взлетает на вершину рядом стоящего дерева. Всё это происходит в считанные мгновения.

Да, у сорокопута не без умысла путается дело. Но зачем природе такая изощрённость? Птице достаточно просто убить, чтобы поддержать свои силы или накормить птенцов, а сорокопут именно изощряется, когда это совсем не нужно.

Напутает так, что никто не распутает, даже, кажется, самого себя вокруг пальца обведёт, оставив всех в полном неведении. Как говорится, сварила бы путаницу да спрягла бы глазунью!

Нет, видимо, птицу эту сам Господь попутал и дал другим в назидание, чтобы не дремали!

Влюблённая глухарка

Не перечсть всех случаев в лесу, многие из которых кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно ни рассказывал об этом «потерпевший». Но именно глухариные тока с их неведомой ночной жизнью могут подарить порой самые невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу.

Иногда в рассказах бывалых охотников, их сейчас уж почти не осталось, встречаются упоминания о случаях нападения глухарей на людей во время весенних токов. Взрослые глухари не случайно, а именно целенаправленно атакуют человека, пытаются задеть его крыльями, грудью или ударить клювом. Они налетают совершенно безбоязненно, как будто ясно представляя свои непонятные человеку намерения. Причём, действуют порой с такой решительностью, что охотник в полном недоумении спешит ретироваться.

Чаще всего это происходит в глухих местах, особенно, на севере или в нетронутых сибирских лесах, где человек с ружьём редкий гость, а то и вовсе не появляется. Глухарь, во время токования, когда он наиболее преисполнен любовной страстью, проявляет агрессию по отношению к охотнику. Вероятно, он усматривает в нём соперника, что покушается на его токовой участок. Для птицы, ни разу не встречавшей в своей жизни человека, тот, вероятно, воспринимается именно как противник, что вознамерился «потоптать» копалуху из его гарема. В нём, кстати, могут оказаться и две, и три, и пять самочек, что ещё с вечера подлетают на место будущего токовища, где произойдёт, наконец, священное таинство, связанное с продлением рода, и глухарки заранее готовятся к нему.

Так вот, петух, находящийся в предвкушении этого любовного священнодействия, когда он наиболее возбуждён, по-видимому, просто не терпит никакой конкуренции, и как хозяин своего токового участка гонит

того, кто вторгается на него. Глухарь при этом не проявляет никакой боязни, чего не происходит, если пытаешься подойти к нему в летнюю или осеннюю пору, когда он никого не подпускает к себе, и чаще всего – бежит.

К тому же, зрение у глухаря, как и у любой другой птицы, устроено таким образом, что он не воспринимает человека тем, кем тот на деле является, угадывая в нём появившееся в своих владениях существо, что непременно должно быть изгнано. Глухарь, вообще, ведёт себя во время тока на особинку, обращая внимание на то, чего в обычную пору просто бы не заметил, не проявил бы скрытые в себе качества, и оттого трудно даже предположить: чего от него можно ожидать?

Причём, глухарь может не просто бежать в сторону находящегося рядом человека, возбуждённо цокая и хрюкая, даже - токуя/!/, а именно нападать, подсакивая на уровень роста человека и ударяя его клювом и крыльями, а поскольку и то и другое у него достаточно мощное, то для человека такой наскок раздосадованной птицы может закончиться плачевно.

Но хуже того, когда токующий глухарь сидит на дереве, и, заметив нарушителя границ своего царства, бросается на него сверху. Учитывая, что взрослый глухарь достигает в весе 5-6 килограмм, можно себе представить – какой силы удар последует! С высокой сосны, с разгону, на вас вдруг обрушивается такое стремительное ядро, и что с вами будет?! Без серьёзной травмы вам не обойтись, если не сказать больше.

Вероятно, подобные случаи происходят ещё и от полового перевозбуждения самцов, когда они переживают неудовлетворённость при малом количестве свободных самок на току, а порой – и их отсутствие. Возбуждённый самец, переполненный страстью, отчаянно бросается на чужака, появившегося на его токовом участке, и часто этим чужаком оказывается именно человек. Глухарь, всеми доступными ему средствами, именно выдворяет человека с тока, даже не предполагая какую-либо угрозу с его стороны, и это указывает в нём на стойкий бойцовский характер, бесстрашие и волю. Как тут не восхититься этой красивой древней птицей, отважно отстаивающей своё право любить и быть любимым?!

Ко всему прочему, подобное поведение можно объяснить ещё и тем, что во многих районах нашей страны популяция глухарей снижается. Причиной тому - фактор постоянного беспокойства птиц, когда при хищнической вырубке лесов токовые участки глухарей не только не сокращаются, но и уничтожаются, а поскольку глухари в своём лесном отшельничестве достаточно консервативны, то это и вынуждает их вести себя в отдельных случаях агрессивно, оберегая свою, и без того сузившуюся территорию.

Но вот на севере, где леса пока не тронуты, и даже охотники встречаются там редко, мой отец, будучи геологом, и проводя большую часть своего рабочего времени в тайге, в труднодоступных её местах, наблюдал однажды нападение нескольких глухарей на своего товарища, причём, происходило это осенью. Отец шёл со спиннингом берегом маленькой таёжной речушки, охотясь за хариусом, а приятель его, с ружьём, двигался

чуть выше, и когда они вышли к небольшой полянке, товарищ отца решил проверить сосновый бор, поднявшись чуть поодаль от береговой полосы, по-видимому, надеясь встретить там глухаря. Отец в тот момент отвлёкся на очередную поклёвку хорошего хариуса, и уже выводя его, услышал, как позади вдруг поднялся невообразимый шум. Обернувшись, он к удивлению своему увидел, как приятель его, спотыкаясь, бежит к реке, а на него со скрипучим щёлканьем и хрюканьем налетают три глухаря, щиплют одежду клювами, прижимая его взмахами сильных крыльев к земле, совершенно не давая возможности распрямиться.

В конце концов, приятель падает, закрыв голову руками, ружьё его оказывается брошенным, и, подбежав к нему на помощь, отец начинает гибким удилищем отгонять разбушевавшихся птиц. На силу справившись с ними, отец поднял ружьё и выстрелил, но даже после этого глухари никак не могли успокоиться, на некотором отдалении вели себя по-прежнему возбуждённо, и тогда отец подстрелил одного из них, после чего два других мошника, наконец, удалились. По словам отца, лицо приятеля было белым, как мел, он не мог произнести ни слова, наверное, даже не от ударов глухариних крыльев, а от невозможности осознать произошедшее: до того всё это представлялось неожиданным, даже – неправдоподобным.

Что же это было? Объяснить подобное сложно, и утешением товарищам служила только знатная похлёбка из глухаря, что произвёл среди них такой переполох. Вроде бы, несносная кутерьма, катавасия и в придачу сумбур, словом, невероятная сумятица, что никак не уместается в головах бывалых лесовиков, а проходит время, и понимаешь: всякое тесное общение с лесом порой доходит до самого неповторимого, даже очень занятного случая, если относиться к нему с открытой душой!

Но вот что любопытно: дерзко могут вести себя и глухарки, нередко с лёта ударяясь охотнику в бок, спину или под коленки, как это произошло однажды со мной, в рассветных сумерках в начале мая. Две глухарки то и дело перелетали вокруг небольшой полянки, у края которой токовал один петух, беспрестанно квохтали, и, вообще, казались не на шутку чем-то встревоженными, даже - раздосадованными.

Обычно копалухи подлетают к месту токовища ещё с вечера, и ведут себя осторожно, лишь изредка и очень вкрадчиво подавая знать о своём присутствии: «кот-кот-кот, кот-кот». Но в поведении этих глухарок ощущалась нескрываемая озабоченность, её мог вызвать в свободных птицах, к тому же, в их лесной обители, только человек, а поскольку рассвет над землёй только занимался, и меня невозможно было увидеть и услышать, я решил, что озабоченность птиц объясняется их нетерпением в предвкушении любовного таинства. Вероятно, копалухи чувствовали друг в друге соперниц, претендующих на единоличное внимание мошника, и не в силах были сдерживать свою страсть.

Я стоял посередине поляны, не успев ещё подойти к глухарю ближе, как вдруг за спиной у меня просвистело и через мгновение забило в ногах что-

то очень трепетное, живое. Я обмер от липко обволакивающего страха, коленки у меня подкосились, и сосны на опушке поплыли перед глазами. Надо представить моё состояние в глухом лесу, в не пробудившейся ещё предрассветной тиши, когда на тебя неожиданно налетает кто-то, и ты боишься предположить: что последует за этим?

Обернувшись, я увидел копалуху. Быстро развернувшись, она с короткого расстояния вновь наскочила на меня, попытавшись клюнуть, тотчас уцепившись клювом за штаны. Злобно распушив хвост, она даже на какой-то миг повисла на них, но тотчас оборвалась и с шипением отлетела. Удивлению моему не было предела, и так, опешивший, я ещё долго не мог прийти в себя, в то время как глухарь по-прежнему, без остановки, токовал, и звуки его песни мягко разносились над пробуждающимся лесом.

Взбалмошная глухарка переполошила сначала меня, затем – себя, вместе со всем весенним светом, и такое нечаянное событие невероятно оживило это мглистое утро, так что невероятная суматоха, случившаяся в лесу, не пошла шиворот-навыворот, как это обычно случается в жизни, а обернулась улыбкой весны, что обычно горазда на занятную кутерьму. Но можно ли было принять подобное поведение копалухи, как выражение агрессии? Ведь во время тока она должна быть преисполнена чувством проникновенного трепета по отношению к переполненному страстью петуху, вплоть, до полного подчинения его власти, и о каком раздражении тут может идти речь?

Я не раз наблюдал, как подобострастно, будто совершенно позабыв себя, глухарка отдаётся на волю сильного мошника: она отрешённо прижимается перед ним к земле, просто вдавливаясь в неё, если кто имел счастье всё это таинство наблюдать. А каким могущественным предстаёт перед ней глухарь, со своим распушившимся хвостом и расправленными крыльями, намного превышая её по размерам?! Гордо вытянув шею и потрясая бородой, он, чинно приблизившись к ней, просто ... взбирается ей на спину и начинает топтаться, отчего копалуха, по всему её виду, изнывает от счастья.

И, вот, я вас спрашиваю: как может эта «дама», самозабвенно ловя каждое движение своего «кавалера», быть настолько очумевшей, чтобы бросаться на человека? И ко всему прочему, неоднократно, с каждым разом проявляя всё большую остервенелость?!

Понятное дело, она, конечно, не понимает, что я – человек, но тогда за кого копалуха меня воспринимает, бесстрашно атакуя? Ведь если предположить, что я – глухарь, только очень большой, она должна стелиться предо мной, ловить каждое моё движение, но она бесстрашно налетает, бьёт меня крылами, уцепившись клювом за штанину, принимается, что есть силы, терзать её, как потом оказалось – прокусив мои замечательные лесные штаны, оставив в районе колена дырку!

Всё это кого угодно может ввергнуть в глубокий шок, и ладно бы подобное происходило в результате действия какого-нибудь зверька, защищающего свою норку или потомство, а то ведь в тебя вцепляется кроткая и любвеобильная по отношению к деткам мамаша, накрывающая их

собой во время лесного пала и сгорающая вместе с ними! Не зная, чего предположить, я рискну высказать и такую крамольную догадку, что отчаявшись встретить этой весной своего единственного и неповторимого петуха, копалуха решилась-таки произвести впечатление на какого-то неведомого крупного самца, то есть, на меня, без лишних «объяснений» откровенно потребовав, чтобы я проявил к ней своё внимание. Что я мог ещё думать?!

Но тут, как это обычно бывает, меня неожиданно посетила совершенно простая мысль: ведь сейчас идёт по земле весна, щепка на щепку, можно сказать, лезет, и копалуха, конечно, ничем не была раздражена, а пребывала в любовном опьянении, на этих самых крыльях любви несясь к папаше своих будущих глухарят. Сорвавшись с леса, она просто пикировала на призывный зов взбудораженного весной мошника, изливающего над поляной звуки своей любовной песни, и в чуть зарождающемся, тихо роящемся над землёй мгlistом свете, не могла видеть меня, поскольку я уже битый час торчал посреди поляны, как вкопанный. И вот, мне под коленки ударяется нечто, отчего и в голове, и в животе, и, вообще, во всём теле что-то взрывается и уносится куда-то над лесом, как эта самая глухарина песня, разносясь повсюду, и я отрываюсь от земли, и лечу...

Что и говорить: влюблённая глухарка - мастерица по созданию неловких ситуаций! Но ведь необыкновенно счастливых, верно?!

На север

Часто задумываюсь я в последнее время о том, отчего наши птицы, улетаая, осенью, на тёплый юг, и благополучно проводя там всю зиму, весной всё же покидают полный корма край, и устремляются на холодный север? Птицы почему-то доверяют своему трепетному сердцу и возвращаются в родные места, преодолевая тысячи километров. Что их сюда влечёт?

Отчего они полностью отдают себя неведомому длительному пути, на волю бесприютной северной стороны, а добираясь до неё - радостно провозглашают совершающееся весеннее торжество, несмотря на неустроенность и разоренные гнёзда? Как объяснить это природное несоответствие, когда птицы покидают тепло, предпочитая ему холод, которого ещё нужно достигнуть?!

И ведь гибнут во множестве в этой своей целеустремлённой дороге, а всё равно летят, несмотря ни на что рвутся на север, потому что там их дом. И хоть разорены гнёзда, но птиц ждут там люди, без птиц они затосковали за зиму, и птицы, наверное, чувствуют доброе расположение к ним людей, и готовы преодолевать любые трудности, лишь бы порадовать человеческие сердца, ощутить ещё раз запах родной земли и вывести потомство.

Так велика любовь природы к птицам и человеку, ибо, по сути, она божественна. Оттого природа и не может миновать в своём внимании ни одно живое существо, каждому уделяя проникновенное отношение, и это не

могут не чувствовать ни люди, ни птицы, когда одни ждут прилёта своих пернатых друзей, а другие устремляются к ним навстречу.

Где кто родится, говорят в народе, там и пригодится, и если все мы тесно связаны с чувством родного дома, и нас сближает единство устремлений, то мы не можем существовать друг без друга. Не можем представить себя без желания любить всё то, что нам по-настоящему дорого: чувство привязанности к родимому крову, оно равносильно только любви ко всему живому, а где любовь, там и Бог.

Забавный случай

Недвижима весенняя ночь перед своим скорым пробуждением. Первый вальдшнеп, утробно хоркнув, вдруг нарушит насторожившуюся тишину, где-то недовольно прогундит воробьиный сыч, и опять воцарится покой. Слух твой обострён в ожидании скиркания скрытного глухаря. Всё, кажется: с минуты на минуту произойдёт нечто удивительное, способное затмить собой и ночь с её скрытыми страхами, и красивых древних птиц, к которым ты, несмотря ни на что отправился, и саму весну. Не зря в народе говорят: весной ждать – не устать, было б чего!

И вот, что-то нарушилось в этом напряжённом ожидании. В воздухе вдруг повеяло неясной переменой, и появилась лёгкая тревога. Только в последний миг почувствовал я какое-то шевеление слева, у виска, и тут же его пронзила тупая боль, а в глазах померкло.

По лицу ещё раз шваркнуло что-то живое, забилося у груди и пропало, внезапно плюхнувшись в светлеющую в колеях просторную лужу. Это были два чирка, один из которых с лёта угодил мне прямо в голову. Чирки, по-видимому, с высоты заметили поблескивающее пятно воды и наметились на него, неслышно планируя вниз над дорогой. На пути одного из них, в темноте, оказался я, и чирок сам, должно быть, порядком перепугался, натолкнувшись на невидимую преграду.

Свалившись в лужу, он долго не мог успокоиться, то и дело, оглашая лес своим трескучим кряканьем. А я, ещё не в силах оправиться от пережитого страха, стоял, не чувствуя ног, по щиколотку в снеговой воде, и улыбался сквозь непроизвольно выступившие слёзы от комичности произошедшего. Мне вдруг стало жаль маленькую уточку, что, наверное, перепугалась гораздо больше меня, и я рассмеялся, позабыв о глухарях.

Лесной шум

Трудно не запомнить день, что не похож ни на какой другой, тем более, на глухарином току, когда ещё с вечера, на подслухе, всё складывалось как нельзя лучше. Ты благополучно подсмотрел подлёт глухарей, запомнил место их присадки и, скоротав пару часов у костра, до рассвета осторожно подобрался к нему.

Рассвет тоже выдался на славу: величественный, малиново-пунцовый, без малейшего ветерка. Слышно было, как где-то медленно падает на землю сухая сосновая ветка, изредка цепляется, застревает, но всё равно валится вниз. Всё было готово к пробуждению птиц, и лес как-то по-особому замер, на короткий миг настороженно затаился.

Глухарь запел вовремя, впотьмах, когда даже на отдельно растущей ветке его не различить, а можно только услышать сухой стук от падающего помёта и как гремит перо у токующей птицы. Всматриваешься до боли в глазах в настороженную весеннюю темноту, кровь стучит в висках, и всё кажется: глухарь почувствовал тебя или заметил, и вот-вот сорвётся в лесную чащу. Звуки его песни отчётливы, и во тоже время как будто приглушены: от неё невозможно оторваться, и волнение твоё доходит до предела.

Глухарь изредка перелетал с верхушки на верхушку, и я неслышно перемещался за ним, так что к рассвету оказался на краю укромной, заросшей низенькими берёзками полянки, служившей когда-то покосом. В какой-то миг солнце выкатилось из-за леса, щедро брызнуло между стволов, и поляна окрасилась нежным кремовым цветом. Песня глухаря от этого, кажется, ещё более оживилась, глухарь повернулся грудью к востоку и восторженно рассыпал колена за коленом. Я стоял на краю опушки, почти под самой птицей, и был так увлечён глухариним токованием, что забыл про ружьё в руках.

И тут я отчётливо услышал за спиной чьи-то шаги... Кто-то осторожно шёл прямо в моём направлении, и шорох от этих шагов усиливался благодаря кровавым молоточкам, что учащённо барабанили в моих напряжённых руках. Шум шагов ширился, рос, и вскоре, боясь нарушить воцарившуюся таинственность, я уже воспринимал их почти за спиной, но повернуться не решался. Пересилив страх, хотелось дождаться мучающей разгадки, никак не выявив себя. Кем мог оказаться неведомый лесной гость в этот предутренний час?!

А шум всё усиливался, но почему-то воспринимался воздушно, оторвано от земли. Он обтекал окружающие кусты и деревья, наполняя собой настороженную тишину, и был единственным, помимо глухариного пощёлкивания и точения. Шум вобрал, кажется, и меня, и когда он превратился во внутреннее ощущение, и я уже решил было повернуться, что-то коснулось моей ноги... Стараясь не двигаться, я скосил глаза вниз, и обнаружил ... копалуху.

Не обращая на меня внимания, вернее, не замечая, рыженькая курочка, переваливаясь с боку на бок, ловко вышагивала по еле приметной тропинке, а я оказался прямо у неё на пути. Копалуха, наверное, приняла меня за дерево или пенёк, и не побоялась коснуться оперением, пробегая, почти, вплотную. Она была увлечена присутствием красавца мошника, уже давно заслышав его из своего ночного укрытия, и теперь, в возбуждении, пробиралась на его песню, желая поскорее оказаться рядом с ним. Ничто не могло остановить копалуху в её страстном стремлении к любви.

Я с облегчением перевёл дух, ещё не осознавая, что впервые вижу подобное: как копалуха подбегает к глухарю на его песню, он слетает к ней на землю, какое-то время они милуются, играют, а затем уединяются в лесной чаще для совершения великого природного таинства... Не шелохнувшись, я стоял и любовался этим чудесным тихим утром, увлечёнными друг другом птицами, и невольно думал о том, что в лесу малейший шорох порой сродни неведомому и жуткому шуму, и обыкновенная глухарка в нём принимается за какое-то неведомое лесное существо.

Наверное, должно пройти достаточно времени в лесных скитаниях, прежде чем ты научишься отличать опасность от обворожительной тайны. Будешь спокойно и радостно воспринимать всё так, как есть: и глухариную песню, и поднимающееся солнце, и пронизывающий ветер с холодным дождём, и столкновение со зверем, и самые неожиданные звуки и шорохи, на которые только способен при пробуждении весенний лес. В лесу, говорят в народе, даже самую радостную думу думают без шума, а любой лесной шум – это его благо и ум.

Визитка глухаря

Только в воздухе чуть повеет весной, а глухарь уже спешит сообщить о ней всему лесному свету: и укромному пригорку над самой рекой, и занесённому снегом моховому болоту, и прихорашивающимся на ласковом солнце соснам. Даже за логом побывает, исчертит там весь южный склон и опушку, а затем взлетит на любимую сосну, и в возбуждении окропит с удобного сука снег под деревом своим токовым помётом. Это - его верная визитка, и по ней можно прочесть о том, где вероятнее всего встретить глухаря на следующее утро, и как он переполнен охватившим всё живое весенним настроением. Вот под таким деревом я однажды и оказался, ещё с вечера находясь на подслухе, и было мне так, что уже не уйти из-под него, желая прожить с глухарём всё утро.

А до утра ещё нужно дотерпеть... Прислонившись спиной к стволу, одеваю ватные штаны, валенки с галошами, шапку-ушанку и суконные рукавицы, всему найдётся место в рюкзаке бывалого «глухарятника», отправляющегося на ток. В термосе горячий чай с лимоном, настоящий на лесных травах, вокруг же всё скворчит, вскрикивает и посвистывает.

То и дело перелетают с места на место певчие дрозды и дрозды-белобровики, воркует где-то неподалёку дикий голубь вяхирь, а то, вприпрыжку, тронет по просеке ошалевший от весны зайчишка. Штаны у него уже повыцветшие, серенькие... Слышится постанывающее котканье подлетающих копалух, что загодя собираются поближе к токовой полянке, в нетерпении предвкушая своё долгожданное утро. Чего только не увидишь и не передумаешь в эти томительные часы ожидания, пока до твоего слуха донесётся редкое глухариное скирканье!

Как хлеба край, говорят в народе, так и под елью рай! Лесной человек всегда найдёт свою келью под елью, и если не отыскал её - не будет тебе с ёлки иголки. Изба хоть и елова, зато сердце здорово, и для меня нет радостней доли, чем находиться в непосредственной близости от глухарей, а лучше всего - хорониться вот под такой доброй ёлкой, с густой пахучей кроной, укрывающей от непогоды.

Вскоре и глухарь подлетел - огромный таёжный сторожил, кажется, совсем не обременённый тяжестью своих мышц, перьев и незаметно прожитых лесных лет. Глухарь уселся на ёлку прямо надо мной, громко хлопнув крыльями, но звука никакого не произвёл. Весь вечер он сидел тихо, как будто его и не было, и я знал, что он меня не увидит, если сидеть неподвижно. Это очень не просто, когда над тобой расположилась такая чуткая птица, как глухарь, и мне всё время хотелось выглянуть и посмотреть – какой он большой и красивый. Но следовало сохранять осторожность, чтобы не вспугнуть птицу раньше времени.

Кстати, никакого храпа у глухаря, как это описывает в своей книге «Корабельная чаща» Пришвин, я не слышал. По словам писателя, птица, уткнувшись клювом в перо, так ощутимо вздыхала во сне, что от потоков воздуха перья её немножко топорщились, издавая звук, похожий на храпение, и этого, якобы, невозможно было не услышать. Изредка до меня и правда доносилось неясное копошение птицы, что, прижавшись к стволу, меняла, должно быть, положение тела, подсовывая голову под другое крыло, но его вряд ли можно было принять за храп. Скорее всего, Михаил Михайлович несколько преувеличил возможности глухаря, и я полагаю, что вышло у него это исключительно из любви к красивой птице и искренней приверженности к лесной чаще. А потому - простим ему такую милую вольность, но вот то, что глухарь, ни на кого не похожая, загадочная и непознанная до конца птица, абсолютно верно.

Проснувшись задолго до зари, глухарь обычно потаённо сидит в сосновых ветвях, и ждёт, когда что-то неуловимое сдвинется в предрассветном воздухе, и он тотчас проверит горло гулким щелчком, будто кто ударит пальцем по спичечному коробку. А потом, постепенно, заточит, запоёт только с присущими ему свободными росчерками в конце песни, и будет так греметь своей неудержимой влюблённой волей до самого восхода солнца. Глухарь переполнен охватившими его чувствами, и он горд за то доверие, что оказала ему весна. А ты почему-то не можешь не находиться в этот момент рядом с ним.

Бывают минуты у человека, когда природа являет ему самого себя, и он, будто в зеркале, начинает видеть свою жизнь, то, что он на самом деле из себя представляет. И вот, сидя под этой елью, прислонившись к ней плечом и улавливая всем своим существом переливы глухариного течения и скиркания, я вдруг почувствовал, что нахожусь там, где и должен быть. Эта ночь, проводимая на глухарином току, неслучайна, так же, как неслучайно то, что после долгих лет поисков я однажды отыскал этот ток сам, и теперь,

благодаря глухарям, узнаю себя не таким, каким воспринимал себя совсем недавно, а таким, какой я есть. Может быть, более вдумчивым, терпеливым и чутким.

Обычно сторожкий, глухарь, охваченный своей страстью, как ни странно, не высматривает сквозь ветви - кто это там притаился под ним, в сумерках, и жадно наблюдает каждый миг его весеннего жизнеустройства, а только всё более распаляет себя всеохватным любовным чувством. Задрав голову, и вздрагивая всем телом, так, что борода его, с началом каждого песенного колена, возбуждённо перебегала от горла куда-то кверху, но, всё же, не оказывалась на небе, глухарь чуть не подпрыгивал на ветке, желая унести, наверное, в своё седое прошлое, когда на земле произрастали только хвойные леса. Где уж ему было заметить притаившегося внизу человека, когда он забывал в своём любовном устремлении самого себя! А миллионы людей на земле жили в эту ночь без него, даже не подозревая о существовании глухаря, и я был счастлив, что нахожусь рядом с ним, с этой великолепной древней птицей, пропевая вместе с ней и свою весну.

Малиновая заря, тем временем, заливала собой всё небо, везде и повсюду начинался новый весенний день, а вместе с ним - и вся наша чудесная жизнь, со скрытым в себе особенным смыслом, что человеку надлежит непременно разгадать, и жить своим разумом, ничего не боясь и не забывая в душе Господа. Но выводит из этого очарованного оцепенения град сухих глухариных роголиков, сыплющихся на твою голову и плечи как из рога изобилия, и здесь плащ-накидка с капюшоном - тоже твои верные помощники.

Помёт валится сверху непрестанно, ты же - только улыбаешься, будто наслаждаясь этим весенним «дождём», и почему-то вспоминаешь незадачливого профессора, настойчиво вменяющего тебе «незнание» леса, даже надсмехающегося над тобой. По его мнению, я безосновательно, с каким-то непонятным восторгом, восхваляю в своих рассказах обыкновенный глухариный помёт: что в нём, вроде бы, такого удивительного?! Оказался бы он сейчас здесь, со мной, в этом царстве прекрасных древних птиц, осыпaeмый ничего не значащим для него глухариным помётом! Но нет, никого не хочется видеть сейчас кроме глухарей, малиновой зари и просыпающегося ото сна чудесного хвойного леса.

Да, это невероятно, но факт: я всегда с трепетом относился к глухариному помёту... Хвала ему! Правда, не только к глухариному, а и любому другому, что оставляют звери и птицы в лесу - рябчиному, тетеревиному, лосиному, заячьему и волчьему, медвежьему. Каждый из них достоин самого пристального внимания, потому что несёт в себе отгадки из неведомой для человека лесной жизни, учит быть внимательным и терпеливым.

Помёт лесных обитателей, как ни странно, не вызывает такого чувства неприязни или отвращения, когда мы наталкиваемся на фекалии кошек и

собак, во множестве попадающих под ногами в наших замусоренных и неустроенных дворах. В лесу нет места нечистотам, если их не принёс с собой человек, и помёт животных лишь дополняет всеобщую картину гармонии, представляющей собой природную суть всего сущего – его единение, и его поддержание, кстати, возложено небом на того же человека. Не покидает ощущение, что звери и птицы опрощаются не просто по естественной надобности, без всякого смысла, а даже с некоторым художественным вкусом и пользой для своего родного леса.

Так волки, чьи испражнения такие же серые, как сами звери, и напоминают собой скрученные сухие хворостинки, подвешивают их на кусты, чтобы не утащили жуки-навозники. Звери, таким образом, метят свою территорию, заботясь о наиболее длительной сохранности её границ.

Горки тетеревиных и рябчиных сухариков украшают лесные просеки какой-то трогательной укромностью, и завидев их перед собой, всегда почему-то останавливаешься, долго стоишь и смотришь, словно желая разгадать заложенную в них лесом тайну. Вернее, его обаяние. Птицы всего лишь ночевали здесь под снегом, оставив после себя горстки помёта, но тебе это представляется чем-то необыкновенным. Не в силах постичь суть этих коричневато-золотистых холмиков, уютно громоздящихся и непонятно чем завораживающих, продвигаешься тихонько дальше.

И всё же, чем больше попадаете таких горок, тем радостней становится на душе: птица не перевелась, её в достатке, но взгляд вновь возвращается к уютно приютившимся друг с другом сухарикам, что неожиданно представляются скорлупками земляного ореха, загадочными ванильными палочками или ярко-жёлтыми стручками воздушной кукурузы. Поразительно то, что все эти сладостные ассоциации вызывает обычный птичий помёт!

Серовато-зелёные заячьи шарики встречает всякий, кому не безразличен лес. Лежат они легко, воздушно и как-то трепетно. Сила лесной жизни уже не захватывает их в свой оборот, и шарики тихи, милы и ничем не обескуражены.

Неприхотливо утопают заячьи шарики в снегу, напоминая какое-то диковинное драже, и, глядя на их правильную круглую форму, недоумеваешь: зачем уже никому не нужному, конечному продукту такое совершенство? А шарики как будто даже улыбаются, неслышно и весело переговариваясь между собой. Хорошо проходить мимо них на склоне зимы, думая о чём-нибудь простом и замечательном.

Сродни заячьему «драже» - аккуратные «шоколадки» лосиного помёта. Не верится, что из такого неприглядного материала природа смогла вылепить нечто привлекательное, притягивающее взор. Тёмно-коричневые округлые пальчики совершенно не вызывают какие-либо неприятные ощущения, в который раз подтверждая обаяние леса, и до такой степени точно напоминают конфеты, что их хочется попробовать.

А вот Михаил Потапыч, соответственно размерам, славится в лесу своими пирогами... Они, бывают, огромны, пышны, словно выпечены

неведомой лесной хозяйкой в русской печи и поданы неизвестно кому прямо на траву. Большею частью пироги малиновые и черничные, но попадают и с брусникой, и с клюквой, и с ежевикой. Чаще всего они почему-то покоятся прямо на тропинках, словно зазывая путников присесть и передохнуть. И ты действительно останавливаешься каждый раз, заведя эти мишкины произведения, и улыбаешься неизвестно чему. Крепок дух такой лесной снеди, замешанной на травах, ягодах и потаённой звериной воле!

Любой помёт в лесу своеобразен, но глухарину, в моём восприятии, повезло почему-то больше: это дар птицы нашему лесу, что вскладчину с другими птицами и зверьми слагает его доброе мироустройство. Ничего негодного и пустого в нём нет, лишь сосновая и лиственничная хвоя, в придачу - с брусникой и клюквой, что дают лесу ещё большее здоровье, удобряя его почву, и это здоровье слагает лесное обаяние, облагораживая чудесный чистый воздух. В результате изысканий учёных доказано, что хвоей питался не только глухарь, но и мамонт... Вот уж истинное благо, создаваемое лесными обитателями во имя крепости борového духа, его неиссякаемой силы!

Как сладостно, должно быть, глухарю чувствовать страстное возбуждение, облюбовав только своё, дорогое ему дерево, на котором он будет всю весну превозносить её. Среди лесовиков такое дерево называется «присадочным», именно на него глухарь присаживается, когда токует, и, как правило, не изменяет этому любимому дереву всю весну, если его сильно не потревожить.

Снег, бывало, уже сойдёт, и тогда, вот именно под таким деревом, чаще всего - это сосна, обнаруживается целая полянка накрошенного глухарём помёта, что сыплется из него во время токования в изобилии, и если, замерев, окажешься под птицей, вслушиваясь в её песню, то и тебе изрядно достанется, чему ты, впрочем, очень рад... Это, быть может, покажется странным для несведущего человека, но только не для того, кто всем сердцем предан лесу, хорошо его знает и любит.

Один известный в нашем городе биолог, я уже упоминал чуть выше о нём, знаток хищных птиц, у него даже книга вышла про них, давая свою оценку моей книги о глухарях - «Любовь моя, глухарь», в искреннем недоумении заметил, что автор восхищается глухариным помётом: чуть ли, по его словам, не превозносит его! Как такое возможно? – восклицал он.

И вот сейчас я ему отвечаю: вы, знаток птиц, воображающий себя им, разве не понимаете, что помёт любой птицы, тем более, глухариный, даёт немало знаний об образе жизни этой замечательной птицы. О том - где и чем она питается, каков её возраст, и уже по этим данным можно судить о местах её обитания. Мало того, по скоплению и состоянию помёта знатоки определяют расположение токов, в последующем устанавливая численность птиц. Ведь это так очевидно, и если ты, действительно, любишь лес, предан ему всем сердцем, то тебе не составит труда наклониться над горсткой помёта глухаря, быть может, даже взять его в руки и тщательно рассмотреть.

К тому же, в нём нет ничего, кроме сосновых иголок, подснежников, осинowych листочков и ягодок брусники с клюквой.

Лесной помёт и пахнет по-особенному пряно, как это происходит только весной, а вот какой-то незадачливый учёный искренне этого не понимает. Как же ты, дорогой учёный, собираешься познавать лес, если гнушаешься таким добрым источником, ведь в лесу не может быть ничего неважного, неинтересного, и лесные тайны следует постигать очень вдумчиво, используя любую, даже, кажется, совсем неприметную подсказку. В нашем чудесном лесу не существует чего-либо, что не требует к себе должного внимания, и нужно очень уважительно относиться к лесу, ко всему в природе, чтобы стать ей настоящим другом.

Глухариный помёт, как я уже упоминал выше, зачаровывает формой в виде больших рогаликов толщиной с безымянный палец взрослого человека, напоминая какие-то неведомые лесные хлебцы. Отчего-то он удивляет этой своей загнутой вытянутостью, каким-то неброским изяществом, пригодным только для многообразного и таинственного леса. Светло-коричневые с внутренней желтизной и прозеленью рогалики, устилая под соснами землю, будто улыбаются то там, то здесь, зазывают под сказочный полог леса, но ничего не обещают: всё зависит от твоей собственной любознательности и жажды открытий!

Помёт глухаря действительно может быть красивым. Если по-настоящему любишь лес и не представляешь без него своей жизни, то ничего незначительного в нём для тебя не существует. Любишься помётом, отчего-то радуясь тому, что он есть, с жадностью охватывая взглядом, пытаешься разобрать - сколько тут было птиц, что они делали и чем питались, молодые или старые. Можно многое прочесть в лесной книге, если не терять неумолимости и терпения.

Глухарь неотступно манит к себе своей тайной, и очень важно в понимании природы птицы разобрать - какой помёт следует считать токовым, а какой обыкновенным, бытовым? Если помёт токовой – сколько его по количеству должно присутствовать под присадочными деревьями, на которых преимущественно поют по весне птицы, то есть, какова площадь его разлёта во время песни, кучность? Да и вообще, чем отличается прошлогодний помёт, прозимовавший под снегом, от помёта нынешней весны?

Помёт токовой, когда глухарь находится в любовном возбуждении, по большей части, всегда жидкий, светло-жёлтого цвета. Таковым он бывает в самый пик весны, к середине апреля, в пору подлёта к токующему самцу копалухи. Повсюду ещё лежит снег, самка не села на гнездо и токовик наиболее оживлён. Он старается понравиться копалухе, ведёт себя очень активно, и то и дело крутится из стороны в сторону, отчего помёт разлетается довольно обширно. Иной раз границы его падения достигают нескольких метров в окружности.

В самый же расцвет периода гнездования, к началу мая, когда пыл любовной страсти у самцов значительно спадает, и они поют не так азартно, почти вхолостую, помёт птиц вновь обретает обычную для него твёрдость. Повернувшись головой на розовеющий восток, токовик скиркает и точит уже с большими перерывами, как бы нехотя, и в мох у самого ствола изредка тукаются сосновые колбаски. В них в эту пору можно обнаружить ягодки перезимовавшей под снегом клюквы, берёзовые серёжки и цветочки подснежника.

Прошлогодний помёт - вовсе сухой, волокнистый, в нём хорошо различимы и отделены друг от друга пряди сосны, ели и лиственницы. Они так тщательно перетёрты в желудке птицы мелкими камешками, что даже под воздействием дождевой и снеговой влаги до конца всё же не распадаются, сохраняясь в спрессованном виде год и более. И только достаточно отсырев, постепенно разваливаются на рыхлые кусочки, удобряя собой и без того удобренную лесную почву. Так, незаметно, слагают они будущие великаны-деревья, на которых когда-нибудь возвестят о приходе весны восторженные потомки сегодняшних великолепных птиц.

Думая о потаённой жизни глухаря и находясь в лесу - невозможно не обращать внимания на его помёт. Если ты действительно равнодушен к этой замечательной птице, ты замечаешь оставшиеся после неё следы повсюду: на пересечении укромных просек, по окраинам полей и опушек, под раскидистыми соснами и притаившимися елями, часто прямо на дороге. Обитая в каком-то одном районе, глухарь оставляет свой помёт в самых непредсказуемых местах, тем самым, постоянно напоминая о себе.

Всегда с удовлетворением отмечаешь про себя эти глухаринные пометки и радостно думаешь: он живёт здесь, находится сейчас где-то неподалёку, и даже, может быть, видит тебя, но не улетает. Тебе приятно сознавать, что глухарь тоже ощущает твоё присутствие и, вероятно, когда-нибудь ты станешь для него частью того, что его постоянно окружает. Хотя бы на одну весну.

А потом он перестанет тебя помнить, и окунётся в своё летнее забытие - в царство ароматных ягод, ручьёв и жарко дышащей хвои, но это ничуть не разочарует. Ты по-прежнему будешь предан ему в своём восхищении и любви, терпеливо переживая ожидание следующей встречи долгожданной весной.

Однажды, в результате своих многолетних хождений по лесу, я поймал себя на мысли, что при виде самого обыкновенного глухариного помёта во мне просыпаются самые необыкновенные мысли и желания. Например, стремление быть неутомимым и вдумчивым, потому как безрадостна жизнь, не желающая постигать. В лесу звери и птицы, на каждом шагу оставленными после себя следами, напоминают человеку о необходимости не быть равнодушным, без усталости трудиться душой в отыскании важных ответов и понимании, что жизнь полна смысла.

Что-то интересное во мне самом вынуждает вглядываться в помёт и не проходить мимо. Попробуй-ка, разберись - что это, когда мир и без того полон множества других, более очевидных загадок? Но всё, что касается тебя самого, твоей привязанности и любви к лесу, необходимо разгадать в первую очередь! Ведь, может быть, это твоё прошлое, к тому же, очень далёкое?!

И ты опускаешься на колени перед горсткой помёта, и с удовольствием разбираешь - какого он цвета, из каких иголочек, веточек или зёрнышек состоит, свежий или уже подсохший от ветра, дождей и снега, толстый или тонкий, что свидетельствует о возрасте птицы? Разглядывая пристально, постепенно проникаясь тем, что увидел, думаешь: а каким образом всё перечисленное относится к тебе? Неужели в какие-нибудь незапамятные времена был ты таёжным жителем - глухарём, и так же питался хвоей, подснежником и брусникой, удобряя остатками перетёртой камешками пищи и без того удобренную лесную почву? Как давно это было, и не плод ли это твоего не в меру разыгравшегося воображения?!

Нет, наверное, не плод, если ты так тонко чувствуешь эту птицу, безошибочно отыскиваешь места её обитания, кормёжки и тока. Значит, близка тебя её жизнь и тайна, что ты стремишься разгадать, а может быть - даже вспомнить? Вполне возможно, что был ты в далёком прошлом великолепной птицей, и если это было наказание - оно пошло только на пользу. Ты стал более чуток к природе и её обитателям.

Только равнодушный человек, не любящий лес, не поинтересуется помётом, не остановится и тщательно не рассмотрит его, чтобы поподробнее разобрать скрытую от него жизнь леса. Отвернуть в такой миг свой нос, значит, допустить ограниченность, и это – непростительно. Обратит же внимание - лишний раз проявить добродушие и любознательность, словом, искреннюю привязанность к этой древней таинственной птице, к нашему чудесному лесу.

Я всегда был счастлив от нахождения на глухарином току, что отыскал сам, понимая глухарей, как близких своему сердцу обитателей леса, даже – товарищей. Я этих загадочных птиц отчего-то очень любил, жертвуя львиную долю своего времени на разыскивание токовищ, и потом – слияние с такой восхитительной древней птицей в её песне, что будто пробуждала и в моей душе нечто давно позабытое, далёкое-далёкое, и от осознания этой неведомой взаимосвязи с глухарём, я чувствовал себя счастливым человеком, способным на многое... Одним своим таинственным пребыванием в нашем лесу, глухари дарили мне необыкновенное счастье, и я был им за это невероятно признателен. Разве мог я после всего этого убивать дорогих моему сердцу птиц, что только радовались жизни, очень любили её, как это могут именно глухари, вестники стародавних времён, когда на земле существовал только хвойный лес?!

Наш хвойный лес – тоже одно из самых загадочных и любимых чудес, и я давно влюблён в него. Постигая его тайны, хочется оставаться именно одному, чтобы всё чувствовать, примечать и понимать, вслушиваясь и

всматриваясь в создаваемое лесом пространство, не упуская из виду ни единой мелочи, не утрачивая того прекрасного расположения духа, когда переживаешь трепетное соучастие души во всём происходящем. Сосна в этом лесном царстве, как никакое другое дерево, дарует человеку удивительный покой. Она создаёт в лесу особое существование, наполненное лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, в него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности - о нём покойно и радостно мечтается.

Можно без конца вглядываться в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. Сосны и зимой не скидывают свой кафтан, и тем оказывают великую услугу глухарям, что зимуют под их пологом в лютую пору, когда в лесу все спят. Сбиваясь среди сосен в укромные и таинственные стаи, птицы будто охраняют вековечный сосновый уют и покой, это - их дом. Сосновая мезга глухарю сладка, и хоть на хвойке, как говорится, да на своей вольке. Таков глухариный хлебушек!

Эта приверженность хвойным породам деревьев невероятно обаятельна в жизни таких загадочных птиц, как глухари. И человек, восхищаясь лесом, не представляет себе лесной чащи без этих великолепных деревьев – сосны, ели или пихты. Он любит их, мечтает о возвращении под их живописный полог, и не позволяет себе быть равнодушным к судьбе родного леса. Человек этот болеет душой за вырубленные сосны, пихты и ели, берёзы с осинами, за весь наш удивительный лес, где мы находим для себя волшебное отдохновение, ту чудодейственную радость, без которой не жить.

Я плачу вместе с глухарями о потерянном для них доме, когда он бездумно искореняется, как будто и сам остаюсь в жизни без крыши над головой. Как же возместить нам всем эту утрату? Как проникнуться божественными лесными чудесами, чтобы быть достойными их великолепия? Как стать настоящими, желая деревьям только доброй участи, когда ты сам веришь в себя, в своё доброе настроение и счастливую судьбу?

Ответ один: нужно самому стать настоящим, оставаясь достойным этих сосен и пихт, осин и берёз, глухарей и незабываемых вечерних зорь, дорогих сердцу избушек, что приютили тебя в непогоду. И даже лесные невидимые существа дороги твоему очарованному сердцу, потому как ты принимаешь весь мир целиком, переживая своё радостное нахождение в нём, как единственное счастье, существующее на этой прекрасной земле.

Я очень счастлив, дорогие мои друзья, от того, что живу, могу отправиться в гости к дорогим сердцу глухарям, переживать любовь к этим древним птицам, живущим ещё при динозаврах. Именно по этой причине их пищу составляют сосновые и лиственничные иголки, ведь миллионы лет назад на земле произрастали только хвойные породы, и глухари по утрам вылетают на отмели таёжных речек или лесные дорожки, чтобы склёвывать там камешки, служащие «жерновами» для перетирания грубой пищи в их желудках. Так уж издавна повелось, что именно хвоя обеспечивает глухарей природной энергией, и она ничем незаменима.

Ну, если только подмороженный осиновый листок, по осени, ублажит глухаря, он для птицы вроде изысканного лакомства. Или, когда уже появляются проталины, глухарь слетает на землю и выискивает прошлогоднюю клюкву, но первое блюдо - сосновая игла. Для того, чтобы не иссякли по весне его силы, глухарь непременно должен сосновой иглы пощипать, в ней - вся питательная сила, и без присутствия на соснах глухарей деревья эти воспринимаются уже не такими сказочными.

Если ты искренне привержен жизни леса, сонм загадок, таящихся под его хвойным пологом, неминуемо опутает тебя с головой, и ты позабудешь свои маленькие горести, и поймёшь: жизнь человека неотделима от жизни леса, куда он должен вступать восторженным наблюдателем и учеником. Это уважение к лесу поведёт тебя в его таинственные глубины, и ты, навсегда лишившись покоя, станешь его очарованным поклонником. После близкого знакомства с лесной чащей ты непременно переосмыслишь свою жизнь и совершаемые тобой поступки, ты переживёшь замечательное чувство - чувство радостного постижения, а за ним - неперенное осознание присутствия в своей жизни созидательного труда во имя создавшей тебя чудесной Природы.

Косач

Каждый год, на одном и том же поле у Новосёловской горы, токует один и тот же косач. К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки, кажется, не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день - это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится его знакомое: «бу-бу-буль, бу-бу-буль, бу-бу-буль, чух-фы-ы...» Пение то разгорается, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев порой забывается или отвлекается на что-то более важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись, опять продолжает своё размеренное чужаканье.

Поле там большое, и петух каждый раз выбирает себе на нём новое место, словно ему наскучивает петь на одном и том же. Не раз наблюдая за ним, я убеждался: тетерев этот какой-то необычный, не похожий ни на кого. Мало того, что он всегда оставался один, он ещё и вёл себя своеобразно: резво бегал по полю, припрыгивал, выбирая при этом самые дикие позы, будто соревновался с невидимым соперником, и что ещё занятней всего - на время куда-то исчезал. Бывали дни, когда он и вовсе не появлялся, словно уставал от возложенных на него обязанностей - славить весну, радовать всех и радоваться самому.

В такие утра без него чего-то не хватало в природе, и я, когда проходил мимо горы с глухариного тока, всегда прислушивался: не поёт ли косач? Если птицы не было слышно, даже немного расстраивался и подолгу стоял в

нерешительности: идти дальше или ещё подождать? Всегда хотелось услышать, как косач токует. Будто песня его была каким-то добрым знаком, и когда тетерев молчал, душе чего-то не доставало, несмотря на окружающее весеннее раздолье.

И так, каждую весну загадывал я: жив ли петух, уберётся ли в суровую зиму от когтей коварной рыси или зубов хищной лисицы, будет ли опять, как всегда, токовать на любимой горке? И если косач токовал, весна непременно удавалась, всё вокруг радостно оживало, и не верилось, что когда-нибудь тетерев не прилетит на ток, и восторженно не огласит округу: «бу-бу-буль, бу-бу-буль, чух-фы-ы!»

Совкин деверь

В густом еловом лесу поднял я однажды филина. Он бесшумно перелетел поляну и уселся неподалёку на кривой сосновый сук. Летел ночной хищник плавно, так что можно было хорошо разглядеть его тёмно-рыжий окрас с ярко-чёрными красивыми подпалинами. Крылья у филина, казалось, были неестественно вздыблены, потому как предплечья - самая сильная часть тела птицы, а когтистые ноги устрашающе свисали под брюхом.

Большую круглую голову его украшали мохнатые пучки перьев, напоминающие уши, загнутый же клюв был такой грозный, что не зевай! Огромные оранжевые глаза бесстыдно взирали вокруг, будто пронзая своим холодом, а когда филин их прикрывал, то горло надувалось и вздрагивало, издавая утробное «гу-гу». Весь он был невозмутимый и целенаправленный, в поведении птицы чувствовалась ненаказуемость, призванная в лесу только брать, ничего не отдавая взамен.

И сразу дохнуло сказочностью, уверенностью в том, что лесной дух всё же существует. Если не в этом, бесшумно проскользнувшем между деревьев филине, то в силе, движущей и создающей его полёт. Показалось, будто какой-то непонятный сон на миг обволок сознание, но, даже избавившись вскоре от нахлынувшего забытья, я ещё какое-то время чувствовал себя замороженным от увиденного, а цвет оперения филина тотчас напомнил цвет шероховатого елового ствола, о который я опирался рукой, наблюдая за необыкновенной птицей.

Филин сидел на суку, нахохлившись, видимо, недовольный тем, что его потревожили, то и дело крутил головой, словно она была на шарнирах, хлопал огромными глазами и возбуждённо раздувал шею. Выглядел он скорее забавно, нежели устрашающе, между тем как в птичьем мире филин слыётся самым загадочным хищником, и многие птицы и звери не на шутку его боятся.

«Эко чучело, хоть ворон пугать!» – иной раз можно слышать обронённое кем-либо неудовольствие от увиденного, и это не далеко от истины, когда дело касается филина: его вид, действительно, способен наводить страх. Взъерошенной копной замирает на верхушке дерева филин,

кошачья голова его с мохнатыми ушами ходит туда-сюда, поворачиваясь чуть ли не вокруг себя, огромные глазища луп-луп, и вдруг как прогундит на весь лес: «угу-угу, угу-угу, угу-гу, угу-гу, угу!» Так и сидит истуканом, одним своим видом наводя страх на лесных обитателей: грозное чучело, что всем в лесу надокучило! Но что, говорят, надокучит, то и научит!

Вроде, спит филин, когда не подаёт голоса, но всё про всех в лесу знает. Филину под небеса летать не зачем, и его не гнетёт кручина, что соколом ему не быть: родной дом для него - ночной лес. Не попадайся ему под тёмный час!

Филин кричит громко и отрывисто, не в пример другим совам, что подают голос заунывно, будто спросонья. Ухает филин разом, как будто обухом бьёт, обозначая, что именно он в ночном лесу хозяин, не терпящий какого-либо соперничества. Всяк хозяин в своём доме – самый большой, и филин значительно превосходит остальных сов по размерам: сам себе оборона!

По мнению некоторых, особо впечатлительных людей, легко натерпеться страха от одного крика филина. Если не видеть саму птицу – представляется, будто это какой-то басовитый мужик, что рассерженно побрякивает в глубине леса. Он никогда не показывается на глаза, потому как сам себя остерегается, тем более, не желает, что его увидят. Тучный, в старинной поддёвке, подвязанной плетёным ужаком, на босу ногу, сидит он в самой чаще, вытаращив свои бесовские глаза, и, знай, попугивает православный люд: так озорничает порой, что беда!

Оттого филин представляется какой-то загадочной фигурой, и заслышав его, у всякого сердце сожмётся и затрепещет. Но всё-таки крик филина необыкновенно сказочный, и наш лес без него потерял бы свою волшебную красоту.

Как только бархатная ночь окутает собой лес, будто шалью, так филин в нём сразу всему голова: только и слышно его отрывистое уханье, не перекричать его никому. Филина да ворона в народе всегда воспринимали зловещими птицами, и поблизости от селения крик их приравнивали к большой беде, а то и к пожару. По делам, как говорится, и голос, словно из бочки: «угу-угу, ху, угу-угу, ху, ух!»

Голосом своим филин завывает, будто над покойником, как оглашенный: одно слово - лесное отродье, ровно ничему другому не обучен. А то ещё такую тяжбу заведёт: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу», разглашая по всему лесу одному ему ведомые вести, будто у него в голове одни бубны. Звонок бубен, да страшен игумен!

Облик птицы всегда вызывал в народе ощущение страха. По деревням издавна чтили сказочную лесную глухомань, и вскрикивания ночной птицы восприняли по-своему, прозвав филина «пугачом». Крестьяне, заслышав в лесу ухающую птицу, всегда крестились и старались быстрее миновать такое «гиблое» место, приговаривая: «Из пустого дупла - либо филин, либо сам сатана!»

В старину, когда люди слышали, как ухает в лесу филин, они думали, что это кричит леший, искренне полагая, будто он наводит на них погибель. Но на самом деле филин опасен только для лесных обитателей, и вылетает на охоту с наступлением темноты. Бьёт по ночам всё живое - зайцев и белок, ворон и тетеревов, сорок и галок, никому не даёт пощады, а при случае может прикончить ястреба и лисицу, тогда как некрупную добычу - жаворонков, мышей и куликов заглатывает целиком, выбрасывая кости и шерсть в виде погадок. Эти погадки, особенно - кусочки шерсти, мелкие птицы используют для выстилки гнёзд.

Филин даже не гнушается вылавливать ежей, выедая мясо и оставляя их колючие шкурки, где попало. Случается, что хищная птица заглатывает куски зверьков вместе с иголками, и это сходит ей с рук, до того она кровожадна. Что уж говорить о зайцах, ястребах и лисицах!

За это все птицы сильно не любят филина, и стоит ему только показаться в дневное время, как они поднимают невообразимый гвалт, после чего неукротимо преследуют его, порой забивая до смерти. В таких случаях филина может спасти только тёмная чаща, и он старается быстрее в ней исчезнуть, чтобы с наступлением сумерек вновь приняться за своё чёрное дело. Без помех ориентируясь в темноте, всю ночь бесшумно летает филин между деревьями, выискивая себе добычу.

Плоха вору пожива, где сам хозяин вор, и филин им в полной мере в лесу предстаёт, ибо скрадывать - его природная суть, особенно в темноте, что ему за обычай. Любит филин ночью порой подстергать спящих глухарей, излюбленную для себя добычу, и, обнаружив местоположение тока, что называется - отводит душу, обычно за короткий срок, изводя птиц под корень. Без особого труда он отыскивает именно токующих глухарей, когда они забываются во время песни и ничего не слышат, вмиг раздирая их когтями и мощным клювом.

Присваивать себе желаемое тайком и нагло - его страсть, и некраденый кусок ему, должно быть, скоро приестся. Филину по нраву именно глухарятина – птица внушительных размеров, во время весенних токов легко для него доступная, и пернатый разбойник не гнушается ничем, разворовывая когда-то богатые тока, так что вскоре они совершенно пустеют. Отчего ему не воровать, коли некому унять!

Один мой знакомый старик-пасечник, несмотря на семидесятилетний возраст, предпочитал охоту на глухариных токах другим охотничьим забавам и, раздосадованный неслыханным коварством филина, решил защитить свой ток от хищника. Причём, долгое время он никак не мог угадать: кто хозяйничает у него на току? Ток этот располагался неподалёку от его лесной пасеки, и он часто находил на нём убитых глухарей: голова и крылья у них были целы, а из ошипанной груди торчали голые кости скелета.

Выбрав наиболее удачное, по его мнению, место, сметливый дед натянул между соснами верёвки. Филин, присаживаясь на одну из них, тотчас терял равновесие и, инстинктивно сжав лапы, переворачивался вниз

головой на вихляющейся верёвке, уже не в силах разъединить сцепившиеся когти. Сильные пальцы, видимо, не ощутив достаточной опоры, как если бы это была толстая ветка дерева, впивались сами в себя, а филин, перевернувшись и очутившись в таком незавидном положении, почему-то сразу впадал в странное оцепенение. Совсем недавно грозный и безжалостный, хищник в считанные секунды становился совершенно беспомощным, превращаясь в лёгкую добычу.

Отловив, таким незамысловатым способом, аж пять птиц!/, старик не без гордости, и как бы по большому секрету, серьёзно меня уверил: «Филин-пугач - совкин деверь, спутник лешего, не всё ему баловать!»

Только однажды

Не раз убеждался: можно годами терпеливо исходить бесконечные километры, по крупицам собирая знания о лесе, и только однажды, в какой-то один Богом избранный день, тебе по-настоящему повезёт, и ты увидишь то, о чём мог только мечтать. Причём, увидишь всё от начала и до конца, как это происходит в дикой природе, когда никто зверей и птиц не тревожит, или же они не знают, что за ними подглядывают.

Мы с товарищем в течение нескольких лет наблюдали за одним глухариным током в десяти километрах от деревни, и повидали за это время немало интересного. Мы этот ток очень долго искали, чувствовали, что он где-то рядом, потому как глухари постоянно держались здесь и весной, и осенью, и зимой, но каждый раз нам не удавалось определить эпицентр токовища. И всё же мы его нашли...

Помню, глухарь токовал на нижней ветви старой ели, подпустив нас почти вплотную. Мы обошли его с обеих сторон и долго, почти до самого рассвета, слушали, усевшись на старую колоду. Это был первый глухариный ток, найденный нами, и от такой удачи мы чувствовали себя по-настоящему счастливыми.

После я бывал на этом току не однажды. Мне удалось понаблюдать, как глухари слетаются к токовищу с заходом солнца, тяжело усаживаясь на верхушках елей, и тихонько пробуют голоса - «распеваются» перед долгожданным утром, как копалухи подбегают к поющему глухарю. Как-то глухарка налетела на меня в роящихся утренних сумерках, с лёту ударивши прямо под коленки, и тем изрядно напугала, но, разгорячённая весенним игрищем, не оставила своих попыток и продолжала атаковать меня всё утро, вплоть до наступления рассвета. Наблюдал я здесь и то, как глухарь, слетев в морозное мартовское утро с сосны на наст, проехался по нему, как на лыжах. Видно было, что это ему понравилось, и он даже подпрыгнул, словно бы от удовольствия.

Однажды вокруг меня токовало целых три мошника, и я попеременно подходил то к одному, то к другому, то к третьему, пока они мне не надоели. Был ещё случай: старый глухарь токовал на окраине токового участка, прямо

у меня над головой, на самой высокой ели, под которой я стоял, прислонившись к стволу спиной, и я никак не мог определить, откуда доносится песня.

Сталкивался я на этом току и с медведем. Он не хотел уступать дорогу посреди узкой просеки. Мы стояли друг напротив друга, объятые темнотой весенней ночи, и я умирал от страха. Мне почему-то хорошо запомнились круглые уши медведя, они чётко вырисовывались на фоне взошедшей оранжевой луны...

По той же просеке, где мы не сумели разойтись с медведем, раз крался за мной одинокий волк: с рассветом, по следам, я восстановил картину происходящего. Как-то всё утро перебежали у меня под ногами ошалевшие от своих весенних свадеб зайцы, а за рекой, совсем рядом, призывно курлыкали журавли.

Много занимательного привелось пережить весенними ночами на любимом глухаринном току, но долгое время никак не удавалось увидеть, что происходит на нём у глухарей полностью. Хотелось узнать, как же глухариный ток протекает с начала и до конца, чтобы на токовище присутствовали и старый токовик, и взрослые птицы, и обучающаяся молодёжь, и копалухи, и непременно бы ток сопровождался боями петухов.

И вот, только однажды, мне всё же посчастливилось оказаться на знакомом глухаринном току именно той апрельской ночью, когда всё в ней предполагало настоящий лесной спектакль - ток загадочных древних птиц. Это была редкая удача, поскольку все глухари, прилетевшие с вечера, рассредоточились по деревьям вокруг маленькой токовой полянки в ожидании главного токовика. Обычно птицы рассаживаются в отдалении друг от друга, и приходится подходить, выбрав какого-нибудь одного петуха, боясь подшуметь остальных.

Ночь выдалась морозной, на небе высыпало несметное количество звёзд. Лыжи гулко ударялись о наст, в такт им выстукивало разгорячённое напряжённой ходьбой сердце. Когда же я останавливался, лес тотчас обнимала настороженная тишина: кажется, в ней было слышно, как шевелятся и шуршат в вышине звёзды. Я шёл к глухарям интуитивно, чутьём угадывая, где птицы нынче будут наверняка.

Не доходя до поляны сотню метров, снял лыжи и пошёл по насту в валенках. Во всём теле ощущалась удивительная приподнятость. С одной стороны просеки чернели ели, с другой - светлели берёзы. Меня не покидало чувство, что я нахожусь в родном доме, где всё давно понятно и известно, но за каждым новым поворотом кроется долгожданное открытие тайны.

К месту я угадал затемно. Встал на краю лога за ёлочками, и замер в ожидании. И тут же услышал, как где-то внизу по смёрзшемуся насту будто рассыпались алмазные горошины. Глухарь уже лил над заснеженной землёй свою загадочную песню, точил, скиркал, и тоже, как и я, замирал на несколько мгновений, будто прислушиваясь к произведённому им эффекту, а

затем вновь продолжал самозабвенно ткать, охваченный любовной страстью.

Восток начинал алеть, в воздухе что-то сдвинулось, и над землёй, крадучись, начали расползаться и редеть утренние сумерки. На полянке вдруг появился токовик...

Распушив щитом огромный хвост и вытянув шею, он застыл, приподняв ногу. Потом, гордо выпятив грудь, будто поплыл по насту, как парусный корабль. Вздрагивая бородой и величаво поворачиваясь то влево, то вправо, будто красуясь перед копалухами, глухарь явно вызывал на бой невидимого соперника. И тот незамедлительно появился, слетев с ближайшей ели.

Копалухи же давно прибыли к месту токовища, и находились поодаль от самцов, сосредоточившихся у токовой поляны. Более молодые петухи сидели тихо по деревьям, не смея обозначить своё присутствие, молча наблюдая за происходящим.

Два красавца-великана закружили друг подле друга, потом неожиданно ударились грудь о грудь, и загревели мощными крыльями, так что на снег полетели выбитые перья. И лес очнулся... Глухарки коткали возбуждённо, перелетали с места на место, подбираясь ближе к заветной поляне. Розовая мякоть восхода всё более заливала небо, берёзы тоже зарозовели стволами, розовыми стали казаться снег и воздух, а тёмно-сиреневые тени быстро сползали на дно лога.

И вот победитель определён. Подбитый петух смешно и торопливо убегает вглубь леса, а к нашему герою тотчас сваливаются откуда-то сверху три переполненные чувствами копалухи. Глухарь тут же начинает их обхаживать, причём, топчет всех трёх, и они не улетают, а наоборот, ластятся, квохчут нежно и страстно, и каждая терпеливо ждёт, когда глухарь окажет внимание именно ей.

Копалухи при этом между собою не сталкиваются, будто не замечают друг дружку. Одна уселась на наст, как на гнездо, вся раздулась, нахохлилась; другая в волнении то побежит по полянке, то подпрыгнет, а то перейдёт на крадущийся, выжидательный шаг; третья, распростёрши крылья, лежит перед петухом, так что он не замедлил взгромоздиться ей на спину и бесцеремонно принялся теребить клювом перья на её шее. Голова у самочки болтается из стороны в сторону, но она всё это сносит, видно, даже получая от такого проявления чувств наслаждение!

И что интересно /это выяснилось позже/, молодые петухи, находящиеся в непосредственной близости, за всё время не проронили ни звука, и на глаза не показывались. Зато науку обхождения взрослого самца с самочками, видимо, тщательно запоминали. Только когда всё закончилось, и ярко-красное солнце поднялось над горизонтом, они закопошились, и тоже стали пробовать несмелыми голосами роящийся морозный воздух.

А глухарь-токовик словно опомнился, оставил крайнюю глухарку и насторожился, гордо повернувшись к востоку. Потом наклонил голову набок, так что я хорошо разглядел его острый коричневый глаз, и, тэкнув пару раз

напоследок, мощно сорвался с места, и вскоре шум его крыльев смолк, будто совсем недавно на поляне ничего не происходило. Следом один за другим /всего я насчитал четырёх/, поднялись молодые глухари. Им сегодня так и не удалось поучаствовать в токовище, но они, несомненно, причастились к древнему таинству продолжения рода, и понесли в себе недостающее знание и опыт.

Я подошёл к тому месту, где сидел глухарь, и не обнаружил на твёрдом насте никаких следов. Лишь несколько выбитых во время драки перьев лежали, темнея, на искрящейся поверхности наста, да маленькое перышко копалухи воздушно покоилось на зернистом снегу. Я поднял его, осторожно положил на ладонь и, полюбовавшись нежно-кремовым рисунком, подбросил вверх. Перышко на мгновение зависло в воздухе, и устремилось в морозную вышину, вскоре затерявшись в тёмных верхушках елей...

Чёрный ворон

С еле приметным и неторопливым взмахом крыльев летит над самыми вершинами деревьев ворон, осматривая земную поверхность своим умным глазом. Никто не укроется от этого взгляда, ничто не минует его внимания. Там, где любая другая птица пролетит мимо, ворон непременно задержится, пока не разберётся в заинтересовавшей его мелочи. Ворону до всего есть дело, в этом его испокон веков им хранимая и никому неведомая суть.

Ворона всякий знает, и стоит ему произнести своё величественное «ка-а-рр», как сразу же представится одинокая таинственная птица с широким клювом и пронизательным чёрным взглядом. При этом невольно поймает себя на мысли, что остерегаешься загадочной птицы, хотя непроизвольно и не перестаёшь думать о ней. Ворон привлекает твоё внимание более, чем какая-либо другая птица, именно благодаря своей обособленности и необъяснимой внутренней силе.

Сила эта видна во всём облике птицы, в сказках наделенной способностью предугадывать чужие поступки, прорицая будущее. Кому как не ворону, ещё в древних сказаниях, было присуще особое видение, благодаря чему он признавался самым ближайшим родственником нечистой силы. Жуткий страх нагоняла на людей его чернота, а зловещий клёкот был сродни загробному плачу! Всяк ворона боялся, уступая ему дорогу, ведь встреча с ним предвещала беду.

Вид ворона свидетельствует о глубоко скрытой в нём загадке природы, которую сам он, кажется, давно разгадал. Перья на нём лежат почти всегда так гладко, что ворон, кажется, словно вылепленным из какого-то удивительного природного материала, таинственно отливающего мягким металлическим блеском. Во всём его облике чувствуется слитность и нерасторжимость каких-то простых природных законов, по которым создана эта птица. Сидя неподвижно, он сливается со всем, что его окружает, но если обладать

правильным видением, ворон хорошо замечен. Когда же птица парит над лесами, она на своём месте, там, где кроме неё никого не должно быть.

Само имя птицы уже представляет ворона в истинном смысле. Ворон... Нечто древнее, раздумчивое и неспешное в своём загадочном восприятии мира. А ещё - в молчаливой посадке на вершине ели, и в отрешенном величественном парении.

Глядя на полёт ворона, всякому становится ясно, что это не стоит ему ни малейших усилий. Полёт его более похож на полёт хищной птицы, чем на полёт родственных ему ворон, галок и грачей. Он может бесконечно долго парить, описывая огромные круги, и его сильно расширенные крылья и хвост при этом ни разу не шелохнутся. Ворон наслаждается своим полётом, неспешно пролетает его до самого конца, как будто выпивает все встретившиеся ему воздушные потоки, но не пьянеет.

Ворон - крупная птица, в три раза больше голубя, а клюв острый и мощный. По земле ворон шагает медленно и важно; чаще же его можно застать парящим над лесом. Он очень осторожен, ко всему присматривается и прислушивается.

Живёт ворон в старых хвойных лесах, но ему нравится, когда встречаются полянки и опушки, над которыми можно летать, чуть обозначая себя: вроде бы, ворона нет, но он здесь и замечает каждую мелочь. В этом суть ворона, чтобы всё видеть и быть невидимым, а его чёрный цвет как будто дополняет лесной, тёмно-зелёный.

Жизнь ворона хорошо угадывается, если представить себя в лесу сплошь чёрным. Черны твои глаза, перо, лапы, крылья, но не мысли. Просто мысли живут сообразно тому, что делает в тёмном лесу чёрное тело. Тело ворона - душа леса, поглощающая его темноту. Человек же только заглядывается на диковинную чёрную птицу и силится понять: зачем она нужна?

Ворон живёт затем, чтобы всё видеть, слышать, чувствовать и есть. Обычно к добыче, которую находит один ворон, слетаются другие, и все вместе её поедают, тем самым помогая лесу, где нет места нечистоплотности и смраду. Ворон - верный блюститель лесного порядка.

Вот ворон усядется на верхушку ели, прокрункает зычно и гроыхнет крылом... Вороново крыло всё черное, лоснящееся, словом, отражающее чёрную птичью масть, и ведь нет в лесу такого чёрного зверя, чтобы взял на себя всю чёрную лесную суть. Суждено это птице, именно ворону, и ворон, по-своему скрытно и привлекательно, несёт в себе свой дар. Быть чёрным — его исконная природная привилегия, и он её замечательно исполняет.

Увидишь ворона, одиноко сидящего на дремучей ели, и сразу проникнешься к нему уважением. Вся согбенность его плечистой чёрной фигуры вызывает только удивление, даже, отчасти, испуг. Ворон - это какая-то особая чернота, повергающая в изумление своим диковинным для леса глубинным отливом.

Вороной — значит, сплошной чёрный, но вот что необыкновенно: в этой черноте ясно угадываются чёрный массивный клюв, чёрные предплечья,

крыло, хвост, лапы и чёрный глаз! Всё чёрное, но в отдельности имеющее свою отличительную черту, присущую только этой части тела рельефность, позволяющую ей не затеряться. И вместе всё смоляное, глубокое, живущее этой своей чернотой, что, скорее, завораживает, чем пугает.

Из всего вороньего племени, именуемого в народе «чёрным вороньем» и включающего в себя ворона, ворону, галку и грача, ворон ставится наиболее высоко. Благодаря своему чёрному, «зловещему» виду ворон с незапамятных времен обратил на себя внимание человека как птица загадочная, и оттого послужил предметом разных суеверий и сказок. Но «чёрная» слава об этой птице идёт среди людей неспроста.

Несмотря на то, что ворон считался птицей вещей и мудрой, за ним замечалась склонность к воровству. Уверяли, что ворон, как и ворона с сорокой, уносит к себе в гнездо ценные и блестящие вещи. Ворон, говорили, упрятчив: что ни утащит, всё схоронит.

Ещё до сих пор, особенно - в сельской местности, встречаются люди, которые считают, что карканье ворона не сулит ничего хорошего. Раньше крестьяне думали, что в образе ворона летает сам чёрт, поджигает крыши, наносит людям всякий вред, поэтому вороньего карканья боялись. «Всякому б ворону на свою голову каркать», - высказывались об этой птице, ожидая от неё одни только беды. Когда хотели посулить кому-либо что-нибудь очень дурное, то говорили: «Чтоб на тебя ворон каркнул!»

Ворон всегда был олицетворением смерти. «Как ворон, крови ждёт», «Спроважу, куда ворон костей твоих не занесёт», «Смерть чёрным вороном влетает в окошко», «Ворон каркает на церкви - к покойнику на селе, каркает на избе - к покойнику во дворе» - всё это очень распространённые в народе поговорки, и воспринимались они как нечто неоспоримое.

В давние времена существовало поверье, будто дурные священники после смерти превращаются в ворона. Того, кто отправлялся в дорогу, непременно наставляли: «Не начинай пути, если увидишь в небе одиноко летящего, как бы заблудившегося ворона, постигнет неудача!» Даже надоевшую всем ворону превосходил ворон чернотой своих замыслов: «Ворон каркает к несчастью, ворона - к ненастью».

О конской масти, сплошной черной, говорили, что она вороная, бедовая. Игра в ворона заключалась в том, что мать прикрывает детей, а ворон хватается за них. И опять же: «Вороных лошадей под жениха с невестой в свадебном поезде не берут». Этой воронёности в народе всегда сторонились и опасались, суеверно связывая с чернотой только что-то худое.

А нет бы, восхититься этой ночной глубиной! Ведь когда ворон, сгорбившись, сидит на вершине дерева - он красив и статен. В нём необыкновенно занимает именно темнота этой непостижимой природной глубины, которая, только на первый взгляд, просто черна, без единого светлого пятнышка. Она будто заостряет на себе внимание, и в то же время - растворяет его. Нужно посмотреть на ворона пристальнее, с глубоким уважением к этой птице, и тогда будешь очарован его простой, бесконечной

красотой.

В июньском лесу нередко попадаетесь красивое растение вороний глаз, как будто излучающее волны таинственности. Увидев его, почему-то сразу представляется ворон, что смотрит на тебя из зеленых зарослей загадочным чёрным оком, в нём есть нечто гипнотическое. Будто это древние силы леса наблюдают за тобой исподтишка, провожая испытывающим чёрно-фиолетовым взглядом.

Древним считается и сам ворон, живущий, по преданию, триста лет. А всё оттого будто бы, что питается одной мертвечиной. Он является прообразом ветра - Стрибожьего внука, и, как говорится в старинных сказаниях, не только «приносит бурю» на своих чёрных крылах, а и «воду живую и мёртвую». Есть у воронов свой царь-ворон, и сидит он, говорят сказки, в гнезде, свитом на семи дубах.

Петь ворон не умеет, а только каркает, потому что, по древней легенде, его создал злой дух. Однажды ворон не мог отыскать себе пищу, не утерпел и съел умершего человека, за что Бог повелел ему отныне питаться мертвечиной. «Будешь подбирать только останки погибших зверей и птиц», — молвил он птице, и будто бы сделал её чёрной. С тех пор ворон добыть себе для пропитания ничего не может, поедает лишь падаль, и хоть очищает тем землю, но среди людей имеет худую славу. Может быть, именно поэтому держится он обособленно, порождая своим скрытым образом жизни рассказы, почти всегда подёрнутые мрачной тайной.

«Три человеческих да три лошадиных жизни переживает ворон, а всё ему мало», - говорят о нём в народе. Ворон - птица, о которой упоминается в священном писании: «По прошествии сорока дней (после того, как ковчег остановился на горе Арарат) Ной открыл сделанное им окно ковчега и выпустил ворона (чтобы видеть, убыва ли вода с земли), который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды. Потом выпустил от себя голубя...».

В народной легенде про это рассказывается подробнее. «Когда после потопа вода начала убывать, Ной послал ворона искать землю на юг, но ворон, вопреки повелению, улетел на запад и не вернулся; затем Ной послал голубя на восток, и он, полетавши там, принёс землю; Ной за это полюбил голубя, а ворона стал ненавидеть. Голубю за послушание дал место около строений и определил ему питаться зернами хлебных растений, а ворону приказал жить вдали от жилья человеческого и питаться мертвыми телами. С тех пор и живут голуби около домов, а вороны — вдали от них».

С детства мы верили во всё, что связано с этой птицей. Такими выразительными представлялись сказки, поверья, пословицы и, вообще, всякие разговоры о ней. Как и многие другие дети, я любил, затаив дыхание, слушать рассказы бабушки о волшебном вороне, но больше всего меня поражала бабушкина соседка, живущая от неё через два дома: это была страшная сгорбленная старуха с большим горбатым носом, напоминающая чёрную птицу.

Старуха эта одевалась всегда одинаково - платок, пиджак, юбка и сапоги на ней всегда были чёрного цвета. Она никогда ничего не говорила, а только по-птичьи кивала головой, слушая бабушку, и этим вызывала у меня ещё больший страх. Держась за бабушкину руку, я то и дело норовил спрятаться за её платье, но старуха-чернявка как будто нарочно склоняла надо мной свою носатую голову и, молча, рассматривала своими маслянисто-чёрными круглыми глазами. Бабушка, казалось, ничего не замечала, и от этого старуха пугала ещё больше. Всё чёрное, воронье в своей маленькой жизни я связывал именно со страшной соседкой, а бабушкины рассказы о сказочной птице только подливали масла в огонь.

Птица народных поверий не давала покоя и в зрелые годы, мне всегда хотелось узнать правду о ней, отделив, наконец, истину от легенды. Поначалу я думал, что всё это очень просто сделать: достаточно застать где-нибудь недалеко от деревни или в лесу стаю кружащих воронов, и многое из их жизни сразу станет понятным.

На самом деле ворона не увидишь так легко и часто, как обыкновенную ворону, он - отшельник наших лесов, что живёт в уединении, обособленно ото всех. Самый крупный из врановых, ворон - пустынный среди птиц, будто удалившийся от суетного мира в дремучую лесную обитель. Но, как говорится, «кот Евстафий в отшельники ушёл, да оскоромился мышкой». Так и ворон: несмотря на своё привилегированное положение, он очень неприхотлив, и ест решительно всё, что только мало-мальски съедобно, подбираясь иногда близко к жилью.

В добывании пищи ворон нередко становится дерзок и кровожаден, никто из мелких зверей и птиц не застрахован от его нападений. Тут достаётся всем: от крошечной мыши - до бедолаги зайца. Особое лакомство ворона составляют только что народившиеся птенцы, чьё мясо для него, наверное, необычайно нежно на вкус.

Но ещё более, чем птенцы, яйца птиц и прочая живность, ворона привлекает падаль: он её на удивление быстро находит в лесу. Можно только удивляться чутью и обонянию этой птицы, когда она разыскивает погибшее животное! Вероятно, помимо чутья ворону помогает в этом и чрезвычайно острое зрение. Завидев падаль, ворон долго кружит над ней в воздухе, тщательно осматривая окружающую местность, и опускается на землю, только убедившись в отсутствии опасности.

Ворон необычайно умен, и ум этот отражается именно в его чёрных глазах, в той удивительной проницательности, с какой он исследует окружающую обстановку. Застать ворона врасплох весьма сложно: он никогда не поддастся даже на очень тонко подстроенный обман.

Своей осторожностью ворон, кажется, превосходит всех остальных птиц. Он невероятно предусмотрителен и, прежде чем садиться, тщательно облетает всю округу, выискивая малейшую опасность. Завидев человека даже на значительном расстоянии, он тотчас улетаёт, а если человек приближается к его гнезду, ворон бросает насиженное место.

В древности ворон считался самой умной птицей из всех. Старый ворон, говорили про него в народе, не каркнет даром: либо было что, либо будет.

Ворон преисполнен величия, когда неспешной поступью расхаживает по земле и, высоко подняв голову, озирает всё вокруг своим пристальным взглядом. Величествен ворон и в полёте: поднимаясь на значительную высоту, он медленно проплывает достаточно большое пространство, не шевеля крыльями. В парении своем он не похож на обычную ворону, что перемещается над лесом как-то взбалмошно, порой невпопад отмахивая бесконечные вёрсты. При этом ворон нередко издаёт далеко слышный крик: «крун-крун-дон-н, крун-крун-дон-н, крун-крун-дон-н», напоминающий колокольный звон, что настораживает тебя в ожидании чего-то неизвестного, большого.

А вот когда он неожиданно переворачивается в воздухе на спину, из его горла разносится более округлый, но какой-то загадочный клёкот: «клонг, клонг, клонг». В такие моменты кажется, что в вороне просыпается нечто неведомое ему самому, а может, птица, таким образом, более благоприятно усваивает пищу, прочищает горло или вовсе тешится впустую. Одно ясно: ворон без этой воздушной эквилибристики обойтись не в состоянии, потому как повторяет подобные движения довольно часто. Вероятно, они доставляют ему удовольствие.

По всему видать, ворон - птица необычная, что проявляется и в её брачных играх. Первые брачные игры у чёрных воронов начинаются ещё в январе, когда другие птицы и не помышляют о каком-либо оживлении. В фиолетовом небе над фиолетовым лесом кувыркаются два ворона, и их гортанный клёкот гулко разносится на всю округу.

Морозен зимний день, всё наглухо засыпано снегом и подвержено ему, а ворон плавно поднимается в холодную вышину, без усталости машет чёрными крыльями и восклицает что-то восторженное: всё ему нипочем! Странно, но кажется, что это - живая душа, ничуть не замерзая, радуется ранней любви, клокочет и рвётся к одной ей видимому свету.

Всё выше и выше взбирается ворон в пустынную высоту, что отзывается ему проникновенной тишиной, и неожиданно бросается в свободное падение, так что захватывает дух. Ворон летит вольно, широко, с каким-то неудержимым размахом. Глядя на него, восхищённо думается: вот-вот птица сорвётся, не вынесет ледяных воздушных струй...

Но нет, через мгновение ворон замирает и вновь медленно навёртывает круги, поднимаясь ещё выше, а достигнув какой-то невидимой точки, с переворотом на спину ухает вниз, через пару секунд молниеносно выправившись и успевая издать свой гортанный звук: «крун-дон-н, крун-дон-н, клонг!» До чего проникновенно слышать эту лесную музыку, до чего хорошо парить вольной птицей!

Зависть круче мороза сковывает тогда твоё воображение, так что тоже хочется взлететь над лесом, закувыркаться, разверзнуть холодающее пространство пронзительным криком. Зябко и приподнято становится на

душе, и представляешь себя уже не чёрным вороном, а неведомой белой птицей, вещающей только радость.

Расчерчивая крылами немеющее от холода пространство, вслед первому весеннему вестнику, самцу, всплывает к облакам ещё одна чёрная птица - его пара, и также стремительно, с разлёту, сшибается со студёным ветром. То вверх, то вниз, то с криком, то молча, летит она навстречу ещё не проснувшейся весне, и словно будит её: так уверен и трепетен её зов. «Крун-дон-н, крек-к-к, крун-дон-н, крек-к-к, крун-дон-н-дон-н, клонг», - звонко разносится в необозримой вышине голос необыкновенной птицы, что будто бы отчего-то предостерегает...

Забытым посреди зимы хмурым днём нечаянно обнаружишь в лесу такую птицу - и сразу почувствуешь, как тебе повезло. Оттого, что она одна в эту холодную пору вознамерилась провозгласить любовь, не испугалась, не остереглась, а восторжествовала. И всё это происходит у неё с настроением, легко, ещё более наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти, как утверждают народные поверья, чудеса эти негаданно выплывают по её сокровенным волнам из непостижимой древности, и лес как будто оживает, возвращаясь к временам своей далёкой молодости.

На самом деле ворон живёт семьдесят - восемьдесят лет, никак не триста, но даже этого возраста ему хватает, чтобы создать себе репутацию птицы, повидавшей виды и очень мудрой. Цвет воронова крыла - это обгорелое полено, побывавшее под дождём и жирно поблескивающее серебристыми переливами, как бы отражая его внутреннюю таинственную суть. Если ворон будет сидеть неподвижно, его несложно принять именно за такую головёшку.

Нечто обгорелое чувствуется не только в облике птицы, но и во всём её поведении. Люди, звери и птицы ровно боятся вороньего цвета или, по крайней мере, опасаются его, а ворон смотрит на всех свысока, и в нём будто ничего не происходит. Только ветер перебирает на спине смоляные перья, шевелит такую же угольную подпушь...

Ворон, ворон... Сколько он всего видел и пережил, ни с кем не делясь, а только накапливая неведомое богатство! Но нет, невозможно держать в себе так много и долго всё увиденное, когда-либо не перегорев. Ворон и перегорает, подтверждая, тем самым, свою неприкаемую суть и горелый цвет, оставаясь большей частью угрюмым, и, как может, освобождается от пережитого в высоком отрешённом парении, отдавая себя на волю неудержимым воздушным струям.

Может быть, ворон хочет разгадать какую-то тайну и не в силах этого сделать? Или ищет зорким глазом нечто заветное, знакомое только ему? Наверное, он читает известные одному ему тайные знаки природы, иначе бы был ли ворон самим собой?

Да, каким бы цветным и радостным ни воспринимался мир, ворон, должно быть, так и останется чёрным. Но вот чувствует ли он себя в нём чужим? Пожалуй, нет... Ворон мудр, и много раз видел, как жизнь тоже темнела. Он готов ко всему и понимает, что без его черноты никогда не будет

света.

С мудрой печалью во взгляде поворачивает ворон к жизни свою чёрную голову, какой-то миг пристально всматривается и, взмахнув черными крыльями, плавно взлетает. Без всяких усилий набирает он высоту, плывёт над землёй величественно, и там, в вышине, оглашает округу пронзительным клёкотом.

Отрешённо кружа над еловыми гривами, ворон медленно уменьшается, становясь еле различимой точкой, а затем и вовсе скрывается за облаками. Он успел разглядеть всё, что ему было нужно, и, охладев, горделиво взмывает в недоступное для всех пространство, как бы в отместку за недоброе к себе отношение. Возносится, преисполненный свободой, презрев чужую ограниченность, но мир без него уже не кажется таким прекрасным.

Господин дятел

Дятел - хорошо заметная, простая и всем знакомая в лесу птица, не лишённая завидного благородства. Того самого благородства, что определяет присущие сему состоянию черты и поступки, дарованные Богом, и так получилось, что дятлу были отпущены только благородные, потому как польза, приносимая этой замечательной птицей, и манера держаться, всегда настороженная и вместе с тем возвышенная, наверное, и обусловили её высокое имя «господин». Кстати, в народе оно чаще всего употреблялось, как вежливое упоминание или обращение.

Не купец, не дворянин, а своему дому господин, живёт дятел в нём, то есть - в лесу, исправно и со знанием дела. На Руси говорят, что господин - кто за многих один, и, конечно, это в полной мере относится к дятлу. В самом облике дятла чувствуется строгость и какая-то глубокая порядочность, что так напоминает нам добрую господскую косточку, а ещё - чувство собственного достоинства от совершаемого труда. Дятел - истинный работяга, и очень горд этим, но не кичится перед лесом, своими заслугами, и лишь торжествующим возгласом «кви-вик» напоминает, что каждому в лесу следует, не покладая сил, трудиться на всеобщее благо.

В этой работе дятел очень аккуратен, подтверждая тем свою благородную сущность. К слову сказать, он никогда не разбрасывает раздолбленные шишки по лесу, а сносит их обыкновенно на одно и то же дерево, служащее ему как бы верстаком. Удобнее устроив шишку или орех в подходящую щель, дятел усердно орудует клювом, выедая питательные семена, и затем сбрасывает на землю.

Часто в лесу натыкаешься на целые кучи раздолбленных сосновых и еловых шишек, напоминающие об озабоченной птице. Как будто кто-то неведомый пришёл, сложил их заботливой рукой и неслышно для всех удалился. Это - знаменитые «кузни» дятла, что завораживают основательностью, с какой он их обустривает.

А вот летают дятлы неохотно, как будто понимая, что созданы для иного,

но очень быстро, желая, наверное, поскорее оказаться там, где они нужнее всего. Полёт у них тяжелый и, одновременно, стремительный: птица делает резкий взмах крыльями, что поднимает её ввысь, затем складывает их и стремительно, словно брошенное копьё, пролетает некоторое расстояние, быстро теряя высоту, затем вновь взмахивает крыльями, и так до тех пор, пока, наконец, не усядется на какое-нибудь дерево и не возобновит работу.

В основном дятлу приходится летать от дерева к дереву, то есть - на расстояние в несколько шагов, и потому это скорее перепархивание, чем полёт, в нём всегда угадывается вынужденное напряжение, как будто лететь ему не хочется, и он летит только потому, что надо. Но в те моменты, когда дятел взмывает после очередного взмаха крыльев, он словно вспоминает о своей возвышенной сущности и, кажется, стремится хотя бы на короткий миг побыть птицей, которой просто и замечательно летится.

Своеобразен и брачный полёт дятла, что сразу становится понятным, если хотя бы раз его увидел. Так не летают, да, видимо, и не могут летать другие птицы. Вот когда открываются его самые красивые и яркие перья, что растут у птицы под хвостом! Поставив хвост торчком, и распушив ярко-алое подхвостье, дятел летит, словно по натянутой струне, часто трепеща крыльями, и ты уже не знаешь, чего ещё ожидать от этой птицы.

Но на самом деле дятел, как добропорядочный семьянин и гражданин леса, живёт размеренной оседлой жизнью. Ему нет нужды улетать в тёплые страны, и кочевником его также назвать нельзя. Дятел придерживается той части леса, где находится его гнездо, и тщательно следит за тем, чтобы деревья в охраняемой им вотчине не болели.

Во всём облике дятла видна обстоятельность, когда он усядется, расщеперив узорчатые крылья, на ствол, упрёт в него свой многоступенчатый упругий хвост, и давай пробовать дерево на звук. Шею выворачивает, мелкой дробью кору на клюв пробует, и как будто прислушивается: тут ли зловерный червь? Ну, чистый доктор!

Являясь грозой для жуков и короедов, дятел - птица очень миролюбивая, хоть и не весьма общительная. К обществу даже себе подобных дятлы не тяготеют, но и ссор не затевают. Не любят дятлы «водить компанию», а знай, только работают лесу на радость да другим пернатым на утешение, и ничего за это не требуют. Доброму, как говорится, забота не в тягость, а только в удовольствие.

Именно поэтому, наверное, дятла и величают «великодушным». Мало того что он долбит многочисленные домики, которые используют другие певчие птицы, так он ещё и щедро им их уступает, тотчас принимаясь за изготовление новых. Синицы, мухоловки, горихвостки, вертишейки должны быть благодарны дятлу за то, что он снабдил их тёплыми и уютными квартирками, что оберегают их в лютые зимы.

Дятел удивительно благороден. Совместно с самкой, в течение десяти - пятнадцати дней, он неустанно готовит гнездо для будущих птенцов, помогает им впоследствии высиживать, а когда на гнезде находится мать, никуда не

улетает и ночует по соседству в прошлогоднем гнезде или нарочно выдолбленной «спаленке», причём, спит в всяком положении, прицепившись лапками к отвесной стенке. Он не может допустить, чтобы его подруге и птенцам было неловко, нехорошо, и всеми силами старается обустроить их уют.

В общем, в отличие от других птиц, многим людям совсем неизвестных, дятел действительно всем хорошо знаком, и его благородная суть ни у кого не вызывает сомнений. Он, может быть, именно поэтому и должным вниманием обделён, поскольку прост по своей замечательной сути. Все привыкли видеть его поблизости, за работой, и уже, кажется, не обращают на него никакого внимания. Но не меркнет слава дятла для любознательного человека, охотчего до лесных загадок. Оттого человек, наверное, и величает эту птицу «господином», что вызывает она только уважение.

Прозвище «господин» напрашивается и из-за её оперения, напоминающего фрак. Таков большой пёстрый дятел, что наиболее распространён в наших лесах, и оперение его под стать именно господскому: щеголеватый чёрный сюртук, белая манишка, на шее - нечто вроде бабочки. Вылитый джентльмен, призванный не только охранять жизнь леса, но и украшать его.

Впрочем, и другие дятлы, хотя и окрашенные иначе, имеют такое же благородное платье. Самый крупный из них - желна, никогда не снимает с крутых плеч свой чёрный смокинг. Только строгость и тайна в его настороженном облике, когда он неожиданно и бесшумно появляется где-нибудь поблизости. Несмотря на темноту, которой дятел овеян в народных сказаниях, он вызывает уважение этими загадочными передвижениями по лесу. Особенно если присаживается на шероховатый ствол старой ели, широко взмахнув чёрными крыльями, как фалдами своего одеяния, и замирает в горделивой позе, наострив свой рассерженный жёлтый глаз.

Зелёный, или, как его ещё называют, седой дятел удостоен пепельно-оливкового камзола цвета молодой весенней листвы. По всему видно, что дятел вовсе не гордится им, а просто носит, за что-то дарованный ему лесом. Это даже, скорее, изысканный зелёный плащ, легко перехваченный у горла и так же ненавязчиво ниспадающий по его округлой, чуть вытянутой фигурке. Хотя дятел и не придает ему значения, увлечённый охотой за любимыми муравьями, чувствуется, что он не забывает о том, какой он, всё-таки, благородный и красивый.

Жизнь белоспинного дятла связана больше с березняками, и потому он имеет расцветку, близкую берёзовой коре. У белоспинного дятла - будто мантия магистра на плечи наброшена для какого-то торжественного момента, он уже давно закончился, но птица её почему-то не снимает. Скорее всего, дятел не может прекратить свою любимую работу, желая оставаться при этом и незамеченным, и неотразимым.

Есть ещё и трехпалый дятел, у него тоже, как и у белоспинного и большого пестрого, на плечи накинуто что-то вроде строгого пиджака -

опрятного, подчеркивающего деловитость птицы и её аккуратность. Даже буровато-чёрные пестрины, непритязательно разбросанные по нему, не означают безвкусицу и не портят первого впечатления. К тому же, жёлтая шапочка на темени дятла отличается редким изяществом и скромностью, что в полной мере можно отнести к этой обаятельной лесной птице.

Вообще, все дятлы, хотя и принадлежат к одному семейству, имеют самую разнообразную одежду, и в каждом из них она отличается рабочей строгостью и не теряет элегантности. Облюбовав какую-либо сосну или ёлку, птицы в скором времени могут переместиться на березу, осину и даже, может быть, ольху, но на коре всех этих деревьев они должны оставаться невидимыми. Ведь по одежке, утверждают в народе, протягивай и ножки, а она у дятла куда как не самая последняя!

Рад дятел, что нажил себе такой знатный кафтан. Правда, он, наверное, и не замечает дарованной ему одежды, потому как весь в заботах. Шишку разбитую надо отнести, новую принести, дупло выдолбить, птенцов выкормить, другие деревья проверить - дел у него неупрочен! Разве разглядишь за всем этим свой наряд?! И вот именно поэтому кафтан дятлу сшит точь-в-точь по его плечам, чтобы дятел не отвлекался от работы, было ему удобно, а выглядел бы он всегда молодцом!

Не зря у дятла кафтан ещё и с подкладкой, чуть виднеется из-под хвоста розовато-алый подбой, будто спелая заря, с рождением которой он уже начинает свою бесперебойную долбёжку. И если о человеке говорят, что его сначала по платью встречают, а по уму провожают, то дятла рады принимать и по тому, и по-другому. Когда житьё у кого скупое, то он и платье носит худое, чего не скажешь про дятла, что по достойному труду и платье имеет заметное.

Дятлы постоянно заявляют о себе голосом. Издавая призывный крик, они, очевидно, извещают соседей о месте своего пребывания. Так, например, большие пёстрые дятлы, что держатся обычно поодиночке, издают короткий и высокий выкрик: «квик-квик». Чаще всего дятел повторяет его, сидя на вершине сосны или ели, реже - на каком-нибудь лиственном дереве, и разносится он в течение всего дня.

Но самый голосистый, пожалуй, чёрный дятел, или, как его ещё называют, желна. Огромный, с алой шапкой, он то и дело перелетает над опушкой, вытянувшись в воздухе наподобие чёрной лодочки, и кричит одинаково часто как осенью, так и весной. Обычно желна последовательно издаёт два звука: первый - громкий протяжный возглас, выражающий неизъяснимую тревогу, даже плач: «киу-у, киу-у, киу-у», а второй - резко прерывающееся и очень зычное вскрикивание: «крю-крю-крю-крю, крю-крю-крю-крю-ю». По голосу всегда можно довольно точно определить, какой это дятел, куда он летит и где сделал остановку.

Несмотря на свой почтенный вид, дятел очень забавен и имеет довольно-таки весёлый характер. Конечно, особенно утонченных манер от него ожидать нельзя, всё-таки у дятла привычки лесного жителя, призванного выполнять «чёрную» работу, но своим опрятным обликом и образцовым

поведением он производит очень привлекательное впечатление. Кто бы мог пожелать, чтобы дятлов не было, и они исчезли из наших лесов? Уже один их голос, что напоминает громкий хохот и разносится далеко по лесу, звучит замечательно весело, и потому не мудрено, что дятлы принадлежат к одним из наиболее любимых человеком птиц.

Но голос у дятла не единственное средство звукового выражения его весеннего возбуждения. Дятел ещё и великолепный музыкант, что тоже получается у птицы достаточно возвышенно и громогласно. Когда приходит весна, по лесу разносится торжественная барабанная дробь, которой дятел возвещает о своём чувстве. Это громкий раскатистый звук, возникающий от частых ударов клювом по сухому стволу или суку. При этом отдельные удары, составляющие дробь, хорошо различимы: они следуют один за другим со скоростью более десяти раз в секунду, и вся дробь звучит как долгое раскатистое «трр-р-р-р-р-р-р-р-р», затухающее в конце.

Чем меньше дятел, тем меньше ударов он совершает за одно, и то же время. Например, желна ударяет клювом очень размеренно, степенно, а у малого пестрого дятла удары сливаются в сплошную трескотню. Интервалы между ударами бывают настолько малы, что звук воспринимается как трель, громкое и раскатистое лесное эхо, проникающее в самые глухие уголки.

Дятлы намеренно выбирают «барабан» с наиболее сильным резонансом. Постучав сначала по одному суку, потом по-другому, третьему, они затем чаще всего играют именно на том «инструменте», который позволяет производить самую громкую трель. Когда дятлу попадаются консервные банки на дереве, он использует даже их. Конечно, каждый сук или банка звучат по-своему, но это не мешает птицам находить друг друга: тут важна продолжительность звучания.

А ещё дятел-самец издаёт подобные звуки для того, чтобы доставить удовольствие самке. Барабания по суку, он вызывает на бой других самцов, которые, услышав этот звук, прилетают издалека, чтобы сразиться с соперником. Подражая этому звуку, можно, наверное, легко подманить к себе много дятлов, а слышится он в лесу на расстоянии целого километра.

Дятел в лесу будто запевала многоголосого лесного хора, к нему прислушиваются все птицы, и как только он начнёт - принимаются на разные голоса прославлять весну. Правда, голос дятла, на самом деле, просто барабанная дробь от частого удара его мощного клюва по сухому суку, но воспринимается всеми обитателями леса именно как песня. Да дятел и сам, наверное, думает, что поёт, оглашая лес звонко разносящейся трелью.

Барабанную трель дятла не перепутаешь с другой птицей, она - очень своеобразна. В её простом ритме сотни оттенков, что разносятся самыми непредсказуемыми мелодиями по всему лесу. Как наши ноты рожают удивительные звучания, так и трель дятла неповторима по многообразию музыкальных переливов. Стоит, хотя бы раз, оказаться в весеннем лесу, лучше - утром, и ты будешь очарован ими.

Сначала дятел, как дирижёр перед оркестровой ямой, на мгновение

замрёт, сосредоточится и, осмотревшись, ударит первый раз, так что лес загудит, заволнуется и окончательно проснётся. Лес для него - это торжественный концертный зал, необычайно проникновенное пространство, где воплощаются в жизнь все его восторженные задумки. Он счастливо может выражать себя в них, наслаждаться ими и, призывая поклонниц своего таланта, то есть – самок, в тоже время дарит обитателям леса ощущение прекрасной нескончаемости от их великого дома.

Таким возвышенным и проникновенным образом дятлы выражают свои чувства, и если они не особенно хорошие певцы, то многие из них, зато, оказываются великолепными виртуозами по части инструментальной музыки. С самого рождения жизнь дятлов вращается преимущественно около дерева, и потому становится понятным, что ксилофон является их любимым инструментом, на нём они с большим желанием и начинают играть весной. Тот, кто часто бывает в лесу, всегда обратит внимание на эту музыку, естественно принимая её за любовную серенаду дятла, но долгое время в народе считали, что она является предзнаменованием дождя. В этой странной привычке пользоваться сучком как музыкальным инструментом хорошо угадывается утонченная натура дятла.

Благодаря этому дятел, наверное, и не преминёт воспользоваться любым подходящим для этого предметом, чтобы выразить все устремления своей маленькой, но возвышенной души. Если представить себе какое-нибудь волшебное дерево, увешанное чудесными сосудами или игрушками, дятел, должно быть, непременно воспользуется ими и попробует на звучание. Такая основательная, всё примечающая и свободная птица не может не заинтересоваться чудесными вещами, будучи сама неподражаемой и чудесной.

Рассказывают, будто бы дятлы даже научились раздалбливать шире леток в скворечню, устраивая в ней зимой свою постель. Ко мне в огород тоже повадился большой пёстрый дятел, но скворечник он, слава Богу, пока не тронул, а вот дом, кажется, во всех углах простучал. И все это опять же без спешки, с толком, хоть и в непосредственной близости от человека.

С точки зрения его «господского» положения в лесу дятлу подобное поведение, вроде бы, не пристало, но моё присутствие его ничуть не смущает. Хлопнет дверь - дятел тотчас перелетит на черёмуху, свесится боком и, кося одним глазом на вход, уже выуживает личинок с дерева, а как только всё успокоится, он опять что-то выискивает на стене конюшни. Дятел, говорят, никогда не натывается, и что же на него обижаться, если он от жуков-древоточцев дом оберегает?!

Правда, в старину, смотря по тому, что он клюет, делались разного рода предсказания. Например, если весной дятел долбил по преимуществу изгородь, то наступающее лето обещало быть червивым, если стены холодных строений, это предвещало много мышей, а вот жилые помещения - к смерти одного из членов семьи. Когда дятел настукивал в переднем углу дома, это означало смерть самого хозяина!

Но что поделать - дятла нос кормит, и от него он пропадает, так как по далеко слышному в лесу тюканью дятла его и находят хищники. Кабы дятлу не свой носок, никто бы его в лесу не нашёл!

Да только кому может помешать дятел, поскольку стукотня его вовсе не надоедлива. Пожалуй, она более умиротворяет, нежели вызывает раздражение. Вроде бы, размеренная, работа дятла даже отличается восхитительным остервенением!

Да, у дятла завидный жизненный настрой, с ним он всегда нацелен на работу: ни хмурое небо, ни надоедливый дождь не в силах вогнуть его в тоску. Это присуще лишь избранным, потому как ко многому обязывает. Дятел с лихвой оправдывает силу, благосклонно вложенную в него природой, и всегда держится молодцом. Сколько деревьев ему надо осмотреть, чтобы найти то место, где под корой поселились жуки и личинки!

Дятел невероятно трудолюбив и при этом очень внимателен к тому, что он делает. Часто можно видеть, как он, не переставая, долбит дерево, весь день озабоченно перебегает по его стволу, что-то внимательно высматривает, настороженно оценивает и вновь принимается за работу. Всё он делает очень основательно, и не раз перепроверив.

Клюв дятла, несомненно, одно из главных его достоинств. Но как приспособить его к господскому званию птицы? Клювом дятел долбит дерево, выдалбливая дупло для гнезда, которым пользуются многие птицы, и уже тем подтверждает свое благородство. Клюв служит дятлу и «музыкальным инструментом»: им он стучит весной по сухому суку, извлекая похожие на барабанную дробь звуки, и эта «весенняя песня» дятла, обращённая к даме сердца, выказывает его не только истовым музыкантом, но и истинным джентльменом.

Вдобавок, дятел - искусный акробат, ему позавидует любая птица, обитающая, как и он, в среднем пологе леса. Помогают ему лапки с острыми когтями, причём, два пальца выдаются вперёд, а другие два обращены назад. Ловкое лазание по деревьям обеспечивает дятлу и упругий хвост, на который он удобно опирается, передвигаясь по стволу скачками. Скачки дятел может совершать вверх, в сторону, и часто перемещается по стволу винтом.

Эта неспешная, даже размеренная манера дятла передвигаться по деревьям очень в нём привлекает. Хвост же играет настолько важную роль и несёт такую большую нагрузку, что за год стирается на одну десятую часть. Но никто этого не замечает: на всеобщее обозрение дятел выставляет только всё самое броское и лучшее, показывая тем свой изысканный вкус.

Его милая приземистая фигурка то и дело мелькает между стволами деревьев. На вид строгий, по-деловому озабоченный, но не замкнутый, дятел вызывает уважение своими постоянными перемещениями по лесу. Он действительно кажется очень озабоченным, когда, как доктор больного, «прослушивает» дерево, и в тоже время дятел открыт, для всех доступен.

Дятел не боязлив и всегда галантно выдерживает паузу, прежде, чем ретироваться. К нему, как правило, можно подойти достаточно близко, порой

почти вплотную, и он не выкажет особой боязни или настороженности. Даже тогда, когда птице грозит опасность, она не спешит улетать. Так, прислушается, взглянет чёрным глазком, склонив голову набок, и продолжит свою стукотню. В крайнем случае, перелетит на соседнее дерево и вновь огласит лесную тишину барабанной трелью: дятел весь в работе!

Заметив обычно приближение человека, дятел как бы непреднамеренно, ничем не выдавая того, что заметил опасность, переползает, продолжая что-то искать в неровностях коры, на противоположную сторону ствола и, поднимаясь по стволу вверх, лишь изредка выглядывает из-за него, будто невзначай наблюдая за человеком. Если попытаться обойти дерево, то птица опять переместится так, что между ней и человеком окажется ствол. Если человек попытается приблизиться к птице, она перелетает на соседнее дерево, выражая неудовольствие громким резким вскрикиванием. «Квик-квик, клек-кле-кле-кле-кле-кле», именно так дятел передает свое негодование по поводу того, что его всё-таки оторвали от неотложного и очень важного дела, а он, со своей стороны, проявил достаточно терпения, пока его не лишили.

Как тут не позавидуешь его способности сосредоточиться, не упуская при этом связи с окружающим! Времени даром не теряет, но и замечает всякую мелочь. Быть внимательным и вдумчивым наблюдателем скрытой от глаз жизни леса - его замечательное предназначение. Дятел не может позволить себе расслабиться хотя бы на минуту, а если такое случается, то только весной.

В эту восторженную для всех пору дятлы как будто сбрасывают на время свои благородные фраки и становятся какими-то оголёнными. Целыми днями они без устали носятся друг за другом между деревьями, пронзительно вскрикивают, и, кажется, вот-вот сойдут с ума от охватившего их возбуждения. Весь год: и в снег, и в мороз, и в осеннее ненастье, они самозабвенно работали, добросовестно исполняя свою лесную службу, а теперь словно опомнились и ... очумели. Где их хвалёная выдержка, достоинство и гордость?! Дятлы превратились в обыкновенных птиц, охваченных весенним возбуждением.

Но простим их и вспомним себя, когда приходит весна... Не теряем ли мы, как дятлы, голову от ощущения непередаваемой свободы?! Помним ли, что происходило с нами, и отдаём ли отчет всем своим переживаниям?!

Весна безудержным и радостным ветром охватывает нас и, оторвав от земли, так же неутомонно возносит в сияющее небо, а мы не в силах противиться ей. До благородства ли тут, когда в лесу всякой твари по паре: бравый косой бесстрашно отправляется на поиски зайчихи, мудрый лисовин с замиранием сердца подбирается к своей огненно-рыжей и лукавой красавице, чутко улавливает носом желанную медведицу недавно поднявшийся из берлоги медведь... Вот и дятлы, вконец одурев, устраивают свою весеннюю кутерьму.

А как дятел оживляет лес зимой, когда он пустеет и в нём уже не слышно радостных песен! Сладостный зимний сон сковал всё живое, улеглась даже

безудержная выюга, что намела за ночь горы сугробов, а под утро выдохлась, и только дятел, не обращая ни на кого внимания, размеренно долбит старую берёзу, и звук от этих ударов отражается от стволов по всей роще: «тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук...».

Всё, что слышит ухо в зимнем лесу, это только drobный перестук дятла. Стукотня дятла выводит из охватившего зимнего оцепенения, постепенно отрезвляя и в тоже время приятно озадачивая: как же неутомонна эта птица, что не успокаивается даже в такую глухую пору! Зимой удары дятла в лесу звучат особенно хорошо, хотя и не так громко, как весной.

Будто неведомый старичок-лесовичок ходит меж берёзок и ёлочек, ударяет своей лёгкой колотушкой по стволу, проверяя его на звучность, но особо не шумит. Этот лесной сторож знает, где и как стукнуть, чтобы дерево отозвалось серебряным звоном. Ведь как стукнешь, так и отзовётся, а дятел впустую стучать не станет, потому как всех, если захочет, перестучит: и стука, и работы у него вволю!

В народе про дятла бытовала такая история. Когда Бог задумал моря, реки и родники, он поручил эту работу пташкам небесным, и все за неё дружно принялись, кроме дятла: он будто бы по своему упрямству Божьему повелению не подчинился, отказавшись выкапывать земные водоёмы вместе с другими птицами. Господь, чтобы наказать дятла, запретил ему пить из них воду и приказал довольствоваться только той водой, что во время дождя с неба падает, и дятел должен ловить её в воздухе, как сумеет. Оттого-то дятел и кричит всегда перед дождем.

Среди людей существует ещё такое поверье, по которому дятел будто бы знает способ вызывать дождь. Для этого ему только стоит разбросать муравьиную кучу. Вполне возможно, кто-то когда-то примечал, что так оно и было, но нам-то сейчас доподлинно известно, как охочи до муравьев дятлы, в особенности зелёный, или, как его еще называют, седой.

Дятел долгое время терпеливо сидит на ближайшем от муравейника дереве и ждёт, когда муравьи вытащат своих куколок просушиться. А как только это произойдет, поедает их, ловко слизывая своим длинным клейким языком. Суть приметы, по-видимому, кроется в том, что чуткие насекомые угадывают скорое приближение сырости и прячут яички в муравейник. Дятел же, не желая обременять себя ожиданием и стремясь быстрее полакомиться, разбрасывает муравьиную кучу, и вскоре начинается дождь.

Вообще-то, про дятла в народе ходит сравнительно немного рассказов, причём, почти все они вращаются вокруг его свойства долбить дерево. Известно, что дятел, подолбив дерево с одной стороны, тотчас же перелетает на другую, там подолбит, и опять обратно. Это объясняется тем, что, потюкав дерево, он спугивает насекомых, гнездящихся в расщелинах коры, и те перебираются на противоположную сторону, где дятел их ловит, повторяя такой приём постоянно. В народе в этой особенности видели то, что дятел летит на другую сторону, чтобы посмотреть, не прошел ли насквозь его клюв.

Обычно я отношусь к таким историям очень терпимо, ибо все они больше

слагаются из любви к лесу, рядом с которым всегда жил русский человек, чем ради пустого краснобайства. Все эти неправдоподобные рассказы про годовалого медведя-пестуна, что помогает медведице нянчить её несмышленишей, или про глухаря, что будто бы он не топчет копалуху, а продолжает свой лесной род с помощью разбрасываемой им слюны, которую она сглатывает, больше вызывают улыбку, чем неприязнь или справедливое возмущение.

Вот, к примеру, ещё одна легенда про дятла, что бытовала раньше среди крестьян. Согласно ей дятел - птица скорее зловещая, утверждали они, нежели приносящая удачу, и своим стуком предвещает несчастье. Во многих местностях дятлу приписывалось свойство находить некую разрыв-траву. Поверье гласило, что дятел знает такую траву, что может отомкнуть всякий замок, и чтобы отнять у дятла эту траву, нужно найти его гнездо и заткнуть вход деревянными колышками. Дятел сперва попробует силу своего клюва, чтобы проникнуть в гнездо, а затем полетит и принесёт добытую им разрыв-траву.

Под деревом, где находится его гнездо, нужно расстелить красный платок. Дятел примет его за огонь, разложенный под деревом, и упустит на него траву, сказочное зелье, от которого не только замки и запоры распадаются, но и клады даются. Самому обнаружить эту траву очень не просто, потому как цветёт она только в полночь на Иванов день, и держит цвет не долее, сколько нужно, чтоб прочитать «Отче наш», «Богородицу» и «Верую». Разрыв-трава обладает невероятной силой, и если бросить её в кузницу, уверяли старики, то кузнец даже не сможет работать.

Раньше о дятлах говорили и писали только доброе, что отличало их как главных хранителей леса. «Лесной доктор», «музыкальных дел мастер», «лесной кузнец» - всё это очень справедливые и меткие прозвища, действительно отличающие дятла как истинного врача, непревзойденного исполнителя самых необыкновенных лесных звучаний, старательного и вдохновенного мастера. Не зря издревле замечали, что для того же лесничего дятел, как собака для охотника.

Но сейчас о дятле, несмотря на все его благородные свойства, стали появляться довольно противоречивые мнения. Чаще всего такое: труженик-то он, вроде бы, большой, зато семян сосны и муравьев поедает изрядно, а это уже не на пользу лесу. Или ещё по-другому: хорошо, когда еды в лесу вдоволь, но вот если её мало - дятлы, ко всему прочему, будто бы начинают хищничать: раздалбливают летки у многих синиц, вытаскивают оттуда птенцов и убивают их.

Особо же сердобольные не упустят случая упомянуть о якобы нездоровой тяге дятлов к целительному берёзовому соку: нередко можно обнаружить, что нежная береста пронизана аккуратными рядами маленьких дырочек, что как будто окольцовывают ствол, и это, мол, небезопасно для жизни дерева. Да что с того, если семья дятла лакомится по весне сладким берёзовым соком? Он не только приятен птицам на вкус, но ещё и витаминное лекарство после их

самоотверженной работы на благо леса в течение всей холодной зимы. Разве много среди лесных обитателей таких, что приносят одну только пользу?!

Нет, даже когда дятлы долбят сухое дерево, когда спасти его уже невозможно, они всё равно делают нужное и важное дело: избавляют лес от вредителей, что стремятся перейти на здоровые деревья и погубить их. Усердие дятлов не знает границ там, где они достают вредителя из глубины ствола, а не только из-под коры, то есть оттуда, где яды не смогут достичь вредное насекомое. Что же касается дупел, то и здесь только польза.

Во-первых, дятлы выдалбливают их в старых и сухих деревьях. Во-вторых, дуплами этими пользуются только один раз, оставляя потом другим птицам, когда они часто страдают из-за отсутствия подходящих для гнездования мест. Кстати, зимой дятлы часто сдирают ударами клюва кору с зараженной личинками короеда ели, что позволяет другим зимующим птицам поедать этих личинок. Дятел очень выручает голодающих птиц, и, наверное, никто не видел его хотя бы однажды скучающим.

Теперь доподлинно известно, что дятел долбит только заражённое дерево. Последовательно простукивая его с разных сторон, он запускает в проделанные маленькие отверстия длинный клейкий язык - гарпун с зазубринкой на конце, выуживая оттуда не только личинок, но и взрослых короедов. Дятел не терпит суеты в этом ответственном для всего леса деле, и сосредоточен до предела.словно господин со своими безропотными подданными ведёт себя дятел, нисколько не задумываясь об их судьбе. Всё существо птицы направлено на то, чтобы выискывать необходимый ему корм, выуживать его из-под коры и тотчас поедать.

Как крепко прилепляется дятел к стволу дерева, без которого просто не может существовать! Даже здоровое и полное жизни дерево, кажется, ждёт, когда птица подлетит, присядет на ветку и тщательно прослушает его. Дерево замрёт на короткое время, будто боясь помешать преисполненному долга дятлу, и если птица улетит, облегчённо и с благодарностью вздохнёт. Дятел ничего не обнаружил, и оно может продолжать спокойно тянуть свои ветви к свету, ласково шелестеть ими на душистом ветру.

Скучно без дятла в лесу, пустынно и грустно. Приятно любоваться этой живой птицей, наслаждаться её присутствием, переживать маленькие лесные события. Хорошо думать под размеренную дятлову стукотню, когда сидишь, скажем, на крыльце лесной избушки и вслушиваешься в пробуждающуюся весну.

Вообще, дятел - необыкновенная птица, и ты никогда не ведаешь, что от него можно ожидать в следующий момент. Вот, например, совсем недавно я узнал, что в Сибири в лютый мороз птица прыгает с высокого дерева в глубокий сугроб, зарывается с головой в рыхлый снег и отсиживается там всю ночь в относительном тепле, наподобие рябчиков и тетеревов. Ну, это ли не свидетельство того, как непредсказуем и занимателен дятел!

Слово «господин» происходит от слова «Господь» - наш Всевышний Владыка, Создатель... Господь, что богатит и возвышает, ублажает и смиряет:

слава ему, что белый свет наш открыл, подарил удивительный мир птиц, зверей и растений!

«Господином» чествуют людей по званию и должности, по их великим заслугам. А разве дятел не достоин такого обращения за свое благородное усердие?! Дятел необыкновенно украшает наши леса, поражая всех достоинствами, за которые и получил среди лесного люда, не шибко падкого до красивых слов, высокое и уважительное прозвище «господин».

Сам себе господин, с честью служит дятел и великому батюшке-лесу: крепок в делах, верен в помыслах. Служит - не угождает, превыше всего ставит в лесу порядок: на то ему и Господня воля. Не по дому господин, говорят среди людей, а дом по господину, и это, в первую очередь, относится к дятлу, который обустроивает его в лесу по своему образу и подобию на славу!

Дневник глухаря

Не знаю почему, но наброды глухаря по весне меня удивительным образом зачаровывают. Бывает, наткнёшься на них солнечным мартовским утром, остановишься и засмотришься. Вспомнишь вдруг, что тетеревиные и рябчиковые отпечатки такого интереса никогда не вызывают. Чем, казалось бы, могут привлечь обыкновенные птичьи наброды, пусть и превышающие все остальные по размеру? Тянутся себе неприхотливо среди берёз, ничем особым не выделяясь, а между тем притягивают. Так бы бросил всё, да отправился за ними вглубь леса, позабыв про заботы.

Глухариные наброды - это следы, которые оставляют после себя взрослые петухи, что в предвкушении скорых токов пока только пробуют свои силы. Уже в феврале они слетаются в места будущих токовищ, и более опытные самцы преподают уроки молодёжи. В эту пору сеголетки ещё не отгоняются стариками и могут находиться рядом, постигая все степени мастерства.

Если тока ещё не начались, следы обычно тянутся однообразной цепочкой вдоль какой-либо опушки или по склону лога, ничем замечательным не выделяясь. Они лишь настраивают знающего человека на необходимый лад ожидания скорого токовища и указывают на его приблизительное нахождение. Именно в начале марта, по насту, следует разыскивать подобные сборища глухарей, определяя по следу их численность.

Как только время для тока подступает, вдоль набродов, по обеим сторонам, появляются короткие чирки от крыльев, они и являются верным признаком того, что ток всю весну будет проходить именно здесь. Сначала это действительно просто коротенькие росчерки, едва различимые и очень неуверенные, через несколько дней росчерки превращаются в крутые дуги, впрочем, ещё изредка прерывающиеся, неглубокие, но, в конце концов, они оборачиваются сплошными бороздами, когда глухарь уже не чертит, а волочит крылья, не отдавая себе отчёта в охватившем его весеннем возбуждении. Борозды бывают трёх, четырёх и даже пяти полосные, что зависит от

количества маховых перьев на крыльях птицы и, конечно, от её возраста.

А с середины апреля вдоль отпечатков глухариных лап и крыльев начинают попадаться аккуратные следы копалухи, что свидетельствует о начавшейся любви... Раньше самочки только держались неподалеку, радостным «бабаканьем» и «котканьем», то и дело, возвещая о своём присутствии, но приблизиться не решались. Они как будто ждали какого-то верного сигнала, по которому можно было броситься без оглядки на зов взбудораженного токовика и, заслышав его, уже не могли с собой совладать. Глухарь же с каждым днём всё более разжигали себя, матерели, и тока вступали в свою самую жаркую пору.

В это самое время на укромных лесных полянах появляются утопанные площадки, к которым с двух сторон ведут наброды взрослых петухов. Здесь глухарь оспаривают между собой право на продление глухариного рода именно одного самца, более красивого и сильного, и рядом со следом победителя в скором времени можно будет увидеть трогательный следок копалухи. Даже по отпечаткам её лап несложно определить, как она ластится к нему и насколько горда его силой. С середины апреля глухарка тоже принимает участие в глухариных заметках, но старается сделать это как можно более ненавязчиво.

Правда, начинается глухариный дневник задолго до весны, в заснеженной утробе декабря. Там, в глубоком и рыхлом снегу, глухарь оставляют свои потаённые лунки - снежные домики, проводя в них две-три морозные ночи. Тогда глухарь ещё ничего не пишут, а лишь задумывают свои лесные повести, во снах же, наверное, видят одну весну.

Но когда на самом деле приходит весна, глухарь работает старательно, на совесть, ни дня не пропуская без строчки. Только если вдруг завьюжит последняя апрельская метель, прекращает он своё снеготворчество. Ждёт глухарь следующей оттепели, чтобы опять начать отчёт о своих душевных секретах.

Спешит глухарь сообщить о них и горке над самым логом, и занесённому снегом моховому болоту, и прихорашивающимся на ласковом солнце соснам. Даже за логом побывает, исчертит там всю солнечную опушку, а затем взлетит на любимую сосну и в возбуждении окропит с удобного сука снег под деревом своим токовым помётом. Это тоже его визитка, и по ней можно прочесть о том, где вернее всего встретить глухаря на следующее утро, и как он переполнен охватившим всё живое весенним настроением.

При такой приподнятости духа недалеко и до танцев, что тоже становится хорошо заметным на снегу, если не торопиться и быть внимательным. Вот глухарь выгнул шею, вынес тело вперёд, издал свое тэканье и побежал, да всё быстрее, проворнее. Смешно со стороны наблюдать в этот момент за птицей! И вдруг как выпрыгнет вверх, подавшись чуть вперёд, да захлебнётся в токовании, а через миг - вновь прыжок, распушив перья, с растопыренными крыльями, весь содрогаясь от переживания неподвластного ему чувства. Борода трясётся, коричневый глаз с тревогой косит в сторону, будто и сам

глухарь не понимает, что с ним происходит: зачем он прыгает на месте, изгибает шею и топорщит веером хвост.

Танец любви, казалось бы, не предполагает каких-либо записей, но на языке природы и самого глухаря он предельно лаконично отображается на снегу в виде глубоких, чуть осыпавшихся и съехавших в сторону крестов от лап, когда полупудовая птица приседает на землю. Глухарю не в диковинку просто взлететь, а хочется подпрыгивать, восторженно встречая долгожданную весну. Здесь уж ему не до обстоятельных росчерков-записей, лишь бы не уронить своё древнее глухариное достоинство!

Знаки, что глухарь оставляет весной на снегу, это радостная примета, предвестие скорого торжества, чувственное изъяснение своих скрытых с древности устремлений. Обнаружить эти знаки, оставленные глухарём на снегу, значит причаститься к тайне леса, что в немалой мере созидает и глухарь. Знаки глухаря на снегу - это ещё и своего рода тавро, его фирменное клеймо, без которого этой птице не обойтись весной.

Ни букв, ни слов нет в глухарином письме, только округлые чёрточки, крестики и линии. Глухарь вычерчивает свои весенние чувства, а снег, как бумажный лист, всё запечатлевает и сохраняет до первой метели. Оттого глухарь и ведёт дневник лишь по утрам и как можно раньше, когда ночная позёмка уже улеглась, дневная же ещё не начиналась. Глухарь как будто боится, что кто-то подсмотрит это его вековечное таинство, или просто помешает, и он, не унимаясь, всё строчит и строчит, строчит и строчит.

Но азбука в тридцать с лишним букв велика для глухаря, да он её и не учит в отличие от детей, что, одолевая грамоту, во всю избу кричат. Точнее даже - он совсем её не знает, но писать принимается с удовольствием, так же, как и ребятишки, провозглашая своё лесное знание во всеуслышание. Поначалу глухарь только кхеркает, изредка пощёлкивает, а уж затем точит без устали, чуть не захлебываясь. Азбука у него скорее нотная, чем буквенная, и её чарующие звуки радостно разносятся по всей округе.

В народе всякое письмо, записку или даже исписанный клочок бумажки звали грамотой, но хотя глухарь и неграмотен, он, бывает, точен в своей снежной звукозаписи: умение писать в нём - от природы, что лучший учитель. Живёт глухарь в лесной тиши и пишет нам свои грамматики, будто на память, чтобы мы знали о скрытой в лесу красоте, хранили её и не забывали. Любознательному человеку глухарина грамота всегда пригодится.

Грамота глухаря тверда на снегу, в особенности по утреннику, да вот язык шепеляв. Шипит глухарь от возбуждения, даже петухом квохчет, и все его слова-нотки сливаются в сплошную какофонию. А поскольку память у глухаря стара, то и простая грамота его мудра. Нет в ней ничего лишнего: только самое главное - любовный порыв, радость и восхищение от того, что он переживает. Глухарь, должно быть, и сам не ведает, что грамоте горазд.

Глухариные росчерки чем-то сродни восточным иероглифам, мастерству китайской росписи по влажной бумаге. Встающее солнце жарит всё сильнее - росчерки оседают, плавятся и постепенно становятся неразличимы. С раннего

утра чёткие, отражающие малейшее движение крыла, после полудня они почти незаметны. К вечеру же и совсем исчезают. Даже объяснить невозможно, чем завораживают эти росчерки поутру, в ясный мартовский день, когда стоишь, смотришь на них и не можешь понять: куда уводят они тебя и зачем?

И всё же это очень приятно: находить глухаринные следы, идти вдоль них, наклоняться и разглядывать. Представлять, как глухарь бродил здесь, среди разреженных сосен, горделиво вздрагивая бородой, и тоже, наверное, мучился чем-то. А может быть, и не ведал никаких забот.

Так, радовался своей жизни и ничем не томился. Ему было замечательно от того, что вокруг весна, и иного он не желал. Откуда ему было знать, что всё близкое и дорогое ему - дорого и близко ещё и человеку!

Пишет глухарь своим пером, что китаец кистью: все любят и ничего не понимают. При этом глухарь ничуть не сочиняет, а излагает свои чувства, описывая переживаемые им события присущим ему способом. Письмо его совсем не диковинное, вполне обычное для леса и птицы, что сама по себе необычна. Просто глухарю так удобно вести рассказ о своих незатейливых делах, о лесных загадках и тайнах. Весна лучшее время для творчества!

Иной пишет стихами лучше, чем прозой; многие говорят хорошо, а пишут бестолково; кто-то пишет, словно рожает; а у кого-то - аж перо скрипит! Глухарь же в своем творчестве не торопится, будто картину рисует. Не спеша, с толком и расстановкою, чтобы по достоинству оценили его весенние способности. Глухарь по весне, должно быть, чувствует себя поэтом, и ничто ему в этом не может помешать!

Про глухаря бы можно было сказать и такое: пиши не пиши - от этого ничего не прибудет, но разве допустимо подобное даже думать о птице, у которой в письме - ни греха, ни поклепа, только сокровенные лесные чувства? Попробуй-ка добудиться их у других зверей и птиц, когда они ничего после себя не оставляют: ни пера, ни следов, ни помёта с погадками. Глухарь же ни о чём не умалчивает, расписывая разными красками узор, на который давно никто не обращает внимания. Ему бы писало вместо крыла - он какую угодно историю бы настроил!

Глухарь - словно мудрый писец, что пишет по обязанности, званию и должности, дарованной ему природой, а не простой писарь-переписчик, что выделяет причудливые колена. Тот, кто составляет необходимые всем писцовые книги о расцветающей земле, её надеждах, снах и совершающихся чудесных событиях, способных перевернуть всё в душе. Глухарь своими письменами живой дух творит в том, кто себя однажды не упустил, и так же, как глухарь, на творческий путь решился.

Крыло у глухаря - за место пера, заснеженная поляна - белая страница. Бежит по ней глухарина строка то поперёк, то вдоль, может и столбцом вывернуть! Вольное глухаринное письмо - не рябчиковая строчка, что незаметно тянется тоненькой стёжкой, оно - у всех на виду!

Иной раз петух так раздухарится, что нотную грамоту в пять черт, с

диковинными знаками по снегу распишет, и ну по ней без запинки чесать: «тэке, тэке, тэке, тэке-е, тэкерре-тэкерре-тэкерре-тэкерре-цирси-цирси-цирси, чикивря-чикивря-чикив-ря, чек-уо-о-кк!» Всякое, хоть махонькое настроение у него в строчку идёт, ничего не пропадает. И пишет глухарь, и тут же поёт: только успевай читать да на ус наматывать, а он, знай, строчит!

Настрочит глухарь, кажется, целую поэму, места свободного не видно, тогда он на ближнюю ветку подскочит, и давай на ней туда-сюда ходить, уже на память свои сочинения декламировать. Ей-богу, про всё на свете позабудешь, если на него в эту пору заглядишься!

Распустив крылья, глухарь не размахивает ими широко, а поводит с изяществом, не разбазаривая своё природное чувство понапрасну. Принять кого под свои крылья, то есть взять под защиту, глухарь не намерен, но, чуть растопылив их и приспустив, он становится похож на горделивый корабль с парусами, подгоняемый ветром. Вот-вот распустится во всей своей красе и поплывёт - только держи!

И хоть говорят, что птицу за крылья не хвалят, у глухаря они по весне за место рук: и пишут, и рисуют, и счёт любовным победам ведут, и в схватке с чужаками выручают, и, с неиссякаемой бодростью по бокам прихлопывая, лес диковинной музыкой оживляют. Со своими незаменимыми крыльями глухарь выше себя самого и леса вырастает, а потом опять на снег опускается, и всё пишет, пишет, пишет.

Пишет глухарь свой весенний дневник, как и любой поэт, по-разному: то с настроением, восторженно, то более сдержанно, с вдумчивой расстановкою, а иной раз и вовсе как придётся, лишь бы чего-нибудь нацарапать! Хулить его за такое слабосильное сочинительство не с руки, потому как силы свои глухарь черпает, как и человек, в природе, а она порой, особенно по весне, бывает достаточно строптива. И на глухаре отзываются порядком затянувшаяся оттепель, студёный северный ветер, нескончаемые холодные дожди или неожиданные снежные бураны. Разве тут до писания!

Дневник свой глухарь любит вести, когда вокруг упоительное тепло, торжество звуков, запахов и света! Глухарь кладёт свои кресты на снег так же упоительно, не торопясь, будто поклоны веские бьёт. Да всё по-учёному, не просто так, скороспелкою, а добротню, с загадкою на всю оставшуюся весну. Не знаю даже, чем привлекают меня его крестообразные следы толщиной в палец, четко отпечатавшиеся в подтаивающем насте? Может быть, своей диковинной величиной, необычностью того, что большая и чуткая птица ходит вот так, открыто, по снегу и не таится?

Как бы там ни было, но глухарь времени зря не теряет: знай, барином между сосен выхаживает, владения свои осматривает, всё примечает. Там строчку черканёт, тут вензелем распишется, не сразу и разберёшь его задумку. Было бы, главное, желание, а о чём писать, у него найдётся.

Да вот хотя бы про труды свои праведные, что не дают глухарю покоя ни днём, ни ночью в весеннюю пору! Творческая работа, его заветное по весне занятие, требует от глухаря особых усилий, старания и заботы. Напрягаясь

телом и своим таинственным духом, глухарь себя не утомляет, а совершает всё в радость, с превеликим упоением. Бровью водит, крылом пишет - откуда что берётся!

Он рождён на этот весенний труд - просыпаться задолго до зари, потаённо сидеть в сосновых ветках и ждать, когда что-то неуловимое сдвинется в предрассветном воздухе, и он тотчас проверит горло гулким щелчком, будто кто ударит пальцем по спичечному коробку. А потом, постепенно, заточит, запоёт только ему присущими свободными росчерками в конце, и будет так греметь своей неудержимой влюбленной волей до самого восхода солнца. Слетев же на снег, пройдётся забиякой-франтом, важно выгнув грудь, подскочит раз-другой для острстки невидимого соперника, и вдруг бросится стремглав к краю поляны, где настороженно замрёт. Глухарь переполнен охватившими его чувствами, и он горд за тот труд, что доверила ему весна.

Без весеннего творческого труда для глухаря нет добра. Труд этот, в первую очередь, ему удовлетворение дарит, затем копалуху восхищает и, наконец, род глухариный продолжает. Длиться ему, как и прежде, века веков!

Но для того чтобы не иссякли силы, глухарь должен сосновой иглы пощипать или с ёлки, когда же появятся проталины, он слетает на землю и выискивает прошлогоднюю сладкую клюкву. Весенние заботы укрепляют не только дух глухаря, но и тело, и хоть говорят, что от трудов праведных не наживешь палат каменных, так они ему - ни к чему. Был бы лес да копалуха, а для них - и труд не в труд!

Велики труды глухаря только для лесного бога, что труды эти любит. Бог с трудов глухариных еду и дом птице даёт, себе же духовную силу оставляет. Их совместное терпение и труд всё перетирают, и получается мука, из которой спеет лесное богатство.

Работает глухарь, не покладая крыл и, кажется, знать не знает, что служит не только лесному богу, но и человеку. Человек, разбирая по весне глухариные записи, радость обретает, будто и сам в этом творчестве участвовал. Ему тоже хочется что-нибудь такое написать, чтобы все узнали о его жизни и любви. О том, как он шёл к своей весне, и не ошибся в ней.

Идёт человек вдоль глухариного наброда и думает: глухарь весне радуется и об этом дневник пишет, моя же работа – всматриваться и вслушиваться, познавать и находить то, что звери и птицы не в силах передать человеку. И ещё молиться, чтобы лес никогда не кончался, и глухари не переводились, через которых лесной бог даёт нам знание и силы. Древо доброе и плоды добрые плодит!

Спасибо Богу за богово, а глухарю за его увлекательный дневник, что он каждый год по-новому набело переписывает, и это никому не надоедает!

Журавли

В тихий вечерний час, когда, кажется, что мир людей исчез, существует

лишь глухой лесной уголок и оживленная перекличка вспархивающих в еловых ветвях кукушек, я сидел у выцветшей от времени избышки и вслушивался в предночную птичью кутерьму. Всё, что было до этого, кажется, никогда не существовало и позабылось, а сейчас моя душа жадно вбирала, вслушивалась и торжествовала, будто обретая бессмертие. Неповторимая и единственная жизнь, по многим причинам однажды упущенная, благодаря этому тихому майскому вечеру возвращалась. Когда-то здесь была делянка, но, разработав её, лесорубы оставили после себя небольшой деревянный балок на саях, с печкой, и он уже третий год служил мне обиталищем на время глухариних токов.

За две недели моего отсутствия перед избышкой открылись моховые кочки, усыпанные щепой и хвойным мусором, отчего всё сразу приобрело непривычно оголенный и какой-то неустроенный вид. Талая вода заполнила пространство, занимаемое старым, каждый год высыхающим болотом, и когда я попробовал осторожно ступить в студенисто-бурую, чавкающую снеговую массу, отражённые в неё высокие ели, покачиваясь, накренились в зыбко переливающейся поверхности и стали как будто достигаемыми. Ручьи бесшумно струились по склонам, подтачивая ноздреватые снежные глыбы в глубоких логах, и всё вокруг приходило в неописуемо восторженное движение.

За болотом, напротив, затрубили журавли, а через миг я увидел, как две величественные птицы, неловко взмахивая сильными крыльями, протянули на фоне огромного закатного солнца, - такого же, как их полёт, недостижимого и величественного. И в душе что-то неожиданно перевернулось, как будто всё зимнее, гнетущее дух, наконец-то, отступило, а новое и жизнеутверждающее пробудилось.

В их больших телах не чувствовалось никакой тяжести, только уверенность прожитых птичьих лет, постоянная готовность к размеренному полёту и какая-то негибкость. Журавль, как, наверное, и любая другая птица, не копит в себе ничего ненужного. Журавлю требуется лишь плавно взлетать невысоко над землёй, чтобы кому-то полёт его был хорошо виден, а ему самому можно было бы спастись от чьих-то зубов. Неприхотливое и умиротворяющее парение птицы, не желающей оставлять землю, - вот всё, что нужно журавлю в его жизни.

Но иногда кажется, что только не терпящая отлагательств необходимость поднимает журавлей в небо: до того обременительно для них всё это выглядит на первый взгляд, со стороны. И всё же, преодолев на подъёме своё недовольство по поводу нарушенного кем-либо размеренного покоя, журавли с удовольствием выпрямляются в воздухе и, словно стряхивая с себя нечто надоевшее, успокоено наслаждаются ровным и независимым парением. И тогда уже думается, что птицы живут только во имя вот такого невесомого состояния, когда благословенная земля до конца никогда не уплывает из-под крыльев, а предстоящая жизнь под небесами представляется прекрасной в своей ясности и простоте.

Журавли неторопливо плыли над лесными полянами, как будто не замечая всего, что происходило внизу и вокруг. Время от времени они пронзительно оглашали округу, и тут же отрешённо умолкали, так, что слышался лишь вкрадчивый шорох их крыльев. Эти задумчивые, романтические птицы всегда почему-то вселяли в людей добрую надежду, обогащая их души.

Журавлей было двое, и поднялись они в воздух неподалёку от гнезда у старой берёзы, на которое я наткнулся случайно в прошлую поездку. Гнездо было никем не занято, и я, помнится, долго стоял, всматриваясь в верхушку дерева, пока не услышал тревожащий душу крик, разносящийся над лесом. Обхватив берёзу руками и прижавшись к ней щекой, я пристально вслушивался и никак не мог понять: кому он принадлежит?

Вечером, за два часа до захода солнца, угнетающий крик утраты, вперемешку с жалобной надеждой, вновь повторился, и будто заглушил все лесные звуки. Начинаясь с торжествующей ноты, он в своём исходе как бы захлебывался в нежности одного живого существа к другому, и даже когда источник его куда-то удалялся, звук изливаемой кем-то горечи, кажется, повисал в воздухе, цепляясь за лохматые ветви елей, и будто не желал просто так растворяться. Он жил во всём, требовал к себе внимания, но при всей своей удручённости не был обременителен.

Поначалу я подумал, что это где-то у самой реки, под ветром, плачет старая берёза, или рядом растущие деревья трутся друг о друга белой ядрёной корой, издавая такой заунывно-пронзительный, завораживающий звук. Стоя как вкопанный, я пристально вслушивался в мерно плывущее над рекой звучание, и не мог понять: что меня в нём так очаровывает? Будто бы кто-то надрывал свою и без того растерзанную душу, изливая её в неудержимом плаче и тоске. Чья-то неведомая лесная боль рождалась, во всеуслышание заявляла о себе и, не найдя ни в ком отклика, тут же умирала. Но что-то всё-таки оставалось, будоражило и не давало покоя, и только позже я догадался, что эта горечь оседала в моей душе.

По небу плыли лёгкие розоватые облака. Подняв голову, я, к своему удивлению, обнаружил на одной из берёз большое гнездо. Оно принадлежало цапле, и казалось нежилым. И тут меня осенило: уж не журавль ли это подаёт свой тревожащий душу голос?

Только я об этом подумал, как голос переместился вверх по реке. Он несколько не переменился, был такой же монотонный и жалобный, но не просящий. В нём чувствовалась удивительная проникновенность птицы, её неиссякаемое терпение и воля.

Ещё с полчаса постояв под гнездом, но так никого и не дождавшись, я двинулся вдоль берега вслед за растаявшим над рекой звуком. И тотчас между берёз мелькнула большая птица, и с трубным призывным криком стала удаляться, всё время заметно забирая на восток. То было, конечно, журавлиное курлыканье - большая редкость по нашим временам, тем более вот так открыто, совсем рядом. Застигнутый врасплох охватившей радостью, я

не сразу придал значение тому, что птица в такую ответственную пору находится одна...

Только поздно вечером, когда солнце уже опустилось за горизонт, опять послышалось одинокое, мягко терзающее сердце курлыканье. Журавль летел также над рекой, но уже с противоположной стороны, как бы замыкая невидимый для меня круг. Он отсутствовал ровно два с половиной часа, и я впервые подумал о том, что птица кого-то ищет.

Журавль, видимо, разыскивал подругу, надрывно звал её и не находил. В своих поисках он придерживался одного и того же направления, какому они вместе, должно быть, следовали раньше, и даже не помышлял хотя бы немного отклониться. Журавль будто верил, что самка не могла далеко улететь, она где-то рядом, и её просто нужно поискать.

Подобные полёты журавль совершал и в течение всего следующего дня, чётко ограничивая время своего отсутствия тремя часами. Неизменно, с утра до вечера, несмотря ни на что, надеясь отыскать возлюбленную, журавль с надрывом оглашал округу своей болью, и мне начинало порой казаться, что лес несколько замкнулся в себе, не вправе проявлять всю полноту рождающейся в его недрах жизни. Птица почему-то осталась совсем одна в этом пустынном сейчас для неё мире, и это было противоестественно.

Уже возвращаясь на станцию, в деревне я случайно узнал, что совсем недавно кто-то подстрелил самку журавля, и самец, только прилетев, остался один.

В городе я постоянно думал об этом журавле, что остался в весеннюю пору один, и одиночество его мешало мне жить. Я пытался представить, чем он сейчас занимается, и очень надеялся на то, что он всё-таки найдёт себе пару. Так было горько сознавать, что журавль в одиночестве может погибнуть, и никто не в состоянии ему помочь.

И вот нашлась новая подруга, невероятное событие для весны, когда птицы уже разбились между собой! Но, может быть, просто два одиноких сердца отыскивали друг друга и мир охватившего их отчаяния рассеялся, уступив место нежности и надежде?

С особенной радостью встречаем мы весной именно журавлей, что возвращаются на свою родину. Ещё не сошёл до конца снег, не истёк ручьями говорливый апрель, а они уже появляются в высоком небе стройными косяками, изредка вскрикивают в вышине, и, заслышав их голоса, сердце отчего-то переворачивается в груди. Появление ни одних птиц по весне мы не воспринимаем так остро, как прилет журавлей.

Завидев в небе торжественные ряды этих величественных птиц, и стар и млад оставляют все заботы, подолгу всматриваются в небесную высь и не могут оторвать глаз. Чем-то необъяснимым приковывают журавли внимание людей, вынуждая позабыть суровую зиму и предстоящую нелёгкую работу. Своим неспешным полетом птицы будто возносят души людей, но не отнимают их, вынуждая тоже попробовать полететь, наслаждаясь силой

свободы.

«Журавли! Журавли прилетели!» - обычно кричат вездесущие мальчишки, бегут, спотыкаясь, по раскисшим улицам и машут шапками. Великую радость приносят птицы в сердца людей, возвращаясь из тёплых стран на свою родину, и будто отогревают наши застывшие души. Журавли устали после дальнего пути, и, может быть, не все из них достигли родимого дома, но прежде, чем сесть для отдыха где-нибудь на болоте или у реки, они обязательно немножко покружат над полем у деревни и прокричат приветственное «курлы-ы-ы!»

Трудно не любить журавлей за их степенную красоту и какую-то затаенную щемящую боль, которую они всегда несут в себе. Боль эта чувствуется в каждом взмахе их крыльев, крике, неудержимом стремлении к величественному полёту. Всегда почему-то кажется, что им самим совсем не хочется его прерывать, насколько это возможно, птицы продляют свой полёт, а присаживаются только по неотложной надобности. Так бы всё парили, оживляя воздух и землю тёплым дыханием устремляющейся на север весны.

В народе испокон веков замечали, что журавль прилетает и отлетает, сообщаясь с теплом. С прилётом журавлей обычно совпадает открытие полевых работ, выгон скота на пастбу и даже начало весеннего рыболовства: «Когда прилетят журавли, скотину можно выгнать в поле, а в пруду ловить рыбу». И хотя сам журавль, по народному поверью, утверждает, что это он тепло принёс, а не весна, люди ему всё прощают, потому как любят.

Весной торжественно радостные, проникновенные, под осень голоса птиц становятся печальными. И хоть летят журавли такими же стройными косяками и уже не на север, а на юг, что-то щемящее появляется в их призывной песне, которой они прощаются с людьми до будущей весны. Журавли чуть заметно покачивают им кончиками крыльев, поднимаются всё выше и выше, и прощальные голоса их постепенно растворяются в бескрайнем осеннем небе, так что чудится, будто птицы неслышно произносят: «Прощай, матушка Русь, я к теплу потянусь!» И каждый, уже про себя, так же неслышно повторяет им вслед: «Прощайте, дорогие журавушки, доброго вам пути-дороги! До скорой встречи, до будущей весны!»

В народе примечали, что перед отлётом журавли собираются большими стаями на болотине и долго между собою курлыкают, будто совет держат, каким путём в тёплые страны лететь. Ещё журавлям под осень одна забота - это угадать время отлёта. Существует такая примета, что если журавли в осенний пролёт долго кружатся на одном месте, улетаю как бы нерешительно, то осень будет продолжительная и тёплая. Но вот когда журавли потянутся на юг к третьему Спасу, то на Покров будет мороз, а нет, так зима придёт позже. Чем позднее улетаю журавли, тем, по народным наблюдениям, и зима позднее наступит.

Отлёт журавлей всегда знаменует конец лета и начало скучной осенней поры, когда те же мальчишки, увидев журавлиную стаю, бегут за нею по убранному жнивью и кричат: «Колесом дорога!» В этом пожелании, по-

видимому, заложено стремление заставить журавлей вернуться назад или, может быть, просто на время сбить их с пути, чтобы они целый день кружили без толку на одном месте, предвещая тем самым ещё долгое время хорошую погоду. Но мешать журавлям в их пролёте, однако, не следует, и лучше прокричать им напутственное приветствие: «Путём дорога!»

Осенью, где-нибудь в середине сентября, когда порядком надоели холодные проливные дожди, хмурое небо всей своей тяжестью навалилось на озябшую землю и кажется, что оно никогда не распогодится, услышишь вдруг над полем тревожный крик журавлей и встрепёнешься. Всё в тебе сразу поднимется, заиграет, и ты как будто избавишься от охватившей тебя осенней одури. Мокрое жнивье уже не производит такого мрачного впечатления, почерневшие стожки соломы не вызывают уныния, жизнь, оказывается, не умерла, а только на время затихла, чтобы с новой силой пробудиться. Её возродили в твоём сердце журавли.

Журавль - птица дикая, осторожная и близко человека не подпускает, но в народе ему уделялось много внимания. В первую очередь, отмечали его длинные ноги и походку. Когда журавль чувствует себя в безопасности, он важно разгуливает по полю на своих длинных ногах, землю меряет, как говорили крестьяне, только ему и дела.

По этому поводу в народе сложили немало метких поговорок. Например: «Перемерял журавль десятину, говорит - верно». Или: «Пошёл бы журавль в мерщики, так не берут, а в молотильщики - не хочется». А ещё так: «Журавль межи не знает и через неё, знай, ступает».

Крестьяне часто даже надсмехались над манерою журавля передвигаться по болоту: «Шёл журавль по болоту - нос завязил; нос вытащил - хвост завязил». Они утверждали, что журавль ходит по болоту, будто нанимается на работу, а на самом деле он корм для птенцов таким размеренным способом добывает, а если уж замрёт на одной ноге, то всякого перестоит! Одним словом, журавль - птица приметливая и сторожкая, да к тому же летает высоко и видит далеко.

В отличие от многих пернатых журавли, с присущей им цельностью, одинаково величественны как на земле, так и в воздухе. Журавля не без оснований ценят за его высокий красивый полёт целыми стаями, правильнее - косяком, когда впереди летит старый опытный журавль. Так как передовому журавлю лететь труднее других, то птицы меняются между собой. Даже в самых серьезных ситуациях эта птица никогда не теряет достоинства и уверенного спокойствия, как будто давая всем почувствовать свою скрытую силу.

А что происходит у нас в душе, когда осенью или по весне мы вдруг услышим этот несравнимый ни с чем плач или зов птицы, что переворачивает всё внутри и куда-то зовёт? Для человека трубный журавлиный крик, может быть, самый желанный из всех весенних и осенних звуков, потому что возбуждает радость близких русскому человеку переживаний. О том, что пришла, наконец-то, долгожданная весна, всколыхнула в каждом внутренние

силы и надоумила на настоящий душевный подвиг.

За чередой непрерывных забот минуло красное лето, скоро грядёт лютая зимушка- зима, а сейчас на дворе колченогая осень с проливными дождями, слякотной землей под ногами и нескончаемыми темными ночами... Благо, что урожай собран, закрома наполнены, и журавлиное курлыканье в вышине не воспринимается обездоленно, как нечто непоправимое. Скорее, оно свидетельство неугасающей жизни, что просто готовится стать ещё более выносливой и сильной.

И великая нестигаемая сила в журавлином голосе, и сладостная грусть: всё, без чего немыслима наша жизнь. Журавли своим присутствием будто преподносят человеку подарок судьбы, что он должен им благоразумно распорядиться, не разбазаривая понапрасну. Птицы напоминают людям, чтобы они не сулили журавля в год, а хоть синичку, да в рот, ибо журавль в небе - не добыча. И хотя встарь журавль почитался лакомством, он, по меткому замечанию народа, не каша, еда не наша, потому как тепло приносит. Как, говорили, журавль прилетит с моря, так и убавит нам горя.

Кстати, все эти завораживающие крики, похожие на отдалённое звучание труб, издают одни самцы. И крик журавлей, и одновременно их полёт имеют в себе что-то необъяснимое и привлекательное. Как осенью, так и весной журавлиные голоса доносятся до нашего слуха не сразу, а постепенно, теряясь в других, не менее приятных звуковых тонах, что порождает в эту пору природа.

Журавли никогда не летят сумбурно, скопом, как многие другие птицы, а всегда выстраиваются треугольником, одна сторона которого, по большей части, гораздо длиннее. В этом построении журавлей есть нечто простое и, в тоже время, недостижимое, как если бы мы хотели дотянуться взором и мыслями до любимых птиц, но улететь вместе с ними, при всём желании, не смогли. Журавли как будто угадывают устремления людей, и прежде, чем отлететь в тёплые края, дают возможность каждому посмотреть на их торжественный полёт и неторопливо обо всём подумать. Журавли в своём неспешном прощании с родиной настраивают души людей на такой же неторопливый и вдумчивый лад. Скоро долгая зима, время необходимых раздумий, и она призвана оздоровить, может быть, даже излечить человеческую душу, а журавли, хотя бы отчасти, помогают ей в этом.

В народе не зря многие названия связаны с их журчащим и каким-то необыкновенно трогательным именем. Журавль - одно из южных созвездий, журавчики - долгоносые щипчики, журавец - рычаг для подъема тяжестей и воды, что устраивают обычно на колодце. Журой или журкой называлось в старину короткое женское верхнее платье, вроде куртки.

Жура, журка, журанька, журочка, журушка, журавлик - какими только именами не называют у нас журавля! Журавлей на земле становится всё меньше и меньше, и только счастливый человек может радостно воскликнуть, что, действительно, хотя бы раз в жизни ему привелось видеть косяк пролетающих птиц или даже подсмотреть их танцы на болоте и кормёжку.

«Потоп кораблям, песок журавлям!» - говорят о неумолимом для птиц времени, что безжалостно утекает от них, отнимаемое человеком.

Вообще, журавль - очень общительная птица, и насколько он старательно избегает человека, настолько же сильно привязывается к нему, быстро привыкая к его дому и двору. Он выражает удивительное понимание порядка, не терпит ссор на птичьем дворе и, оберегая домашних птиц, как собака, в тоже время наказывает их окриком или ударом клюва за провинность. К человеку журавль может проявлять удивительную ласку, но очень долго помнит незаслуженные обиды. Журавль хорошо уживается с любыми птицами и животными, но постоянное общество себе, всё же, выбирает с разбором.

Журавли очень сторожки, и подойти к стае или семейству птиц, затевающих где-либо поблизости гнездо, очень непросто. Ночёвку журавли выбирают, как правило, на открытых местах, во время неё все птицы спят стоя, заложив голову под крылья. К тому же, журавли выставляют одного или двух сторожей, которые дремлют чутко, не закладывая голов под крылья, а как только заметят опасность, так тревожным криком будят своих товарищей и тотчас улетаю.

В давние времена благодаря этой необычайной восприимчивости журавлей содержали на птичьих дворах. Неспешно разгуливая среди сытой и изрядно отупевшей от изобилия корма домашней птицы, журавли заметно выделялись своей сдержанностью. Отведённое им человеком положение сторожей обязывало их к этому.

Ничто обычно не нарушало воцарившегося довольства и покоя до тех пор, пока в небе не появлялся ястреб. Зоркие журавли первыми замечали хищника и громогласно предупреждали об этом многочисленных обитателей птичьего двора, предоставляя им, тем самым, возможность укрыться. Журавли в этом отношении были незаменимы, и потому всегда заслуженно почитаемы на Руси.

Но не только в России журавли символизировали бдительность. В трактате о любви и преданности Леонардо да Винчи описывает журавлей, которые, охраняя своего повелителя, держали в поднятой лапе камень. Держали на случай, если на минуту-другую его, пернатого стража, одолеет предательский сон. Тогда камень, падая, мог бы разбудить всех своим шумом. На гербах и гобеленах серого журавля неизменно изображали стоящим на одной ноге, с камнем, зажатым в другой.

Помимо необыкновенной чуткости, журавли обладают таким грозным оружием, как крылья. Природа снабдила их удивительной крепостью и силой, что способны нанести серьезное увечье, как собаке, так и человеку. Бывали случаи, когда раненый журавль, защищаясь, переламывал руку охотнику, а твёрдым и острым клювом мог выклевать глаз.

Из-за своих немалых размеров журавль не может подняться в воздух сразу, ему нужна дюжина метров, чтобы разбежаться. Поначалу он только вытягивает шею, наклоняет вперёд туловище и, неторопливо передвигая

ногами, помогает себе размеренными взмахами крыльев. Так журавль совершает несколько шагов, но когда корпус его слишком наклоняется и он начинает запинаться, крылья уже набирают силу и отрывают птицу от земли. Свесившиеся длинные ноги при этом выглядят несколько смешно, зато мощные крылья и устремленность журавля вызывают восхищение. Летит он всегда ровно и неторопливо, но решительно.

Ещё журавль птица очень жизнерадостная, и, несмотря на внушительные размеры и присущие ему грациозность и достоинство, он любит забавляться, когда придёт охота. Он обычно весело подпрыгивает и занимает странные позы: то согнёт шею и кружится долгое время на одном месте, то распушит крылья и буквально танцует. Играя, журавль подбирает с земли камешки и ветки, бросает их в воздух и ловит клювом, при этом быстро бегаёт взад и вперед, самыми разнообразными движениями выражая беспредельную радость. Но если в этот момент ему грозит опасность, он замечательно быстро умеет оценить обстоятельства и сообразовать с ними свои поступки.

Несмотря на величественность поведения и внушительность в размерах, он не такой уж и большой, но длинные перья на спине, боках и величина крыльев дают ему вид самой большой птицы. Ко всему прочему, журавль очень высок на своих ходулях-ногах, шея его, также, достаточно длинна, а клюв, в довершение всего, как бы составляет их логическое продолжение. Журавль поневоле кажется таким, каким он на самом деле не является, но, так или иначе, пользуется любовью среди людей.

К тому же, внешний облик птиц с их стройной шеей, грациозно повернутой головой и важной осанкой, необыкновенно уравновешенные повадки и кроткий нрав вызывают у людей симпатию. Но только так ли безоблачно следует относиться к птицам, которые в своей природе, в этой их видимой и очаровательной привлекательности, носят, между тем, и истинную силу? Силу, какой бы следовало поучиться порой не в меру восхищающимся журавлиной верностью людям, на самом деле ей не обладающим. Ведь в ней, в этой верности, заключены простота и мудрость жизни, так недостающие человеку.

Самка журавля обычно сносит два яйца, и из двух птенцов один, как правило, погибает. Ученые даже предполагают, что родители, внимательно понаблюдав за птенцами какое-то время, выбирают наиболее сильного, а слабого уводят от гнезда куда-нибудь в сторону и оставляют... Вот как заботятся птицы о здоровье рода, не проявляя ложной доброты в отличие от человека!

Вдобавок, журавли - очень предусмотрительные и умные птицы. Они не только с достоинством себя ведут, но также достойно и, главное, очень надёжно для будущего потомства думают. В ковыльных степях Казахстана, где открытое пространство тянется до самого горизонта, и сильный ветер может раскатить и разбить отложенные птицами яйца, журавль-красавка обкладывает свою кладку кольцом из гальки. И это при том, что поблизости никаких камушков нет, и журавлю, чтобы раздобыть их, приходится летать за многие

километры на реку!

Что и говорить: журавль - птица знаменитая! Недаром он часто упоминается в народных сказках, баснях и пословицах. Журавлю не без оснований приписывали чуткость, простодушие и неприхотливость, какими он обычно смущал других зверей, пусть даже и страдая за это. Вспомнить хотя бы басню про волка, что подавился костью, а журавль, оказавшийся поблизости, не испугался, вытащил её и попросил за труд, но волк разгневался и стал грозить благородному журавлю.

Не во всех сказках, конечно, журавль оказывался на высоте, но везде проявлял скромность и великодушие. Как в истории с цаплей, когда они ходили друг к другу свататься, но всё безрезультатно. То журавль придёт и цапля ему откажет, то цапля передумает и отправляется к журавлю, да тот опять сгоряча не соглашается, а когда успокоится, вновь пробует удачи. С одной стороны, мы видим порядочность, достоинство и основательность журавля, предложившего сердце цапле, с другой - непостоянство, отсутствие твердости и ... всё же, нечто милое, когда, несмотря ни на что, журавль шёл к ней, рассчитывая, что цапля рано или поздно согласится. И ведь отправлялся всегда первым, на что зачастую не могут решиться многие люди!

Простим журавлю эту слабость и, может быть, даже гордость, с какой он однажды стремился стать царем птиц, но не был им избран за то, что рассердился на малую птаху за непослушание! Бог ему судья! Во всём остальном эта птица всегда выказывает удивительно покладистый характер, и если её не тревожить и не обижать, она попусту никогда и ни перед кем головы не преклонит, в первую очередь, объявит себя с самой выгодной стороны и будет только радовать человека своим присутствием.

Обнаружив неподалеку от избушки небольшую полянку, что облюбовали для себя мои журавли, прилетая туда неизменно на рассвете и в пору тихих вечерних сумерек, я все последующие дни восхищался, наблюдая из укрытия за тем, как птицы были бережны и нежны друг к другу. Как будто вкрадываясь в лесную тишину и желая вовремя предотвратить малейшую угрозу своему существованию, журавли неспешно выступали на укромной опушке, чутко прислушивались и замирали. В то время, как самка была занята поиском корма, самец, изящно приподняв ногу и выгнув шею, застывал, трепетно вслушиваясь в лесные шорохи. Такая предусмотрительность придавала птицам важность, но важность не напыщенную, а какую-то отрешённую, в своей невозмутимости очень мудрую. Наделённые удивительной чуткостью - птицы могли её себе позволить.

Покормившись с утра или вечером, птицы обычно предавались играм: красовались друг перед другом, подпрыгивали, распутив широкие крылья, пощёлкивали длинными клювами, задрав головы кверху. Все их движения были грациозны, лишены суеты и исполнены какого-то таинственного смысла. Журавли, словно радуясь возвращению на родную землю, уединялись и

начинали свои ритуальные священнодействия, кажется, забывая даже про весну. Вернее, все их движения были проникнуты чувствами, которые она приносила, птицы жили только весной и ей одной поклонялись.

Терпеливо дождавшись, когда самка утолит голод, самец принимался азартно приплясывать вокруг неё, с каждой минутой наращивая темп танца. Журавль, конечно, старался очаровать свою подругу, сопровождая танец поклонами, приседаниями и неожиданными выпадами-прыжками, и это ему, похоже, удавалось. Обычно журавли решаются на такие откровенные ухаживания уже после выбора гнездового участка, когда весна вступает в полную силу, но не забывают при этом выставлять бдительных часовых, невозмутимость которых на фоне безудержного веселья танцующих собратьев невольно вызывает уважение.

Этих птиц было двое, и они так любили друг друга, что не обращали ни на кого внимания. Ведь они нашли друг друга не сразу, а после длительных мучений! Журавли, вероятно, догадывались о моём присутствии и великодушно терпели его, допуская, правда, лишь на безопасное для себя расстояние. И я старался не переступать этой невидимой черты, очень чутко воспринимаемой птицами, но журавли неизменно улетали, когда я пробовал приблизиться. Они не позволяли подобраться к ним вплотную, тактично напоминая о границе, которую переходить человеку, всё же, не стоит.

Что-то во мне как будто обрывалось, когда вспугнутые мной журавли с пронзительным курлыканьем поднимались над землёй, делали в воздухе плавный разворот и размеренно удалялись в туманной утренней дымке за реку. Никакой неловкости при этом я в своих действиях не чувствовал, она подступала гораздо позже, а в душу закрадывалась только сладкая неразрешимость от охватывающего вдруг забвения в этом огромном лесном мире и слитности с удивительными птицами, что дарили ощущение бессмертия. Посещая каждый год глухариные тока, я всегда слышал журавлиное курлыканье, наблюдал из-за ветвей, как они кормятся, играют, и был счастлив.

Дружные тетерева

Обитая годами на какой-то территории, тетерева дружными стайками перемещаются по ней от одного берёзового перелеска к другому, независимо от того, потревожат их или нет. Временами они куда-то исчезают, так что местные жители о них даже забывают, но затем вновь объявляются в каком-либо колке, пугают грибников с ягодниками своим взрывным взлётом в конце лета и ублажают взор в печальную предзимнюю пору, когда усаживаются на тихие берёзы и замирают там красивыми черными силуэтами. Осёдлая жизнь тетеревов незамысловата и проста, чуточку обаятельна по понятиям увлечённого лесом человека и даже отчасти таинственна, хотя тетерева у него почти всегда на виду.

Верными ориентирами для тетеревов всегда служат присадочные берёзы -

наиболее удобные и любимые деревья, где птицам приятно сидеть и кормиться. Тетерева неспешно клюют берёзовые почки, и время от времени поглядывают вокруг: не крадётся ли лиса, не парит ли поблизости ястреб, способный камнем упасть на зазевавшихся косачей, не приближаются ли хитрые охотники на санях, что будто бы едут мимо, а на самом деле норовят незаметно подобраться на выстрел. Ничто не должно миновать внимания тетеревов, они самой природой призваны быть чуткими, чтобы сохранить своё иссиня-чёрное атласное перо и неподражаемо пышное белое подхвостье. А бархатно-брусничные брови? Кто позаботится об этой птичьей красоте, кроме самого тетерева?!

Красота для самого тетерева - та необоримая сила, что побуждает самок на самое восторженное дело их жизни: вовремя устремиться на зов расфуфыренного весной петуха, перед которым невозможно устоять, на какой-то миг быть повергнутой его красочным платьем и любовным порывом, и затем понести в себе несколько будущих, таких же краснобровых прекрасных жизней, призванных очаровывать всех своим весенним обаянием, продолжая тетеревиный род... В своей любовной игре петухи, кажется, трудятся даже больше самок, растрачивая всю энергию на поединки и стремление понравиться, тогда как тетёрки, незаметно зачав, так же неприметно куда-то вскоре исчезают и появляются уже под осень. Но велик и благороден их невидимый труд по выведению потомства, которому предстоит когда-то украсить жизнь.

И осенью, и зимой, и в благодатное весеннее время тетерева украшают наши берёзовые колки, что выглядели бы без них безжизненными, немymi. Стоит хотя бы раз увидеть, как косачи взрываются в этих берёзовых крепях, тугими черными мячами стремительно удаляясь над макушками деревьев, и всё в тебе встрепенётся. Что-то такое же неведомое и стремительное проснётся в твоей душе, яростно рванётся за исчезающими птицами и словно остолбенеет. Разве угнаться человеку за таким сокрушительным великолепием, слепленным природой из двух килограммов мышц, перьев и какой-то невообразимой нацеленности на бросок себя в пространство, а не полёт?!

Но главная красота тетеревов - в их сплочённости, пусть небольшом табунке, но только чтобы вместе. А ещё лучше - в многоголовой, повергающей в сладостное оцепенение стае, вырывающейся из-под самых лыж, что заночевала ещё с вечера в снегу, и ты её нежданно-негаданно разбудил. Стая взорвалась, осыпав тебя золотистыми искорками снега, взмыла в выстуженную синеву, но не улетела, рассевшись по березам, и лес сразу преобразился. Его оживила красота чудесных птиц, их удивительно приятная на вид тяжесть, как будто невиданные зимние плоды по мановению волшебной палочки украсили замершие деревья, и те очнулись ото сна.

Поздней осенью и ранней зимою охотники используют эту черту тетеревов - дружно подлетать на опушившиеся снегом берёзы, устраивают под ними удобные шалаши и прикрепляют к ветвям длинные шесты с суконными

чучелами птиц, набитыми соломой. Тетерева один за другим присаживаются к такой нехитрой, но очень правдоподобной приманке, и оказываются их лёгкой добычей. Даже зоркий ястреб-тетеревятник, не в силах разобрать подвоха, часто камнем бросается на неподвижно сидящих птиц и, зацепившись за грубую материю острыми когтями, повисает в бессилии вниз головой. Всегда непривычно наблюдать эту грозную птицу в таком поверженном и жалком состоянии!

Когда тетерева дружно переживают зиму под снегом, она им - за ночь. Перед самыми сумерками птицы, словно по чьему-то сигналу, валятся с берёз в сугробы, и уже через мгновение кажется, будто их и не было. Лунка от лунки обычно отделена какими-нибудь полутора-двумя метрами, и независимо от количества голов в стае птицы ложатся очень кучно. Могут они разделиться при этом и на небольшие табунки, но всё равно держатся одной потаённой просеки или полянки.

Однотонное шипение снега под лыжами всегда настраивает на определенный успокоенный ритм, и потому косачи, дружно взрывающие тишину полусонного зимнего дня, воспринимаются с холодящим душу восхитительным испугом. Птицы и укладываются на ночлег одновременно, и поднимаются на крыло тоже вместе. Такова их неистребимая тетеревиная суть, благодаря которой они ещё живы и до сих пор радуют нас своим обаянием и силой.

Однажды мне попалась по-настоящему дружная стая тетеревов, насчитывающая около сотни голов, и по теперешним временам её можно было назвать огромной. Первый вспугнутый десяток, оторопело прорвавшись сквозь корку снега, с будоражающим шелестом крыльев взмыл в золотистый от солнца воздух, поначалу как-то недружно рассеялся в полёте, но уже через мгновение сбился в чёрный ком и, преодолев какие-нибудь полторы сотни метров, расселся на берёзах. Пользуясь маскхалатом, я решил тотчас подобраться к ним на максимально допустимое расстояние, но не успел преодолеть и десяти шагов, как из-под снега, с пугающим хрустом, поднялось уже две дюжины птиц. Эти тетерева, в отличие от первых, совершили в воздухе большую вытянутую петлю, пока уселись на деревья, как и их приятели. Они оживлённо переговаривались между собой, но быстро успокоились.

Ощушая в душе приятный трепет от нетерпения подкрасться к птицам поближе, я совершенно исключил возможность нахождения под снегом других птиц. Полагая и такой табун вполне достаточным, поскольку за последние годы не встречал стаи более десяти тетеревов за один раз, я продолжал своё неспешное продвижение. И тут вновь тишину разорвал отчаянный треск крыльев, он смешался со стоящим в ушах шумом ранее сорвавшихся птиц, и вместе всё это совсем сбило с толку, очаровало и бросило в какое-то оцепенелое созерцание происходящего.

А из-под аккуратных ёлочек, взметая радужные облачка мельчайшего инея, всё поднимались и поднимались необыкновенные, ни с чем

несравнимые по красоте тетерева, мелькая в солнечных лучах чудесным белоснежным подхвостьем, как будто поддразнивая и изводя мою душу своей недоступностью. И ещё я непроизвольно отметил, что даже напуганные, со сна, тетерева не разлетаются в разные стороны, а устремляются от опасности одной дружной стаей. Так же дружно они расселись по деревьям, склонив головы на бок: где потеснее, там и подружнее!

Находясь в каком-то необъяснимом возбуждении и не в силах сдерживать себя, я выстрелил в воздух. Сухой протяжный треск прокатился над поляной, завязался где-то за дальним еловым бором, а тетерева тотчас снялись с берёз и тёмной тучей, неторопливо, потянули в размытую зимним солнечным светом голубизну, вскоре окончательно слившись с ней. И стало немножко грустно.

Подобные встречи с тетеревами всегда очень приятны, случаются довольно редко и запоминаются на всю жизнь, но к ним нужно быть готовым, зная, наверняка, место ночёвки, присадочные берёзы птиц или пути их перелётов с ночлега на жировку. Лучше всего подходить к тетеревам в сумерки, когда они уже спят, желательно в глубокий снег, в котором птицы чувствуют себя более безопасно, и, наконец, в пасмурные дни, как ничто другое располагающие тетеревов к некоей заторможенности, замедленной реакции на шум. Если же птицы сидят на берёзах - лучше приближаться к ним с груди или сбоку, но ни в коем случае не с хвоста.

Переполненный радостным ощущением, желая продлить удовольствие и удостовериться в истинности только что произошедшего, я тогда вернулся к лункам. Оставленные птицами, они в беспорядке темнели между елями своей уютной синевой. Ясные отпечатки крыльев по краям лунок создавали видимость полёта, и ни на секунду не покидало впечатление от какой-то сокрушительной стремительности птиц. К каждой ямке тянулись, словно вылепленные, узоры набродов. Уже порядком заметённые, они свидетельствовали о том, что тетерева провели под снегом после оттепели несколько дней.

Сабанеев в своём «Календаре природы» упоминает о реальной возможности для тетеревиной стаи иметь два-три, а то и более излюбленных места ночлега, где птицы обыкновенно ночуют из года в год. В каждом месте, по его мнению, тетерева проводят от двух до десяти ночей, смотря по тому, будут ли на нём потревожены. Самому мне никогда не приходилось в течение зимы или нескольких лет подряд поднимать птиц с ночлега примерно в одном и том же месте, и потому ясности в этом вопросе я для себя не обрёл.

Вероятно, фактор участвовавшего беспокойства оказывает известное воздействие на образ жизни тетеревов, и они сами не представляют, что им принесёт новый день, поэтому и место ночёвки они выбирают как придётся, вернее всего там, где их застигнет необходимость. К концу зимы, с началом постоянных оттепелей, а значит, и неминуемым затвердением снежного покрова ночами, тетерева начинают садиться в снег по чащам, где снег рыхлее, или прячутся под коряги и кусты. Но если снег в феврале мягкий, глубокий, тогда тетерева, как и прежде, ложатся спать на открытых

пространствах, делают это по привычке рано, что можно использовать, побывав в гостях у птиц, и не раз, засветло.

Отбившиеся по каким-либо причинам от табуна тетерева ночуют в самых неожиданных местах, а потому всегда несколько пугают, стронутые с ночлега, и ты начинаешь постепенно сомневаться в истинности их повадок. После таких столкновений всегда держишь себя настороже, и проходит долгое время, пока до тебя дойдёт, что это всего лишь рядовое исключение из правил. И всё-таки, в следующий раз ты вновь поддаёшься на подложенный тебе природой подвох, и веришь в то, что птицы выбрали своим временным убежищем именно эту опушку или край лесной дороги.

Всегда думается: вот-вот тетерева затрещат прямо перед тобой сильными крыльями по мёрзлым берёзовым ветвям, удаляясь в только им ведомую даль, сердце твоё учащенно забьётся, и ты опять не в силах будешь его успокоить. От тетеревов можно ожидать чего угодно.

Вообще, тетерева, в силу того, что держатся дружными многочисленными стаями, склонны к обширным полянам с глубоким и мягким снежным покровом, с разбросанными по их краям густыми ёлочками, возле которых особенно любят устраивать свои домики. Словом, птицы предпочитают пространство в достаточной степени открытое и удобное к немедленному отлёту в случае внезапной тревоги. За то, что тетерева чаще обитают в поле, а не в лесу, их и называют полевиками.

Вот и токует тетерева, в отличие от тех же глухарей или рябчиков, вместе, на одной полянке, как будто боятся что-то утратить в себе, если разделятся. Тетерева распускают всеор лирообразные хвосты, волоча по земле широко распушенные крылья, устремляются навстречу друг другу и, вытянув надувшиеся шеи, пригибают головы к самой земле. Их алые брови, кажется, разгораются ярче зари, что незаметно поднимается над лесом, бормотание то надвигается, то удаляется, а охваченные страстью птицы зачарованно кружат в преддверии яростной схватки.

И вот хлопанье сильных крыльев будто выводит птиц из этого оцепенения, тетерева приподнимаются, выпятив грудь, на мгновение замирают, и в следующий момент начинает казаться, будто всё это восхитительное видение с косачами, поляной и маленькими берёзками вокруг неё неудержимо отрывается от земли и летит. Тетерева, вроде бы, и мешают друг другу, сгрудившись на какой-либо делянке или старом покосе, но без этой дружной слитности нет тетеревов, нет тока, нет весны. Только в равном поединке с подобными себе птицами проявляется бойцовский, сложенный характер тетеревов, и они, на короткий миг, превознося себя над своими собратьями, всё-таки не в силах с ними разъединиться. Да и происходит это лишь весной, в остальную пору птицы дружны и неразлучны.

Дружным эхом несётся надо всей округой тетеревиное бормотание. Музыка, переливающаяся из одного колодца жизни в другой, а вместе они составляют гармонию, ту радость, что проявляется и наполняет тебя только весной. Дружная весна - один колодец, взбудораженные ей тетерева - не менее

важное вместилище красоты, таланта и силы, сопутствующее ей. А ещё есть высокие облака, безжизненное от апрельской нежности небо, сиреневые кустарники бузины и малины, только что открывшиеся от снега, и оттого какие-то напружинившиеся, колючие. Дружно всё, что составляет по весне пробуждающуюся жизнь, в который раз вознамерившуюся, кажется, перевернуть само своё существование.

И опять ты в лесу. Как будто не было долгого года, полного тревог и волнений. Опять будоражат твою душу замечательные птицы тетерева - красивые, чудесные, с трудом достижимые человеком в своей сплочённой устремленности и любви. Только счастья желаешь птицам, доброго потомства и завидуешь их неистребимому желанию находиться всегда вместе.

Правда, попадаете порой какой-нибудь закоренелый одиночка, и каждый год токует на одном и том же поле в гордом уединении. К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки почему-то не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, как будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день - это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится знакомое: «бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль». Пение то разгорается, то притихает, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев как будто забывается порой, или отвлекается на что-то не менее важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись - опять продолжает.

Одиночество, кажется, никак не влияет на него, и часто такой петух ведёт себя очень своеобразно: бегают по полю, припрыгивают, выбирая самые диковинные позы, будто соревнуется с невидимым соперником. Но происходит подобное редко, и в основном тетерева держатся по весне целыми стаями или веселыми табунками. Тетерева - осторожные птицы, но в одиночку им не выжить. Рано или поздно такого отбившегося косача настигает коварная рысь или хищная лисица, поскольку никто не предупредит его в случае приближающейся беды. Один в поле не воин, и стоять всем за одного и одному за всех – самое надёжное средство.

К концу августа тетерева обычно сосредотачиваются в берёзово-еловых колках, тяготеющих к старым лесным дорогам, что как-то незаметно соединяют собой большие лесные массивы. В это время птицы подпускают к себе близко, неожиданно взмывают свечой вверх и, преодолев верхушки невысоких берёзок, мгновенно ложатся на крыло, с шумом исчезая над лесом. Причём, тетерева поднимаются в воздух не все скопом, как это происходит, обычно, осенью или зимой, а поодиночке, в разделённой короткими паузами последовательности, и паузы эти иногда кажутся нескончаемыми.

Нужно стоять тихо, не шевелиться, и только тогда среагируешь на неожиданный взлёт птицы, почувствовав его в полной мере. Сердце неудержимо стучит от ожидания следующего тетерева, что вот-вот сорвётся, и эта неожиданная разъединённость в поведении птиц представляется странной,

несмотря на то, что они находятся вместе. Скорее всего, тетерева ещё молоды, оттого и разобщены, но это не мешает выводкам упорно держаться в таких местах по многу лет, и покидать их без особой причины дружные птицы не собираются.

Тетерева пока не обрели своё исконное тёмно-синее платье, не сбросили рыжевато-пегие и какие-то не настоящие сюртуки, и оттого разглядеть птиц на фоне ещё не опавшей листвы довольно трудно. Хвосты их не до конца загнулись в лирообразные косицы, не почернели и, отливая шоколадной густотой, они совершенно неразличимы среди побуревшей черёмухи, липы и берёзы.

Отправившись по грибы, неожиданно для себя вспугнёшь, бывало, пару каких-то необыкновенно раскрашенных птиц, и не сразу угадаешь в них молодых тетеревов. В дополнение к необычному оперению молоденькие петушки ещё и ведут себя несколько необычно, и это тоже поначалу сбивает с толку, когда пытаешься определить, косачи-сеголетки потревожили грибной августовский покой, юные глухарята или, может быть, куропатки.

Быстро минует ранняя осенняя пора, листва срывается ветром, и тетерева становятся хорошо заметны... Теперь они почернели, округлились и увесистыми грушами висят на берёзах. Тетерева прилетают на них только за тем, чтобы поживиться берёзовыми почками и, склевывая их, неспешно коротают тягучее осеннее время. Нет для них в эту пору корма слаще!

Прибывают тетерева на кормёжку неизменно с одной и той же стороны, тотчас, как окончательно наступает рассвет, и могут просидеть на деревьях целый день, если их никто не потревожит. Время от времени птицы настороженно поглядывают по сторонам и опять неторопливо принимаются за свою нехитрую трапезу. Вся забота для тетерева сейчас - себя сохранить, чтобы весной своими песнями жизнь прославлять: за зиму он столько снов под снегом насмотрится, что впечатлений на весь год с избытком хватает!

Но пока зима не укрепилась и снегу ещё мало, тетерева ведут осёдлую спокойную жизнь вблизи полей и перелесков, где в обилии произрастает берёза - любимое дерево тетеревов, несмотря на то, что они не прочь поклевать оставшиеся на стерне зёрна. Их не увидишь на сосне или пихте, редко - на ели и осине, а за обычаем тетеревам именно берёзовые леса.

Даже среди людей берёза всегда подразумевала согласие, тогда как сосна, ель и дуб - отказ. Что уж говорить о птицах, которым берёза никогда не была угрозой: где она стоит, там и шумит, да ещё кормит тетеревов всю холодную пору - с поздней осени до первого весеннего тепла.

Тетерева подлетают на берёзы всегда внезапно и почти бесшумно. Вдруг что-то неуловимое заставит тебя поднять голову и удивиться той стремительности, с какой появляются эти ладно скроенные природой птицы. Тетерева летят наподобие утки, часто взмахивая лёгкими и упругими крыльями, обычно невысоко над землей и всегда очень целеустремленно.

В полёте птицы всегда кажутся несколько взбудораженными, но стоит им обсесться, да осмотреться на берёзе, и они опять становятся самими собой.

Шелестящие ветви берёз, их вкусные почки дают тетеревам силу, которую слагает и крепкий лес, и обильные ягодники, и родниковая вода. Но без берёзы, укромно замершей на краю какого-нибудь перелеска, вдающегося мягким клином в убранное поле, а затем и вовсе присмирившей с появлением снега, трудно представить себе жизнь тетеревов.

Сидят тетерева шеей против ветра, всегда на слуху, будто чутко подстерегая кого-то, и, завидев издали приближающиеся сани или идущего к ним человека, особенно настораживаются. К ним не подобраться даже очень опытному охотнику, и требуется отменное знание данной местности, поведения птиц и какая-то особенная природная изощрённость, чтобы усыпить внимание тетеревов. Тетеревам ничего не стоит в любой момент дружно сорваться и так же дружно переместиться туда, где им будет спокойней. Там они вновь усядутся на берёзы, осмотрятся и начнут клевать свои любимые берёзовые почки. Сидячий стоячего всегда перетянет.

Ближе к зиме тетерева хорошо различимы на холодно-сиреновом фоне сливающихся берёзовых веток, и они очень оживляют застывший предзимний пейзаж. Какой безликой казалась без них совсем недавно заснеженная пустыня, каким беспросветно одиноким представляется собственное нахождение среди примолкших берёзок и чёрных недвижных ёлочек! И вот, в одно мгновение, всё может перемениться: взорвалась в воздух дружная тетеревиная стая, и задышало, задвигалось, затрепетало окружающее пространство... Или это в тебе самом закипает примолкшая за зиму жизнь, разбуженная неподражаемыми и удивительными птицами?!

Замечено, что когда снег на деревьях заиндевеет, а происходит это обычно в начале ноября, тетерева всегда подпускают ближе обыкновенного. К ним можно подойти на верный выстрел, как это позволяет, к примеру, рябчик. Тетерева сидят невысоко над землей, так что их сразу и не увидишь, и когда они срываются, у тебя возникает ощущение, будто поднялись птицы, разбуженные на лунках.

Вот и эти семь чёрно-бурых косачей, встреченные мною под утро, также незаметно снялись с берёз и, плавно развернувшись в перламутровом недвижимом воздухе, уверенной вереницей потянули над лесом. Вскоре, на значительном расстоянии от них, промелькнул среди застывших верхушек ещё один косач и куда-то исчез. Поначалу я не обратил на него внимания и только удивился про себя: что он мог делать там, на таком удалении от других тетеревов, один, и куда самым неожиданным образом пропал?

По опыту зная, что часть тетеревов может оставаться где-то неподалеку, я снял на дороге лыжи и, стараясь ступать по глубокому снегу как можно мягче, направился к тому месту, откуда, только что, сорвались птицы. Но, не сделав и пяти шагов, вынужден был замереть от очередного замешательства: с приятно хрустящим шелестом вспороли застоявшуюся за ночь тишину ещё восемь косачей и, в точности повторив маршрут предыдущих птиц, быстро исчезли из виду.

Вернувшись на дорогу и продвинувшись по ней полсотни метров, я

неожиданно выяснил причину странного появления, а затем и исчезновения одинокого тетерева. Толстый и круглый, он сидел по левую сторону дороги на самой высокой березе, возбуждённо покачиваясь и что-то бормоча себе под нос. По всей вероятности, это был тетерев-сторожевик, во время кормления птиц внимательно наблюдавший со стороны за всей округой, и, когда сорвалась первая партия, он незамедлительно переменял свой наблюдательный пункт, перелетев и усевшись поближе. Даже вторая группа поднявшихся косачей не испугнула его, так как, следуя своему долгу, этот тетерев должен был выявить и проследить причину возникшей тревоги до самого конца, а уже потом переместиться за остальными.

Маскхалат надёжно скрывал меня среди заснеженного пространства, что позволяло свободно наблюдать за поведением дотошной птицы. Тетерев никак не мог понять, что же на самом деле взбудоражило кормящуюся стаю, и, не в силах одолеть это своё непонимание, выглядел со стороны очень забавно. Наконец, удостоверившись, что ничего серьезного его собратьям, вроде бы, не грозит, тетерев, сложив крылья, сорвался с верхушки дерева вниз и, прочертив над поляной плавную линию, скрылся за глубоким логом, спускающимся к замерзшей речке.

После того как тетерева улетели, он просидел на березе не менее двух минут, и я подумал о не предполагаемом ранее чувстве ответственности у этих птиц друг перед другом, что родится, наверное, из переживания ими своей беспредельной свободы, призванной, между тем, пристально себя оберегать. Мне вдруг стало удивительно хорошо от осознания того, что в лесу живут замечательные птицы, и они с такой преданностью умеют заботиться друг о друге. Это было удивительно, но вместе с исчезнувшими из тихого зимнего утра тетеревами - пропало что-то очень надёжное и трепетное, их необыкновенная природная солидарность, без чего спокойно обходятся другие птицы - рябчики и глухари. А вот тетерева не могут.

Тетеревов дружат согласное восприятие опасности, их не хитрый быт и ещё какое-то неуловимое состояние дарованной от природы спаянности: без неё они, наверное, не в силах представить себя отдельно. Впрочем, птицы всегда так слитны, что о какой-либо разъединённости в их рядах даже не мыслишь. Вместе спят, вместе кормятся и вместе с самозабвением встречаются весну, несмотря на свой боевой дух.

Тетерева дружны с весной так же, как и с зимнею порой, их не напугаешь осеннею непогодицей и мучительной сменой пера в летнюю пору, что на время разъединяет птиц, но ненадолго. Стоит только первому зазимку прихватить берёзовый лист и подрумянить клюкву с брусникой, как тетерева дружно семьёй высыпают на ягодники. Нравится птицам, когда им и так хорошо, ощущать ещё и присутствие своих собратьев: золотисто-пегим курочкам – тёмно-синих бархатных петухов, горделивым и осторожным самцам - чутких самочек. Птицы держатся бок о бок, дружно приглядывая друг за другом и наслаждаясь благодатным осенним покоем.

Ведь только в дружбе, как известно, правда и для людей, и для зверей, и для таких замечательных птиц, как тетерева. И они, конечно, понимают, что кому счастье дружить, тому и долго жить, и какову дружбу заведёшь, такову и жизнь поведёшь. А она у тетеревов ещё как дружна, ибо дружно - не грузно, а врозь - хоть брось!

Спящие лебеди

Все люди спят одинаково, а птицы и звери - по-разному. Одни из них остаются в своём таинстве недоступными, но кого-то можно и подсмотреть, если проявить немножко находчивости и терпения. Ведь терпеть - не беда, было бы чего ждать, а неутонимое ожидание в природе всегда вознаграждается.

Однажды весной охотились мы с товарищем в пойме разлившейся реки, и чего там только не увидели! На лодке можно было подобраться к кому угодно, не привлекая особого внимания, и так мы оказались вблизи хохлатых чомг, редких чёрных крачек, обнаружили курочку-пастушка на маленьком островке, наблюдали чёрного коршуна, величественно кружащего над множеством утиных, облюбовавших тихие заводи среди затопленного леса. А ещё видели бесчисленные стаи гусей, то и дело проносящиеся в переполненном звуками весеннем воздухе, огромных судаков, поднимающихся из глубины к самой поверхности, и подмочившего «штаны» зайца, волею случая оказавшегося на плавающей кочке. Но больше всего нас поразили спящие лебеди...

Маленькая стая лебедей, возвращающаяся на север с далекого юга, остановилась на несколько дней в этом залитом внешней водой участке леса и, как ни странно, не выделялась среди многочисленных птиц широко распахнутыми белоснежными крыльями, длинными вытянутыми шеями, не похожими на других птиц голосами, а держалась как-то незаметно, даже скромно. Присутствие лебедей не захватывало дух до тех пор, пока мы не выехали в разлив на лодке и не приблизились к птицам вплотную. Я был поражён и полностью захвачен тем волшебным впечатлением, какого никогда ранее не испытывал.

Издали лебедей можно было принять за большие куски сахарной пены или оторвавшегося из-под крутого берега и чудом сохранившегося снега. Ещё на ум приходили чудесные женские боа из меха и перьев, и именно они своей зачаровывающей снежностью окрылили на радостное озарение: да ведь это лебеди! Но где у них шея и голова, и почему птицы долгое время недвижимы?!

А лебеди, оказывается, спали... Изящно изогнув длинные шеи, и ловко спрятав головы под крыло, они уснули, отдавшись на волю течения. Разумеется, мы забыли о ружьях и только любовались удивительным зрелищем. Нас интересовало лишь сонное царство божественных птиц, случайно подсмотренное у природы, и мы были счастливы, так же как и лебеди, отдаться охватившей нас свободе.

Лёгкое течение и ненавязчивый весенний ветерок подталкивали воздушные тела птиц, и лебеди гигантскими волшебными кувшинками незаметно скользили по поверхности воды, завораживая своим сказочным видом. Позабылись и редкие крачки, и смешной заяц, и пританцовывающие на воде чомги. Всё, что окружало нас в этот радостный весенний день, отошло на задний план. Остались лишь лебеди...

Лебеди превосходно плавают, но никогда не ныряют, что, наверное, происходит по причине их величавой и трогательной натуры, что не позволяет им вести себя раскованно. Лебеди только погружают в воду голову и шею, но даже эти движения совершают, не теряя себя, с достоинством. Они очень горделивые птицы, шея у них поставлена вертикально, голова устремлена вперёд, а клюв держится всегда чуть приподнятым.

Лебеди обычно неторопливы, грациозны, но, будучи преследуемы, плывут быстро, и догнать их, даже на лодке, можно лишь с большим трудом. Вода, как и воздух, стихия этих удивительных птиц. Хотя взлетают они тяжело, долго разбегаются, шлёпая по воде лапами, и лишь постепенно набирают скорость и высоту. К тому же, лебеди сильные и храбрые птицы, самоотверженно защищающие своих птенцов, а удар их крыла может переломить детскую руку.

Лебедь весьма осторожен, по прилёте выбирает открытое со всех сторон место и почти всегда держится на самой середине озера или реки, где его не застанет никакой хищник и откуда далеко слышен его мелодичный голос с оригинальным гоготаньем. Голос этой птицы, как и её движения, тоже необыкновенно деликатен и грациозен, в особенности у самцов, когда они ухаживают за самками. Лебедь то обовьёт подругу своей длинной тонкой шеей, то нежно припадёт к ней своей головкой и, ни на минуту не оставляя свою избранницу, что-то переливчато и чуть гортанно ей наговаривает.

Изредка лебеди приходят в себя, как бы одумываясь, нежно выгибают шею и, приподняв голову, издают уже более громогласный звук, напоминающий зов трубы и несколько схожий с журавлиным криком, правда, слегка приглушённый. Птицы будто напоминают своим сородичам, что они живы, довольны всем происходящим, но не стоит забывать об осторожности. Более обычно для лебедей только сильное шипение или глухое гоготанье, что, впрочем, не мешает некоторым людям слышать в нём звон серебряного колокола или даже скрипки.

Думается, именно по причине необычности и благородной величавости лебедей, что будто бы свидетельствовало о их приближенности к Богу и, уж конечно, ко двору, в древние времена птиц часто и употребляли в пищу, и они обыкновенно фигурировали за царским столом, о чём упоминается в описаниях старинных пиршеств. Теперь же лебедей едят исключительно редко, а в большинстве мест это даже считается грехом. В Англии существовал обычай клеймения всех лебедей, живущих в оседлом состоянии на Темзе и составляющих собственность королевы, которая их боготворила.

Эта необычная операция осуществлялась каждый год. Дело заключалось

в том, что право воспитывать лебедей было некогда привилегией, и англичане ей очень гордились. Строгие наказания налагались на тех, кто присваивал этих драгоценных птиц.

При Генрихе VIII лицо, похитившее лебединое яйцо, наказывалось годичным тюремным заключением. Королевским декретом назначались особые лебединые стражи, и они должны были начинать клеймение лишь в присутствии представителя, посланного монархом. Эти стражи вели списки всех королевских лебедей с описанием их признаков. Простолюдины не имели права даже смотреть на великолепных птиц.

Клеймение лебедей производилось каждое лето, продолжалось несколько дней и заканчивалось большим банкетом в честь стражей в Виндзоре. Для этой цели на Темзе, между Лондоном и Чепле, разъезжали лодки, перехватывая всех лебедей, которые затем крепко перевязывались. На королевских лебедях ставился знак, состоящий из трех ромбов на верхней части клюва. У них выщипывались или подрезались большие перья крыльев, дабы не допустить, чтобы птицы не улетели с дикими лебедями.

Если, с одной стороны, в нраве лебедей заметно осознание собственного достоинства и довольство собой, то с другой - лебеди очень вздорны и неуживчивы с другими пернатыми. Их привилегированное положение проявляется в какой-то злой наклонности к дракам и жажде господства над птицами более слабыми. Даже заблудившийся лебедь предпочитает плавать одиноко, нежели присоединяться к своим соплеменникам.

Напротив, самец и самка одной пары необыкновенно привязываются друг к другу, выказывая самую преданную любовь, и однажды заключённый союз уже не разывается всю жизнь. Обе птицы нежно любят друг друга, часто милуются - обвиваются своими шеями, трутся клювами, не замечая никого, а в опасности друг друга защищают. Столь же нежно родители относятся к своему потомству, и хотя самец обыкновенно не разделяет трудов по высиживанию яиц, но всё же не перестаёт самым преданным образом оберегать самку, помогает доставлять гнездовой материал и всё время остаётся поблизости, предупреждая о какой-либо опасности.

На земле вряд ли есть птицы красивее лебедей, и испокон веков они служили символом красоты, любви и нежности. Существует даже старинная легенда о лебединой песне, какую эта прекрасная птица, якобы, поёт перед своей гибелью, а лебединая верность стала притчей во языцех. Если случайно погибает один из пары, другой лебедь, высоко поднявшись в небо, камнем падает вниз и разбивается о землю. Лебеди прекрасны, и недаром молодую пригожую женщину на Руси называли не иначе как лебедушка. Сколько утка ни бодрись, замечали меж людей, а лебедем не быть!

Огромные белые птицы в синем апрельском небе - это незабываемое зрелище, но ещё красивее кажется лебедь на уединённой глади реки или озера. Лебедь плывёт легко и бесшумно, и вода под ним, от его сказочной белизны, принимает нежный перламутровый оттенок. Лебедь неповторим в малейшем своём движении: при крутом развороте на воде, в случае опасности, при

купании, когда радостно расплескивает солнечные брызги, и при подъёме на крылья.

Но особенно незабываемы птицы во время сна, когда лёгкий ветерок потихоньку сносит их воздушные тела, а они как будто ничего не замечают. Этот же ветерок нежно ворошит лебяжье перо, и так, постепенно, становится вроде доброхотной бабки, что напевает им свою усыпляющую колыбельную и нежно освежает. Под этот лёгкий приятный шумок лебедям спится ещё слаще.

Кто больше спит, говорят в народе, тот меньше грешит. Но разве подумаешь подобное об этих царственных птицах, что живут на воле, а потому и спят боле?! Лебеди покормились, почистили перья и опять погружаются в благостный сон: чем им ещё на перелёте заняться, пока они достаточно не подкрепили свои силы? Сон птиц не тревожен, он лёгок, как весеннее облачко, что висит над землей в неуловимом мареве, поднимающемся к ясному небу. Лебеди плывут отрешённо и спокойно, а птичье счастье находят в возможности жить не зависящей ни от кого жизнью, в которой так приятно просто забыться.

Спят лебеди, и грезится им, наверное, чистая гладь озера, такое же светлое небо над ним и их неограниченная свобода. Сны лебедей вроде самих птиц - белые, воздушные и неуловимые. Лебеди ходят белоснежными корабликами по озёрной и речной воде, зачаровывая всех своим сном. Но хоть лебеди и спят, а всё видят.

Среди людей за неоспоримую истину принято, что крайняя осторожность - это робость и нерешительность, лебеди же очень чутки. Птицы спят - не спят, чуть дремлют, при малейшей опасности вкрадчивым гоготом предупреждая друг друга, и молниеносно оживают. Им не требуется при этом охорашиваться - они и без того прекрасны: такие же миловидные, привлекательные, с невинной прелестью пребывая в своей возвышенно-волшебной жизни. И когда спят, и лёгкое течение тихонько сносит их воздушные тела, и когда встрепаются, ещё более преображаясь.

Уснувших лебедей медленно сносит течение, и они кажутся невесомыми, сосредоточенными в себе: будто не спят и думают какую-то неведомую птичью думу. Такую же лёгкую, неуловимую, как они сами, что тебе тоже становится как-то воздушно и празднично. И хочется плыть с ними долго, пока они не проснутся, а когда пробудятся - подняться вместе с птицами на крыло и устремиться в головокружительные небесные выси.

Лебеди, плавно покачиваясь на еле приметных волнах, удалялись от нас всё дальше и дальше, а мы догоняли их на лодке, чуть подгребая вёслами, и, любуясь, опять на какое-то время отпускали. Порой удавалось приблизиться к ним на несколько десятков метров, и лебеди вдруг подымали головы, с лёгким недовольством вскрикивали что-то со сна, и вновь укладывались спать. Видно, им было очень приятно отдыхать, таким образом, и птицы не боялись, что кто-то может их потревожить. Головы они ловко прятали под крыло, длинные шеи мягко свисали набок, до самой воды, и всё это начинало

представляться каким-то удивительным сном, в котором лебеди не улетали, а навсегда оставались с нами, затопленным лесом и долгожданной весной.

Кукушкины слезы

Кому не приходилось слышать негромкий, вкрадчивый голос кукушки! Ещё не успеет сойти по оврагам и тёмным ельникам снег, а уже слышно в лесу её «ку-ку, ку-ку, ку-ку». Монотонное, но ненадоедливое, поначалу как будто даже восторженное, пение кукушки скоро начинает представляться однообразным, и уже не далёк тот час, когда всякий, заслышав знакомое кукование, не преминёт заметить: куковала бы кукушка на свою голову!

Да что поделаешь: без кукушки весна не весна. Пока не услышишь близкого сердцу кукования, чего-то не хватает в природе. И только подаст голос кукушка - радость охватывает без предела: наконец-то, и к нам пришла весна!

Относились к кукушке в народе по-разному и, конечно, связывали с ней много примет и поверий. «Сколько раз кукушка натошак кого окукует, столько лет жить» - обнадеживали особо сердобольные. «При первой кукушке брякни деньгами, чтоб водились - лукавили другие. «Кукушка закуковала - пора лен сеять» - не без оснований наставляли всезнающие старики.

«Много лет кукушка бабе накуковала, да и обманула» - беззлобно урезонивали размечтавшихся острословы. А то и без обиняков, по-свойски: «За кукушку бьют в макушку!»

Первые дни после прилёта самцы обычно, бывают, скрытны и совсем не подают голоса, но затем постепенно распеваются, привлекая к себе самку. Кукушка, подлетев на призывную песню самца, издаёт громкую трель, а в минуты особого возбуждения - глухой крик, похожий на какой-то утробный, слышимый только с близкого расстояния хохот. Куковать самки не умеют.

Громко вскрикивая, чуть ли не кудахча, перелетают в еловых ветвях охваченные весенним азартом кукушки, суматошно хлопают крыльями, друг на друга насаждают, и до того у них вся эта кутерьма по-семейному получается, открыто, что даже не веришь глазам: кукушки ли это в самом деле или какие другие птицы?

Места для своих брачных игр осторожные кукушки выбирают глухие, порядком удалённые от человеческого жилья. Где-нибудь на окраине старой заброшенной делянки, окружённой дремучими елями, обоснуются птицы на время и, охваченные весенним восторгом, беснуются несколько дней кряду, забывая обо всём. Но переменчивы необычные птицы в своём настроении, и, натешившись вволю, самцы под вечер чинно рассаживаются по верхушкам ещё не опушившихся деревьев, потихоньку налаживаясь на свою проникновенную песню. Тот, кто не подсмотрел, хотя бы однажды, их отрешённых весенних игр - никогда не узнает о кукушке того, чего она по-настоящему стоит.

Кукушку ни за что не спутаешь с другой птицей: её веретенообразное

яркое тело с изящным хвостом хорошо различимо в ветвях любого дерева. Имея дымчато-пегий, бросающийся в глаза своей нежностью окрас, чуть схожий только лишь с ястребом-перепелятником, кукушка словно подчёркивает его ярко-жёлтой окантовкой вокруг глаз и оранжевыми лапками. Завидев в листве её покачивающийся в такт песне силуэт, отчего-то сразу обрадуешься и долго смотришь, никак не выдавая себя и не уставая, словно ожидая от птицы чего-то несбыточного, но для неё самой такого привычного и обыкновенного.

А кукушка как будто чувствует оказываемое ей внимание и ждёт этого: ещё громче разносится над лесом её звучное кукование. И дразнит, и манит к себе голос недостижимой, замечательной птицы, так что про себя думаешь: никогда не выменять тебе кукушку даже на ястреба!

Давно известно, что кукушки сами не высиживают свои яйца. Немалое количество их способна отложить одна птица, и слишком длительными бывают промежутки между кладками, чтобы успешно вывести ей здоровое потомство. Первое яйцо успеет высохнуть и испортиться, пока кукушка отложит последнее. Ответственность за высиживание, выкармливание и воспитание кукушонка ложится на ту неудачницу-птичку, в гнездо к которой кукушке посчастливится подкинуть яйцо.

Обычно, завидев кукушку у своего гнезда, большинство мелких птиц поднимают шум, стараясь отогнать её прочь. Озабоченным выведением собственных детенышей крохотным птахам незачем знать, отчего кукушка совершает свой подлог. В попытке подбросить яйцо в чужое гнездо они усматривают только наглость, и всеми силами пытаются противостоять ей.

На подложенное в гнездо яйцо кукушки разные птицы реагируют по-своему. Одни, в захватившем их отчаянии, бросают гнёзда даже с полными кладками, и потом, наверное, ещё долгое время находятся в пустой суете, пока новые детки не успокоят их взбудораженное навалившейся бедой сердечко. Другие тут же иступленно свивают новую подстилку, кропотливо прикрывая кладку с яйцом кукушки, и приступают к откладыванию яиц заново. А отдельные птички, особенно одарённые, способны даже отличать кукушкины яйца по окраске, и просто выбрасывают чужое яйцо из гнезда. Тогда кукушка стала откладывать яйца, удивительно похожие на яйца птиц, к которым она их подбрасывала.

«Не диво, что кукушка по чужим гнёздам лазит» - говорят в народе, - а вот бы диво, кабы своё завела!» Да, видно, не суждено этому случиться, и определила природа кукушке и впредь нести множество яиц, не успевая высиживать, выкармливать и воспитывать кукушат только потому, что обладают они непревзойденным аппетитом, съедая столько насекомых, сколько осиливают за день пять или даже шесть подросших птенцов белой трясогузки, дрозда-белобровика и сорокопута-жулана. В изобилии поедая мошек и жучков, кукушата вынуждают птиц быть более активными в отыскании необходимого корма, а значит, сокращают наносимый вредными насекомыми ущерб. Став уже взрослыми, они начинают употреблять в пищу

страшных мохнатых гусениц, к которым не решаются подступиться никакие другие птицы!

Прожорливость кукушки - её безрадостная судьба и достойный удел, по которому она вынуждена отказываться от своих птенцов. Возможно, поэтому так скрытна она, что не показывается никому на глаза, не поёт и переживает свою скорбь в одиночку. Нескончаемую песню несёт над лесом лишь самец, как бы выплакивая за себя и самку общую боль бесконечно вопрошающим кукованием, будто окликает потерявшихся деток, просит их отозваться истосковавшимся по ним родителям, обреченным на одиночество.

Так и не отыскав детей, взрослые самец и самка рано отлетают на юг, не обнаружив для себя какого-либо применения в наших лесах, а молодые птицы, ещё не обременённые этим знанием, трудятся без устали в течение всего лета, исполняя возложенную на них природой заботу. Нелегка их доля, ведь им на следующий год предстоит так же, как и их родителям, безрезультатно оплакивать своих детей и не находить их. «Не кукушка кукует, - обычно примечали среди людей, - а жена горюет».

Кукушкины слезы невидимы и сухи, и, не обрета своих детей, кукушка кукует им долгие годы жизни. Человек однажды подслушал её и, не восприняв в песне тоскливой жалобы птицы, отнёс её прорицание на свой счёт, а маленькие лиловые растения в лесу, расцветающие в пору, когда птица остаётся одна, назвал «кукушкины слезы». Вот она какая, кукушечка: всем от неё польза, да только никому до её горя дела нет.

Чувства-птицы

Что-то необъяснимое остановило меня однажды посреди майской дороги, заставило поднять голову и, скорее, не увидеть, а почувствовать тревогу. И только потом услышать пронзительные вскрикивания кружащей над головой птицы, угадав в ней ширококрылого взбудораженного чибиса, с напряженной суетливостью снижающегося к земле. А через несколько мгновений витающая над головой тревога удвоилась: ещё один чибис с тоскливым криком, как бы ниоткуда, взмыл над землёй и озабоченно запетлял над неширокой поляной.

И тут я увидел, как впереди по дороге, у самой её обочины, выбежала хохлатая самочка. На секунду замерев, будто прислушиваясь, она покосилась в мою сторону и, забавно переваливаясь, перебежала дальше. Чуть приподняв лапку, опять замерла и, как-то скособочившись, припустила по самому краешку, явно пытаясь увести меня от гнезда.

Но я оставался на месте, и птица застыла, повернулась ко мне и тихонечко простонала, в нетерпении поведя перышками. Я сделал несколько шагов в сторону от дороги, туда, где поначалу показалась птичка, и она вдруг бросилась ко мне наискосок, через дорогу, неприметно семеня своими тоненькими лапками. Я тут же остановился, а птичка возбужденно закрутилась на месте, требовательно издавая попискивания, будто всхлипывая. Она была самоотчаяние.

Не без муки представляя, как бьётся сейчас в её маленькой груди бесстрашное сердечко, я всё же попытался поискать гнездо. Раньше мне не приводилось встречать в лесу чибисовых яиц. Поиски мои не увенчались успехом, и всё это время две птицы, не переставая, кружили над головой, изредка оглашая округу своим неизъяснимо-вкрадчивым криком: «Чи вы, чи вы, чи вы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чи вы, чи вы, чи вы?».

Потом птицы куда-то исчезли. Вероятно, они просто устали надрывать свои сердца и в бессилии удалились, а я остался стоять посреди разнеженного майского дня, не в силах двигаться дальше.

Постепенно вокруг опять воцарилась лёгкая дремотная тишина, и я подумал, что, может, никакого гнезда здесь у чибисов вовсе нет, а птицы, возбуждённые скорым выводением птенцов, вдруг увидели одиноко ступающего по дороге человека, и это вызвало у них короткий приступ эмоционального раскрепощения. Чибисы по-своему разрядили свою озабоченность, и вскоре забыли о моём существовании. Я иду дальше по дороге, думаю о них, и мне больше не хочется доставлять птицам переживания.

Но незаметно, с исчезновением чибисов, в моей голове тоже начинают рождаться всякие тревожные мысли. Например, о том, что не меня птицы боялись в этот майский полдень, а искали своих разбежавшихся по траве малых деток, которых я по неосторожности потревожил, и, быть может, даже согнал с гнезда. И тогда уже мои непутёвые чувства поднимаются ширококрылыми чибисами к небу, бесприютно вьются в отрешённо замершей майской синеве, и тоскливо плачут: «Чи вы, чи вы, чи вы?!»

Трясогузкины причуды

Весь июньский день проходил я в лесу, собирая грибы с ягодами, и из-за сильного дождя опоздал на электричку. Вымок весь до нитки, промёрз, а до следующего поезда ещё два с половиной часа. Чем занять себя?

Вскоре дождь закончился, в воздухе сразу посветлело и стало тепло. Из круглого чердачного окна станционного домика молниеносно вылетали черноголовые ласточки, взмывали на тёплых потоках воздуха вверх, то и дело, переворачиваясь, ложились в головокружительное пике, а у самой земли ловко выходили из него и, кувыркаясь, влетали через несколько секунд обратно в окно. Некоторые из ласточек, прижимаясь к земле, выхватывали еле приметные в их клювах травинки, и тут же возвращались на чердак. Другие же, взмывая в небо, охотились за невидимыми насекомыми, находясь в воздухе гораздо дольше в отличие от тех, что просто собирали материал для гнёзд.

С равным интервалом выпархивая из станционного окна, ласточки через такой же промежуток времени возвращались. Без боязни ошибиться, по ним можно было сверять часы. Но более занимало другое...

Неподалеку от круглого окошка проходили телеграфные провода, на них, беспрестанно взлетая и вновь присаживаясь, располагались вёрткие белые

трясогузки. Нетерпеливо покачивая хвостиками, они время от времени поглядывали в круглое окно чердака, как будто чего-то ожидая. Как только ласточки выпархивали оттуда, трясогузки бросались вслед за ними и, преследуя их клювом в самый хвост, не отпускали до тех самых пор, пока ласточки не залетали к себе обратно.

Далее трясогузки следовать почему-то остерегались и, усаживаясь на провода, вновь дожидались вылета ласточек, чтобы, сломя голову, броситься за ними в очередное преследование. Выделявая в нагретом воздухе сложные пируэты, они точь-в-точь копировали их волнительное парение.

Ласточки словно не замечали своих преследователей, но иногда отвечали трясогузкам лёгким уколom, прямо на лету повернувшись к ним маленьким клювом. Это как будто ещё более распаляло юрких белых птичек, и они с усиленным рвением гонялись за недостижимыми ласточками. Случается, что во время охоты ласточки и сами часто сопровождают идущего человека, собаку или лошадь, ловя облепивших их насекомых.

До боли, в глазах, наблюдая за этой воздушной эквилибристикой, я никак не мог понять: играют трясогузки с ласточками или попросту задирают их? Рядом, на самом карнизе, как будто совершенно равнодушные ко всему, сидели нахохлившиеся воробьи. Выглядели они для солнечного дня очень смехотворно, с озабоченным видом наблюдая за происходящим, и было неясно, почему трясогузки никак не донимают воробьев, оставаясь к ним безразличными.

Их маленькие сердца, наверное, переполняла радость от ощущения тёплого летнего дня, с обилием воды и вкусного корма, и взволнованным от всего этого трясогузкам доставало чего-то увлекательного, вот они и предлагали себя ласточкам, только в них находя достойных для игры приятелей. Или, быть может, непоседливых птиц задевала та озабоченность, с какой ласточки ухаживали за птенцами и устраивали свои гнёзда?

Что бы там ни было, но трясогузки не оставляли свои причуды, и я, позабыв обо всём, отрешённо следил за их стремительными перемещениями и никак не мог найти ответа на мучающий меня вопрос. А что думаете вы?

Сердобольная птица

Ходишь, бывало, по весеннему лесу, и тишина вокруг становится всё напряжённее, как будто она сейчас взорвётся и напугает. И вот, ни с того ни с сего, вдруг застрекочут в ёлочках сороки, затрещат что есть мочи, и ты весь подберёшься и наостришь свой слух в ожидании чего-нибудь интересного. Сороки эту перекличку просто так не заводят, обо всём, что происходит в лесу, им любопытно знать, и пропустить мимо своего внимания любые новости они никак не могут.

Выбрав удобное место под вальдшнепиную тягу, замрёшь, бывало, и, пока не потянули птицы, прислушаешься. Может быть, покажется на опушке встревоженная неугомонными птицами лиса, выкатит из густого осинника

медведица с медвежатами или взметнётся с лёжки напуганный заяц. А сороки кружат почти над самой головой, стрекочут, без умолку, охрипшими по весне голосами: нелегко им приходится в эту пору, когда лес наиболее оживлён, полон разных занятых событий, и сороки, подмечающие каждую мелочь, обязаны на всё в этом многоликом и меняющемся мире по-своему реагировать. Сорокам весною становится как никогда хлопотно и радостно жить.

Трудно бывает разобрать и догадаться, что вынуждает беспокойных птиц поднимать такой шум. То ли эта сорочья тревога предназначена для собственных собратьев, то ли сороки действительно уж такие законченные сплетницы, что не могут не предупредить лесных жителей об увиденных новостях. А может быть, эти необычные птицы попросту вздорны? Иначе чего им бояться, не подпуская никого на довольно близкое расстояние, чем дорогим рисковать? Не чудесным же оперением, на которое стоит только лишь залюбоваться одно мгновение, или длинный сорочий хвост может кого-то серьезно заинтриговать?

Просто сорока может быть всякой: и до невыносимости непоседливой, и невероятно наблюдательной, примечающей всякую мелочь, а порой - отрешённо нахохлится, будто притаится, и станет, по непонятной причине, какой-то остервенелой, на саму себя непохожей. Всякое с сорокой бывает: и то ещё бывает, что ничего не бывает. Словом, полюби сороку вчерне, а вкрасне её и всяк полюбит!

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неумоимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, как бы предупреждая всех о происходящем. По стрёкоту сороки можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось или метнулся перепуганный заяц. Невероятно досаждают эта птица лесным обитателям, и они, наверное, сильно её недолюбливают.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, что увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Но сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так низко, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и, чуть ли не захлёбываясь, оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена своим занятием, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась ... глухарина песня. Вернее, её поразительно точное подобие с переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным течением. Сорока, охваченная страстью преследования, непроизвольно, может быть, даже под воздействием этого самого волнения, выдавала когда-то уже слышанные в лесу звуки. Причём,

хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках, так что в какой-то миг показалось, будто сам глухарь огласил округу своей неподражаемой трелью. Холод куда-то постепенно отступил, и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

Сорока - птица очень самобытная, недаром отмеченная вниманием во множестве сказаний, пословиц и поговорок. В самом облике сороки угадывается нечто сказочное. «Бела как снег, зелена как лук, черна как жук, повёртка в лес, а поёт как бес» - с любовью загадывали о ней. Но хоть эта птица и хороша собой, сорока от сороки в одно перо родится.

В русском народе, метком на верное слово, за сорокой твёрдо укрепились репутация птицы вечно озабоченной, неутомимой и любопытной: «Сорока известие на хвосте принесла», «Фому да Якова и сорока знает», «Знает сорока, с кем зиму зимовать», «Сорока скажет вороне, ворона - борову, а боров - всему городу».

В народе очень широко были распространены разные суеверия, связанные с сорокой. В некоторых местностях сороку называли чёртовой птицей и уверяли, что у неё на языке капля чёртовой крови, и если она удалит её, то обретёт дар речи. Крестьяне верили, что сороки на Преображение свой шабаш справляют: их в этот день почти не видно, они отправляются помогать чёрту сено убирать и служат ему вместо лошади.

Принято было думать, что в сороке сидит душа колдуньи, поскольку она жадна, и если попадается бесхвостая сорока, то это непременно суший черт. Оттого, мол, птица падка до блестящих вещей, что в невероятном количестве тащит к себе в гнездо. А её длинный хвост - это метла, на которой обычно летает нечистая сила.

С сорокой связывали разные приметы. Сорока скачет по дому больного - к его выздоровлению. Если сорока забирается под стреху - это означает скорую выюгу. Увидать одну сороку - к несчастью, две - к удаче, три - к свадьбе, а четыре птицы предвещают рождение ребенка.

Люди верили, будто бы сорочьими мозгами хорошо в бане натираться, они, как никакое другое средство, помогают от ревматизма. В воскресенье на Масленицу, когда пекут блины, один блин подносили сороке, за что она хозяев криком от волка предостерегала. Подвешенная на скотном дворе, будь она живая или мёртвая, сорока спасала от шалостей домового, предохраняла лошадей от гоньбы по ночам нечистой силой и отпугивала от скота мух и болезни. Считалось, что если убить сороку между Рождеством и Крещеньем, сжечь её, истолочь и съесть, будет человеку счастье на весь год.

Душа радуется, когда увидишь на заборе эту птицу. Длинный хвост сороки вздрагивает, голова с лаковым клювом, то и дело, крутится по сторонам, и стрекотание льётся нескончаемым потоком. Почему-то при этом не думаешь, что она ворует яйца, цыплят и всякие ценные вещи, которые пропадают именно тогда, когда больше всего необходимы. Воспринимается только красота птицы, её необыкновенная ухоженность, а желание любоваться сорокой, кажется, никогда не иссякнет.

В сороке преобладают всего лишь два цвета - чёрный и белый, но природа так умело ими распорядилась, что птица не перестаёт ими удивлять. Чёрный - ночь, белый - день или снег. Кажется, ничего нового, но вот зеленовато-перламутровые оттенки, отливающие на груди и хвосте сороки волшебным сиянием, делают её неотразимой. Вдобавок, её щеголеватая походка и осанка, озорной блеск выпуклых глаз, напоминающих какие-то чарующие и неизвестные ягоды, удивительная лёгкость прыжков!

Уж, кажется, сколько я наблюдал за сорокой и в лесу, и в деревне, а всё равно подмечаешь в ней что-то новое. Однажды весной я услышал, как кто-то стонет за ближайшими ёлками, и стал осторожно подкрадываться. Удивлению моему не было предела, когда я увидел на ветке огромную надутую сороку. Сорока была круглой, как мяч, и надсадно издавала стонущие и шипящие звуки. Это была брачная песня самца, и в порыве любви он совершенно преобразился!

Сорока чаще других птиц вертится поблизости от человеческого жилья, и потому выдаёт себя с головой. Присядет, бывало, оглянется и, вскочив на ближайшее дерево, начинает цеплять клювом ветки. Ветки не поддаются, но сорока упирается из всех сил и, в конце концов, отламывает, а затем ... бросает на землю, и всё в точности повторяется.

У меня хватает терпения наблюдать этот спектакль сколько угодно, но у него нет завершения: обломленные ветки калины, ирги, сирени и черёмухи валяются на землю, а сорока, не обращая на них никакого внимания, продолжает с остервенением обламывать следующие. Она так и не подымает упавшие, даже впоследствии, и не прячет их, а только вновь и вновь теребит, ломает и роняет. Что означает такое поведение - известно одному Богу!

Сорока - это лисица среди пернатых, тварь невероятно хитрая, смышлённая и осторожная. Чутьё её так велико, что иной раз создаётся впечатление, что она угадывает происходящее на расстоянии.

Как-то в конце ноября, уже по снегу, рубил я в ограде мясо, а мелкие крошки, оставшиеся на полу, вымел на свежевывавшую порошу к дровянику, где их и видно не было: красное крошево надежно скрывал глубокий снег. Всё это время сороки не прилетали на деревья, что располагались прямо у дома, и не рассаживались на старый забор, с которого можно было следить за моими действиями. Сама же ограда находилась вместе с конюшней под крышей, что тоже не позволяло вездесущим птицам наблюдать за происходящим. Тем не менее, сороки, пока я на минуту зашёл в дом, незамедлительно появились у того места, где хоронились в снегу мясные крошки. Что заставило прозорливых птиц молниеносно среагировать на подвернувшуюся поживу, и как они узнали о ней - для меня до сих пор остаётся полной загадкой!

Есть одно обстоятельство, из-за которого мы перестаём замечать красоту птицы: сорока примелькалась, поскольку каждый день попадает на глаза, и всё чаще люди просто не обращают на неё внимания. Так же, как и на всё другое, что они незаслуженно пропускают мимо, не обладая хотя бы долей той любознательности, которой обладает неутомимая птица. Что вынуждает её

оказываться на месте происшествия прежде других и громогласно оповещать всех своим стрекотанием? Только ли её вздорный характер?

Поначалу неугомонное стрекотание сороки обычно воспринимаешь, как взбалмошное желание хоть с кем-либо да поссориться. А если сорока не хочет встречать серьёзно, она готова об увиденном распустить слух по всему свету. Ей, кажется, ничего не стоит в один миг разбередить себя и через минуту, как ни в чем не бывало, расхаживать барыней. Только достаточно приглядевшись к сороке, постоянно наблюдая за ней и в лесу, и в деревне, понимаешь: шум, что эта птица постоянно вокруг себя создаёт, - её удивительная и неповторимая суть, без которой человеку было бы очень скучно.

Замечательно, что сорочье стрекотание воспринимается всеми людьми по-разному, и каждый волен слышать в нём то, что ему хочется. Сорока возбуждённо стрекочет, усевшись на выцветшем заборе, а у одного это рождает музыку в душе, желание встречи со сказкой, у другого же - раздражение. Но сорока в этом не виновата, она никому не угождает и хороша уже тем, что есть. Когда над округой разносится её возбуждённый гомон, это значит, что жизнь полна красоты, и сорока вносит в неё свою замечательную лепту: возбуждая себя, сердобольная птица способна расшевелить всю деревню!

Усердие сороки в выражении её чувств - скорее, приятные хлопоты, нежели пустое беспокойство. О ком, о чём - неважно, главное, что сорочье стрекотание - радостное дополнение любому дню, независимо от времени года. А поскольку всякому дню подобает его забота, то уж сорока никак не может без неё обойтись. Ей, наверное, невыносимо жить без постоянных забот, так же как и человеку - без доброго слова. Как говорится, не то забота, что много работы, а то забота, как её нет!

Восторг сороки - это какое-то сладостное исступление, самозабвенное забытие самой себя, временное отрешение сорочьего духа от мира, а вернее - проникновение в его суть благодаря такому восторженному самозабвению. В сороке происходит воспарение её духа, насколько это возможно, и в этом чёрно-белом, исторгнутом из себя восхождении птица достигает, казалось бы, недостижимого, а удовольствие её не знает границ. Как сладостно, наверное, быть в такие моменты сорокой, когда она в своей неугомонности, с одной стороны, отрывается от мира, а с другой - удивительным образом сочетается с ним.

В народе всегда отмечалось это неподражаемое свойство сороки - сокотать: «Когда у сороки все перья побелеют, тогда и сокотать перестанет», «Сорока-посвистуха, деревенская баба-лепетуха», «Знать сороку по языку». А ещё о ней говорили, как о вещи птице, которая даром никогда не стрекочет. По сокотанию сороки находят и её гнездо, и до неё самой добираются, ибо она сама скажет, где гнездо свила. Иной раз даже кажется, что своим сокотанием сорока думает соловья перещеголять - «кабы на сороку да не свой язычок!»

Из-за своего языка сорока, конечно, представляется только женщиной, что болтает без умолку. По-бабы трещит или лотошит, словом, знатная

говоруны. Мужчина-сорока - это что-то невиданное и невообразимое. Кажется, все сороки - только женского рода, и как их язычок хочет, так они и сокочут.

Что знает сорока, всё скажет, и чего не знает - и то скажет: обо всём у неё речь. Невелик сорочий язык - одно, казалось бы, надоедливое стрекотание, но какая музыка разливается над лесом, полем или деревней, когда она подаст свой голос! И хоть говорят, что всякая птица от своего языка погибает, и что язык до добра не доведёт, а ещё - не спеши языком, да не ленись делом, у сороки их и вправду невпроворот!

Прежде, чем что-либо начать, она обязательно об этом всем поведает, и только затем примется за свою немудрёную работу. Веток для строительства собственного дома наломать, глины натаскать, все ближайшие гнезда мелких птиц проверить, в курятник заглянуть, если дверь оставили открытой - уволочь, что плохо лежит, и ещё многое-многое другое, чего ни за что не успеть другой птице. Собравшись же целой ватагой и заприметив дремавшую на припёке неясить, сороки полдня не дают ей покоя, пока она не переберётся от надоедливых птиц куда-нибудь подальше, в гущу леса, а то и вообще гнездо её разграбят, если, разумеется, обнаружат его. Это лишь малый перечень того, без чего сорока не была бы собой. Одета пером, как говорится, просто, но на уме забот со сто!

Сорока, вообще, более приземлённая птица, чем отдающаяся воздушной стихии, и находится преимущественно там, где ей удобнее быть самой собой. Даже в том, как сорока присаживается на землю, тормозит и прихлопывает при этом крыльями, угадывается еле сдерживаемое удовлетворение от того, что она опять в своей обители. Преисполненная довольства, сорока гордо вышагивает по земле, то и дело, поднимая длинный хвост и покачивая им, но во всём её облике ощущается нетерпеливое желание быстрее себя показать, хоть в чём-нибудь выразить, чтобы её непременно заметили.

Иногда сорока поднимается в воздух очень высоко, но полёт у неё тяжёлый, требующий частых взмахов крыльев, и при сильном ветре становится неверным и медленным. Сорока употребляет крылья только по нужде, никогда не перелетает без надобности даже с дерева на дерево или с куста на куст, и лишь зимою совершает более далёкие путешествия. Неугомонная птица не в силах надолго отрывать себя от земли, лишая возможности быть сердобольной.

Но ведь сердоболие, как известно, не пустая беспечность, а сердечное участие, сострадание и старание о помощи. Стараются ли для кого-то сорока - трудно сказать, а то, что она до чужой беды или какого-нибудь беспорядка охоча, так это у неё не отнять. Спит и видит, наверное, как царствие сорочье наступило, где она - самая заметная, и важнее её никого не сыскать. Вот чтобы посвятить себя кому-либо по-настоящему - это вряд ли! Сердце у сороки, что вырезка из серой бумаги, пустое и бесчувственное, и для неё одна только боль - о себе. Береги, сорока, свой хвост!

Кстати, длинный хвост очень помогает сороке вернуться на землю, когда

она, завидев для себя что-либо интересное, отвесно пикирует с высоты. На такой скорости да без надёжного руля короткокрылая фигура птицы просто закувыркалась бы в воздухе, а взбалмошность сороки не позволяет ей сохранять терпение. Сороке необходимо как можно скорее, именно сейчас, оказаться рядом с тем, что так её разволновало, и длинный хвост помогает птице в этом стремлении.

Одним словом, возня, суета и беспокойные дела - неотъемлемая обязанность сорочьего рода. Уж такие это птицы, что хлопот у них полон рот. Но, оказывается, дело этих хлопот не стоит: сорока хлопочет - только себе добра хочет. В народе говорят: «В живых больше корысти», и это именно про сороку, потому как пока сорока жива, голодной смертью она помирать не станет!

Проснувшись однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания, я сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями, причём, без малейшего перерыва. Слушаешь и удивляешься, сколько же их у нее?! А новостей у сороки, действительно, хватает, и обо всех надо успеть рассказать!

Чувствительная ко всему, сорока начинает озабоченно сокотать, предупреждая хозяев о приближении гостей. На этот счёт в народе сложили известное поверье, что «сорока сокочет - гостей пророчит». И действительно, завидев на дороге движущиеся сани или повозку, сорока неистово оповещает всех об этом, скачет, перелетает с дерева на забор и, не в силах сдержать своего возбуждения, захлёбывается в стрёкоте. Вот-вот лопнет от переполняющих ее чувств!

Диву даёшься в такие моменты этой птице: как близко для себя воспринимает она людскую озабоченность, в тоже время не в силах избавиться от своей. Язык сороки отчасти помогает ей в этом, и она, кажется, готова выплеснуть себя без остатка, чтобы хоть ненадолго утомиться!

Ну, а о том, как хитры и вороваты сороки, можно рассказывать бесконечно. Ко множеству известных всем историй лишь добавлю, что у себя в деревенском доме я недосчитался зеркальца, украденного с подоконника, куска мыла, привлёкшего сороку, по-видимому, своим ярко-зелёным цветом, и целой газеты аж в шестнадцать страниц! Самое удивительное, что всего этого сороке действительно зачем-то не хватает, и чего бы птица ни нашла, всё норовит утащить и спрятать. Охоча сорока до находки, и даже про человека, который нечист на руку, говорят: «Ворует, как сорока».

Но возможно ли объяснить такую странность сороки, как воровство ею различных блестящих предметов? Желание сороки, во что бы то ни стало, завладеть красивой блестящей вещью - вероятнее всего, обычная потребность, тяга живого существа к чему-то прекрасному. У птиц это лишь зачаток чувства, заставляющий их покушаться на всё, что сверкает и как-то выделяется. Золотые часы, кольца, вилки и ложки, браслеты, пуговицы, запонки - вот неполный перечень предметов, которые в первую очередь бросаются в глаза вездесущим сорокам.

Обычно «тяга к прекрасному» проявляется только у тех представителей животного мира, кто меньше заботится о корме, когда его в избытке, и у него высвобождается время для игры. Живя бок о бок с человеком, и пользуясь его дарами, сороки более чем кто-либо из пернатых преуспели в этом, превратив забаву в смысл всей своей жизни. «Не учи сороку впрыскаду плясать!» - не без зависти замечают об этой птице, когда остаются бессильны против её невероятной изворотливости, даже – смекалки!

Но, несмотря на своё игривое лукавство, сорока, в отличие от ворона, вызывающего у некоторых людей злое мысли, всё же, сумела снискать к себе благодушное отношение. Даже прозвище «сорока-воровка» произносится о ней без всякой злобы, а просто как великодушное примирение с необходимым злом. В народе сороку больше любят, чем недолюбливают, ей прощают многие прегрешения.

Ни в период гнездования, ни после его окончания сороки, как ни странно, не собираются в большие стаи, а это значит, что они не могут причинять ощутимый ущерб хозяйству человека. Правда, сороки нередко держатся по двое, по трое и даже более, но такое бывает крайне редко. Скорее, им необходимо время от времени обмениваться впечатлениями, немножко рисоваться собой, и, быстро надоев друг другу или вспугнутые чем-либо, они опять разлетаются. Сорокам достаточно короткого общения между собой, и, вдобавок, они не против соседства ворон, галок или вездесущих воробьев.

Что же касается непрекращающихся налётов сорок на сады и огороды, то тут они действуют больше поодиночке, крадучись, их не сравнишь с проказниками дроздами. Птицы, конечно, обклёвывают спелые вишни, очень усердно выискивают в густой траве клубнику и выбирают самые сладкие яблоки, но получается это у сорок так обаятельно и весело, что почти не сердись на них. Сороки, кажется, только украшают наши огороды, и не живут без озорства и своего белого бока. За что же на них обижаться?

Пожалуй, за что сороку действительно стоит не любить, так это за её разбойничье отношение к маленьким певчим птицам. В весенние месяцы сорока разоряет и уничтожает множество птичьих гнезд, выпивая яйца, а также поедая уже выведенных птенцов. Одно семейство сорок может в короткое время уничтожить всё пернатое население какого-либо сада или леска, и вскоре вместо радостных голосов певчих птиц здесь будет раздаваться одно надменное стрекотание.

За это, конечно, сороку не любят. Кому понравится, если воруют твои яйца, а то и живых детей?! Но сороке почему-то её воровство удивительным образом сходит с рук, в отличие, скажем, от вороны. Может быть, тому виной её красивое платье, более симпатичные повадки и не такой вороватый вид?

Если сорока только принаравливается совершить какое-либо злодеяние, то ворона, обычно недолго думая, уже его осуществляет. Сороке, видимо, не хватает какой-то безжалостной твёрдости, присущей серой вороне, и она за это даже более любима. Пока сорока-белобока взмахнёт своим зелёным хвостом, поведёт долгим носком, вороны и след простыл, и вот эта настороженная

медлительность, наверное, и спасает сороку, более чем ворону, от худой славы.

Благодаря своей ловкости, смекалке и неунывающему характеру, а также роскошному убранству сорока немало способствует украшению и оживлению нашей природы, особенно зимой. Какой восторг переполняет сердце, когда сорока купается в снегу в скупых лучах зимнего солнца или озабоченно стряхивает снег с опушившихся берёз! Впрочем, хороша она в любое время года, и стоит ей только появиться рядом с человеком, в нетерпении прострекотать, взмахнув хвостом, и вновь вокруг воцаряются уют и порядок!

Сороки всегда на виду, и этим необыкновенно радуют нас, но вот летом они стараются меньше попадаться на глаза, потому как высиживают в эту пору птенцов и имеют обыкновение прятать свои массивные гнезда в частых кустарниках невысоко от земли. В жизни сорок наступает, пожалуй, тот самый момент, когда птицы, казалось бы, вопреки своей природе не проявляют уже известную им неугомонность. Они как бы затихают, стараются стать незаметными.

Круглое сорочье гнездо не сразу заметишь, и находится оно в самой гуще веток, так что до него при всём желании незаметно не подобраться. Для хищных птиц, кошек с куницами и, тем более, человека гнездо сороки остаётся недоступным. К тому же, сорока как птица сообразительная, устраивает одновременно несколько гнёзд: одно - настоящее, где выводится потомство, а другие - подставные. Сорока очень умело располагает их, и маскирует точно так же, как и основные. Она даже изредка посещает эти пустые гнезда, чтобы обмануть недоброжелателей.

Вместительное гнездо сооружается очень тщательно и надёжно из крупных сучьев, переплетённых стеблями травы. Внутренняя часть гнезда выстилается тонкими ветками, входное отверстие и пол обмазаны глиной, а сверху возводится крыша. Самка откладывает в нём полдюжины зеленоватых с бурыми крапинками яиц, насиживает их около трех недель, а самец кормит её, не стрекочет и ведёт скрытный образ жизни. Птицы в эту пору как будто исчезают, и несведущие люди искренне недоумевают: куда подевались неугомонные сороки?

Неугомонность - вот, пожалуй, основная черта сороки. Само её имя, содержащее в себе сорок дел, которые надо непременно переделать и везде успеть, включает в тоже время и способность быть разной. Где-то проявить настырную наблюдательность, сноровку или стащить, что плохо лежит, а затем, быть может, попасть впросак и, чуть оправившись от испуга, уже стремиться к новым заботам, без которых сорока просто не была бы собой. Сороке в лесу, кажется, всё дозволено, обитателям леса она хорошо известна, и чтобы избавиться себя от неприятностей, многие из них не случайно прислушиваются к её нетерпеливому стрёкоту, далеко разносящемуся над лесными опушками. Ведь он для зверей, в большинстве случаев, может означать лишь своеобразный сигнал - предупреждение об опасности, и они, конечно, отмечают эту птицу.

Сороке же от того большое удовлетворение. Ей, может быть, больше ничего и не нужно. Знай, летай над лесом, не пропускай мимо внимания ни единой мелочи, да успевай первой растрезвонить обо всём увиденном. Именно в этом удовлетворении и заключена, наверное, суть птицы, которой до всего и всех есть дело, она одна такая создана Богом, и тем жива, а надоедливая своим однообразием песня - лишь подтверждение её неизменной сердобольности. Когда я наблюдаю за сорокой, мне всегда почему-то кажется, что сердобольная птица доставляет хлопот больше себе, чем другим, и это ей ужасно нравится!

Зяблик-интеллигент

В редком лесу не услышишь звонкой, задорной песенки с характерным «росчерком» в конце. Песенка звенит с самой ранней весны и до конца лета. Даже когда умолкают все птицы, эта продолжает петь, напоминая весёлые весенние переливы. Природа всегда оставляет какого-нибудь одного певца, когда другие уже умолкли и просто не имеют возможности подать свой голос.

Увидеть птичку нетрудно, хотя она величиной немного меньше воробья. Запомнить её тоже легко: окрашена птичка достаточно ярко. Самца можно узнать по красивому оперению - бордовым щёчкам и грудке, синевато-пепельной головке, спинке и двум поперечным белым полоскам на крыльях. Лоб его совершенно чёрный, а глаза светло-карие. Самка окрашена скромнее, она зеленовато-серая, почти невзрачная. Конечно же, это зяблик - самая распространённая и многочисленная птица наших лесов.

Именно его, а не овсянок, зеленушек и коньков, встречаем мы тогда, когда отправляемся в сад, парк или загородный лес. Тёмно-бордовые изящные птички снуют под ногами, в траве, как мыши, их можно увидеть перелетающими с ветки на ветку, их звонкие голоса сливаются в сплошной переливающийся шум, и он всегда сопутствует доброму, приподнятому настроению.

Весной самцы прилетают на несколько дней раньше самок, и к их прилёту осваивают гнездовые участки. Но вот конкретное место самка выбирает сама, и там, где, по её мнению, находится наиболее удобная развилка дерева, она и помещает своё искусно построенное и замаскированное гнездо. С этой целью птички применяют лишайник и тонкие плёночки бересты, а иногда, что удивительно, бумагу. Для прочности гнезда стенки его опутываются паутиной, изнутри же лоток выстилается конским волосом, шерстью, перьями и пухом.

В кладке зяблика всегда находится полдюжины яиц, они очень быстро насиживаются, и через пару недель уже появляются птенцы. В этой незамедлительности проявляется не пустая торопливость, как может показаться на первый взгляд, а тщательно продуманная природой сущность, вернее, ничем непоколебимая потребность птичек как можно быстрее огласить лесную округу радостной трелью, будто от этого зависит - раньше

придёт весна или запоздает.

Зяблик, вообще, очень живая и проворная птичка. Он находится в движении почти весь день, и несколько успокаивается лишь во время сильной жары. По земле зяблик то скачет, то бегаёт, на сучьях охотно подвигается бочком, а во время полёта быстро и красиво описывает волнообразные линии и, прежде чем сесть, парит некоторое время, распустив крылья.

Зяблики, в противоположность чижам, щеглам и многим другим птицам, плохо переносят неволю, они с большим трудом привыкают к клетке, никогда не делаясь вполне ручными. В маленьком зяблике, не в пример другим птицам, очень много воли, и она выражается в его свободно льющейся песне.

Даже долго сидящий в клетке зяблик непременно начинает биться и метаться при приближении к нему человека, часто разбивая себе при этом крылья, клюв и лоб. Зато как спокойно ведут себя эти птицы в природе, когда мы подходим к ним почти вплотную, а они, кажется, становятся от этого ещё более восторженными, отлетая немного и вновь принимаясь напевать свою радостную песенку. В клетке зяблики поют не в полную силу, чаще только бормочут что-то себе под нос, так что и разобрать их бывает трудно. Для выражения своих восторженных чувств им нужна свобода.

К слову сказать, зяблики избегают тёмных густых боров, но очень охотно поселяются в светлых лиственных лесах, в речных рощах, в старых фруктовых садах сёл и деревень, в парках и скверах городов, там, где воздух проникнут солнечным светом, где есть возможность обзора и свободного перелёта. Белый свет зябликам на волю дан, и только его они превозносят в своих песнях.

Самое выразительное в песенке зяблика - это лихой «росчерк» в самом её конце. Будто музыкант вложил всё своё умение в завершающий аккорд и виртуозно оборвал его, вынуждая слушателей замереть в восхищении. После чего зяблик делает короткую паузу, как бы наслаждаясь произведённым эффектом, и всё повторяется.

В первую очередь, песня его означает, что зяблик собрался гнездиться. В лесу птицам легче слышать друг друга, чем видеть, и песни помогают им заявить о себе, в тоже время - узнавая своих соседей. Затем песня, конечно, адресуется пока неизвестной зябличухе, она возвращается на родину чуть позже. Как это и полагается, ей предстоит выбрать лишь одного певца из целого хора голосов, а потому самцы изо всех сил стараются произвести выгодное впечатление. Они успевают в течение одного часа исполнить свою песню несколько сот раз!

Порой самцы так увлекаются, что, пренебрегая опасностью, поют в полный голос у самого гнезда, и при этом ещё танцуют, приседают и кланяются, расправляя и складывая крылышки. Но зяблик не был бы самим собой, если бы позволил себе подобное, когда самка начинает откладывать яйца. Он, конечно, продолжает петь при появлении в гнезде кладки, но теперь у него уже хватает благоразумия делать это в достаточном удалении от своего гнезда.

Многие птицы - чудесные синоптики, воздух - их стихия, и они очень

чутко реагируют на все происходящие в нём изменения: скачки давления, что ещё не ощутимы для человека, незначительное уменьшение освещённости, скопление наэлектризованных частиц перед грозой... И, что особенно важно, птицы реагируют на них заранее. Это находит отражение в их пении, криках, поведении и ежегодных сроках прилёта и отлёта.

Наверное, каждый по весне слышал вездесущего зяблика. Обычно его пение звучит так: «Пиньк... пиньк... витти-ти-ти, витти-ти-ти, витти-ти-ти, ви-чу, ви-чу, ви-чу, тирль-лиль-лиль». Но вот в другой раз заслышишь его песню - и не узнаешь... Что же случилось с зябликом?

Сидит на ветке присмирив, уже не такой восторженный, и совсем по-другому, без своего мелодичного раската, монотонно цедит: «Рю-пинь-пинь-пинь, рю-пинь-пинь-пинь, тррю-рю-рю-рюм!» Знатоки говорят: «Зяблик рюмит - к дождю». Зяблик не обманывает, предсказывая непогоду даже за сутки!

Что ж тут поделать, любит зяблик хорошую солнечную погоду, будто прославляя её в своей чистой и радостной песенке, но если на лес надвигаются тучи, он нахохливается и сидит слегка насупленный. Его лёгкий характер не позволяет ему по-настоящему сердиться, но только вместо его веселой песенки «витт-ти-ти-ти, ви-чу!» мы слышим несколько унылое «тррр-ррю, тррр-ррю, тррююм!» Голосок дрожащий, вроде, как надломленный, да и в самом деле: что возьмёшь с крохотной птички, что не каждый и заметит! Ей по нраву ясный день, солнце, и тогда все зяблика видят и отмечают его чудесную песню.

Трудно сказать, отчего зяблика так называли. Может быть, оттого, что он зябнет при самом незначительном похолодании, когда начинает накрапывать дождик, но ведь и прилетает зяблик раньше других птиц, в трескучие морозы. Осенью, бывает, держится до первого снега, а то и на зиму остаётся, если она тёплая и достаточно корма. Значит, неверно ему причисляют такую повадку, как боязнь самой малейшей тени и постоянное дрожание: «тррр-рю-рю-рю, тррр-рю-рю-рю, тррр-рю-рю-рюм». Скорее, у зяблика просто немножко портится настроение, когда солнышко прячется за облака, и другие птицы начинают зябнуть. Вот потому, что он не боится холодов и появляется у нас по весне именно в эту пору, когда ещё держатся крепкие утренники, он и получил такое имя.

Нет, зяблик - замечательная птичка, что вызывает только восхищение, и не страшны ей холода ни весной, ни осенью, потому как она добрая по нраву и, наверное, самая интеллигентная среди мелких птиц. И действительно, так и хочется назвать зяблика ... интеллигентом. Вы, конечно, спросите: отчего — интеллигент?!

Во-первых, зяблик обходится малым, и при этом не обижается на свою судьбу, а больше радуется, распевая повсюду свои чистые песенки. Заслышав их, любой человек незаметно для себя возрадуется. Во-вторых, зяблик на самом деле бодрая и, кажется, очень сообразительная птичка. Всем своим поведением он выражает бойкий, но неназойливый характер. Зябликом будто

руководит какой-то внутренний изящный настрой, предполагающий у него звонкую игривую песенку.

Птицеловы пение зяблика называют боем, потому что поёт зяблик звонко, задорно и мелодично. Песня его начинается с нескольких повторяющихся друг за другом свистов, называемых, в свою очередь, «россыпью» и «стукотнёй», а заканчивается красивой трелью - «росчерком» или «раскатом». У зябликов, наряду с заурядными исполнителями, встречаются поистине замечательные певцы: заслышишь их – и обо всём позабудешь, вспомнив вдруг соловья...

Только у соловья, несмотря на его блестящее исполнение, песня какая-то уж больно правильная, а у зяблика она неподражаемо лёгкая и беззаботная. Не покидает ощущение, что зяблику ничего не стоит излить эти волшебные, под стать самой весне, звуки, и он без труда разносит по лесу свои чудесные трели с утра до вечера. Зяблик - как талантливый мальчишка среди других певчих птиц, что вознамерился с озорством, но без бахвальства передразнить саму весну с её капелью, и это ему с лёгкостью удаётся!

С зябликами для меня однажды даже был связан приход весны! С одной стороны, радостный, потому что они сновали всюду по траве, в проталинах, и оживляли отходящую от снегов землю, а с другой - я никак не мог тогда отыскать свой первый глухариный ток, сидел на крыльце лесной избушки и, вопреки происходящему вокруг торжеству, был несколько опечален. Весна идёт, всё гремит и радуется вокруг, тогда, как я пропускаю день за днём впустую: не даются мне глухари.

Но вот снующих повсюду бордовых птичек я запомнил хорошо, и они, нужно сказать, очень мне помогли. Почему-то именно зяблики олицетворили для меня в тот год приход весны, и я надолго запомнил её вместе с оживлёнными, красивыми птичками.

В тот весенний день, помнится, всё как-то прямым, сразу, открылось и хлынуло мне навстречу. До этого весна будто разгонялась, набиралась духу, а вот с утра что-то произошло... Может быть, даже с ночи уже повеял иной ветер, воздух запах по-особенному, хоть уже и ударяло в голову оттаявшим на полянке корьём и щепой, и как будто прогремело где-то вдали, за рекой...

К полудню небо совсем растянуло, тяжёлый и пряный воздух тронулся и побежал за лёгкими перистыми облаками, а солнце брызнуло сквозь ветви в самые потаённые таёжные уголки. И разом заиграли ручьи, завертелись над ожившей землёй первые бабочки, и стало как-то нестерпимо дышать: мешала ватная телогрейка. Грудь требовала иного духу, жадно вбирала обступающие ароматы, рука невольно расстегнула на груди все пуговицы...

Огромной живой волной тронулось над землёй нечто неуловимое, только что пробудившееся, и вместе с ним зашелестели по вылинявшей прошлогодней траве симпатичные птахи: туда-сюда, туда-сюда. В красных рубашках - brave женихи, в оливково-сереньких платицах - скромные невесты, откуда что взялось! Самцы, конечно, более нарядные, чем самочки, ведь весна на дворе, и только, знай, снуют под ногами, что-то важное для себя

разыскивают!

Прислонился я тогда к косяку, двери - нараспашку, и слушаю лес, а больше - этих самых красногрудых птах, что, кажется, одни только и вносят в него оживление. Песни у всех зябликов похожие, но исполняются по-разному: у одного - задорная, у другого - вовсе беззаботная, с весёлым «росчерком», третий - будто бисер по стеклу рассыпает. Но ни у кого не чувствуется грусти, только радость. Ну, может быть, лишь с нежным замиранием в конце.

Но это, скорее, бывает у самочки, песня зяблика - чисто мужская, уж больно много в ней нескрываемого ухарства, воли. У самочки - тихая, с загадкой на более серьезное и ответственное существование. Одним словом, зяблик просто радуется жизни, самочка же и радуется, и грустит, и чего-то будто остерегается.

Зяблик... Веселая маленькая птичка... Вот уж и не помышляешь о холоде, произнося его имя! Скорее представишь некоего неустрашимого забияку, что только раззадоривает всех своим призывным пением. Вернее, неустрашимого и милого певца, что не хорохорится, когда ему холодно, а просто радостно и без остатка изливает маленькую душу, что, судя по песне, не так уж мала.

Ещё с именем зяблика связано много весёлого перезвона, что разносится по лесу, перекачивается невидимыми звуковыми горошинами и, отскакивая от ветвей и стволов, они разлетаются во все стороны: «уюить-тиньк, уюить-тиньк, тиньк-к, тиньк-к, тиньк-к-к». Мелодичная переливчатая дробь льётся ненадоедливой музыкой, и становится не зябко, а приподнято. Век бы не уставал тянуться за ней, не замечая ни весны, ни лета, ни осени. Зяблик - провозвестник какой-то лучшей жизни, что стоит за временами года и ждёт своего часа, когда можно будет объединить всё живое единым потоком радости.

Только что зимой не поёт зяблик, уж больно он для неё жизнелюбивый, а она не терпит непокорных ей существ. В народе про него даже замечали: «Зябнул зяблик и не так, это ему не в новинку!» Но, всё же, зима - не его время, зато лето для зяблика - истинное наслаждение!

В середине августа на большом лесном пруду, открытом солнцу, я наблюдал, как зяблики купаются. Даже это они умудрялись проделывать с каким-то приподнятым настроением, в отличие от других птиц. Я сначала и не разобрал, что это зяблики, а только с замиранием сердца смотрел, как какие-то птахи со всего разлёту окунались грудками в воду и тут же взмывали, поднимая фонтаны брызг.

Солнце светило в глаза, и я никак не мог разглядеть, что это за птицы. Пришлось обойти пруд по берегу, и только с подсолнечной стороны я, наконец-то, разглядел в озорных птичках зябликов. Помнится, я даже не удивился, а только в который раз отметил их необыкновенно приподнятый характер, и опять порадовался за птичек, что устраивали себе душ из радужных капелек недостающей для них прохлады.

Зяблики порхали над прудом целой стайкой, но не мешали друг другу, несмотря на то, что день был жарким, и каждому, наверное, не терпелось

охладиться. Они почему-то выбирали для своих ванн именно середину пруда, соблюдая при этом строгую очерёдность. Как только один из них выскакивал из воды, оставляя за собой в воздухе мириады поблескивающих брызг, другой, уже разогнавшись, пикировал на переливающуюся поверхность воды, восторженно окатывал грудку, животик и лапки, и так же восторженно взмывал в умиротворённое августовское небо. Радости их не было предела!

Совсем неподалеку, поближе к камышам, держался утиный выводок. Полтора десятка отъевшихся за лето кряковых уток плавали степенно, изредка побрякивая и настороженно взглядывая в сторону резвящихся зябликов, и, по всему, не одобряли их веселья. Они, наверное, даже осуждали этих вездесущих птичек, но были великодушны и напрямую никак не выказывали своего недовольства. Ведь вокруг стояло такое раздольное лето, полное чистой воды, теплого воздуха и обильного корма, и разве можно было в эту пору оставаться недовольным?!

А зяблики всё порхали над переливающейся водной поверхностью, устраивая фейерверки брызг, залиvisto перекликались между собой и были неподражаемы в своём восторженном восприятии окружающей их жизни. Я же смотрел на этих замечательных птиц, слушал их задорное щебетание и не верил, что смогу когда-нибудь стать таким же вдохновенно чистым и свободным, как они.

Наблюдая за тем, как со всего разгона зяблики бросаются в воду, как волнующе переливаются их радостные голоса, я в который раз убеждался в том, что эти птички очень решительны. Недаром они одни из первых, кто прилетает к нам по весне. Ещё снег покрывает землю, а зяблики тут как тут: ни крутой утренник им нипочем, ни злая метель. Не зябнет крохотная птаха - знай, весёлые весенние трели разводит! В народе издавна оттого и сложилось, что зяблик - птица отважная.

Но во всякой птице своя отвага, как и своё сомнение. Так и в зяблице - всё больше какой-то примерности он выказывает в своём поведении. Верно, что зяблик знатен своей необыкновенной призывной песенкой, именно ею он больше всего выделяется среди других мелких птиц, да только поёт он не вызывающе, с вывертом, а очень трепетно и изящно. Зяблик как бы и прославляет лесную жизнь, и в тоже время никому не хочет мешать. Он удивительно трогателен в своём вечно припархивающем и звонком существовании.

Выдастся тебе знойной летней порой остановиться на отдых у края какой-нибудь вырубki с незаметно стелющейся поблизости тропинкой, и присядешь ты, разгоряченный ходьбой, в хвойный холодок, на лысый высохший пенёк поосмотреться, перекусить да июльскую тишь послушать. Всё в ней - дурман и сказка, не проходящее в душе стремление заглянуть в самую её глубь. Сидишь так, весь очарован потаённой тишиной, и боишься пошевелиться: охочему до леса человеку в этой хвойной чащобе - чистое наслаждение!

Тут и подвернётся тебе аккуратная птичка. Припорхнёт неожиданным, чем-то озабоченным гостем, пробежит у самых ног и, быстро повернув

головку, прошьёт чёрным глазком-бусинкой. Сизовато-серая шапочка, ровно шлемик, задорно воздета на самой макушке, подклювье бархатисто-чёрненькое, яркое, спинка с грудкой румянится, как солнышко восходное. Лапки же тонюсенькие, будто иголки, семят, переступают, а хвостик, наподобие трясогузки, вздрагивает при каждом шажке. Одно слово - удалец!

Не шевелясь, наблюдаешь за занятной птичкой, а про себя отметишь: зяблик более застенчив, нежели настырен, в отличие от воробья, и есть в нём какая-то еле приметная аккуратность. Зяблик ведёт себя так, будто примеривается ко всему, что его окружает, тихонечко прикидывает, понимает, и это никому не приносит вреда. Он тактичен в выборе поведения, может быть, даже внутренне опрятен, а его ласковый и мелодичный голосок тонкой лесной дудочкой возвещает всем о чистых помыслах: «Витт-ти-ти-ти-ти, витт-ти-ти-ти-ти, витт-ти-ти-ти-ти, ви-чу, ви-чу, ви-чу!» Хвостик при этом чуть вздрагивает, и, глядя на эту замечательную птичку, невольно улыбнёшься и про себя подумаешь: «Ну, чистый ангел!»

Зяблик-интеллигент... Даже и не знаю, отчего я так назвал этот рассказ. Обычно всё определяет первое впечатление, чувство, без которого трудно написать что-либо стоящее, тем более, правдивое, а зяблик всем своим видом вызывает улыбку, вернее всего, солнечное настроение, и как тут не посчитать его за счастливого небожителя, дарящего своим незатейливым существованием только тепло и радость!

Песенка зяблика льётся, как ручеёк, весело переливается, журчит, так что хочется слушать её бесконечно: она никогда не надоедает. Одно колено только завершится, а уже ждёшь – что принесёт с собой следующее, хотя все они похожи, и всё-таки песенка очаровывает, причём, разносится ненавязчиво, так же свободно и вольно проникая в твоё сердце. Не покидает желание наслаждаться ей, чтобы она не кончалась, до того песенка естественна, незамысловата и, в то же время, необыкновенно живительна.

Зяблик поёт, как дышит, его песня – сам весенний воздух, что проистекает повсюду, и начинает казаться, что весна не завершится, и будет длиться вечно. Что за чудесная простота звучит в его песне, и разве не назовёшь её проникновенной, даже – умной? Зяблик и сам представляется очень рассудительной и аккуратной птичкой, не лишённой доброжелательного нрава.

С каким настроением выделяет он свои звуковые фортели, радостно рассыпая их по всей округе, и в его обращении к жизни невозможно не заметить – как, действительно, необыкновенна эта обыкновенная с виду птичка, зачем-то наделённая от природы таким жизнеутверждающим нравом. Вроде бы, крохотная птаха, а угадывается в ней такой умок, что природа в нём одно говорит, а хотение – своё. Хочется зяблику быть в лесу именно со своим, отличным от других птиц умом, сводя человека с ума заливистой песней, и человеку легко предаться изумлению, внимая ей.

Всяк своим умом живёт, и зяблик его, несомненно, от души провозглашает: на доброе дело, как говорится, ума не жалко, и что у зяблика

на уме, то и на языке. Слушаешь его песенку – и думаешь только о хорошем, а оно без природного разума невозможно, оттого духовная сила и ощущается в этом неприметном певце, что уверенно выводит свои восторженные трели.

Зябликов на своем веку я насмотрелся вдоволь, а также наслушался их, ибо ходить постоянно в лес и не встречать этих птиц невозможно, но вот разглядел по-настоящему лишь однажды, когда сидел в ожидании электрички за станционным домиком, в берёзовой роще, и к моим ногам подбежала маленькая птичка. Птичка была невзрачной, какой-то худенькой, и даже расцветку её я разобрал не сразу, до того она выглядела измождённой. Наконец, я узнал в ней зяблика...

Зяблик не вздрагивал и не перелетал при каждом моём движении, а спокойно припрыгивал рядышком и даже норовил приблизиться, будто прося защиты. Похоже, он совсем меня не боялся, и тут я вдруг заметил, что правый глаз у него отсутствует. Первое, что пришло тогда в голову, - рассказать о маленькой симпатичной птичке, как она того заслуживает, и ещё я вдруг почувствовал в зяблике какое-то трогательное достоинство, с которым он и тянулся ко мне, и в тоже время не переходил допустимую черту.

И ведь такой маленький, думал я, многими не замечаемый, если рассудить по-простому - так себе, кроха, а хочется назвать его не иначе как интеллигентом! Почему? В чем тут дело?

Дело в том, что зяблик из себя представляет... Во-первых, в достоинстве, что он всегда в себе держит, но никому не навязывает. Во-вторых, в замечательной песенке, где нет ничего лишнего, напускного. В-третьих, в привлекательном внешнем облике, неизменно ухоженном, аккуратном. Конечно, многие птицы притягивают наше внимание, но среди маленьких - он единственный, самый заметный и яркий, хотя и не бросается в глаза, потому как скромный!

Зяблик - одна из немногих птиц, кто без опаски относится к человеку в любой обстановке. Поющий самец позволяет смотреть на себя с расстояния трех метров, не проявляя никаких признаков беспокойства. Самка разрешает наблюдать за строительством гнезда почти с такого же расстояния. А слётков родители могут кормить буквально под ногами, прямо на тропинке. Зяблики только радуют всех своей песней, и потому у них нет повода кого-либо остерегаться, тем более - человека.

Очень симпатична в зяблике неустрашимость, с какой он прилетает к нам раньше всех, чтобы порадовать своей песней и растопить замёрзшие за зиму сердца. К тому же делает он это всё лето, то есть - поёт, когда другие птицы умолкают, занятые выводением потомства, а между тем самка зяблика совершает две кладки, и птицы заняты ничуть не меньше остальных пернатых. И ещё зяблик улетает в числе самых последних, в менее выгодных для себя условиях, до первого снега оставаясь с нами и жертвуя, таким образом, собой... Почему же зяблики решаются на подобное вопреки своей выгоде?

Опять же только оттого, что действительно интеллигентны в своём отношении к жизни, не требуют того, чего им не полагается, и не обрекают

других на голод и прозябание, стремясь всегда к солнцу, свету, а если их нет, они смешно, но ненадоедливо для всех дуются какое-то время, правда, недолго. Зяблики - утончённые существа, хоть и такие маленькие, и природе потребовалось долго оттачивать их прелестное многообразие.

И вот они однажды появились такими - милыми, весёлыми, не вызывающими ничего, чем бы можно было повергнуть кого-то в переживания. Достойные себя, солнечные птички способны на то, что не под силу даже многим крупным животным. Но не тело определяет суть, а душа, что у зябликов, судя по их песне, необыкновенно возвышенная.

Птичий гений

Наши обыкновенные серые вороны - птицы ни на кого не похожие, но поскольку они встречаются на каждом шагу, никто на них не обращает внимания, а если и смотрят, то, как на нечто самое обычное, порядком надоевшее и примелькавшееся. Это, конечно, недалеко от истины, и всё-таки вороны незаслуженно обойдены симпатиями, да, ко всему прочему, несмотря на их доступность и общеизвестность, птиц постоянно путают с вороном, грачами и галками. Многие даже думают, что название «ворона» дано женской особи в птичьей паре, где отец, соответственно, называется «вороном». А между тем - это разные виды, отличные друг от друга размерами, окрасом и образом жизни.

Образ жизни обыкновенной серой вороны прост и неприхотлив. Целый день, с раннего утра и до позднего вечера, птицы оживлены и очень деятельны. В основном все их заботы связаны с поиском пищи. Они летают над полями, держатся в лесу, а надоест - отправляются ближе к деревне, где следят за человеком и, как только он оставит что-нибудь без внимания, тут же пользуются его оплошностью.

Вороны не гнушаются ничем - разоряют птичьи гнёзда, всегда нападая на тех, кто слабее, караулят мышиные норы и часто посещают помойки. Словом, толкаются всюду: не перепадёт ли что?!

Если случается что-нибудь особенное, птицы первыми это заметят и сообщат другим. И уж тут поднимается такой гвалт, что если не ретироваться, вороны могут и напасть. Они, вообще, удивительно организованные птицы, умеющие обделывать свои дела самостоятельно, но в случае опасности действуют очень сплочённо, всем своим чёрно-серым сообществом.

Только к полудню вороны обычно слетаются на какое-нибудь большое дерево и, удобнее рассевшись в его густой верхушке, некоторое время отдыхают, чтобы вскоре вновь отправиться на поиски корма. Собираются они вместе лишь поздним вечером, когда отправляются на ночлег. Происходит это, как правило, в густой части леса и после наступления темноты, когда их никто уже не может потревожить. Скупно обменявшись впечатлениями дня, вороны быстро замолкают. Совсем недавно взбалмошные, сейчас птицы не похожи на себя, они внимательны и осторожны. Так незамысловато протекает

в течение дня жизнь вороньего племени.

Кстати, гнездо вороны очень крепкое и сплетено из жёстких ветвей, а на дно его укладываются кусочки коры, корни и пучки травы. Всё это связывается слоем глинистой земли и выстилается волосом, мхом, разными тряпками и перьями. Относясь с пренебрежением к чужому труду, ворона очень серьезно подходит к собственным заботам.

Вороны очень терпеливы, необыкновенно изобретательны и умны. Они могут часами караулить тот момент, когда кто-нибудь вспугнёт птицу с её гнезда, и ворона тотчас воспользуется этим. Если подобный способ не приносит удачи, пара ворон сама осуществляет свою затею: одна из птиц дразнит обладательницу яиц, а другая подкарауливает вблизи, и как только раздосадованная наседка, не в силах терпеть такого нахальства, сорвётся с насиженного места, вороны молниеносно опустошают гнездо. И это происходит с птицами, которые внушительны по размерам и могут за себя постоять, а с теми, кто послабей, вороны, вообще, не церемонятся: нагло сгоняют их с гнезда и тут же обворовывают, нападая при этом на самих родителей, порой даже убивая их.

Чувствуя свою безнаказанность в отведенной ей природой нише, ворона проявляет невероятную изобретательность и настырность в удовлетворении своих потребностей. Способная разорить любое гнездо, она даже умудряется проникать в скворечники, срывая с них клювом крышки. Вороны устраивают облавы на зайцев и без устали терроризируют озёрных и речных чаек, пока те не выпустят изо рта добытую рыбешку. Но сказать о воронах, что они бесстрашные, нельзя, в них только куда-то смещено понятие дозволенности, а вернее, оно просто отсутствует.

Именно по этой причине ворону очень трудно взять на испуг даже человеку, у которого она, кстати, больше всего ворует. Человек, конечно, старается не провоцировать ворону и прячет от нее подальше всё, что может хоть как-либо заинтересовать птицу. Но ворона на то и ворона, что ни перед чем не остановится. На подоконнике остался без присмотра пакет со сливками она его стянет, с утра забыли у умывальника в огороде убрать мыло - и оно пропадёт, а о блестящих предметах уж и речи нет! Ворона, как завзятая старьевщица, тянет в своё гнездо всё, что придётся, ну, а если украденное не входит, то на стороне прячет. Даром, что не человек, который, знай, только разбрасывает, ворона же за ним всё подбирает, самым тщательным образом прячет и зачем-то бережно хранит.

То, что ворона тянется к человеческому жилью, объясняется довольно просто: птица она бездомная! После того, как выведены птенцы, гнездо птицы покидают, и даже в непогоду прячутся под стреху или, на худой конец, усядутся на дерево, головой на ветер, чтобы перо не задиралось и не выдувало тепло.

Самым надёжным способом, с помощью которого вороне удаётся перетерпеть холод, является умение взъерошивать перья. Дело в том, что под настоящими, контурными, как их называют, перьями прячутся тоненькие

нитевидные пушинки, обеспечивающие птице добавочное тепло. Такие пуховые ниточки растут у вороны на крыльях, бедрах, шее и груди, да к тому же, они обвивают каждое перо, и ей гораздо легче переносить суровые морозы.

Но, несмотря на нелегкое житьё, ворона никогда не теряет присутствия духа и даже находит время для развлечений. Используя восходящие воздушные вихри в непогоду, птицы бесстрашно поднимаются на огромную высоту. С распростёртыми крыльями, словно танцуя, вороны катаются на воздушных потоках, пока они не иссякнут, а время от времени, видимо, от удовольствия, оглашают округу гортанными выкриками, похожими на возгласы восторга. Вороны в такие моменты, наверное, забывают все свои горести, и только безоглядно радуются вольной жизни и возможности вот так, свободно, парить высоко над землей.

В отличие от ворона, у которого подобная воздушная эквилибристика - священный брачный ритуал, что начинается уже с середины января, у ворон - просто игры. Причём, эти игры происходят у них всегда парами, очень редко в одиночку. По всей видимости, птицам больше нравится затевать игру с ветром, чем соревноваться со своими собратьями, и держатся они вместе только из солидарности, желая поделиться хоть с кем-нибудь переполняющими их чувствами.

На первый взгляд человеку может показаться, что ветер играет с птицами, как кошка с мышкой, но постепенно он с изумлением убеждается в обратном: это вороны используют стихию для собственного наслаждения. Они останавливаются в воздухе почти против ветра и, небрежно качнув крыльями, бесстрашно ныряют в воздушную пучину с умопомрачительным ускорением. Затем - ещё один едва заметный взмах, и птицы возвращаются в обычное положение. Всё это предельно играючи и без всяких усилий.

В таком свободном парении вороны любят иногда переворачиваться на спину, издавая при этом необычный звук «крум-крум». Его не услышишь, когда птицы находятся в спокойном состоянии. Может быть, так вороны выражают свое восхищение от возможности покататься на потоках воздуха, а ведь для этого требуется определенное настроение!

У вороны всегда такой вид, будто ей просто нравится радостно проделывать обычные птичьи дела рядом с человеком, немножко беспокоить его своими проказами, но чаще всё-таки веселить. Словом, воронам приятно жить и быть самими собой, что, несомненно, отражается в их внешнем облике: птицы - сама приподнятость, ежеминутная готовность сорваться и всё в своей жизни переменить, лететь хоть на край света - лишь бы ничего не пропустить!

Ворона как будто переполнена знаниями об окружающей жизни и, кажется, еле сдерживает себя от нетерпения во всеуслышание заявить: «Я очень умная, да, я самая умная, нет меня находчивей и хитрей!» Эта несдержанность, на которую решается ворона, часто и губит птицу. Помните известную басню про лисицу и сыр? Прозорливая лиса всё-таки поймала ворону на её хвастливости и добилась своего, ворона же осталась с носом.

Наблюдая за этой необыкновенной птицей, всегда ловишь себя на мысли, что она как будто остановилась в развитии совсем неподалеку от пика своих возможностей, но дальше почему-то идти не решается и оттого часто попадает впросак.

Хоть и достаточно смышлёной, вороне всё же недостает определенной доли хитрости, присущей её чёрным собратьям - ворону и сороке. Порой создается впечатление, что ворона как бы силится постичь недоступное ей, и у неё так ничего и не выходит. Она хорохорится, переживает и, тем не менее, не может понять причины своего неведения. Всё эти её попытки бывают очень забавны. Наблюдая за ними, заметишь: слышит ворона звон, да не знает, где он. Что-то мешает дотошной птице в последний момент дотянуться до правды.

Может быть, из-за этой непонятной растерянности, так не схожей с присущим птице нахрапистым характером, нерасторопного и вялого человека в народе зовут «вороной». Отсюда и многочисленные поговорки, метко изобличающие птичий изъяс: «Пуганая ворона и куста боится», «Сокол с лёту хватает, а ворона и сидячего не поймает», «Ласточка - вестница весны, ворона - вестница зимы», «Первые детки - соколятки, последние - воронятки», «Ворона за море летала, да вороной и вернулась». Про ротозея говорят, что он ворон считает, а о том, кто сидит, разинув рот: «Смотри, как бы ворона не влетела».

Так уж повелось, что с вороной мы скорее связываем коварство, нежели пользу. Идёт ли это от вздорности её характера, жадности или ненасытности - непонятно. Может быть, давным-давно ворона была кем-то незаслуженно обижена и теперь изливает своё раздражение на всех и вся, но выходит это у неё как будто попусту, напрасно. Слишком великой представляется та сила, что по какой-то причине обошла птицу вниманием.

Отношение к вороне всегда было презрительное, её даже и птицей настоящей считать не желали: «Из-за куста и ворона востра», «Как ни вертись ворона - и спереди карга, и сзади карга», «Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетит и под старость». Связанные с ней в народе пословицы говорили больше о худом: «Ворона каркает к несчастью или ненастью», «Всякому б ворону на свою голову каркать», «Подстреленного сокола и ворона носом долбит», «Была бы падаль, а воронье налетит», «Метил в ворону, а угодил в корову». Во всём, что касается вороны, как видно, царит пренебрежение: мол, хуже её птицы нет, в неё в первую угораздит прицелиться и выпустить заряд.

Та же мысль присутствует в другой поговорке, советующей стрелку птиц не разбирать, бить всё, что под руку попадётся, чтобы добиться и до чего-нибудь хорошего, и в первую очередь опять выстрел приходится по сороке и вороне: «Стреляй сороку да ворону, попадёшь и в ясного сокола!» Словом, во многих поговорках ворона берётся как образец непристойного поведения и изворотливости, а точнее - как средоточие всех возможных пороков. Даже во время крестных страданий Христа ворона вела себя будто бы совершенно не так, как ласточки, снегирь и клест, и хотела, в отличие от них, пить кровь, что

капала из ран Спасителя, за что Бог её и проклял.

Некоторая неуклюжесть и неловкий полёт, кажется, тоже нарочно даны вороне природой, потому как ей незачем быстро и далеко летать. А точнее - вороне не от кого спастись, у неё нет врагов. Всё, что ей нужно, это высматривать и подкрадываться, перелетать украдкой, громогласно вскрикивать от возбуждения и недовольства, постоянно следовать бочком за человеком и ненавязчиво вторгаться в его жизнь.

В природе ворона, как ни странно, довольно скрытна, а в городе или деревне, где ей, казалось бы, следует вести себя более осмотрительно, чем в лесу, она неожиданно открывает человеку уклад своей жизни, становясь для него чрезвычайно интересной, если, конечно, человек любознателен и неравнодушен. В этом случае он будет находить в поведении вороны всё новые и новые черты, несмотря на давнишнее знакомство с этой птицей, и многое покажется ему не только невероятно забавным, но и поучительным. Не прав тот человек, что надсмехается над вороной.

Вороны, например, с невероятной быстротой связывают следствие с причиной, то есть делают выводы и никогда не повторяют ошибок. Ворона, конечно, по большому счёту, никакой не гений, но среди птиц она единственная птица, которая понимает человека и окружающий её мир настолько, насколько ей это необходимо, и ведёт себя так, что впору воскликнуть: «Ай да ворона, ай да молодец!»

Часто можно видеть, как некоторые птицы, скажем, куры или голуби, решают спор с помощью силы, то есть - вступают между собой в драку, у ворон же это исключено. Одна из заповедей вороньей стаи гласит: своих не бить! Конечно, угрожать для острастки можно, но вот драться, как дерутся воробьи, у ворон запрещено. «Ворон ворону глаз не выклюет» - гласит известная поговорка, так вот ворона вороне тоже.

Бывает, всё-таки вороны повздорят в холодный зимний день из-за желанного куска, но у них есть такое правило: если корма достаточно, им пользуются все, кто успеет. Если же его мало, то он принадлежит той птице, которая его нашла, и её никто не преследует. При этом у ворон в особой цене решительность: ты даже можешь не обладать крупными размерами и не быть старше, но если успел раньше других, проявил напористость и смекалку - добыча твоя. Иной раз вороны даже уступают друг другу поживу, как будто проявляя великодушие, и это очень выгодно отличает их от других пернатых.

Правда, есть у вороньей породы, как, впрочем, и у некоторых других птиц, своего рода «общественный суд». По-видимому, нужно очень провиниться по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили. Перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, и если проштрафившаяся ворона ведёт себя неправильно или за ней

числится большая вина, все вороны, в конце концов, набрасываются на неё и заклёвывают до смерти. Но случается это крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут наказанию кого-нибудь из собратьев.

Особая одарённость вороны проявляется и в её чутком зрении, с помощью которого она черпает информацию об окружающем мире. Ворона безошибочно распознаёт ружья, никогда не путая их с палкой, и ни за что не подпускает к себе на расстояние выстрела. Она уже издали замечает человека, причём, хорошо различает количество людей, и в этом её совершенно невозможно запутать. Если хотя бы один из тех, кто попал в поле её зрения, спрячется, а другие пройдут мимо, ворона не успокоится, пока его не увидит.

К тому же, вороны очень внимательны. Стоит им увидеть мальчишку, который бросал в них камни, и они тотчас улетают. Птицы будут сторожиться его даже, если пройдёт какое-то время, и никогда не приблизятся на небезопасное для себя расстояние.

Ворона первой в лесу подмечает малейшие события, связанные с его жизнью. Ещё никто ничего и не ведает, но ворона уже в курсе всех дел. Выберется по весне из своей норы полусонный барсук и отправится, оставляя грязные следы на снегу, к первой проталине покопать личинок или жуков, а ворона уже тут как тут, разнесёт по всей округе об этом весть. Старый лось, спасаясь от надоедливых оводов, забредёт по самое горло в укромную мочажину, вороны и здесь окажутся раньше всех. Вороны - всюду, даже там, где их, кажется, совсем не ждут, и куда птицы летят, туда они и глядят.

Никто так не солидарен в беде, как вороны. Их девиз: один за всех и все за одного. Часто им очень досаждают филины: он убивает ворон ночью, во время сна. Обнаружив днём убежище врага, они не успокоятся, пока не прикончат его, и поднимут такой крик, что привлекут на помощь всю округу.

Однажды мне довелось выстрелить по воронам в открытом поле. Слишком уж надоедливими они казались, досаждая неприятным кружением над самой головой и вскрикиванием. Но это не отпугнуло птиц, а только ещё более раззадорило. К тому же, одну из них дробь изрядно зацепила, и она с хрипом грохнулась на спину, привлекая, тем самым, своих собратьев.

Ворона с остервенением хлопала крыльями, шипела, и через минуту надо мной образовалась огромная чёрная туча. Что-то невообразимое творилось в воздухе. И без того пасмурный осенний день сгустился до неузнаваемости, а мне вдруг стало жутко. Птицы налетали со всех сторон, касались одежды клювом и крыльями и, кажется, ничего не боялись. Они гнали меня так до самого леса, неистово прижимая к земле. Помнится, я тогда не на шутку был перепуган.

Но, несмотря на присущую воронам изощрённость, им не откажешь в трезвом уме. В морозные зимы птицы разогревают застывшие отбросы на котельной трубе, если же не могут разбить яйцо или ракушку, бросают их с высоты. А какую удивительную сообразительность проявляют они при постройке гнёзд! Весной в деревне часто приходится наблюдать, как вороны

собирают для этого ветки. Причём, выбирают те, что хорошо цепляются друг за друга - лиственницу и крыжовник, ловко отламывая их клювом.

Необычность вороны бросается в глаза особенно в пору её весенних свадеб. Как только припечёт в феврале ласковое солнышко, приглянувшиеся друг другу вороны забираются на какой-нибудь высокий сук и степенно там рассаживаются. Свое знакомство они начинают с раскачивания, когда одна птица, по всей видимости, самец, приподнимается на цыпочках, вытягивается в струнку и, как будто оступившись, переворачивается всем телом вниз, совершая подобные движения неоднократно. Порой начинает казаться, что раскачивающаяся птица вот-вот свалится с ветки. Другая же ворона, как будто отрешаясь от всего окружающего, самозабвенно наблюдает за происходящим, и ждёт своей очереди.

Пощёлкав и поклонившись, первая ворона замирает в выжидательной позе, а вторая полностью повторяет её действия. Постепенно сближаясь, влюбленная парочка неистово кланяется друг перед другом, издавая очень забавные звуки, и вскоре доводит свое ухаживание до какого-то безумства. Настроив себя, таким образом, на необходимый лирический лад, пара отделяется от стаи и удаляется к лесу. В этом необычном любовном ритуале, с замысловатостью поведения и красотой позы, очень хорошо проявляется изощренный ум вороны.

Теперь, после уединения, вороны будут подыскивать подходящее жильё. Они очень привязаны к старым местам, и прежде всего - летят к прошлогодним гнёздам. Если гнездо растрепалось, птицы тщательно его подправляют, а когда гнездо занято каким-либо хищником, перебираются на новые места.

Вообще, большинство птиц предпочитают облетать стороной воронье гнездо, потому как вороны - очень ревнивые родители, способные наброситься на вдвое превосходящего их по силе канюка или ястреба, которые, как ни странно, почти всегда отступают. В этой несгибаемости ворон тоже хорошо виден их очень твёрдый характер, и проявляют они его до победного конца, что бы там ни случилось. Вороны - птицы не сильные, но трусами никогда не были, и если уж появится сокол, вороны непременно налетят, а случается, что каркает ворона и на беркута.

Вороны всегда были интересны тем, что принадлежали к числу наиболее одарённых в птичьем мире, исключая, пожалуй, только талант пения: им природа эту птичью семью обделила. К сожалению, и вороны, и сороки употребляют свои прекрасные возможности преимущественно на дурные дела, свидетелями которых были многие из нас. Но как скучно, наверное, было бы нам без этих проказ, которыми зачастую достаивают нас прозорливые птицы!

И серая ворона, и ворон, и сорока, словом, вся эта чёрная семья - вор на воре! Да и общение их с человеком складывается так, как будто они чувствуют за собой грехи. Держатся обособленно, воровато, не прерывая всё же тесного соседства, благодаря которому и имеют некий достаток. Впрочем,

грехи эти в сравнении с приносимой птицами пользой необременительны.

Ведь вороны - незаменимые санитары: вирус холеры перерабатывается в их желудках всего лишь за сутки. Да и чего только они не едят: очищают железнодорожное полотно от мусора, городские помойки притягивают их словно магнитом, глотают мышей и лягушек, поедают птиц и их яйца, и никогда не пропустят падаль. Вороны пресекают множество болезней в лесу, а также избавляют от них и людей.

Вороны уничтожают вредителей, например личинок майского жука. Смешно притоптывая лапами, они не менее забавно прислушиваются, склоняя голову то на одну, то на другую сторону. Так вороны точно обнаруживают их под землей, выманивают и ловко выкапывают оттуда с помощью клюва.

Ворона не брезгует ничем, что хоть сколько-нибудь съедобно, и всё то, что употребляет в пищу человек, ей годится. Ворона в этом отношении совершенно непривередлива и, мало того, ещё подбирает за человеком отбросы, не особо докучая ему своим присутствием. Она благоразумно исполняет за него то, чего он сам никогда не удосуживается сделать.

Да и вообще, не стоит какую-либо птицу или животное, как это часто заведено у нас, рассматривать только с точки зрения пользы, которую они приносят. Достаточно уже того, что природа сама позаботилась о существовании этой, несомненно, любопытной и нужной птицы, а от человека требуется только иногда регулировать её распространение. Там, где её развелось более, чем необходимо, человек сделает хорошо, если будет держать ворон подальше от угодий с охраняемыми или разводимыми им птицами. Также следует держать её на расстоянии и от птичьего двора, если ворона повадится таскать цыплят. Само существование вороны уже замечательно, и любая её черта, даже, на чей-то взгляд, не красящая птицу, интересна.

Сорока, например, домашним птицам вреда не делает, но зато ужасно любит блестящие и металлические вещицы, которые прячет в укромное место. А вот уж серая ворона - настоящая ворюга! Она крадёт всё, что плохо лежит: и блестящее, и съедобное, и даже вовсе непонятное, но приглянувшееся птице. Ещё ворона - большая мастерица отыскивать место, куда куры кладут яйца. Обнаружив его, ворона разбивает яйцо клювом, пропускает внутрь его нижнюю половинку и летит куда-нибудь подальше позавтракать.

Что и говорить, ворона живёт ожиданием поживы и кратковременной радостью от её получения. Стоит только понаблюдать, как она целыми днями терпеливо высиживает на столбах, коньках домов, верхушках деревьев, якобы, в каких-то думах. На самом деле всё её существо нацелено на одно: чем бы поживиться?

И даже находясь на значительном удалении от своего потенциального объекта добычи и не имея возможности визуально наблюдать будущую трапезу, она каким-то удивительным чутьём, совершенно необъяснимым для человека, угадывает её приближение и загодя приводит себя в необычайное возбуждение. Между воронами, несомненно, существует какая-то связь, свой «телефон», по которому они прекрасно понимают друг друга и молниеносно

узнают о месте и времени готовящейся ими расправы.

Порой вороны очень необычно ведут себя и в лесу, особенно осенью. Идешь, бывало, по укромной дорожке, с обочины то и дело вспархивают рябчики, на оранжевых лиственницах степенно щиплют иглу глухари, гулко ударяет по дереву дятел, и вдруг в глубине леса будто заплачут дети... А то вдруг кто-то заскулит, так что становится жутко и в тоже время интересно: кто это?

Начнешь подкрадываться и, к невероятному сожалению, обнаружишь ворон... А вороны неожиданно приостановят свою игру, взметнутся в небо и начнут гарцевать там, как ни в чём не бывало, да опять с вывертом, ни на кого не похоже!

Надоест им дурачиться - вороны ведут себя более достойно, когда нет нужды куражиться и представлять из себя нечто невиданное в лесной чаще. Там, в вышине, вороны, вероятно, обретают то возвышенное, чего лишены на бренной земле, а в лесу, благодаря своей изобретательности, они окружают себя тайной. Впрочем, так ли худо живётся вороне в наших селениях и на дорогах, где она чаще всего остаётся самой собой, без присущих ей прикрас?

Правда, иногда вороны, как и ворон, олицетворяют собой нечистую силу. По-татарски, например, «ворона» означает «карга - так добродушно бранили пожилых женщин. Не зря и в сказках ведьмы оборачивались в ворон, чьи крылья грязной окраской напоминали тряпье страшной старухи.

Раньше утверждали, что во время кончины колдуна или ведьмы демоны в виде ворон садились на крышу дома, проникали в дымовую трубу и со странным карканьем, шумно взмахивая крыльями, уносили грешную, продавшуюся чёрту душу прямо в ад. Но не пристало вороне рядиться в павлиньи перья, она имеет своё лицо, чем и знаменита. Чей бы то ни было убор ей не к лицу, да и вообще в таком наряде вороне недолго красоваться: всякий без труда распознает воронью суть! Даже про человека, который хочет казаться не тем, кто он есть, и которому это не удаётся, в народе говорят: ни пава, ни ворона, от вороны отстал, а к павам не пристал. Словом, не щеголять вороне в павлиньих перьях!

И всё же не случайно, как замечали в народе, ворона называет своего воронёнка беленьким, а ёж своего ежонка - мягоньким, поскольку всем хорошо известный наряд вороны по-своему замечателен: чёрные крылья, голова, шея и хвост при дымчато-серой окраске остальных частей тела. Если судить об одежке вороны, то она имеет цвет затухающего костра: пепел и уголь. В зимние оттепели вороны будто рисуют собой во влажном воздухе свои незамысловатые гравюры-пируэты.

Окрас самцов и самок вороны одинаков. Но, несмотря на неброский вид, ворона горда им, и при всяком случае не преминёт щегольнуть, гордо разгуливая под носом у человека. Всё её существо как будто кричит: «Обратите на меня внимание, пусть даже я вам не по нраву!»

Вот и раскачивающаяся походка у птицы, кажется, от невероятного самодовольства и той важности, которую ворона на себя напускает. Но ходить

иначе ворона просто не может: её пальцы сближены, а не растопырены, как у многих птиц. Когда ворона ковыляет вразвалочку вдоль обочины, то и дело, покручивая головой в разные стороны, она вызывает улыбку.

При всей своей проворности ворона имеет фигуру скорее неуклюжую, чем ловкую. Наблюдаешь в окно за неторопливо расхаживающей по огороду птицей, и кажется, будто она хочет напустить на себя как можно больше значительности, при каждом шаге напыщенно распуская на груди перья и самодовольно покачивая головой. Но ей это не удаётся, и ворона выглядит скорее смешной, нежели величественной. Вероятно, именно это её стремление выглядеть лучше, чем она есть на самом деле, и составляет воронью суть.

Ей как будто чего-то недостаёт, какой-то важной малости, чтобы она почувствовала себя по-настоящему уверенной в себе. Но тогда бы пропала её замечательная вороватая изощрённость, что приходится ей кстати, и ворона бы несомненно потеряла свою притягательность. Ворона словно застряла на перепутье между очень способной птицей и попросту гениальной, ей не хватает сделать только один шаг, и, зная это, она почему-то не желает его совершать. Может быть, она ещё хитрей, чем о ней принято думать, и её всё устраивает в собственной жизни?

Ворона водится по всей нашей необъятной стране, и повсюду она многочисленна и узнаваема. Своеобразие птицы проявляется ещё и в её способности к диалектам: язык ворон бывает разный в зависимости от местности, в которой они проживают. Вероятно, это зависит от климата, а на него влияют высокие горы, дремучие леса и журчащие реки. Работая одно время на Сахалине, я встретил абсолютно чёрную ворону, родственницу нашей уральской кумушки, и она, помимо цвета, отличалась ещё и голосом.

Купаясь в почти никогда не прекращающихся ветровых потоках, задувающих над островом, ворона, благодаря этой постоянной сопротивляемости воздуха, приобрела и своеобразное произношение своего небезызвестного «карр». Знакомое всем звуко сочетание вырывалось из горла птицы с французским прононсом, как будто она перекачивала в клюве виноградинку: «Ка-а-рэ-рэ-рэ, ка-а-рэ-рэ-рэ-р». К этому ворону, несомненно, располагало вольное воздушное пространство на краю земли.

Что и говорить, ворона - птица необыкновенная. Нельзя её оставлять без внимания. Будешь бить сороку да ворону, замечали мудрые люди, рано или поздно добьёшься и до белого лебедя. А если какое дело вздумаешь начать, то оно само собой не сдвинется, пока ворона не каркнет. Вот потому её в народе птичьим гением и величают.

Созданная Богом, скорее, во благо человеку, чем во вред, ворона хороша просто уже тем, что она есть. Что бы мы делали без этой забавной птицы, без которой не обходится, кажется, ни одно происшествие! Ворона всюду присутствует, оценивающе наблюдает за происходящим и тотчас высказывает мнение своим неизменным «ка-а-рр!», означающим согласие, недовольство или абсолютное неприятие.

Иной раз ворона так за день накаркается, что, кажется, охрипнуть впору,

но поутру вновь оглашает округу своим раскатистым голосом. Вышибить ворону из её жизненного седла очень непросто, и по жизнелюбию она любой восторженной птахе даст сто очков вперед, да ещё прибавит. Вроде бы, творит больше зла, чем радости, вроде бы, больше надоедает, чем помогает, но как без неё было бы пусто! Сколько бы мы все от этого потеряли!

Нет, как ни крути, а ворона - замечательная птица, пусть хоть и жуткая сплетница, и дружбу водит с нечистой силой, и имеет нехороший глаз. Она - душа всех русских сказок, без её привлекательной суетни невозможно вообразить самую заурядную историю. Была бы, как говорится, копна, а ворона сядет!

Работая в огороде, мне, например, всегда приятно ощущать рядом этих носатых «чертей», то и дело разрезающих воздух упругими и ловкими крыльями. Вороны как будто чувствуют свою нужность, и радуются этому. Птицам хорошо жить, когда всё, что им нужно - воздух, незатейливая кормёжка и возможность оставаться свободными, в наличии, и человек не особо преследует их.

День за днём вороны проводят своё время рядом с человеком, ничего путного, кажется, не совершая: ведут самый обыкновенный для птиц образ жизни. Просыпаются ни свет, ни заря и с громким карканьем слетаются со всей округи на какое-нибудь облюбованное дерево или крышу, чтобы затем отправиться на все четыре стороны за пищей. Но, между тем, именно этой своей непритязательностью вороны и служат человеку напоминанием о том, как быстротечна жизнь, и как важно в ней быть внимательным к собственным силам.

Прежде, чем сбиться в дружные стаи для совместного созидательного труда, ему следует научиться самостоятельности в творчестве, оценивая свой труд как наиважнейший, не забывая при этом: где птицы редки, там и воронье карканье по нраву, а на чужой сторонushке рад и своей воронushке!

«Пя-ять, пя-ять, п-ять тетеревей!»

Конец сентября. Еще не рассеялся промозглый утренний туман, а мы с отцом уже идём на охоту. На душе и во всём теле так сонно, что не верится, что когда-нибудь выглянет солнце. Туман поднимается из глубокого оврага, струится над землей леденящим дыханием, и мне кажется, будто там, внизу, живет какой-то могущественный лесной дух, и от него зависят в лесу и ночь, и звери, и птицы, и деревья. Почему-то совсем не страшно ощущать его таинственное присутствие, и я, еле сдерживая в колотящемся сердце сбивчивое восхищение, робко вдыхаю вяжущий аромат опавших листьев и не перестаю думать о рябчиках.

Отец шагает быстро, а я, не желая отставать, всё время спешу и отступаюсь. Тогда отец поворачивается ко мне и, сердито вздёрнув брови, даёт понять, чтобы я шел осторожнее. От его взгляда я чувствую себя неловко, стараюсь ступать как можно тише, но от этого ещё чаще запинаюсь. Отец

впервые взял меня на охоту по рябчику, и мне очень не хочется его расстраивать.

Туман незаметно стелется между шероховатых стволов, холодными струями забирается в вытертые рукава моего пальто и как-то неестественно затаивается. Уже становятся видны маленькие пушистые ёлочки, сырые пни и белые лишайники на них. Ещё не слышно ни одной птицы, и я то и дело вслушиваюсь, не раздастся ли долгожданный рябчиковый свист. Но тихо вокруг, осенний лес пробуждается медленно, с неохотой.

Отец вдруг останавливается и показывает рукой, что нужно замереть. Из всех сил пытаюсь я быть похожим на него: так же внимательно всматриваюсь в замерший лес, поворачиваю голову то вправо, то влево. Мне никогда ещё не приходилось слышать, как поёт рябчик, но я почему-то уверен: стоит только петушку подать голос, и я его тотчас узнаю.

Рябчиков я видел только дома, когда отец приносил их с охоты, неспешно выкладывая из ягдташа. В основном это были самцы с ярко-красными бровями, черными горлышками и хохолками на головках, аккуратно спрятанных под крыло. Всегда было приятно подержать рябчика в руке, ощущая его тёплую затвердевшую грудку, разглядывать, поглаживая пальцем серенькие перышки, и представлять птицу живой. Какое-нибудь перышко при этом обязательно отрывалось, на мгновение повисало в воздухе, а затем начинало весело кувыряться. Иногда в оперении птицы застревал осинový листок, ярко-жёлтый, в коричневую крапинку, и сразу хотелось попасть в осенний лес с его запахами, красками и неведомым рябчиковым свистом.

Отец часто показывал мне, как нужно подзывать рябчика на манок. При этом птица, охваченная страстью, стремглав бросается на зов и усаживается совсем рядом, почти в нескольких шагах от охотника. Подлётев вплотную, петушок обычно произносит трюкающий звук и в возбуждении начинает прохаживаться по ветке. Всё его внимание сосредоточено на воображаемом сопернике, рябчик то и дело замирает, настороженно вытягивает голову и прислушивается. Вероятно, он надеется обрести себе подругу и очень волнуется.

Манок звучит тоненько, словно это какая-то загадочная лесная дудочка, но на самом деле он выточен из кусочка эбонита или, на худой конец, из обыкновенной глухаринной косточки. Для того, чтобы рябчик поверил тебе и прилетел, надо иметь достаточно хороший музыкальный слух. Нужно быть своего рода виртуозом, изображая все переливы замысловатой рябчиковой песенки, и не допустить ни малейшей фальши: чуткий рябчик тотчас определит её и замолкнет. Легче подойти к другому петушку, и начать всё сначала, чем пытаться подманить старого.

Песенка рябчика восторженная, чистая и звенит всегда высоко и звонко. Начинаясь с радостной нотки, песенка то падает, то опять весело взмывается: под конец она щедро рассыпаясь переливчатым драгоценным бисером. И так много раз, лишь с коротенькой паузой между одинаковыми птичьими трелями, но ненадоедливо, задорно. Как передать её обыкновенными

человеческими словами, я не знал.

Чтобы отец согласился изобразить манком песню рябчика, он должен был находиться в добром настроении после удачной охоты, и ещё нужно было хорошо себя вести. Прежде чем произвести этот редкий свист, отец сидел на табуретку, делал глубокий вдох и, осторожно взяв в рот пищик, на полном выдохе пропевал всю коротенькую мелодию, залихватски вибрируя таким чудесным, обворожительным звуком. Получалось нечто вроде изящного призыва, легко повисшего под потолком, живого, так что хотелось взвиться вместе с ним и не падать. А на полу, у наших ног, воздушно белели дымчатыми грудками уже недвижимые, замечательные птицы.

Отец счастливо улыбался, глаза его блестели, и он не произносил ни слова. Только зачарованно смотрел перед собой, уносясь, наверное, в мечтах в бесконечные лесные дали, и улыбка долго не сходила с его губ. Ему, конечно, было что вспомнить, а мне не терпелось всё это увидеть.

И вот мы стоим, почти утопая в вязком тумане: он обильно оседает на нашей одежде. Она от этого тяжелеет, становится прохладной, а в нос ударяет резкий запах опавшего листа с корой, так что глаза сильно слезятся. В воздухе как будто что-то копится, быстро нарастает, и всё же ничего не происходит. Отец многозначительно вздёргивает брови, подносит к губам пищик, и лес оглашает пронзительная трель, она не теряется, как в комнате, а медленно проистекает в замершем пространстве, мягко пронизывает его, и всё вокруг постепенно пробуждается.

Сначала за логом послышался восторженный ответ, он будто расколол воздух на звонкие кусочки. Кусочки вздрогнули, покатались во все стороны, и вот уже справа подал голос второй рябчик, через минуту — третий, потом — за спиной, и ещё в самом логоу... И лес сразу зазвенел, радостно ожил, стряхнув с себя сонную одурь. А рябчики бодро перекликались на все лады, не давая друг другу передохнуть, то и дело перелетали на фоне еловых ветвей вытянутыми пегими силуэтами, и повсюду разносилось их пугающее «пыр-р-р-р, пыр-р-р-р, пыр-р-р-р», так что сердце поначалу замирало и тотчас обрывалось в сладкой истоме.

Один из них уселся прямо напротив нас на голую березовую ветку, пробежал несколько шажков и настороженно наклонил головку, будто удивленно вопрошая: кто же это меня побеспокоил? Вышло это у него так забавно, что я чуть не расхохотался, но отец нахмурил брови, медленно прицелился, и оглушительный грохот расколол ожившую тишину. Рябчик глухо тукнулся в мох, забился, и, когда я к нему подбежал, он уже лежал, безжизненно распластавшись, хвостиком кверху.

— Хочешь попробовать? — спросил отец и протянул мне пищик на верёвочке. Чтобы получилось, как у петушка, нужно сначала пропеть про себя эту мелодию словами: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!», а потом уже попытаться переложить песенку на свист. Давай попробуй. У тебя обязательно получится.

Вот, оказывается, подумал я тогда, те самые слова, и какие простые: «Пя-

ять, пя-ять, пять тетеревей!» Кто-то ведь их услышал, подметил! Они именно лесные, по-своему обаятельные, и так удивительно подходят к задорному рябчиковому свисту, к этой незамысловатой музыкальной гамме, что их хочется непрестанно повторять. Если быть внимательным, можно, наверное, разгадать и другие птичьи песни, наполнив их близким человеку смыслом.

Не сразу получилась у меня рябчиковая песенка на костяном отцовском пищике. Долго я не мог добиться той самой мелодичности, что отличает в лесу только рябчика. Поначалу рябчик, вроде бы, охотно откликался на мои настойчивые призывы, и я, помнится, страшно радовался этой достигнутой схожести, но постепенно он переставал подавать голос.

Все мои старания оказывались безуспешны: птицы, видимо, почувствовав какую-то фальшь, очень скоро замолкали, и когда я, потеряв всякое терпение, пытался подойти к ним, они в мгновение с шумом улетали. Чего-то я не учитывал в своих попытках обмануть их, и прошло немало лет, прежде чем я овладел секретом рябчиковой песни.

Зато, уж, когда освоил все премудрости песни рябчика, и даже научился подманивать петушков голосом самочки, то получил истинное наслаждение, однажды осенью наблюдая, как подбирается ко мне охотник, переговариваясь со мной с помощью своего манка и принимая меня за рябчика! Причем, охотник был опытный, деревенский, но и он всё-таки поддался на мою уловку!

Мы посмеялись, разговорились, и оказалось, что этот охотник может точно копировать бормотание тетерева и вскрикивания зайца весной, утиное кряканье и карканье вороны, глухариное пощелкивание с точением... Вообще, именно в народе издавна и очень умело охарактеризовали голоса и пение самых разнообразных птиц, подмечая, что соловей свищет, жаворонок заливается, чирик чирикает, тетерев бормочет, сорока сокочет, журавль курлыкает, сойка тарантит, выпь кричит, голубь воркует, канарейка поёт, ворона каркает, щегол и ласточка щебечут.

Может быть, только из деревни и пошли все эти удивительные птичьи восклицания: «Как? Как?», «Худо тут, худо тут», «Тпрусь! Тпрусь! Тпрусь!», «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Ка-чу! Ка-чу!», «Витю видел? Витю видел?», «Мечи-мечи в печи калачи!».

В рассказах людей, не мыслящих своей жизни без леса, особенно среди деревенского люда, часто встречаются попытки изобразить песни наиболее известных и любимых в народе птиц словами. Конечно, эти звукоподражания каждым из знатоков птиц могут восприниматься по-разному, но у многих пернатых песни и вскрикивания, переложённые на буквы, удивительно совпадают с человеческой речью, волшебным образом преобразуясь в занятные восклицания и даже в целые фразы. Голоса птиц ничего не говорят только людям непосвященным и нелюбознательным. Для любителей же природы они весьма интересны, понятны и полны скрытой поэзии.

Поклонники лесной таинственной жизни легко восстанавливают по птичьим трелям, как музыканты по нотам, человеческие достоинства, слабости и надежды, забавные черты самих птиц и зверей, отголоски древних поверий и

поговорок, дуновения ветра, шорохи трав и листвы. Таким образом, постепенно в народе создаётся словарь птичьего языка на человеческий лад — то, что народ по-своему слышит в пении окружающих его представителей пернатого царства.

Вот туманным декабрьским утром на заснеженной рябине сбились в тесную стайку дружные свиристели, устроились головками по ветру, нахохлились и, под стать еле слышно стелющейся над землей позёмке, так же тихонечко задули в свои тонкие дудочки: «Свири... свири... стель, свири... свири... стель, свири... свири... стель...» Тоненьким голоском провозглашая своё имя, свиристели как будто скромно выпрашивают в эту холодную пору хоть какой-либо уют, и метель заботливо надувает им мягкую снежную постель. Красивые птички оживлённо сыплют мороженой ягодой, смело бросаются за ней в пушистый снег и, отмывая в нём свои нежно-дымчатые грудки, становятся еще красивей.

«Свири-свири, свири-свири, свири-свири», — разносится повсюду их ненавязчивая песенка, и в душах людей, несмотря на то, что колючая позёмка высвистывает свою неугомонно-надоедливую мелодию, как-то незаметно воцаряются покой и радость. Их принесли на разноцветных крылышках очаровательные хохлатые птички, и своим присутствием им суждено развеять суровую зимнюю печаль.

Когда зима ещё не наступила, а только раздумывает, как бы ей половчее исхитриться и огорошить своим появлением лесных обитателей, старый тетерев-косач, уютившись на вершине одинокой березы, заводит своё недовольное бормотание: «Бу-бу-бу-бу-бу, бу-бу-бу-бу-бу... Куплю шубу, продам балахон! Куплю шубу, продам балахон! Бу-бу-бу-бу-бу-у!» Будто обидевшись на весь белый свет, раздувшись от собственного недовольства и подступающего холода, тетерев выглядит очень забавным, и его совсем не надоедливые жалобы не могут восприниматься без улыбки. Поглядывая на незадачливого косача, так и хочется поскорее не продать, а подарить ему тёплую шубу, чтобы тетереву было не лихо зимовать в суровую пору, и чтобы он не забывал в своих снах желанную весну, когда можно радостно провозгласить на всю округу: «Продам шубу, куплю балахон! Продам шубу, куплю балахон! Продам... Бу-бу-бу-бу-бу-у!».

Шуба эта с самого детства представлялась мне почему-то с бобровым стоячим воротником, плотно приталенная, и косач сидел в ней на дереве знатным удальцом, отважно подбоченившись, на яркие же брови сдвинута меховая ермолка с пером. А вот балахон виделся длиннющим, каким-то неказистым, будто с плеча незатейливого сельского агронома, так что в заднюю прореху сиротливо выглядывали лирообразные косы, да и сам тетерев казался в нём смешным. Но как удивительно подходило ему это недовольное осеннее и восторженное весеннее бубуканье, приписываемое тетереву людьми, когда он становился похож на человека!

Всю осеннюю ночь напролёт из самой глуши таинственного леса чуточку монотонно, но мило доносится «сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-сплю, сплю-

сплю-ю». Это сова-сплюшка пытается всех убедить в том, что она спит, хотя, ни на секунду не смыкает глаз, и только беспрестанно хлопает длинными веками. Сова эта маленькая, неприметная, и кажется странным, что она так невыгодно для себя заявляет о своём существовании.

А может быть, сплюшке обидно её незаметное положение, и она изо всех сил старается напомнить: вот я просто сплю-сплю-сплю, но никто меня не видит, а я стану спать-спать-спать и всем об этом рассказывать, и тогда каждый обо мне знать будет?! «Сплю-сплю-сплю»,— еженощно вещает неугомонная совка, и так к ней, наверное, все звери с птицами и привыкли, что она их своей лесной колыбельной усыпляет, а сама, изрядно намаявшись за ночь, спит днём, пока другие бодрствуют. Сплюшка спит и мечтает, чтобы её не только слышали, но ещё и видели!

Для того чтобы угадать в пении птиц нечто родное и близкое, человеку совсем не обязательно покидать город, непременно обращаясь к лесу, достаточно более пристально присмотреться к тому, что давно его окружает. Прямо под окном, на карнизе, сидит нахохлившийся воробей, и кричит в мороз: «Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив... Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив!»

Но мы ничего не видим и не слышим, и уж тем более не обращаем внимания на то, какой он неунывающий, храбрый и при этом совершенно обыкновенный. Правда, в оттепель воробей вдруг теряет всякую скромность и, что было сил, чирикает: «Я большой, я большой, я большой», но происходит это от радости, что перетерпел он трескучие морозы, и этой своей радостью неунывающий воробей просто и весело делится со всеми, а вовсе не превозносит себя.

Вообще, воробей очень забавный малый, и даже когда за ним гонится какой-нибудь хищник, например ястреб, то, распростерши крылья, он в отчаянии вскрикивает: «Царь, царь, царь!», а спасшись от беды, вновь восторженно провозглашает: «Жив, ещё жив, ещё жив». Без этого вездесущего храбреца и его, казалось бы, однообразного чириканья нам, наверное, было бы удивительно скучно жить.

Ну, а у нашей самой вздорной и вороватой птицы - серой вороны, и возгласы оказываются вздорные. Ворона кричит: «Урода, урода! Капейка, капейка! Украли, украли!» Что за «урода», какая-то «капейка», и кто её «украл», остаётся непонятным. Но ворона с присущей ей настырной настойчивостью не унимается: «Ур-ро-о-да, ур-ро-о-да, ур-ро-о-да, кар-р-р!»

Так, должно быть, она дразнит свою соплеменницу, сидящую напротив, не замечая при этом своего невзрачного вида, и по вздорности характера никак не в силах уговориться. Всё в её бесшабашной голове перепутано: наглость с вороватостью, трусость с жадностью, невероятная неугомонность с изворотливостью. Целый день по всей округе, без умолку, разносится её изрядно приевшаяся всем песня - «гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р!», но вороне эта кутерьма, по-видимому, очень нравится. Она готова, наверное, охрипнуть или совсем потерять голос, лишь бы только о ней не

забывали.

Морозная ли зима на дворе, раздольное ли лето - вороне всё едино. Даже с наступлением ясных мартовских дней, когда солнце припекает особенно жарко и на дорогах показываются кучки ещё не оттаявшего навоза, ворона усаживается на них и жалуется: «Калач, калач! Не ук-калупишь!»

В любое время года она не оставляет своих скверных привычек: то хорохорится, вечно всем недовольная, то норовит подцепить, что плохо лежит. Загомозится на дереве и во всю свою ненасытную глотку провозглашает: «Капейка, капейка, оггр-ра-а-били! Капейка, капейка, оггр-ра-а-били!» Всякий знает, что она, скорее, сама, кого хочешь, ограбит, но ворона пытается выставить себя в лучшем свете, жалуется во всеуслышание, прибедняется и не вызывает в душе человека ничего, кроме беззлой усмешки или, на худой конец, крепкого словца.

Что греха таить, без этой неподражаемой птицы было бы скучно, и, несмотря на её жуткий характер, все ворону примечают, что ей, в конце концов, и надобно! «Ук-к-ра-а-ли, ук-к-ра-а-ли», - надсадно продолжает хрипеть серая разбойница, и так себя распаляет, что чуть не сваливается с ветки. И ведь оставишь дела и обратишь-таки на неё внимание, а ворона от того ещё пуще надрывается, но лишь повеет малейшей тревогой, и она тотчас срывается, вскрикивая: «Кар-р-раул, кар-р-р! Кар-р-раул!»

Ещё не миновали жгучие крещенские морозы, далеко до самых суровых афанасьевских, и неизвестно, покажут ли себя сретенские, а неунывающая синица уже запиныкала весело под окном, и на душе сразу стало как-то по-весеннему привольно и радостно. Несмотря на суровую пору, синички беспрестанно находятся в движении, залетают в раскрытые форточки между рамами и расклёвывают хранящиеся там продукты. Невероятно сообразительные и шустрые, они могут снимать крышки с молочных бутылок, сделанные из фольги, или же продырявливать их и клевать сливки.

Зима ли на дворе или дело идёт к весне - песня у синицы всегда короткая, множество раз повторяющаяся, но не лишённая приятного своеобразия. Причем, в течение весны синица постоянно меняет голос и песню, будто боясь надоесть. В этих восторженных вскрикиваниях маленькая птичка выражает маленькие заботы, радости и, кажется, довольна всем: и первой капелью, и морозными утренниками, и даже нередкой апрельской метелью. Только та утомонится, а синичка опять тут как тут: звонко, будто в несколько хрустальных колокольчиков, ударяет своим тоненьким клювиком и не может нарадоваться!

В начале марта обычно устанавливаются ослепительные синие дни, и синица не устаёт превозносить в песне это высокое синее небо и ясные дали. «Синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь!» - с раннего утра слышится за окном, и от этих радостных птичьих возгласов на сердце становится ещё более приподнято. Синее небо, синий воздух и синие тени от деревьев и домов переливаются в солнечных лучах и манят в беспредельную высь. Там, сиюминутно пронзая бесконечную синеву, копится вместе с солнечным

блеском восторженное синьканье наших крохотных соседей, и почти не верится, что зима вернётся.

В конце марта синица поёт уже иначе, в зависимости от происходящих в природе перемен. Будто торопливые капли, перегоняя друг друга, скатываются с крыши её проникновенные «дзинь, дзинь, дзинь!» Когда побегут ручьи, песня синицы и вовсе изменится, напоминая всем о том, что можно без усталости пить чудодейственную весеннюю влагу, сколько бы её ни натекло: «Пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви». Так зачарованно переговариваются между собой прозрачные тонкие льдинки и студёные струйки, щедро играет в небе разбуженное весной яркое солнце.

А вот ближе к маю, когда незаметно минует самое восторженное весеннее время, синица будто успокаивается, переходя на более деловой лад: «Куй, мужик, лемеш; куй, мужик, лемеш... Си-си-ши, си-си-ши, си-си-ши». Земля оттаяла, возрождается под паром, и синица озабоченно советует мужику готовиться к долгожданной пахоте. Ей и самой пора заняться выводением потомства, и она на какое-то время пропадает из поля зрения человека, чтобы вскоре вновь нести ему тихую и ласковую радость.

Всю зиму, бывает, про зимуешь, а так и не встретишь обыкновенную овсянку: птичка эта бывает только там, где просыпан овёс. Держится она у дорог, скотных дворов и зернохранилищ. Да и куда ей больше деваться? Овсянка и сама словно спелым овсом обсыпана: маленькая, кругленькая, на нежно-солнечной грудке тёмно-коричневые мазочки, будто отборные зернышки. Птичка с виду аппетитная, аккуратная, обронённые людьми семена подбирает и тихо поёт свою скромную песенку: «Фись-фись-фись, светись, фись-фись-фись, светись».

По-настоящему овсянка запевает только весной, и всегда её песенка тиха и незаметна. Намаешься в поисках глухариних токов, выберешься на какой-нибудь залитый солнцем санный зимник, тут тебе и попадётся эта маленькая, обаятельная птичка. Будто и не замечая ничего, перелетает с места на место, собирает зёрнышки, и, кажется, что она никого не боится: покойна и мила, каждому доступна.

Только уже ближе к апрелю, на такой же вот дороге, порядком раскисшей, приметит она возчика и давай ему вослед насвистывать: «Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з!» При этом совсем не насмехается, а словно ненавязчиво учит. Возчик поначалу ничего понять не может, то и дело оглядывается, кто это его дразнит, но, догадавшись, только в усы себе улыбается да приговаривает: «Сменю, матушка, сменю, касатушка!»

В мае овсянка и вовсе оживляется, становясь ещё более озабоченной. Всё махонькую птичку в эту пору беспокоит, и ничто не минует её самого пристального внимания. Увидит она, что скотник сено коровам несёт, и поёт: «Неси, неси, неси, не тру-си-и! Неси, неси, неси, не тру-си-и!» Скотник только диву даётся: как это она узнала, что сено последнее?! А сердобольная и милая

овсяночка уже к мужикам обращается: «Мужики, мужики, точите сошники, пахать пора!» И тут же: «Старые старушечки, чистите черепушечки!» Никому не даёт покоя вездесущая птичка в эту весёлую пору, и в народе её за это всегда примечают и любят.

Довольно рано, когда повсюду ещё лежит снег, прилетают к нам с юга удивительно красивые кулички – чибисы, и сразу располагаются на мокрых, вспаханных с осени полях. Чаще всего чибисы начинают гнездиться именно на них, и поскольку в лесу в эту пору появляются только зяблики, всегда обратишь внимание на резкие, даже, можно сказать, взвизгивающие вскрикивания чибисов.

Чибисы, вообще, очень живые птицы с довольно неуравновешенным характером, и когда ты бредёшь ясным мартовским полднем мимо них с лыжами через плечо, они обязательно привяжутся, и будут сопровождать долгое время.

Если хорошенько прислушаться, то иногда можно разобрать в этом плачущем, о чем-то вопрошающем крике имя беспокойной птицы. «Чи-бис, чи-бис, чи-бис!» - проникновенно распевает кулик своё имя, и то устремляется кругами вверх, то вихляет в стороны, а то камнем падает вниз, чуть не до самой земли. Добрался, наконец-то, чибис до своего родного края, и нет предела его восторгу!

Вскоре после прилёта у птиц начинаются брачные игры, и они тоже сопровождаются радостными возгласами. Чибисы разбиваются на пары, принимаются выводить птенцов и становятся ещё более осмотрительными, с любопытством облетая всякого, кто забрёл в их владения. «Чи вы, чи вы, чи вы?» - как будто спрашивают у кого-то не на шутку растревоженные птицы, переживая за своё молодое потомство и с тревогой наворачивая в небе бесконечные круги... Так ведут себя в основном обеспокоенные самцы, самки же бегают по земле, уводя нарушителя их спокойствия подальше от гнезда. Вовсе раздосадованный кулик иногда может даже презрительно и насмешливо браниться: «Вшивик, вшивик, чыв-чи-вык, чыв-чи-вык... Вшивик, вшивик, чыв-чи-вык». Чего только не услышишь в этом удивительном мире природы!

Глубокой мартовской ночью возвращаются с далёких зимовок самцы певчих дроздов, и тотчас заявляют о своём праве на избранный гнездовой участок далеко разносящимися голосами. Когда заслышишь морозным утренником их звонкую песню, всегда становится радостно от ощущения близости весны. Поют дрозды, сидя на высоких ветвях ещё голых деревьев, и потому видны отовсюду.

В народе примечали: если дрозды поют на верхушках деревьев, значит, весна на пороге, а когда между ветвями, то наступит она не скоро. Ещё, глядя по тому, как дрозд располагается на деревьях, судят о том, каков будет год. Если дрозд сидит на самых нижних сучках ёлки — год хороший, на середине дерева — цены на хлеб будут средние, на макушке — высокие, и сам мужик от того запоёт, заскулит, как тот дрозд.

Поют дрозды почти всё светлое время дня, но особенно энергично — на

утренних и вечерних зорях. Песня у них звонкая, громкая и довольно продолжительная, состоящая из разнообразных свистовых слогов. В хоре поющих в апрельском лесу птиц она, пожалуй, самая долгая и замысловатая. По продолжительности и сложности песня дрозда уступит, может быть, только песне соловья, недаром певчего дрозда в народе иной раз называют соловьём леса.

Весенняя песня дрозда никогда не прекращается: если один замолкает, тотчас подхватывает пение другой, и так до бесконечности. Именно песня дрозда создаёт в весеннем лесу тот общий музыкальный фон, на котором и разворачивается бесподобный по звучанию спектакль. Разноголосый птичий хор, главные дирижёры в котором дрозды, не умолкает до полуночи, и только когда потухает на западе розовый закат, все краски леса стираются, а на небе зажигаются зелёные звёзды, хор незаметно утихает, и всё живое погружается в непродолжительный, тревожный сон.

Иногда в чистый апрельский дождь дрозды не смолкают даже ночью, и в преддверии скорого глухариного тока, стоя без движения в промозглом сыром лесу, всегда с интересом прислушиваешься, какие звуки они издают. В особо холодные утра дрозд, с не присущим для себя хрипом, вдруг выдаст: «Свинина, псина, ужась холодина... Досыть бы солонина... Свинина, псина, холодина, тек-тек-тек, витью-витью-витью, цииин-н». Поражённый, ещё более пристально вслушиваешься в пробуждающуюся темноту и с нетерпением ждёшь рассвета, а когда туман рассеется, и на коричневых веточках заблестят капли, над лесом, наконец-то, радостно разнесётся: «Филипп, Филипп! Приди, приди! Чай пить, чай пить! С сахаром, с сахаром, с сахаром!» И ещё: «Приди, кум! Приди, кум! Выпьем, выпьем, выпьем!» Всё бы, кажется, бросил и пошёл с неведомым кумом Филиппом в гости к дроздам утро весны встречать!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с березового листа, и сразу, по прилёте, занимает густые поросли по опушкам и берегам рек, потому как петь начинает лишь тогда, когда покроются листвой деревья и кустарники. Это - буровато-серая, маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, только спинка у неё слегка оливково-бурая, да чуть рыжеватый хвостик. Поёт соловей всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения - и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Пение его очень богато пересвистами и щёлканьем, в них с удивительной прелестью нежные звуки сменяют громкие, а восторженные — печальные. Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует ещё более очаровывающая. Причём, всё торжество издаваемых звуков льётся неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом - неповторимость соловьиной песни, она всегда изумляет своим разнообразием, полнотой и силой. Соловьиная песня — маленькое чудо в удивительном празднике весны.

Соловей поёт, сидя на какой-нибудь ветке невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности

и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне до нескольких десятков колен, и как тут не забыться, почти весь день провозглашая весну! Бывает, соловьи не прекращают свои песни до середины июня, когда все другие птицы уже давно успокоились.

Хороший соловей поёт всегда с толком: после сильного, страстного колена выставит вдруг легкое, нежное, затем пустит переливчатое и вновь его повысит. Получается нечто чарующее, и среди знатоков соловьиной песни определенные колена даже получили свои названия: «пленьканье», «почин», «лешева дудка», «кукушкин перелёт», «водопойная россыпь». Но как бы ни была неповторима соловьиная мелодия, человек подметил в ней ещё и близкие своей речи созвучия. Ввиду сложности соловьиных трелей воспроизвести их словами довольно трудно, и пение соловья выглядит примерно так: «Мужик, мужик, мужик, сало пёк, пёк, пёк, пёк, пёк, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течёт, течёт, ешь, ешь, горячо, горячо-о!» И опять: «Мужик, мужик, мужик, сало пёк, пёк, пёк, пёк, пёк, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течёт, течёт, ешь, ешь, горячо, горячо, горячо-о!»

Песня соловья, в отличие от всех наших лучших пернатых певцов, хороша ещё тем, что в ней нет ничего заимствованного, а только своё неподражаемое и вдохновенное творчество.

Радостно всё, что появляется в природе с приходом весны, и особенно восторженные журавлиные вскрикивания, что так торжественно разносятся в высоком апрельском небе... Люди задирают головы и в восхищенном молчании провожают птиц взглядом, а журавли поют свою красивую трубную песню, и в душе каждого человека просыпается что-то новое. Весной журавлиный клин приносит с собой чувство радости и обновления, осенью — грусти и печали о чём-то добром и сказочном, что птицы уносят на своих крыльях в дальние края, а возвращают только в следующем году, когда это добро становится более желанным.

Вернувшись с юга, домой, журавли всегда устраивают незабываемые танцы. Прежде, чем начать танцевать, птицы издают протяжные и приятные звуки, затем кланяются друг другу, хлопают крыльями и важно прохаживаются, с каждой минутой убыстряя темп. Время от времени они неожиданно замирают с приподнятой ногой, как будто к чему-то прислушиваются, и, высоко вытянув голову, принимают биты поклоны, кружась на месте. Иногда журавли замирают один против другого, а затем вновь пускаются в свой неподражаемый танец.

Ещё часто можно наблюдать, как журавли подсакивают, и порой очень высоко. В этом коротком парении они почти прижимаются друг к другу и, медленно планируя, опускаются на землю. Повторившись несколько раз, таким образом, танец прекращается, но может возобновиться снова, и партнёры опять кружат, подсакивают, неожиданно замирают, устремив клювы вверх. При этом все движения птиц исполнены изящества и грации, они напоминают ритуальные древние таинства, присущие всему живому.

Крик журавлей в весеннем небе - это, наверное, олицетворение бескрайности наших российских просторов, их красота и лёгкая печаль от неизъяснимой любви к родному краю. В особенности, когда ты надолго его покидаешь, а затем вновь возвращаешься. Но вот осенью красивые, немного грустные голоса птиц не похожи на те, какими они переговаривались в весеннее время.

Журавли - птицы разговорчивые, и криками часто выдают своё настроение. По осени их трубные голоса напоминают всем о том, как удивительно прожили они рядом с людьми весну и лето, просят их не забывать о чем-то дорогом и сокровенном, даже ненавязчиво советуют.

Перед самым отлётом птицы обычно отправляются на поиски полей, где скопили овёс и можно найти просыпанное зерно, чтобы набраться сил на дальнюю дорогу. Пролетая над пахарем, обрабатывающим землю под озимые, журавли «критикуют» своим курлыканьем его работу: «Мужик скривил, мужик скривил, курлы-курла, курла-курлы... Мужик, спрями, мужик, спрями, курлы-курла, курлы-курлы». И люди опять, как и весной, с улыбкой обращают к ним свои взоры и желают доброго пути, а птицы машут им на прощание крыльями и забирают с собой все печали, оставляя только неугасающую надежду.

Одной из самых последних, когда весна уже полностью вступила в свои права и деревья покрылись листвой, прилетает к нам иволга, золотисто-жёлтая птица величиной с горlinkу. Для гнезда она устраивает уютный гамачок, и он висит, чуть покачиваясь на ветру, будто в такт её песне. Песня у иволги довольно длинная и состоит из набора тихих, скрипучих и щебечущих звуков, а заканчивается неожиданно мелодичным свистом.

Иволга - очень скрытная и непоседливая птица. При виде человека она сразу настораживается и предупреждающе громко и неприятно кричит. Если же опасность угрожает ей непосредственно, она смело налетает на врага, издавая что-то наподобие боевого клича, и, тем самым, открывает себя, поражая яркостью своей окраски.

С первых чисел мая из густой кроны деревьев разносится её красивая песня, и чудится, будто кто-то играет на флейте. И тут же - раздражённый кошачий крик: можно подумать, что кошка забралась за кем-то на дерево и никак не может достать или ей просто прищемили хвост. Оказывается, когда звучит «флейта» - птица в хорошем настроении, а если кричит «кошкой» - значит, она испугана или рассержена.

Иволга обычно поёт всё лето, когда многие птицы уже замолкают, и, заслышав солнечным июльским утром её сочный переливчатый свист, сразу выделишь его среди окружающих звуков и остановишься, заслушавшись. Прохладная тень, затаившаяся внизу высоких сосен, добавляет таинственного изящества звукам её песни, она очаровывает и незаметно усыпляет. Хочется лечь где-нибудь на тенистой полянке, закрыть глаза и с наслаждением от всего отрешиться. Или представить себя этой красивой птицей, что так загадочно хороша!

Не каждую весну удаётся посмотреть на удивительную птицу, и её чистый флейтовый свист что-то переворачивает в душе. Душа начинает думать и чувствовать по-летнему, с присущей этой поро роскошью красок, где золотисто-жёлтая птица - её чудесное дополнение. В крике иволги уже не услышишь резкого «вж-ж-жела, кш-ш-ш!», а только нежное «фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу», что напоминает, вроде бы, не подходящие ей слова: «Удил, да вынул, удил, да вынул, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу». И дальше, словно кого-то допрашивая: «Ты видел, видел, видел, фью-тиу-лиу?» При этом всегда непроизвольно оглянешься, но, никого не приметив, улыбнёшься и радостно прокричишь птице в ответ: «Видел, видел, видел!»

Нередко, уже со второй половины марта, в лесу раздаётся, вроде бы, монотонная, состоящая сплошь из повторов песни пеночки-теньковки. С ней можно встретиться повсюду, если быть внимательным: пеночка - это маленький лесной невидимка. То она легко перелетает рядом, ненавязчиво напоминая о себе тонким попискиванием, то надолго теряется, и пройдёт немало времени, прежде чем птичка вновь появится в кронах деревьев. Легче услышать её, чем увидеть! Только после того, как остановишься и внимательно всмотришься, заметишь, наконец, нечто трогательное - еле приметный, нежно оливковый росчерк в ветвях, и на душе сразу станет радостно.

Пеночка-теньковка - незаметная радость леса, и она всегда с нами. С нами её неуловимая нежность, изящество и сила. Эта небольшая, скромно окрашенная птичка, размером меньше воробья, несмотря ни на что живёт и никуда не исчезает, перелетает в ветвях, тихо тенькает и будто ничего не ждёт от жизни. Ей просто и хорошо в этой своей лесной незаметности, и она радует всех таким неприхотливым и скромным присутствием.

Песня её будто звон капель воды, падающих с высоты. Начало песни сухое, потрескивающее «тр-трр, тр-трр, тр-трр», и слышно оно только вблизи. Но затем, в том же ритме, птица исполняет своё «тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь», меняя тональность почти на каждом слоге, и именно из-за этого она и получила, наверное, своё имя.

Теньковка — один из самых неутомимых певцов: она поёт и рано утром, и днём, и вечером. Усевшись на верхней еловой ветке, птичка будто тянется головкой к солнышку, и с клювика её срываются восторженные звуки: «Тень-тинь-тень, тень-тинь-тень, тё-тень, тё-тень, тё-тень». Прислушавшись хорошенько, вдруг различаешь, что она не только радуется ясному дню, но и зовет какую-то «тётеньку», а та никак не откликается, и пеночка вновь принимается настойчиво повторять: «Тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь, тё-тень, тё-тень, тё-тень, кап-п, кап-п, кап-п... Тётенька, тётенька, тётенька!» Ничто так в весеннем лесу не отогревает сердце после долгой зимы, как тоненький голосок этой маленькой и неутомимой птички!

С приходом лета разнообразных птичьих голосов в лесу несколько не убавляется. На берегах рек и озер, что совсем недавно покрылись растительностью, часто можно встретить неброского цвета юркую птичку -

болотную камышовку. Но красивой ей быть и ни к чему, поскольку большей частью она держится в самой гуще прибрежных кустарников и тростников. Камышовка не сразу увидишь, она почти всегда остаётся незаметной, но зато — очень подвижна и, наверное, не желает ничего иного, кроме как жить в густых камышах, не чувствуя себя потерянной.

Песня камышовки покойна и необыкновенно мелодична, она состоит из смешения многих чужих и собственных звуков, быстро сменяющих друг друга высоких посвистов, трескучих и визгливых выкриков. Постоянно повторяющаяся мелодия «чип-чип, чек-чек, чип-чип, чек-чек», по мере спада нотки озабоченности птички, незаметно преобразуется: «Цири-цири, тере-тере, чип-чип, чек-чек, тр-тр-тр-р... Крак-крак, кли-лилили, кли-лилили... чи... чи... тере!» Обычно камышовка держится скрытно, но во время пения взбирается на верхние ветки куста, как будто стремясь показать себя. Иногда камышовка даже взлетает кверху, но песня её при этом не прекращается.

Чаще она сидит на тростнике, залитом водой, и от этой близости водной поверхности, полной загадок и жизни, песня её убыстряется, звуки становятся крякающими и постепенно повышаются: «Кэре-каре, кэре-каре, кру-кру-кирики-кики... Крак-крак-крак, клин-клин-клин, чек!». Наблюдая из прибрежных кустов за птичкой и видя, как она то и дело склоняет голову набок и заглядывает в воду, будто высматривая там кого-то, чудится, что камышовка быстро произносит: «Карась, карась, рак, рак, линь, линь! Карась, карась, рак, рак, линь, линь!», и ты невольно начинаешь верить, что птица видит этих рыб и, не в силах сдержать себя, сообщает всем об этом!

И вот становится совсем тепло, воздух наполняется насекомыми, и однажды утром под мостом появляются очень изящные и юркие птички. Блестяще-черное оперение спинки, бело-охристое брюшко и длинный вилообразный хвост позволяют безошибочно различить в них долгожданных ласточек. Их элегантное одеяние в сочетании с вытянутой, лёгкой фигуркой создаёт ощущение, будто все птички зачем-то переоделись во фраки, а их длинные хвостовые косички напоминают свободно ниспадающие фалды. Переполненные восторгом возвращения в родные края, но еле сдерживаемые своим «аристократическим» одеянием, ласточки схожи с волнующимися оркестрантами, преисполненными важностью предстоящего: ведь им надлежит за короткий срок исполнить так много!

Ласточки любимы в народе, и всегда было принято думать, что они приносят счастье. Их оберегали, старались не обижать и помнили: ласточка — святая птица, к ней был неравнодушен сам Всевышний, и оттого, наверное, ласточки под Троицын день поют высоко в воздухе еле улавливаемую молитву: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас». Может быть, конечно, это и не ласточки поют, но кроме них в небе никого нет, и люди всегда думают о святости близких их сердцу касаточек.

Ласточки, видимо, чувствуя к себе такое отношение человека, всегда держатся к нему поближе. Однажды они даже сменили места своего постоянного обитания — скалистые берега речных долин и пещеры, и стали

вить гнёзда на стенах жилых домов и сараев, под балконами, карнизами и в конюшнях, образуя целые колонии. И повсюду слышится их радостное щебетание: «тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч!».

Но вот иногда у ласточки пробивается и настоящая песня, особенно заметная в пору прилёта, когда первые стайки этих птичек появляются над полями и деревнями, или сидят на крышах и телеграфных проводах. Песня эта — торопливое щебетанье скороговоркой, с отдельными, более звучными выкриками и с тихой трелью, большей частью перед самым концом. Призывный крик звучит как «твид-твид» и «тлюи-тлюи», потом вдруг, заведя выехавших в поле на работу мужиков, ласточки сочувственно им напевают: «Мужики у поля, мужики у поля, а бабы за яишню».

Вот уж что действительно подходит к ласточкам, так эта самая яишняя, и невозможно объяснить, почему. Только крутится всё время на языке это простое деревенское лакомство, как и ласточка, что неотступно кружится над людьми и всё за ними подмечает. Задрав голову, следишь отрешённо за её стремительным полётом и не помышляешь ни о чём, кроме лета.

Когда трава поднимается достаточно высоко, наконец-то, прилетает с юга и перепел. Увидеть перепела, когда он бежит по земле, нелегко: окраска хорошо маскирует птицу. При этом перепел бежит так быстро, что его даже трудно разглядеть.

Птицы эти любят открытые пространства, в особенности заливные луга с посевами, а если селятся в самом лесу, то на широких полянах. Часто они держатся на хлебных полях, и их много гибнет во время косьбы. Взлетают перепела в крайнем случае, но вспугнутые — летят недолго, как правило, низко над землёй, и быстро присаживаются, всегда готовые надёжно укрыться в бескрайних просторах золотых колосьев.

Спустя несколько дней после прилёта, сначала только на утренних и вечерних зорях, а затем и круглые сутки можно слышать «бой» самцов. В народе ещё говорят, что перепел не поёт, а вакает и уже потом кричит: всё это и называют «боем». Бега по траве, самцы перепела «бьют» и разыскивают, таким образом, перепёлок, издающих в ответ хрипловатый свист.

Но не все перепела поют одинаково. У огромного большинства птиц все колена «боя» обычно сливаются в один поспешный, несколько свистящий удар, его можно передать звуками вроде «фвать-вальват, ва-ва-ва, фвать» или «фвить-фвить-фвить!» Такие перепела называются чистохватами, и только у редкого перепела песня состоит из трех особых колен — подъёма, проволоочки и отлива, благодаря которым и слышится нам, будто птица ... разговаривает.

Вот повёл пастух коров на пастбище, а перепел уже тут как тут, и из травы у дороги доносится: «Вот ведёт, вот ведёт, вот ведёт!» Или ещё какой-нибудь самец, оказавшись поутру у самой околицы, зарядит до того настойчиво и бесперебойно, что отчетливо слышится: «Полно спать, полно спать, полно спать!» Когда же бабы забудутся за домашней работой, перепел так даёт о себе знать: «Досыть, бабы, шить, надо полоть: под полоть, под

полоть, шить, полоть, шить, полоть». Ну, а уж если засидятся бабы за полночь, перепел им заботливо напоминает: «Спать пора, спать пора, спать пора!» Попробуй тут не послушать такую серьезную птицу, которая с вкрадчивого «разговора» возьмёт, да перейдёт на однообразное ваваканье, и тогда, по народным приметам, горе бабам — лён будет плохой!

В поле перепел кричит, а над болотом кулик заунывную песню заводит: всякий кулик, говорят, своё болото хвалит. Пришло и его время родину посетить, поэтому, когда спрашивают его: «Где живешь, кулик?», он отвечает: «На болоте!» К нему опять: «Кулик, иди к нам в поле! Здесь сухо», а кулик в болоте плачет, но из болота нейдёт. Всяк кулик - на своей кочке велик!

Но на самом деле кулик в болото, наверное, не по своей воле бежит, а затем, что голову там бережёт. Ему в болоте спокойнее и радостнее, чем в открытом поле.

Весной к нам прибывает множество разных куликов, но большинство из них долгоносые, имеют длинные ноги и оттого любят бродить по мелкой воде у берегов рек, ручьев и топких болот, выискивая для себя лакомый корм. Они часто летают над водой, привлекая внимание своими воздушными играми и громким токовым криком, состоящим из растянутых, как бы с ударением повторяемых «стонущих» звуков - «кююйи... куулик... куулик, кююйи... куулик». Когда же зацветает гречка и поле за болотом покрывается белым ковром, кулик принимается носиться над ним и в отчаянии кричит: «По-о-о-гиб, по-о-о-гиб, по-о-о-гиб», думая, что пришла зима и выпал снег. Но вокруг лето, и кулик скоро в этом убеждается. И вновь разносится над болотом его жизнеутверждающее: «Кююйи... куулик, кююйи... куулик, кююйи... куулик-к!»

Бывает, сенокос уже в разгаре, копны растут как грибы, но вдруг ни с того ни с сего возьмут и зарядят обложные дожди, так что мокрое сено начинает гнить... Зато быстро подрастают новые травы, свежие и сочные, и тогда озабоченный кулик мечется в воздухе и без устали то и дело кого-то призывает: «Жгите сено! Жгите сено! Новое поспело!»

А лето в самом расцвете, и только и слышится отовсюду: «Как? Как?», «Тпрусь, тпрусь!», «Ка-чу! Ка-чу!», «Мечи-мечи в печи калачи!» И опять: «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Худо тут, худо тут, худо тут!», «Под полоть, под полоть, под полоть!». Этому птичьему многоголосью вторит хорошенькая горихвостка, только что выведшая на свет птенцов: «Я у Питере была, Питер видела... Я у Питере была, Питер видела». Ей не уступает красавец щегол, что старательно, не обращая ни на кого внимания, щеголевато выговаривает: «Пили кофе, пили чааай... Пили кофе, пили чааай... Пили-пили, пили-пили, пили-пили».

Ширится многоликое лето, набирается сил и красок, и вместе с ним наполняется жаждой жизни разбуженное весной сердце, что, как и птицы, поёт на разные голоса, переживая ко всему любовь, и с неизъяснимой радостью взмывает в бескрайнее небо!

Уже много лет хожу я по лесу и разгадал немало птичьих песен, но до сих пор не могу забыть первую: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Вспоминаю её, а из далекого детства всплывает в памяти то туманное сентябрьское утро, когда лес впервые дохнул на меня своей тайной, но не напугал, а лишь предстал во всей своей силе. Огромные ели за логом, утопая по грудь в тумане, глядели серьезно и внимательно, как будто оценивая, чего ждать от этого маленького человека. Несмотря на их возраст и видимую неприступность, они ни казались зловещими, а лишь молчаливо наставляли на что-то очень значительное, что недопустимо было пропустить мимо своего внимания.

Вспоминаются и замершая осенняя тишина, наполненная последними отзвуками уходящей поры, и вскрикивания птиц, собирающихся в беспокойные стаи, и доводящий до слез запах прелого листа вперемешку с сырой корой, и, конечно, тот самый отцовский пищик, что я берегу до сих пор, и нет-нет, да достану, чтобы насладиться знакомой мелодией... И тогда как будто оживает окружающий воздух, до того пронзительно разносится в нём рябчиковое пение, и хочется вновь отправиться в осенний лес, чтобы, остановившись у опушки, услышать восторженно-приподнятое признание птицы в любви к замечательному туманному утру и возможности просто жить и петь: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

Еловое облачко

Сыплет последним рыжим листом октябрь-батюшка, разбитая дорога всё сыреет и сыреет под нескончаемыми дождями, и редко выдаётся тихий пасмурный денёк. Второй осенний месяц ни колеса, ни полоза не любит. Птицы уже отлетели на юг, травы полегли, а в случающееся похолодание, кажется, что жизнь остановилась. Одиноко и пустынно становится в лесу.

Идёшь поутру краешком темнеющего леса, и ни о чём, кроме него, не думаешь. Листья чуть слышно шуршат под ногами, на душе дремотно, покойно, и не верится, что скоро налетят метели, лёд намертво скуёт светлеющую ленту реки, а снег укроет землю глубокими сугробами. Сердце твоё тронуто лишь мудрой осенней печалью.

И вдруг - хрустальный посвист, неожиданно тонкий и изящный, оживляет воцарившуюся вокруг тишину. Это - рябчик, воздушно-дымчатое облачко наших уральских лесов, скромный и обаятельный в своём незатейливом укромном существовании, пахнущий перезревшей рябинкой и прелым осиновым листом. Упруго надрывая октябрьскую тишину своим коротким вспархиваньем, рябчик слегка пугает забывшееся в ней сердце, и оно начинает биться горячо, привольно, а лес на время просыпается.

Заслышав рябчиковый свист, обычно встрепенёшься, приятная тень осенних раздумий вмиг слетит с тебя, и в нос ударит крепкий хвойный аромат, что и выведет окончательно из оцепенения. Оглянешься в ту сторону, откуда,

только что, доносился свист, и отчего-то насторожишься. Слишком необыкновенным покажется услышанный звук, такой проникновенный, именно по-осеннему звонкий и пристальный.

Словно какой-то неведомый лесной музыкант возьмёт и, неизвестно зачем, тронет твою душу волшебной дудочкой, а ты тотчас окажешься околдованным её звучанием. Ноты этой удивительной мелодии на секунду зацепятся в еловых ветвях, затем незаметно истают и, вскоре, вновь воскреснут в очередном жизнеутверждающем посвисте. И такой он тебе покажется родной, весёлый, что отчего-то улыбнёшься про себя и от души порадуешься петушку, что скрывается где-то в глубине чащи. Как изысканно, со вкусом преподносит он себя, и в тоже время - легко и просто.

Сразу захочешь увидеть этого восторженного исполнителя, попытаешься подойти к нему, но рябчик вспорхнёт, неслышно прочертит меж ветвей и опять усядется где-нибудь неподалёку. Ты угадаешь это по короткому взмаху его крыльев, на мгновение мелькнувших в тёмно-зелёной глубине, а через пару минут лес опять пронзит изумительно тонкий и безукоризненный по исполнению свист: то ли произведение искусства, то ли просто щедрый подарок неизведанной лесной души. Этаким вольный росчерк лесного художника, свободного от каких-либо обязательств, кроме желания оглашать потаённую тишину своей чистой и звонкой песенкой.

Имя своё рябчик приобрел вполне заслуженно, ибо он весь рябой, в чёрных, белых, жёлтых и светло-коричневых пестринах. Про человека говорят: «Ряб, будто черти у него на роже в свайку играли или горох молотили», но у рябчика пестрины располагаются по телу очень художественно, словно мастерски нанесённые кистью мазки. На расстоянии они действительно пестрят в глазах, и для птицы играют роль маскировки. Если рассмотреть их вблизи, пестрины очаруют своей изысканностью и простотой. Сразу подумаешь, что каждую рождённую птицу Создатель брал в свои руки и собственноручно расписывал, до того она выглядела обворожительно и естественно.

Под стать рябой листве на дереве, рябчик удивительно сочетается с ней осенью, так что бывает очень трудно его разглядеть, и пока не облетит лист, рябчик неплохо защищён. Но если долго смотреть в ту сторону, откуда разнёсся призывный свист, то вскоре рябчик обязательно шелохнётся, осторожно продвигаясь по ветке, скусит ягодку или листочек, и тем самым непременно себя объявит. Правда, подстреленный и упавший на разноцветный осенний мох, он долгое время не видим, и порой потратишь не одну минуту, прежде чем отыщешь эту пеструю птицу. Обычно рябчика выдаёт пепельно-дымчатая спинка, что, несмотря на общий пегий цвет птицы, сразу бросается в глаза.

Подбитого рябчика обнаруживаешь чаще всего лежащим на животике, при падении он, должно быть, ещё машет крыльями, пытаюсь спастись, и вот спинка-то выгодно и отличает его среди пожухлой листвы. Эта пепельная дымчатость оперения рябчика до такой степени чиста, что её невозможно не

заметить, и всегда сначала погладишь нежное и тёплое перо, присев рядом с птицей на корточки, а затем уже возьмёшь её в руки. Взгляду сразу откроется пестрый упитанный животик и чёрное горлышко, обведённое чуть заметным сереньким ободком.

Чёрное пятно на горле у рябчика отличает самца; самка разнится с ним чуть меньшими размерами и менее яркой расцветкой. Ничем не выразительная, она непроизвольно вызывает жалость, что всегда остаётся как бы в тени. Петушок же хорош во всём: его звонкий голосок разносится в лесу повсюду, круглое, упитанное тельце с надувшейся грудкой так и хочется потрогать, а на ярко-красную бровь с молодецким хохолком даже заглядишься. Всем взял этот пёстренький удалец в сравнении со своей серенькой подружкой, но нужно понимать, что только для неё красуется он нарядом и никогда её не оставляет после выведения птенцов. Рябчик достойно несёт в себе доставшиеся ему от природы преимущества, честно отрабатывая их во имя неё.

И ряб, говорят, рябчик, да люб, ибо Божий дар никогда не бывает плох. А рябчик со всем, что он в себе несёт, именно подарок лесного бога человеку для его же пользы. Мало того, что эти птицы всегда кормили человека, так они ещё украшали его жизнь своим потаённым лесным присутствием. Без рябчика в лесу не было бы так хорошо и привольно. Без его тонкого голоса сердце человека, наверное, заскучало бы осеннею порой.

К тому же, пёстренькая раскраска рябчика даёт оттенки всех цветов, если пристальней к нему присмотреться, и даже в пасмурный осенний день птица будто светится. Всматриваешься, пытаешься понять, в чем тут дело, но не в силах ничего постичь. Да и стоит ли досконально разбираться в том, что, наверное, следует принять как должное, что само по себе просто хорошо, и его надлежит только увидеть и обрадоваться. И хоть говорят: «Рыбки да рябки - потерять уповодки», то есть - охота на рябчика убивает время, но, по-моему, она лишь украшает его, обогащая общением с удивительным миром природы.

Своим обаятельным видом рябчик будто воплощает собой суть елово-лиственного леса, его душу, без которой лес бы замкнулся в себе, даже при обилии других птиц. Дымчато-пепельным облачком перелетает рябчик в нижнем пологе леса, и оживляет его. Он - его неизменный обитатель, привносящий, наравне с белками, медведями и глухарями, свою тайну.

Может быть, даже всеми любимая рябина однажды получила свое название благодаря именно рябчику, который не в силах без неё обойтись: больно уж она для него вкусна! Особенно под осень, когда рябчик проводит большую часть своего времени на ней. Черёмуха объедена уже в конце лета, ольховые и берёзовые серёжки ещё предстоит глотать всю долгую зиму, а вот рябинушка - страсть, как хороша! Неторопливо, со смаком склёвывает рябчик янтарные, налитые соком ягодки, и разве может что-то их заменить в эту благодатную пору?!

«Петухом» в народе обычно называют задорного драчуна, забияку, но рябчик на такое громкое имя и не претендует, ограничиваясь просто

«петушком». Преисполненный сил и радости от того, как он живёт, рябчик задорно держится в лесу всегда, что бы он ни делал. Если надлежит ретироваться, он тотчас, ничуть не смущаясь, ринется пулей в чащу и, присев где-нибудь на ветку, в достаточном удалении от грозящей опасности, трепетно и жизнеутверждающе издаст свой посвист: «Тюк-тюк, тюк-рю-рю-рю-рюк!» Мол, как бы там ни было, а у меня всё в порядке!

Если рябчику никто не мешает, он неспешно расхаживает по суку и, наблюдая за ним из-за укрытия, непременно отметишь его молодцеватость. Рябчику просто хорошо и уютно жить, он преисполнен сил и радости от своего лесного существования, и что бы он ни делал, у него всегда хорошее настроение.

Надоест петушку склёвывать ягодки на дереве, он восторженно опустится на пол, и таким же волнительным молодцом пройдёт по нему. Хохолок у него при этом всегда топорщится, глазок блестит - востёр рябчик, всё примечает и слышит, что происходит вокруг! И на любую перемену рядом с собой реагирует мгновенно: каждый шаг у него соизмерён с ритмами леса. Рябчик, как будто его сердечко - трепетное, нежное, но такое неустрашимое!

Хохолок из перьев на голове - это его отношение к жизни. Если хохолок топорщится, рябчик весь во внимании, особенно весной, когда нужно произвести впечатление на самочку. Поклон к ней с хохолком, а челобитье с ягодкой, которой он норовит угостить свою подружку! Нет ничего худого в этой обаятельной птице, и создана она лесным богом всем на радость и себе на утешение. Пригож хохолок, пригож и сам рябчик!

Рябчик по-своему храбр и удал, он всегда расторопен, и ему часто сопутствует удача. Если глухаря среди боровой дичи можно назвать царём-батюшкой, барином, а тетерева-косача, представляя его в ермолке да кафтане, разудалым купцом-боярином, то рябчишка - это добрый молодец, бравый мужичок с ноготок. Рябчик вырос в лесу именно для размеренной жизни, и ей должны сопутствовать везенье и удача. Долго рябчик не думает, а быстро действует, потому и за двоих сразу стоит - за себя и за рябушку. Только для неё он всегда готов свою красу показать.

Помимо залихватски торчащего хохолка, у рябчика имеется алая бровь, и он ей тоже очаровывает самочку по весне. К этой поре бровь у рябчика наливается жизненным соком, она до того яркая, притягательная, что самочке, конечно, не устоять. Бровь будто сгусток раздавленной клюквы: рябчик настороженно поведёт головкой, встряхнёт хохолком, а бровь так и засияет!

В отличие от глухаря и тетерева, что больше преисполнены важности и всегда насторожены, рябчик просто по-хорошему разудал. Даже в моменты опасности он всегда молодцеват, изнутри подтянут: словом, выглядит браво. Ему не занимать задора при всём том, что он не оставляет по весне самочку одну с птенцами, как это делают глухарь с тетеревом, а помогает их выхаживать. Учитывая, что выводок у рябцов немалый и достигает порой полтора десятка, забот у него хватает, но он не теряет настроя и, сколько можно его видеть, бодр и весел.

Рябчика никогда не наскучивает наблюдать, он удивительно обаятелен и всегда вызывает только улыбку и восхищение. Что, казалось бы, замечательного в этой просто окрашенной, пего-коричневой и небольшой птичке? Но, тем не менее, ищешь с ним встречи, радуешься, заведешь в лесу или услышав его характерный посвист, и не устаешь наслаждаться.

Чёрная манишка на зобу, красная бровь, бравый хохолок и грудь колесом: ну, разве не удалец! Но есть в облике рябчика и такая любопытная деталь, как чёрная отметина полосой на самом конце хвоста, её всегда можно хорошо отличить, особенно, когда птица взлетает, или присаживается на ветку. Это у него и для красоты, и как сигнал самочке о том, что он прибыл. Отметина хорошо подчеркивает распушенный веером хвост, по расцветке он такой же пегий, как головка, предплечья и спинка.

К зиме у рябчика появляются «ботфорты» на ногах - пушистые, знатные, так что рябчик в них выглядит более внушительным: не петушок, а петух! Благодаря этой густой бахrome из волос он, не проваливаясь, бродит по снегу, оставляя за собой крестики-следы. Когда же рябчик усаживается на ветку, то из-под бахромы виднеются только черные коготки. Такой молодец, что глядеть любо!

Побежка у рябчика, а иначе её назвать нельзя, тоже молодцеватая, хоть и двигается он часто вперевалячку. Рябчик именно перебегает по земле, так что не всегда и уследишь за ним. Головка его при этом держится высоко, гордо, рябчик чутко прислушивается к звукам и, уловив тревогу, тотчас замирает, а через мгновение с шумом срывается. Похаживает же он скорее по ветке, порой надолго затаиваясь и не производя ни звука.

Крылья у рябчика небольшие, короткие, но очень ладные. С помощью них рябчик обычно планирует над полянками, ложками и лесными дорогами. Рябчику требуется много усилий только для взлёта, и оттого звук от подъёма упругий, будто разрываемая плотная ткань. Рябчик неожиданно срывается с места, ловко лавируя среди ветвей, и вслед за ним несётся, но вскоре растворяется короткое эхо: «Пр-р-р-р-р!»

Эхо это очень обаятельно, его даже хочется повторить, и, исчезая меж ветвей, оно будто увлекает за собой. Кажется, что рябчик не улетел далеко, а присел где-то неподалёку, и если идти осторожно, вскоре можно опять его увидеть. Рябчик, вообще, держится осёдло, перелетает только на небольшие расстояния и, как правило, обитает в каком-нибудь одном месте, где и проводит большую часть жизни. Должно произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы рябчик покинул любимый колок.

С помощью своих замечательных крыльев рябчик неуловим в нижнем пологе густого леса. Даже кинувшийся на него ястреб быстро отстанет, а рябчик благополучно скроется в разлапистом ельнике. Он так молниеносно меняет в нём направление, что угнаться за ним невозможно.

Но вот дробовой заряд, даже просвистевший поблизости, зачастую шокирует птицу, и рябчик замертво валится. Или каким-то образом птицу задевает ударная волна, и она, теряя ориентацию, становится легкой добычей

охотника. Мне самому не раз приходилось стрелять рябчика как бы вскользь, навскидку, когда промедление было недопустимо, и довольно часто моим действиям сопутствовал успех.

Достаточно быстро выстрелить в сторону перелетающего просеку рябчика, и нередко он оказывался подбитым. Простота применяемого способа всегда поражала, но, тем не менее, срабатывала, порой даже пробуждая угрызения совести. Слишком легко доставалась и без того самая доступная птица среди всех боровых.

А крылья у рябчика действительно замечательные, хоть и летает он только на незначительные расстояния. Их всегда приятно держать в руках, когда рябчик уже разделан и приготовлен. Они немножко жестковатые, но легкие, с изящно изогнутыми маховыми перьями. Хозяйки обычно используют крылья рябчика для смазки противней, когда пекут пироги. Для этого подходят ещё и заячьи лапки, но рябчиковые крылышки гораздо надежнее и служат дольше.

Даже вспугнутые и поднявшиеся с земли рябчики никуда не улетают, а садятся тут же на деревья. Как будто у рябчиков не хватает сил лететь дальше или они такие глупые, что безотчётно доверяют человеку и ничего не боятся. На самом деле птицы до того привыкают к небольшим перелётам, что скорее усядутся с целью осмотреться, чем без оглядки исчезнут. Рябчиков устраивает неторопливый образ жизни, и они неспешно передвигаются лишь для того, чтобы поклевать ольховые сережки, попить родниковой водицы, и всё это - в каком-нибудь одном логу или лесочке.

Другие птицы хотя бы ненадолго оставляют лес. Рябчик - его извечный отшельник, ему не надо покидать лес даже в ненастную погоду, когда остальные пернатые остерегаются намокнуть от капель с многочисленных веток. Рябчика, как раз, пугают открытые пространства, и он их норовит поскорее преодолеть, прочертив своим дымчато-пепельным силуэтом на одном дыхании, без единого взмаха. И всё благодаря своей удивительной способности вспорхнуть, собраться и бесшумно перенестись на другой конец вырубki или делянки. Те, кто видел этот бредущий полёт, не забудут его никогда, а про себя отметят удивительную собранность птицы, и в тоже время - её легкость.

Живя в лесу, рябчик большую часть времени проводит на земле. Он быстро бегают, легко взбирается на поваленные деревья, пни, и свободно пробирается по самому дремучему валёжнику. Такой старый еловый лес, всегда напоминающий сказку, его исконная обитель, и он чувствует здесь себя полновластным хозяином.

Никуда не торопясь, и никому не мешая, держится так рябчик в нижнем пологе леса всю свою жизнь, а если поднимается на крыло, то летит на высоте в полдерева. Вспугнутый, он чаще усаживается на дерево и затаивается, взлетает же с большим шумом, который всегда приятно пугает. Полёт рябчика удивительно манёвренный: он ловко лавирует между ветвями, и оттого в густом хвойном лесу его бывает трудно увидеть. При этом рябчик никогда не

садится на верхушки деревьев, и даже во время кормёжки он обычно располагается в средних частях кроны.

Рябчика не просто разглядеть в частом переплетении ветвей, но уж если ты его обнаружил, наблюдение за ним доставляет немалое удовольствие. Вперевалочку, но очень проворно передвигается рябчик по ветвям, наклонив при этом переднюю часть туловища и вытянув хвост. Иногда он поднимает голову и чутко прислушивается, а потом опять осторожно ступает.

Рябчики никогда не бывают жирными, как, скажем, осенний вальдшнеп, но всегда именно упитанны и округлы. Мясо рябчиков немного пресновато, зато имеет изысканный вкус, отличающий его от другой дичи. Дело тут не в ягодах, до которых рябчики большие охотники, а в необыкновенном смолистом духе, пронизывающем их.

Знающий человек, войдя в красноелесье, непременно скажет: «Рябчиком пахнет!» Рябчики поднимаются с полу целыми выводками, веером разлетаются по близстоящим деревьям и, рассевшись, оглашают потаённую тишину своей песенкой. Это их дом, им здесь хорошо, и птицы будто радуются приволью и обилию вкусного корма.

Если захочется, можно поклевать ягоды черемухи, в достатке произрастающей по урёмам лесных рек и ручьев, а то - полакомиться мороженой рябиной. По весне рябчики набивают полный зоб подснежников: то ли лечатся, то ли просто отъедаются после надоевших за зиму берёзовых почек и ольховых серёжек. Летом они подклёвывают землянику, не брезгают и малиной, устраивая в её зарослях, посреди заросших гряд, пыльные порхалища. Особое же лакомство для птиц - муравьиные яйца, их насекомые выкладывают на пенёк после дождя просохнуть, и рябчики этим пользуются.

А ещё нужно добавить ко всему ветер, дождь, снег и солнце, что окружают рябчика с момента рождения, и, конечно, мох с вкрапленными в него бусинками клюквы, брусники и морошки, от чего рябчик набирает особый запах. Всё это, вместе с удивительным ароматом воды и воздуха, составляет его жизнь, без которой он - не рябчик. Природа кропотливо вкладывает в птицу только самое лучшее, а она незаметно вбирает её дары и добреет.

В пищу у рябчика берут преимущественно грудку. Мясо у него мягкое, белое и несколько суховатое. На семью в три - пять человек лучше приготовить полдюжины рябчиков.

Отделённое от костей, мясо нарубается в деревянном корыте сечкой, слегка подсаливается и перемешивается с молоком, отчего сразу набухает, заметно увеличиваясь в объёме. Лучше всего из него стряпать пельмени, они имеют вкус нежный и душистый. Но хороша и похлёбка, одобренная лавровым листом, луком и перцем. Приготовленная на костре в лесу, она будто впитывает все окружающие ароматы и становится ещё наваристей, слаще.

Рябчик очень любит прятаться, и потому мало заметен. Только когда ты долго, не двигаясь, находишься на одном месте, можно увидеть, как рябчик

перебегает по земле и кормится на дереве. Находясь на ветке, он обычно вытягивается вдоль неё, очень напоминая толстый сучок или нарост, и его не так-то легко разглядеть. Зная эту способность птицы, часто подкрадываешься к какой-либо округлости, привлекающей твоё внимание, и только в непосредственной близости понимаешь, что ошибся.

Хитёр рябчик, мастер маскироваться, но есть у него одна слабость. Это - его неискоренимое стремление отзываться на пищик охотника. Как бы рябчик не был озабочен, и даже находясь уже в паре, он всегда с удовольствием откликнется на зов, и, возможно, прилетит, если манить его искусно и верно. Петушок по своей натуре доверчив, страстен, что часто его подводит, но отчего-то не идёт ему впрок. Напуганный зарядом дроби, просвистевшей рядом, он вскоре забудет обо всём, и будет с таким же желанием отзываться и подлетать. Этим пользуются охотники, но нелегко научиться подражать голосу птицы.

Бывает, свистишь в манок выразительно и тонко, как и сам петушок, но рябчик отзывается, а не летит. Вроде бы, и укрыт ты надёжно ветвями ели, под которой стоишь, и манок твой в полном порядке, и всё же рябчик не трогается с места. Чего-то ему не хватает в твоём страстном призыве, и ты, начиная волноваться, опять, уже с непередаваемым томлением, издашь короткий тоненький посвист, но... тишина! Рябчик не желает реагировать на все твои ухищрения.

Когда рябчик отзывается, но не летит, знай, что рядом с ним находится его подружка. Рябчик не прочь, из чисто товарищеского побуждения, пообщаться какое-то время с «приятелем», но не более того. Оставляя свою супружницу без внимания он не намерен и, отозвавшись пару раз, вскоре обязательно замолкнет. В этом случае, чтобы добыть петушка, следует разогнать пару и опять попытаться подманить его, правда, уже голосом самочки. Тогда, возможно, успех будет на твоей стороне.

Ещё смолоду запомнил я золотое правило: никогда не пользуйся пищиком часто, без особой на то необходимости. Следует сначала подать голос, выждать некоторое время после отзыва рябчика, и ещё раз поманить, но без спешки, как бы сохраняя достоинство. Рябчик очень чуткая птица, и по одному неверному позыву охотника - способен раскусить его, после чего надолго замолкает.

Когда рябчик откликается, а подлетать не спешит, надо дать ему пикнуть лишний раз без отзыва, чтобы раззадорить его, но самому вести себя сдержанно, никоим образом не выказывая слабость. Если и в этом случае рябчик никак себя не выявит, необходимо осторожно переменить место и, подав голос самца, тут же посвистеть самочкой, вызывая у упрямого рябчика ревность. Такая хитрость часто удаётся, и разгневанный рябок, забывая всякую осмотрительность, бросается к обидчику.

Манить рябчика реже выгодно всегда, так как он не терпит суеты и тотчас улетит, если заслышит в твоём позыве пристрастие. От охотника требуется не торопиться, отвечать рябчику сдержанно, но, в тоже время, восторженно, и

петушок, если ты всё делал правильно, непременно найдёт тебя. Бегом или лётом он вскоре неожиданно обнаружит себя, и к этому надо быть готовым. Весь секрет в том, чтобы сохранять терпение, обладать достаточно музыкальным слухом и знанием жизни рябчика, умело пользуясь его слабостями.

Перехитрив и добыв рябчика, неспешно отправляйся дальше, ступай тихо, и чутко прислушивайся к песне других самцов, а пройдя метров сто, остановись и вновь воспользуйся пищиком. Не передать, как приятно идти по умиротворённому осеннему лесу и осторожно нарушать его покой проникновенным рябчиковым звучанием. Как только рябчик отзовется, радости твоей нет предела!

Необыкновенно нежен и мягок посвист рябчика в эту тихую, задумчивую пору. словно кто-то протяжно наигрывает на самых радостных струнках души, не давая им забыться перед долгой зимой. Вслушиваясь, конечно, понимаешь, что даже с помощью отменного манка тебе никогда не добиться этой чистоты и мягкости звука, но, тем не менее, пропеваешь песенку, и оттого ещё больше радуешься и становишься чище.

Вообще, песенку рябчика чаще всего можно услышать утром, после рассвета, и ближе к вечеру, перед наступлением сумерек, но иногда она звучит и днём, если тому способствует погода. Песенка тоже удивительно сочетается с молодцеватым обликом этой птицы. Звонкая, задорная, она радостно пронизывает, кажется, весь лес, и будто наполняет его каким-то невидимым хрустальным светом.

Выводя своим голосом эту радостную и чистую трель, рябчик, несомненно, отображает в ней мир, в котором живёт, потаённую мягкость тишины густых ельников и логов, откуда, в тоже время, он стремится вырваться к солнцу и свету. На дне этих логов текут незамутнённые ручьи, что переливчато струятся наподобие свирельного свиста, а рябчик слушает его, запоминает и непроизвольно передаёт в своей песенке. Он, наверное, тот тонкий голосок, через который тёмный дремучий лес общается с Богом, не позволяя истекать из себя чему-то большему. Только через вдохновенную тонкость рябчиковой свирельки возносятся к небу его душа и мысли.

Свист свирели, тоненькая дудочка, трепетная восторженность, чище которой невозможно себе ничего представить... Как ещё охарактеризовать песню рябца? И вот что ещё очень важно: рябчик никогда не фальшивит. Не поёт, говорят в народе про разочаровавшегося в чём-то певца, так свищет, не пляшет, так прищёлкивает; но это никак не относится к рябчику. У него и голос не пропадает, и душа всегда поёт, а поётся хорошо там, где и воля, и доля, чего у рябчика в лесу в достатке.

Заслышав в лесу рябца, всегда хочется остановиться и, замерев, послушать эту удивительную музыку. Прислонившись плечом к стволу берёзы, стоишь, не шелохнувшись, и чутко вслушиваешься в простые, и в тоже время - волшебные звуки, что сливаются в непередаваемую мелодию. Мягкий и певучий голосок рябчика достаточно протяжен, чтобы легко

отличить его от других птиц.

Песня рябчика удивительно гармонирует со всем, что его окружает. Он как запевала, без которого в лесу не поётся ни одна песня. Оставаясь по большей части невидимым, рябчик так же невидимо копит в себе своё мелодичное звучание. Невозможно не поражаться: как это удаётся такой небольшой, почти невидимой для многих птице?!

Бывало, слушаешь рябчика и думаешь: может быть, и нам доведётся свою песенку спеть, такую же светлую и радостную, как у рябчика, и она никогда не сможет никому надоесть? Ведь если с умом и душой живёшь, такую и песню поёшь, и, главное, петь её, а не допевать.

Обычно принято думать, что свист - это пронзительный звук, прогоняемый сквозь губы, клюв, зубы или через какую-нибудь дудку, и это, в общем-то, верно, но что касается рябчика, то его свист следует воспринимать как звук, пропускаемый через его маленькую лесную душу, которая всегда чиста. Правда, не всякая птица в лесу свистит, иная чиркает, а вот сова только пыхтит, да щёлкает. Рябчик же именно свистит, свистит всем своим лесным существом, как волшебная птица из сказки с серебряным голосом, и получается это у него неподражаемо.

Некоторые добычливые стрелки умеют звать рябчиков собственным свистом, но его, ни в коей мере, нельзя сравнить с рябчиковым. Встречаются и такие мастера, что виртуозно подражают рябчику пищиком или, как его чаще называют, манком, но и они не в силах соперничать с птицей, что выражает душу самой природы. Лучшие из них лишь приближаются к наиболее верному звучанию рябчиковой песни, и в этом им помогают правильно изготовленный пищик и абсолютный музыкальный слух.

Про пищик, а точнее про то, как и из чего его изготовить, в охотничьей литературе написано достаточно полно, и я не буду на этом останавливаться. Замечу лишь, что сам всю жизнь пользуюсь манком из эбонита, что имеет очень тонкое и мелодичное звучание в любое время года. Правда, в зимние морозы или холодную осеннюю пору манок забивается смерзшимися капельками влаги и звучит глуховато, но на то среди охотников существует масса советов, а наиболее приемлемый и безотказный предложен небезызвестным Л. П. Сабанеевым, который «на случай могущей быть порчи» советовал брать с собой в лес несколько пищиков.

Но для того чтобы безошибочно подманивать рябков, следует сначала научиться различать их песню, и в этом может помочь только частое общение с лесом. Идёшь, бывало, по лесу, поглядываешь вокруг, и вдруг тишину его пронзает нечто, даже для леса удивительное и ни на что не похожее. То - рябчик, потаённая лесная душа, потому как никакая другая птица петь так не может. Это даже не песня, не восторженный крик, а провозвестие чистоты, которая никогда и ничем не будет замутнена.

Хрустальный перезвон ручейка не задевает так сердце, как пересвист рябчика, особенно весной, поутру. Ни флейта, ни свирель, ни дудочка-жалейка тоже не идут с ним ни в какое сравнение, ибо рябчик не ублажает, а возносит.

И не хочешь, но полетишь, вслушиваясь в рябчиковую песню, потому как никакие звуки в лесу не вызывают столько света и радости. Пронизывая всё вокруг, песня рябчика проникает и в тебя, заполняя каждый твой шаг, она - обязательное продолжение его укромной жизни, что, слава Богу, длится и не прекращается.

Исходя из своего собственного опыта и опыта охотников, с которыми мне приходилось бывать в лесу, я склонен предположить, что музыкальный слух, а, следовательно, и умение манить - либо есть, либо нет. Его невозможно освоить, если ты не в ладу с тем жизненным ритмом, в котором живут растения, птицы и звери. Даже принаровившись к песенке рябчика, и очень удачно передавая её, рябчик, в лучшем случае, будет откликаться на призывы, но не подлетит: твоему голосу должна сопутствовать особая мелодичность, что даётся от Бога.

Голос в голос, то есть - точь-в-точь, именно такого сочетания звуков должен добиться охотник, чтобы рябок откликнулся, поверил ему и прилетел. Запоёшь чуть не тем голосом, не тем тоном, рябчик тотчас тебя раскусит, вообще, умолкнув. Пойдёшь выглядывать птицу в узёрку, обязательно её подшумишь, после чего рябчик с грохотом сорвётся и исчезнет, оставив в твоём воображении лишь еле уловимый образ дымчатого облачка, в мгновение растворившегося среди шероховатых еловых стволов.

Особенно живо рябчик начинает лететь на призыв пищика к исходу сентября, когда ещё не образуются пары: именно в это время охота на него наиболее удачлива и интересна. Порой достаточно одного позыва, чтобы откликнулось сразу несколько самцов, которые подлетают очень охотно. Тут важно не зевать и стрелять по рябчику, не раздумывая, пока он достаточно хорошо виден и ещё не успел ничего разобрать. Короткий выстрел, как правило, не пугает остальных птиц, и через минуту они, как ни в чем не бывало, продолжают насвистывать свою разудалую песенку.

Случается, что рябчик подлетает к тебе чуть ли не вплотную, но подсаживается неудачно, оказавшись за стволом или скрываемый густой веткой, и тогда лучше немножко переждать, давая ему возможность как-то обозначить себя. Но терять времени тоже не стоит, и если ситуация позволяет без шума передвигаться, стараясь быстрее разглядеть птицу, следует тотчас это сделать. Ведь рябчик всегда сопровождает подлёт коротким стрёкотом, как бы давая понять, что он готов принять игру, а когда он не получает ответа, и птица, к которой он устремился, никак себя не проявляет, рябчик благоразумно исчезает, заподозрив подвох. Требуется большая артистичность, знание леса и удача, чтобы выиграть это единоборство.

Обычно среди охотников возникают расхождения во мнении относительно манеры подманивания рябчиков их же собственным призывом. Если быть достаточно внимательным, то вполне логичным представляется такое заключение: рябок, пока по непонятной причине, поёт в разное время по-разному. То есть - песня его неодинакова по продолжительности, чистоте выводимых им коленцев и сложности производимой мелодии. Конечно,

неопытному охотнику легко спутать обычную песенку рябчика-самца с несколько глуховатым и непродолжительным пересвистом самочки, но и у самцов существуют значительные расхождения в выражении ими чувств, так как все оттенки голоса рябчика имеют, по-видимому, своё значение.

Может быть, все эти различия в большей мере зависят от погоды, времени суток и даже настроения самого рябчика, от того - сидит ли он на месте или перелетает, чем-то обеспокоенный, кормится или защищает птенцов, но следует четко представлять себе отличие песни курочки от петушка, а также молодого рябчика - от опытного петушка. Здесь, вообще, много тонкостей, что требуют самого пристального исследования, и их существование объясняется скорее незнанием природы птицы, нежели приписываемым ей сложностям.

К примеру, многие охотники очень категорично полагают, что чем увереннее выводится призывная песня рябчика, тем лучше на это реагируют другие птицы. Однако нередко после воспроизведения охотником не совсем ловкого и чистого свиста рябчик, всё же, отзывается, даже порой подлетает, а при классической, как говорится, трели - очень высокой, тонкой и радостной, никоим образом не откликается. Вероятно, здесь тоже имеет место возраст рябчика, когда повидавший виды самец никак не выявляет себя, и даже отозвавшись на призыв раз-другой - умолкает, а молодой, лишь заслышав песенку собрата и толком ничего не разобрав, опрометчиво кидается на зов и, естественно, подставляет себя под выстрел.

Удачнее всего рябчик идёт на манок в ясные тихие утра, преисполненные нежнейшей бирюзы и звонкой лазури, но и в пасмурные дни, когда сеется мелкий, ненадоедливый дождик, рябчик охотно отзывается и скоро подлетает. Ноги твои неслышно утопают во влажном мху, и вязкий воздух поглощает в себе все шумы, способные напугать рябчика, так что он чувствует себя даже более раскрепощённым, чем при солнце. В ненастную погоду удобнее скрыть своё лесное присутствие, свист разносится ещё более чарующе, словно вязнет в воздухе, и необыкновенно волнует.

Но самый дружный ход рябчиков происходит, всё же, весной, когда почти истает снег. В это время рябчики поднимаются и идут на пищик особенно яро: в большинстве случаев это самцы. Наилучший лёт происходит только после того, как самки сядут на яйца, и продолжается неделю-другую. Тогда необходимо манить уже не голосом самца, как это делалось до того времени, а голосом самки. Весной, посещая глухариные тока, трудно удержаться и не поманить рябчика, полюбовавшись на его бравый вид, конечно, и не помышляя об охоте.

Наряду с призывным свистом, выражающим у рябчика нежные чувства к своей подруге, он изъясняет свою любовь и резкими трелями, что разнообразны в зависимости от его настроения. Порой оно бывает таким приподнятым, что рябчик, кажется, вот-вот захлебнётся, когда пытается передать свои ощущения при помощи витиеватых звуков. Если самец сильно возбуждён и уже обрёл предмет своего обожания, он разливается без устали с утра до вечера, и совершенно невозможно передать его замысловатую

мелодию.

Много споров ведётся и по поводу того, что более пугает рябчика: какой бы то ни было шум, издаваемый человеком, вплоть до ружейного выстрела, или любое движение в непосредственной близости от птицы? Кстати, присутствие зверя никак не отражается на её поведении, она привыкла к звукам, которые несёт в себе лес и они ей хорошо знакомы. Однажды мне пришлось наблюдать, как лось, пересекая поляну, проследовал рядом с двумя глухарками, кормящимися на земле, прямо у его ног, но они не обратили на него внимания.

Ружейный выстрел, в большинстве случаев, тоже не влияет на поведение птиц, находящихся неподалёку. Бывает, подстрелишь одного, двух и более рябков, но остальные птицы, сидящие рядом, никак не прореагируют на это. Может быть, причиной тому служит непродолжительность и скоротечность выстрела, когда рябчик даже не успевает его воспринять?

По-видимому, такова слуховая особенность рябчика, когда резкие и короткие звуковые эффекты оставляются им без внимания или оказываются совсем не слышанными. Но длительные шумы, непрекращающийся хруст веток под ногами, свист от стегающих по одежде сучьев и различные продолжительные шорохи вызывают у него тревогу и заставляют скрываться. Что рябчика действительно настораживает, а к чему он относится равнодушно, лучше всего, наверное, каждому охотнику решить для себя лично, тем более, что всякое передвижение по лесу в той или иной степени всегда сопровождается шумом.

Разбившись к концу осени на пары, рябчики теперь будут неразлучно ждать весну. Где-нибудь в феврале отправишься в лес, и на краю укромного ложка повстречаешь аккуратные крестики-следы, протянувшиеся вглубь хвойной чащи параллельно друг другу. Это петушок с курочкой уже затевают свои ранние свадьбы: держатся только вместе, радуются предстоящей счастливой поре, и в предвкушении её звонко посвистывают. Впрочем, поют только самцы, самочки же держатся скромно, и если подадут голос, то его не сразу расслышишь, поскольку предназначается он только для петушка. Супруги определились, а обвенчает их в хвойном соборе чудесница весна!

Песенка у самочки довольно невыразительная, слабенькая и даже несколько глуховатая. Когда она убегает или улетает, то издаёт особое посвистывание, оно начинается очень тонко и тихо, но постепенно делается всё громче и громче, а кончается чрезвычайно быстро следующими друг за другом переливчатыми звуками «трю-и, трю-и, трю-и, ти-и, ти-и, кроук, кроук, кроу-к-к», что постепенно гложут. Но обычная песня самочки короткая и призвана, по-видимому, лишь обозначить для самца её местонахождение: «пи-ить, пи-ить, пи-и-и-и-ть, куок». Мол, я здесь, рядом, и никуда не собираюсь исчезать.

Кстати, молодые рябчики, когда они ещё живут выводком, кричат очень просто: «пи-ить, пи-ить, пи-ить», причём, самцы по голосу не отличаются от самок. В этом случае их легко перепутать в конце лета с курочками, и следует

быть особенно осторожным, если тебе небезразлична судьба леса.

Молодых рябков лучше всего манить «на черк», то есть голосом того же неоперившегося рябца, выводя пищиком неполную песенку, с лёгкими промежутками и как бы с хрипотцой. Неопытные, с ещё необузданным петушиным пылом, они стремглав бросаются на воображаемого соперника, и для настоящего охотника служат только забавой.

Весь первый год рябчики держатся выводками по опушкам лесов, в прогалинах, сечах и на ягодниках. Отысканный выводок с шумом поднимается с земли и тут же усаживается по деревьям, большей частью на нижние сучья. Если быть терпеливым и внимательным, то, не сходя с места, можно разглядеть всех рябчиков. Непуганые, они сидят смирно и, вытянув узенькие головки, трепетно стрекочут.

А вообще рябчика чаще всего приходится бить именно сидячего, и хотя это неприемлемо для многих охотников, но такова особенность охоты на него. Влёт его стрелять сложно, для этого следует обладать отменной реакцией, чуткостью, зрением, потому как рябок обычно срывается с ветки молниеносно и, планируя стрелой, так же стремительно скрывается в глубине чащи. Впрочем, будучи слабым на выстрел, он нередко оказывается добычей охотника, что решился на выстрел, в надежде на везение.

Стрелять рябчика можно «на почке», то есть во время утренней и вечерней кормёжек. А ещё - «с подхода», высматривая дичь, спугнутую с земли и поднявшуюся на деревья. Охота «в узёрку» требует много выносливости и терпения, ибо действовать приходится скрытно, в постоянном напряжении, а рябчик, обладая удивительным слухом, в момент замечает малейшую оплошность.

Для кормёжки рябчикам хороши свежие осенние утра с лёгким морозцем и серебрившимся инеем, а также необыкновенно приятные тихие вечера, когда птицы вылетают на окраины убранных полей поклевать оставшееся зерно. Наевшись, рябчики в удовлетворении прорезают насторожившуюся тишину задиристым свистом, и он разносится далеко, но на манок летят уже не так охотно. Им просто лень растрачивать себя понапрасну, и они лишь изредка оповещают лес о своём присутствии хрустальными голосами.

В эти солнечные осенние дни рябчики находят свой скромный уют следующим образом: утром, после кормёжки, когда солнце уже поднялось над лесом, они взлетают на крупные деревья со светлой корой – берёзу или осину, и садятся на сучки у самого ствола, обязательно на освещённой стороне. Светлая кора отражает солнечные лучи, и рябчик, притаившись около неё, улавливает тепло. Такие солнечные ванны вызывают у рябчика дремоту, и он может подпустить охотника достаточно близко.

А вот летом рябчики принимают пылевые ванны, тщательно ухаживая за своим оперением в специально устраиваемых для этого местах - «порхалищах». Птицы выкапывают в сухом грунте небольшие, меньше одного метра в диаметре, ямки и, двигаясь в них, забивают пыль между перьев, затем вытряхивая вместе с ней пухоедов. Весной же рябчики забираются на

муравейники, где муравьи, защищаясь, обрызгивают перья птиц муравьиной кислотой, убивающей паразитов. Рябчики - удивительно опрятные птицы, и смотреть на них всегда приятно.

До конца сентября рябчики держатся обычно на рябине и черёмухе, близ потаённых рек и ручьев, а с наступлением октября, когда многочисленные и вездесущие дрозды склевывают последние ягоды, перемещаются ближе к ольхе, чьи серёжки - чуть ли не единственная пища рябчиков до самой весны. В октябре, если лист совершенно опал, рябчик становится чрезвычайно осторожным, и к началу ноября выманить его на пищик почти невозможно. Вечерняя охота бывает не так добычлива, как на утренней заре: рябчик, как и всякая другая дичь, к утру гораздо острее чувствует голод.

Днём рябчик, если можно так сказать, отдыхает, а вернее, ведёт себя более замкнуто и тихо, нежели поутру. Он больше молчит и бегает по земле, собирая разные семена и ягоды, а потревоженный, усаживается на ближайшую ветку или исчезает в чаще. Рябчика в дневную пору как будто охватывает сонливость, и он выглядит несколько вялым, скрываясь в крепях. Там он лучше защищён от хищной птицы, на полу - мох с ягодой, по заросшим дикой смородиной ложкам текут чистые ручьи: именно в таких местах рябчики хоронятся и жируют.

Трудно себе вообразить, что на рябчиковой охоте, такой спокойной, лишённой каких-либо неожиданностей, порой случается и непредвиденное. Ведь само существование рябчика в лесу представляется неприхотливым и хорошо знакомым: пробуждение, звонкая песенка, возвещающая о начале нового дня, а затем - размеренная кормёжка у реки, в густом черёмушнике или ольховнике. Днём птицы примолкают, как бы затаиваясь, но под вечер вновь оживляются, и опять звонко пересвистываются, кормятся, и с сумерками умолкают. На первый взгляд, эта оседлая жизнь ничего необычного в себе не содержит, но, тем не менее, рябчик не так прост, как принято о нём думать. Как ни странно, по большей части именно с ним, а не с какими-либо другими лесными птицами связано множество самых невероятных случаев и историй.

Среди знатоков существует мнение, что птицы разной породы никогда не слетаются в одно место, и уж, конечно, не летают в одной стае. В народе по этому поводу есть такая поговорка: «Знай сорока сороку, а ворона ворону». И действительно: какая корысть соединяться птицам, друг на друга совсем не похожим, да ещё порой и враждующим между собой?!

Но вот однажды, возвращаясь с охоты, я вдруг поднял неподалеку от реки, в маленькой ложбинке, вальдшнепа и... рябчика, что сидели на земле рядом. За долгие годы моего общения с лесом это случилось впервые, причём, именно с рябчиком. Птиц разделяла какая-нибудь пара метров, и они явно видели друг друга, хотя не тревожились, и ничего не предпринимали. Им, кажется, было даже хорошо вдвоём. Но что могло их соединять?

То, что я увидел, так и осталось для меня загадкой, и какие бы предположения я ни строил, ответа не находилось. То ли птицы случайно оказались вместе и просто не выказывали друг к другу недовольства, то ли их

всё-таки что-то заинтересовало, но дальше того, что они уже позволили себе, птицы не шли. Не могли они, по-видимому, и совокупляться, поскольку стояла глубокая осень и всякая любовная страсть среди птиц давно отсутствовала. В природе, впрочем, известны случаи соединения глухаря с тетеревом и тетерева с рябчиком, именуемые «межняком», но допустимо ли подобное в отношении рябчика с вальдшнепом?!

Рябчик сидит, вглядывается в окружающую его осеннюю жизнь и чего-то ждёт, не улетает. Рядом находится вальдшнеп, по осени предпочитающий одиночество. Причём, такое замкнутое и отрешённое, что подпускает к себе вплотную и человека, и зверя, как будто надеясь, что его не заметят, ждёт до самого конца. А тут рядом птица, и именно рябчик, на соседство которого вальдшнеп никак не реагирует!

Не раз мне приходилось слышать почти неправдоподобные рассказы о том, как рябчик садился на голову подманивающего его на манок охотника. По объяснениям охотника можно было лишь понять, что он сначала очень напугался, но потом обрадовался, якобы, даже пытаясь ухватить рябчика рукой. Иной же охотник уверял, будто у него была какая-то необычная по форме и расцветке шляпа, она будто бы понравилась петушку, и он выбрал её в качестве присадки. Порой находились и вовсе безудержные болтуны, что усматривали в посадке рябчика на голову охотника озорство, кураж, что петушок позволяет себе в пору весеннего оживления.

Совсем не казалось необычным, когда на охотника, подманивающего рябчика пищиком, неожиданно напал ястреб, до такой степени воспроизведённый свист был верным. Со мной подобное случалось раз-другой, и в этом нет ничего удивительного, поскольку ястреб обладает отменным слухом, и камнем падает именно в ту точку, откуда доносится призывная песня рябчика. Однажды я чуть было не поплатился глазом, и спас меня лишь длинный козырек ковбойки, которую хищник сбил с головы, напутав при этом меня до смерти. С тех пор, прежде чем подманить рябчика, я тщательно выбираю место, откуда бы открывался хороший просмотр, а сам бы я был никому невидим.

В охотничьей литературе много хвалебных слов уделено в адрес особо сообразительных зайцев, называемых в народе «профессорами», но вот года три назад, осенью, я удостоверился в наличии удивительной сметливости и у рябчика.

Сентябрьский день выдался на редкость ясным и безоблачным, рябчик с самого утра очень охотно откликался и шёл на манок. Был уже полдень, когда в прорехе ветвей, метрах в двадцати, я разглядел сидящего на ёлочке рябка, который тотчас отозвался на голос самочки и, ударив в свою лесную дудочку раз-другой, нырнул вниз. Это могло лишь означать, что рябчик прибежит ко мне по полу, и нужно приготовиться и ждать его с минуты на минуту.

Обычно рябчик бежит к зовущей его рябушке молча, но с точным расчётом: у рябчика удивительный слух. Если ты просвистел ему голоском самочки, с нежным, чуть глуховатым придыханием, а затем неслышно

перебежал, да ещё похлопал себя по бокам шапкой, изображая перелетевшую рябчиху, рябок непременно отзовется и устремится тебе навстречу. Причём, присядет в точности над тем местом, откуда прозвучала её песня, и будет в нетерпении выглядывать свою подружку, чуть слышно стрекоча и время от времени раздувая горлышко. Но даже когда он бежит к самочке полком, то, ни за что, не ошибётся, и окажется точно перед ней.

Изготовившись к стрельбе, я стоял, не шелохнувшись, ибо рябчик необыкновенно зорек и, почувствовав малейшее движение, мгновенно улетает. Но всё было тихо, а петушок почему-то не появлялся. Выждав с минуту, я ещё раз нежно поманил курочкой, и опять тишина. Рябчик или увидел меня, или что-то заподозрил.

Слегка переступив и немного поменяв позу, я тотчас пожалел об этом, услышав за спиной шорох. А обернувшись, вдруг увидел крупного, нахохлившегося рябчика, что замер в трёх метрах позади, чуть наклонив головку и скосив на меня востренький глазок. Он вот-вот готов был сорваться, но почему-то медлил, и я попытался осторожно повернуться к нему. Тут уж рябчик не стерпел, стремглав бросился в заросли папоротника и исчез. Я же разочарованно присел на корточки и, улыбнувшись, наконец, облегчённо вздохнул: петушок обставил меня по всем статьям, да к тому же, кажется, посмеялся надо мной.

Выходило так, что рябчик сразу заподозрил неладное и, не желая рисковать, решил меня обойти. Либо он был достаточно старым и опытным, либо я, подманивая его, где-то сфальшивил. Рябчик не рискнул идти напрямик, пусть даже соблюдая осторожность, а заложил в обход такой круг, что я его даже не услышал. Причём, он точно знал, где я стою, и обошёл с запасом, чтобы посмотреть - кто это свистит?

Но больше всего поразило то, как рябчик смотрел на меня, подобравшись с самого тыла. Он, судя по всему, совершенно точно представлял, с кем имеет дело, и лишь удовлетворил свой интерес. В каком-нибудь километре от деревни рябчик чувствовал себя полным хозяином, и перехитрить его, похоже, было невозможно.

Вообще, рядом с деревней подманить рябчика на пищик может только настоящий мастер, поскольку птица здесь пуганая, и ведёт себя очень осторожно. А вот в отдалении, где рябчика много и он не так внимателен, манить его способен даже неопытный охотник, без особого слуха. Рябчик тогда доверчиво реагирует на манок, и скоро подлетает.

В азарте охоты очень легко и обознаться, приняв за рябчика человека. Со мной случалось такое, и я, помнится, получал огромное удовлетворение от того, что меня принимали за озабоченного страстью петушка. Когда я наблюдал из укрытия за тем, как ко мне крадётся какой-нибудь обвешанный охотничьей амуницией мужичок, то больше всего поражало его лицо, а не собственное мастерство подражания. Лицо человека совершенно очевидно отражало менее притягивающие тайны, чем замечательная тайна птицы.

Но может ли что-либо в природе тронуть человеческое сердце более, чем

калека, когда птица или зверь, несмотря на несчастный случай, всё же отстаивает своё право на жизнь?! Таких обычно подбирают хищники, незамедлительно пользуясь их слабостью и подтверждая, тем самым, незыблемый закон природы о поддержании её чистоты и здоровья. Правда, некоторым обитателям леса удастся избежать этой участи, и нередко человеку попадается хромой кабан, трехпалый колонок или канюк с переломленным и неправильно сросшимся крылом.

А вот в дореволюционном журнале «Природа и охота» за 1881 год приводится рассказ неизвестного Н. Н. Е. о трёхногом переярке, более двух пудов весом, с целыми зубами: его еле-еле загнали собаки и охотник на лошади. Мне однажды попались глухарь с огромным жилистым яйцом под крылом, образовавшимся, по-видимому, в результате вонзившегося в него сучка, и одноногий рябчик, которого подстрелил мой приятель.

Мы шли по склону лога, поглядывали по сторонам и одновременно заметили рябчика, что как-то странно и коротко перелетал, не исчезая из поля зрения. Что-то будто и держало его на одном месте, и не позволяло в полной мере насладиться свободой. Подстреленный, он неловко, комом свалился под ёлку.

Спустившись вниз, я, к своему удивлению, не увидел там птицы, а обнаружил на снегу след, что направлялся прямо к ручью. Рябчик плавал в нём рывками, и сквозь прозрачную воду я вдруг разглядел у него только одну лапку. Затем опять рассмотрел след - он оказался одноногий: рябчик допрыгал до ручья на одной лапе, плюхнулся туда обессиленный, и теперь плавал совершенно незащитным серым комочком в холодной ноябрьской воде, и мне его было очень жалко. Не знаю, если бы он не был калекой, переживал бы я так из-за него?

В охоте на рябчика случается и такое, что невозможно даже предположить. Манишь, скажем, петушка, а поодаль отзывается ещё один, но, как бы нехотя, без всякой надежды на то, что он подлетит. Ты терпеливо перекликаешься с тем, что находится поблизости, и думаешь: вот сейчас он, наконец-то, припорхнёт на соседнее дерево, не вытерпит. И тут вдруг, совсем с другой стороны, к тебе прилетает рябок, что всё это время молчал, затем - второй, и, стрекоча, прибегает по земле третий... И всё это - за какие-нибудь полминуты! А тот, что отзывался с самого начала, продолжает, как ни в чём не бывало, насвистывать.

Растеряешься, конечно, от неожиданности, застынешь как вкопанный, но рябчики - птицы осторожные, они, почуяв неладное, долго ждать не будут, и тотчас срываются в чашу... Ну, разве возможно было предугадать подобное?! В следующий раз ты, кажется, готов ко всему: расположился так, чтобы тебя не было видно, да и пищик в полном порядке, но опять случается нечто непредсказуемое, и всё идёт насмарку. Рябчики, на первый взгляд такие простые и неприхотливые птицы, на деле оказываются как будто заколдованными, и каждый раз преподносят какой-либо сюрприз.

Случается, на одно дерево, чаще всего это бывает берёза, присаживается

целый выводок рябчиков, более десятка, и если ты такое увидишь, можно считать, что тебе тоже крупно повезло. Ну, а если ты подсмотрел, как рябчики один за другим валятся с дерева в снег на ночёвку, это уж совсем редкость, потому что жизнь рябчиков зимой наиболее скрытна, и подглядеть в ней что-либо интересное очень непросто. Обычно всё увиденное ограничивается вырвавшейся из-под снега птицей или пустыми лунками, что в обилии попадаются за день. Они издали вопросительно зияют в пуховой снежной перине, и ты не сразу определишь: находятся ли рябчики в своем снежном доме или уже покинули его?

Стоит середина января, зима набрала самую силу, и птицы спасаются теперь только под снегом. Не успели ещё отступить сердитые рождественские морозы, а уже подросли не менее трескучие крещенские. Всё замерло в лесу.

Совсем не слышен гулкий перестук большого пёстрого дятла и куда-то подевались вездесущие гаички, обычно целыми днями пружинисто раскачивающиеся на иссохших травинках, одиноко торчащих из-под снега. Пропали даже надутые снегири, шумно перепархивающие в звонких ветвях берёз. И только рябчикам, кажется, всё нипочем.

С раннего утра, когда скупое зимнее солнце освещает лишь верхушки чёрных елей, рябчики уже проснулись и готовы превозносить родившийся день. Их нерастроченной энергии требуется только толчок, чтобы огласить лог призывным, весёлым пением, и ты, будто чувствуя воцарившееся в воздухе напряжение, тоненько высвистываешь манком излюбленное колено рябчика-самца. Тут же в глубине леса отзывается один, затем второй, третий, и через пару минут в весёлую переключку вступает, по крайней мере, полдюжины птиц, отчего утренний лес сразу преобразается, оживает, и на душе становится радостно.

Немного послушав птиц, ты отправляешься дальше, так как за день предстоит преодолеть немалое расстояние, а про себя отмечаешь: надо ещё вернуться вечером к логу, чтобы понаблюдать, как птицы будут укладываться на ночлег. По всему видно, что рябчики в эти ясные морозные дни, после только что утихнувшей метели, предпочитают держаться поближе к опушкам, логам или пересечениям укромных просек, где намело достаточно снега, безопасно и преобладают берёзки. Их почки служат рябчикам главной пищей в зимнюю пору, поскольку снег давно скрыл землю, а бегать по рыхлому и достаточно глубокому покрову неловко. Место для птиц оказывается удобным ещё и потому, что под боком пролегает глубокий лог с ручьём, и в нём, при случае, всегда можно напиться.

К вечеру ты застаешь всех рябчиков на одной большой берёзе, что поднимается к розовеющему небу из самого лога. Птицы дружно сидят на ветвях, по-видимому, уже покормившись, и готовы к ночлегу. Им только остаётся, с заходом солнца, броситься с дерева вниз и, зарывшись в тёплый снег, успокоиться там до утра.

В нетерпении поглядывая на садящееся солнце, вдруг замечаешь, как над горящим малиновым шаром прямо кверху поднимается радуга. Для зимы это

необычно, и, поразившись открывшейся картиной, на какое-то время забываешь о птицах. Безотчётно повернувшись, тем самым вспугиваешь рябчиков, и они, упруго захлопав крыльями, в мгновение исчезают под снегом, как будто их и не было. Густые синие тени быстро вытягиваются по склону лога, и солнце уже наполовину спряталось за горизонтом: опять ты проворонил самое интересное!

А вот весной рябчик теряет всякую осторожность, и если вы подманите его тихой и нежной песенкой самочки, то не сомневайтесь: через какие-нибудь две-три минуты он усядется рядом, на ближайшем суку елового или лиственного дерева, и начнёт охорашиваться, встряхивая крылышками. Раздув перья по всему тельцу, он смешно вытянет шейку и настороженно наклонит головку, как будто давая понять своей воображаемой подружке: я здесь, весь в предвкушении ожидаемого таинства, и готов удовлетворить любое ваше желание! Затем напыжится и застрекочет так быстро и страстно, что, глядя на него, вы непременно улыбнётесь. Но при этом постарайтесь не подавать виду, будто заметили его, и терпеливо стойте под самой птицей, желая только одного: чтобы рябчик не встревожился и не улетел, лишив вас истинного наслаждения.

Очень занимательно, когда рябчик подлетит к тебе на манок именно весной, в любовном томлении наклоняя туловище и гордо выпрямляясь. Он, кажется, вот-вот свалится с дерева, перышки на нём распушаются, и рябчик становится похож на большой серый шар. Даже не верится, что рябчик может достичь подобных размеров: таким внушительным он, наверное, желает показаться!

Рябчик выглядывает самочку, блаженным голосом стрекочет и топорщит хвост. Он, вроде бы, сделал всё, чтобы самочка допустила его к себе, но она почему-то отсутствует, и рябчику становится обидно. Он вздрагивает всем телом, опускает крылья и в нетерпении постанывает, а тебе стыдно оттого, что обманул охваченную любовным порывом птицу.

Так рябчик обаятелен и мил, когда, ничего не боясь, стремится к своей любви и отдаётся ей без оглядки. Он - восхищённый лесной любовник в эту вольготную весеннюю пору, что преображает его и возносит над открывающейся землей. Он готов, не покладая сил, заботиться о самочке и своих детках.

Рябчику, несмотря на весеннюю страсть, суждено вести осёдлый образ жизни, и значит, вскоре обрести семейное счастье и уже никогда его не терять. Наверное, ему очень нравится сначала томиться и изнывать, а потом с любовью обхаживать, заботиться и оберегать свою возлюбленную. Он по-настоящему маленький джентльмен леса, и ему есть дело до всего, что связано с преданностью своей семье.

Рябчик счастлив от этой самозабвенной весенней жизни, и может быть именно поэтому он так добродушен ранней осенней порой. Рябчик будто находится в восторженном отдохновении, и пока не иссякла золотая пора, он свободен и весел: радуется жизни, копошится в пожухлой листве и,

неожиданно взмывая нежно-дымчатым облачком среди еловых ветвей, мгновенно растворяется в них. В лесу созрели черёмуха и рябина, нет никакого повода для беспокойства, и рябчик готовится к грядущим заботам, что несёт с собой зима.

Ты же благодарен птице за то, что она подарила тебе незабываемые минуты. Где-нибудь в середине января ты непременно вспомнишь этого забавного петушка, и порадуешься. Рябчик вновь прилетит к тебе в твоих воспоминаниях, тронет сердце своей страстной песенкой, и ты позабудешь свои горести в нетерпеливом ожидании весны.

Лесная бабочка

Совсем тихо стало в лесу, всё как будто замерло в нём в ожидании первого снега. Листья с деревьев опали полностью, и уже успели выцвести и свернуться. Редко увидишь под ногами желтизну, пожухлая трава совсем бурая или тёмно-коричневая.

Неделю назад жёлтые трепетные листочки ещё держались на самых верхушках берез и осин, но и их теперь не видать. Деревья, отмахав своими густыми ветвями, застыли в отрешённом молчании. Приготовившись принять на плечи кучту из снега, они оказались пока без дела.

Замечательная пора стоит для охоты... В стилом остановившемся воздухе хорошо слышен любой звук. Всего лишь рябчик вспорхнул неподалёку, а чудится, будто взлетела тетёра. Зацокала пара играющих в вершинах елей белок, и ты спешишь на их оживлённый крик, чтобы понаблюдать за увлекшимися игрой зверьками. Режущий воздух свист над головой заставляет от неожиданности остановиться и посмотреть вверх, где стремительно исчезает над ветвями берёз взбудораженная кем-то стайка чирков.

Ты идёшь, радуешься всему увиденному, и вспоминаешь, как совсем недавно, когда ты уже думал только о тетеревах, глухарях и рябчиках, в лесу тебя напугала птица, которую ты успел за лето просто позабыть. Это был вальдшнеп. Какое-то время, ошарашенный неожиданным взлётом, ты провожал его взглядом, а про себя недоумевал, как мог упустить ты из памяти такую красоту.

Вальдшнеп обычно сидит крепко, и всегда вылетает почти из-под самых ног. Наверное, он надеется на свою расцветку, что осенью более богата, нежели весной. Оперение его очень удачно вплетается в опавшую листву, и ещё более оживает, когда птица, сорвавшись, зависает свечой среди уже оголившихся берёзовых верхушек. Лишь на миг вспыхивает она в воздухе скупым осенним цветком, и тотчас тает.

Не было случая, чтобы ты разглядел птицу в траве... Вальдшнеп словно укутан в опавший осенний лист, ещё не успевший пожухнуть. Надёжно скрывает вальдшнепа замирающая с каждым днём земля. Птица же, чувствуя уходящую в её глубь силу, собирается в дальние страны.

Часто ловишь себя на мысли, что любишь не полётом исчезающей за

деревьями птицы, а напугавшим тебя взрывом, когда вальдшнеп поднимается с земли. И ещё - его необыкновенно коротким присутствием в волшебном осеннем лесу. В полёте это присутствие мгновенно истает, оставляя лишь горький привкус листа, сладостный запах перьев и какое-то тревожное ощущение от только что обретённого, но вмиг утерянного чуда, что в лесу всегда приятно, и не вызывает никакого разочарования.

Осенью ты как-то незаметно обнаруживаешь, что любишь эту длинноносую птицу. Без вальдшнепа осенний день остался бы в памяти просто пегим. Вальдшнеп освещает его своим королевским оперением, словно диковинная лесная бабочка, что призвана, ещё раз, порадовать человеческое восприятие перед скорым бесцветным ненастьем.

Думая о птице, ты вспоминаешь ещё малонаезженные лесные дороги, обильно устланные листом, где в стоячих лужах таинственно темнеет затаившаяся летняя пора. На открытых местах немного наслежено, но более обращаешь внимание на частые отверстия во влажной земле. Здесь вальдшнепы устроили себе кормёжку, извлекая из почвы вкусных червяков.

Не замечаемые никем, они увлечённо перетаптываются, кряхтят, а осень тихо сыплет вокруг листом. Кажется, не будет ей конца, и, между тем, она незаметно сгорает. Где-то в глубине своего крохотного понимания, птицы, наверное, уже мечтают о теплом юге. Так грустно станет без них зимой...

Ты хорошо знаешь, как трогательно, перезревшими крупными смородинами, чернеют прекрасные глаза вальдшнепа. Держа упругую тушку в руке, тебе не верится, что они мертвы. Длинный клюв у подстреленной птицы иногда широко разинут, перья же переливаются каким-то особенным цветом, от которого на душе становится тепло.

Потом подкатывает грусть: опять ты не удержался от пагубного выстрела, что низвергнул к твоим ногам эту красоту! Подбитая птица почему-то всегда оказывается, как живая.

Летом ты часто вспугиваешь вальдшнепов на порхалищах, что располагаются на вырубках. Где-нибудь в песчаной луже, укромно приютившейся между поросших малиной гряд, взорвёт твоё растопленное летним жаром сердце одинокая птица, и тут же исчезнет. Сразу и не сообразишь: кто это был?

Сначала подумаешь на вездесущих дроздов, что самодовольно гурманят на сладкой малине, или ещё на какую неведомую дичь, и примешься вновь за ягоду. Но какое-то неясное беспокойство, всё же, охватывает тебя, ты силишься разобрать что-то знакомое в надвигающемся на тебя клубке воспоминаний, и вдруг, в приступе от внезапной радости, про себя восклицаешь: так ведь это же - вальдшнеп!

Где-то здесь, в прохладной малиновой тишине, устроил он для себя удобное пристанище. Когда ещё не нагреется песок, вальдшнеп прилетает сюда чистить себе пёрышки. Он быстро присаживается, окуная круглую грудку в приятную прохладу, и зарывается, как только может. Сидит так некоторое время, не двигаясь, и впитывает своими большими глазами летнее

довольство. Ничего не предпринимает, просто ждёт, чтобы солнце коснулось своими лучами его перьев, и слегка обогрело. Может быть, он даже ночует здесь, уютно устроившись в песчаном тепле.

Когда волны душистого воздуха освежат ему крылья, и вальдшнеп вздохнёт облегчённо, как может вздохнуть только птица, в летнем дне, словно, что-то подвинется: станет мягко, тепло и очень уютно. Птица встрепенётся, привстанет и неловко захлопает крыльями. Никого в этот момент не окажется рядом, и вальдшнеп почувствует себя ещё более свободным.

Закрыв глаза, он начнёт прихлопывать чаще, подбрасывая песок под крылья. По тельцу его тотчас пробежит лёгкая дрожь, и вальдшнеп от удовольствия издаст восхищённый звук. Никто из лесных обитателей не обратит на него внимания. А летний день уже распростёр свои объятия на всю землю и, конечно, захватил с собой позабывшуюся от удовольствия птицу.

Само слово «вальдшнеп», кажется, утопает в летнем жару, предвкушая скорую осеннюю прохладу, но и убегать из этой распростёршейся повсюду сытости не желает. Живёт вальдшнеп своей чудной лесной жизнью, наслаждаясь всем, что дарит ему это волшебное царство с запахом ягод, грибов и листьев, вольным разнеженным теплом и возможностью никуда не торопиться. Что ещё нужно этой бурой, как зной, птице: осень, лето или весна?

Весной, охваченные неудержимой любовной страстью, вальдшнепы устремляются на север. Ещё лежит в полях большими пятнами снег, но воздух полон пробуждающихся звуков. Он жаждет принять в себя перелётные стаи, в нетерпеливом ожидании беспокойно роится и, может быть, даже изнемогает.

С прилётом птиц в лесу начинается какая-то иная жизнь. Ещё пронзительнее свистят в верхушках деревьев дрозды, более живо зажигаются в бархатном небе звёзды, а ароматная сырость из оврагов так резко ударяет в нос, что на глаза наворачиваются слезы.

Ждёшь с нетерпением, с какой стороны раздастся хорошо знакомый тебе призыв самца «хор-хор, цвить-цвить», «хор-хор, цвить-цвить», и незаметно задумаешься о своей жизни. Так радостно переживать всё это в тихий весенний вечер! На какое-то время даже забудешь о вальдшнепе, но именно ему ты обязан своими сладкими думами.

И вот первый вальдшнеп, как всегда неожиданно, выплывает над заострившимися в алом небе осинками, и ты сразу приходишь в чувство. Уже зеленеют звёзды, приятно холодит лицо пробирающийся над самой землёй влажный воздух, и сердце отчего-то сладко замирает. Восхищённо томясь в груди, оно не тяготит, и лишь изредка очарованно восклицает, будто в благодарность за этот весенний вечер, неподражаемые вскрикивания птиц и воздух, пронизанный самыми невероятными ароматами.

С головой отдаваясь этой захватывающей благодати, ты сам превращаешься в длинноносого провозвестника какого-то неведомого тепла, очень нужного для человека, и важного. Без него бы он не смог никогда существовать: мечтать, любить и страдать. Вальдшнеп будто приносит

человеку надежду на исполнение всех его желаний, ибо счастье скоро покидает, а добрая надежда – никогда.

Вот и крик вальдшнепа - очень земной и близкий, даже родной. С его прилётом что-то тихо изменяется в тебе. Ты, вроде бы, должен стрелять в птицу, и вдруг обнаруживаешь, что не в силах этого сделать. Тебе нравится смотреть на летящих птиц, встречать и провожать их неожиданное появление восхищённым взглядом. А потом, опомнившись, ты радуешься чему-то в себе, в окружающей природе и жизни.

И всё же, тебе хочется сделать выстрел. Чтобы он непременно попал в цель, птица рухнула к твоим ногам и навсегда замерла. Тяжело отыскать её в сгущающейся темноте, а прохладные лозины мягко трогают тебя за лицо, щекочут, тут же становясь неприкаянно твердыми и чужими.

Раздвигая их руками, спешишь, боишься потерять подбитого вальдшнепа. Веришь, что птица не пропадёт зазря, и ты найдёшь её, отрешённо замершую в пожухлой траве, и обретёшь её тайну. Но птицы не видать, и ты клянёшь себя за очередную слабость: зачем ты опять посягнул на то, что тебе не принадлежит?!

Весна течёт и в тебе, и мимо, а ты не в силах найти ответа. Мчишься куда-то вместе с ней, желаешь неизвестно чего и изнемогаешь от любви к тому, что убиваешь. Как хорошо, если мы когда-нибудь преодолеем своё непонимание, потянемся, как эта замечательная птица, к самому лучшему в себе, и никто нас при этом не застрелит, просто восхищаясь!

Мы будем живы всю нашу оставшуюся жизнь, и будем мечтать только о хорошем и достойном, что уносит нас к небесам. Там, в их восхитительной необъятности, живёт тот самый божественный простор, к которому мы всегда стремимся. Вальдшнепы - его очарованные слуги, приносящие на своих крыльях только радость.

Необыкновенной лесной бабочкой взмывает вальдшнеп над верхушками деревьев, и тотчас околдовывает. Он как неувядающий цветок из чудной осенней сказки, придуманной самим Господом. Вальдшнепу не хочется покидать её, и он впитывает своими тёмными глазами красоту северной земли, а унося её в тёплые края, не переставая, печалится: такие они у него грустные, прекрасные и большие. Лес же без него замирает и ждёт, когда вальдшнеп вновь оживит его своим неподражаемым появлением.

Необычная сова

Живёт в наших уральских лесах сова с необычным именем - ястребиная. Сова эта предпочитает старые, но ещё не заросшие вырубki, где выбирает на день одиноко стоящие сушины. Далеко она в это время не улетает, крыльями машет, подобно зазевавшейся утке, а голова у неё, как и у всех сов, втянута в плечи. Полёт же чуть рыхловатый, но уверенный.

Зимой ястребиная сова занимает верхушки высоких елей. Устроившись удобнее, и жмуря глаза от скупого розового солнца, она важно выпячивает

серую в пестринах грудку, выламывает острые крылья и сильно надувается, так что её легко можно спутать с неясытью. Изредка перелетая с одного дерева на другое, сова повторяет по несколько раз одни и те же движения, и только потом успокаивается.

Застыв омертвелым сучком, она может просидеть, не шелохнувшись, очень долго, так что не сразу заметишь её, идя по лесу. Но, несмотря на свои незначительные размеры и спокойное поведение, сова всегда имеет грозный нахотленный вид и хищно загнутый книзу ястребиный клюв, что и послужило, наверное, поводом для её названия. Ястребиная цепкость проявляется в птице с наступлением темноты, или - когда её настойчиво допекают.

Почувств что-либо подозрительное, ястребиная сова открывает всегда настороженные веки и начинает беспрестанно мигать ими, время от времени покручивая головой по сторонам. Делает сова это так, словно у неё нет шеи, или, по крайней мере, она ей нисколько не мешает. При необходимости она может вращать головой вокруг своей оси, что, впрочем, присуще всем совам, но вот необычность ястребиной совы проявляется именно в отсутствии боязни перед открытым пространством. С наступлением дня эта сова как будто ищет возможность поскорее очутиться на вершине самой высокой берёзы, удобно усесться там, и замереть. Филин, воробыный сыч или неясыть предпочитают держаться поближе к лесной чаще, а ястребиная сова, наоборот, норовит оказаться на всеобщем обозрении.

С наступлением темноты она, как ястреб, сидит и остекленелым взглядом цепко высматривает свою добычу. Когти её, то и дело, поджимаются, клюв напряжённо вздрагивает: сова, несмотря на небольшие размеры, выглядит очень устрашающе. Однажды подстреленная мной для пополнения коллекции краеведческого музея, сова, не разжимая когтей, провисела вниз головой около двух часов, пока я не попал ветку, в которую она вцепилась. Дал Бог сове когти, только б не нас драть!

Оживляясь под вечер, днём сова выглядит безобидной. К ней легко можно подойти на очень близкое расстояние, и её никак не заинтересует чужое присутствие. Тем не менее, сова не любит чьего-либо соседства и всегда держится обособленно: такая привычка касается и всех её сородичей. Никогда мне не приходилось видеть двух или более сов вместе. Словно эти загадочные птицы обречены на вынужденное отшельничество, по-видимому, вполне приятное им самим.

Это подтверждает и такая их черта, как неразговорчивость. Все совы - закоренелые молчуны, если не считать изредка доносящегося из темноты леса гулко-бубуканья, которым взрослые зачастую пугают непослушных детей. Для лесных обитателей подобное уханье может служить сигналом спасения от затаившегося в лесной глуши хищника, а для самой совы - определением места нахождения очередной жертвы. При обладании развитым лицевым диском и острым зрением, ночной птице не составляет труда овладеть необходимой добычей.

В бесконечных хождениях по лесу я за свою жизнь встречал немало сов, и все они выглядели очень занятыми, но самой необычной оставалась ястребиная. Однажды осенью, в сгущающихся вечерних сумерках, я набрёл на такую сову, что вела себя, можно сказать, вызывающе. Сова то и дело крутилась, смешно передвигалась по суку, прихлопывая себя по бокам крыльями, и издавала громогласный якающий звук, никогда не слышанный мной у сов. Я бы не смог его воспроизвести и, конечно, не запомнил, но впечатление от него осталось такое, будто сова выказывала недовольство по отношению именно ко мне, и одновременно утверждала себя. По всему было видно, что это для неё очень важно.

Сова долго преследовала меня, и когда я отходил от неё достаточно далеко, она бесшумно срывалась мне вслед, догоняла и, залетая несколько вперёд, усаживалась на ближайшей верхушке. Сова выглядела такой озабоченной, что я долго не мог двинуться с места, и всё стоял и смотрел, как она с каждым мигом преображалась. Судя по её виду, она готова была вот-вот вцепиться своими ястребиными когтями и клювом в то, что не подчинялось её воле или оставалось непонятным, а может быть, просто играла. На правах полновластной лесной хозяйки сова вела себя самоуверенно ещё и потому, что обладала удивительным слухом: оживающий к ночи лес полнился различными шорохами, и они будоражили её разбушевавшееся воображение.

От переполнявшего сову возбуждения, восприятие её, конечно, обострялось, и, принимаясь за свое ночное дело, сова полностью преображалась, уже не напоминая замершие по дневным опушкам и пустошам неприметно-безмолвные столбики. Ночью лес обнажал свои скрытые тайны, а сова становилась самой собой: неподражаемой, удивительной и такой же таинственной.

Как-то зимой ястребиная сова даже угодила мне в руки... Сильно напуганная чьим-то неудачным выстрелом, она сидела, не мигая, в глубоком сугробе, и я сначала подумал, что сова неживая. В ней чудилось нечто колдовское, тогда как всё окружающее воспринималось естественно: заснеженные ели, лёгкий розовый отсвет заходящего солнца, еле угадываемая суeta клестов и дятлов в замороженных ветвях.

Даже в руках сова очнулась не сразу, а какое-то время ещё оставалась недвижимой. Отрепённо выпуклые глаза нацелены в одну точку, клюва почти не видно в перьях надувшейся груди, но когти судорожно напряжены: мгновение - и вонзятся. Но не вонзились.

Сова моргнула раз, другой, и вдруг заклокотала. Тело её встрепенулось, ожило, и птица так обезоруживающе открыто глянула на меня своим остановившимся жёлтым взглядом, что я на секунду отпрянул. Но в следующий миг уже был спокоен, да и сова тоже как-то быстро уgomонилась и притихла, смешно наклонив голову набок.

И тогда я вспомнил древнее поверье: кому удастся заполучить живую сову, тому будет сопутствовать счастье. Мне хотелось как-то помочь этой сильной птице, сейчас оказавшейся слабой, но не примирившейся со своим

незавидным положением. При всём свирепом виде и недовольном клокотании, сова выглядела жалко, даже немножко забавно, и я, осторожно выпустив её из рук, вдруг почувствовал, как после прикосновения к этой необычной птице и сам стал казаться себе необыкновенным.

Горихвостки

Вот уже шесть лет прилетают ко мне в огород хорошенькие птички - горихвостки. Имя своё они получили благодаря огненному подхвостью, что при взлёте птицы, на мгновение, озаряет оранжевым теплом и уносит, в воображении, вслед за ними, неизвестно куда.

Неизменно прилетая каждый год, горихвостки приносили радость и успокоение своим маленьким присутствием. С ними было хорошо и надёжно жить, каждую весну ощущая их доброе соседство.

С начала мая вездесущие птицы принимались за строительство гнёзд, и материалом для них выбирали волокна пакли, что выбивались между брёвен дома. Цепляясь тоненькими коготками за выступы в бревне, одна птичка вытягивала клювом пух из пакли, а другая обрывала его, и вместе они уносили добытое в гнездо. Слаженность и сообразительность в совместной работе этих крохотных существ поражали.

Спрятавшись за стеной дома. у окна, я с интересом наблюдал за птичками, и не мог надивиться. Очаровательные горихвостки представлялись мне чем-то невообразимо чудесным, оно ещё, кажется, никем не было постигнуто, и я совсем не жалел того тепла, что они немилосердно воровали у меня прямо из-под носа.

Долго я искал у себя в огороде гнездо горихвосток, и всё мне не везло. И чердак осмотрел, и сеновал, и баню, и дровяник, даже на старую черёмуху забирался: всё напрасно. Горихвостки, неизменно прилетая в мае, жили в непосредственной близости, охотились за насекомыми только в моём огороде, вытаскивали из пазов дома паклю на строительство и укрепление гнезда, но никак его не объявляли. Внешне очень доброжелательные и неприхотливые, они были скрытными птичками, и им ловко удавалось провести меня.

Однажды, обкапывая по весне яблони, я вдруг заметил на проводах, в двух метрах от угла крыши дома, самца горихвостки с жирной личинкой в клюве. Казалось бы, он должен спешить с кормом к самке, что высиживала яйца, или к вылупившимся птенцам, а самец не торопился. Что-то тревожило его, и он беспокойно крутился на месте, не желая залетать в гнездо.

Я бросил копать и, замерев с лопатой, стал наблюдать: решится самец нырнуть в гнездо, оно явно находилось где-то под карнизом? Но самец терпеливо ждал, остерегаясь, что я узнаю о местонахождении птенцов и самки, и, похоже, был готов пересидеть меня.

Тогда я решил усыпить его бдительность, и потихонечку начал удаляться в сторону. Самец тотчас встрепнулся, вытянул шейку и юркнул

под карниз, наконец-то, обнаружив место гнездования. А всего-то нужно было подсмотреть направление перелётов предусмотрительных птичек!

Позднее я использовал этот приём в отыскании глухариных токов, подмечая, куда глухари устремляются под вечер и откуда слетаются на кормёжку утром. Вот так, благодаря крохотным горихвосткам, обрёл я важное лесное знание о больших и таинственных птицах.

Только в природе счастье может длиться вечно, и человеку надлежит верить чутью птиц, зверей и растений, чтобы учиться у них жизни. Например, у таких замечательных и красивых птичек, как садовые горихвостки, что выбрали своим обиталищем сначала крышу моего дома, в самом его углу, под карнизом, а затем и скворечник.

Каждую весну радовался я прилёту этих долгожданных птиц. С восторгом наблюдал, как они по-хозяйски и ненавязчиво подправляют старое гнездо, тихонько устраиваясь на новом месте. Всем рассказывал о них, может быть, без меры восхищался и бахвалился чудесным соседством, но жизнь распорядилась по-своему: однажды горихвосток в моём огороде не стало.

В тот год они прилетели, как обычно, во второй половине апреля, и поначалу держались несколько робко, почти не показываясь, но вскоре уже стали попадаться повсюду, и сразу оживили своим присутствием всё весеннее пространство. Я слышал, как птички тоненько заливаются в распускающейся сирени, прямо под окнами, весело перелетают с места на место, или прогуливаются вместе с зябликами в траве под яблонями, а затем вновь вспархивают и куда-то исчезают.

Трудно было определить, где горихвостки на сей раз устроили гнездо, и я то и дело заглядывал под карниз дома и в скворечник, но не находил их там. Наконец, заметил, что птички больше держатся в огороде бабушки-соседки, возле старой черёмухи, и очень расстроился.

Что-то я, видимо, сделал не так, в чём-то переусердствовал, а надо было тихо радоваться своему маленькому счастью, не хвалиться им перед другими, и, вероятно, оно бы меня не покинуло. Но горихвостки отсутствовали, и я считал это нехорошим знаком. Кто бы мог подумать, что маленькие птички способны доставить такие переживания!

Делать нечего, решил я, надо жить, обустраивать, как и горихвостки, собственный дом. Забот, особенно по весне, всегда хватает, и стал я, несмотря ни на что, хозяйничать, но уже без той радости, что сопутствовала близкому соседству горихвосток.

Всё думал: а вдруг они прилетят? Может быть, птички только погостить у бабушки захотели, скоро им там надоест, и они обязательно вернутся. Разве мог я рассердиться на замечательных горихвосток, что не выбрали в этот год своим местообитанием именно мой огород?!

Работа на земле всегда дарит силы, и я постепенно успокоился, тем более, что вскоре появились слётки горихвосток. Они стали частенько залетать на мой участок, и даже, кажется, опять поселились под карнизом.

Горихвостки так же, как и раньше, порхали под окнами маленькими оранжевыми комочками, трогательно трясли хвостиками, и сердце моё незаметно наполнялось силой, которой ему не доставало.

Значит, горихвостки, всё-таки, не оставили меня, и по-прежнему держались рядом, как будто напоминая: мы здесь, и не желаем покидать тебя надолго. Очаровательные горихвостки навсегда полюбились мне, и надо радоваться тому, что они так долго украшали мою жизнь своим присутствием, жить, не уставая, и если будешь делать всё достойно и правильно, милые птички обязательно к тебе вернуться!

Куличок

Неподалёку от нашей деревни, на маленькой заболоченной лужице у самой дороги, много лет подряд обитал куличок. Я встречал его всякий раз, когда отправлялся в лес за грибами. В первые два года я не обращал на куличка особого внимания, хотя он всегда очень оживлялся при моём приближении, усердно насвистывая: «кью-вьюи-уиксс, тэке-тэке, кью-вьюи-уиксс, уить-уить-уить!». Наверное, я тогда ещё просто не привык к нему и воспринимал присутствие куличка на одном и том же болотце случайным совпадением.

Но однажды, в пасмурный июльский день, когда многих обитателей леса непогода вынудила притаиться, куличок оказался на месте: как ни в чём не бывало, он распевал свою незамысловатую песенку. Она давно была мне знакома.

Я остановился у края дороги и долго наблюдал, как самозабвенно крохотный певец превозносит своё маленькое болотце, тогда как небо затянуто мрачными тучами и сеется противный мелкий дождик. С тех пор я стал привечать эту необыкновенную птичку и, подходя к болотцу, всегда думал о ней и старался быстрее отыскать глазами.

Зимой я, конечно, забывал про куличка, но как подступала весна – опять ждал с ним встречи, гадая: прилетел ли он нынче, не пропал ли в дальней стороне? И очень радовался, когда обнаруживал птичку на прежнем месте, подающей голосок с засохшего дерева, стоящего рядом с болотцем. Куличок всегда усаживался на самую вершинку, сидел, повернувшись головой на юг, и мог часами, не переставая, насвистывать в невидимую дудочку, не обращая внимания на машины и проходящих мимо людей.

Идёшь ранним утром, а он уже подаёт тоненький голосок, возвращаешься к вечеру из леса – куличок по-прежнему, не унимаясь, мелодично покрикивает. Вроде бы, и дел у него больше нет, кроме как нахваливать родное болотце, радуясь своей неприхотливой маленькой жизни. Я даже знакомым его показывал, когда приглашал их в лес за грибами, всем восхищённо рассказывая про то, какой куличок замечательный и неутомимый, и что мы с ним знакомы давным-давно.

Но почему-то мало кто разделял мою радость, должно быть, размышляя так: прилетает на своё родимое болотце маленькая птица – ну и пусть себе, на то она и птица, чего же тут особенного! Признаюсь, такое равнодушное отношение к куличку меня немного задевало. Я уже и сам стал про себя подумывать: а, действительно, чего необычного во всём происходящем?

И всё же, в голове моей никак не укладывалось, что этот крохотный куличок преодолевает каждый год тысячи километров нелёгкого пути. Неужели только затем, чтобы вывести потомство в неприметной лужице неподалёку от нашей деревни, да всё лето, исподволь, приветствовать тоненьким голоском проходящих и проезжающих на покос деревенских жителей?

Так продолжалось несколько лет. Но вот в прошлом году, в июне, отправился я за грибами, по деревне разнёсся слух, что в лесу пошли первые подосиновики. Проходя мимо знакомой лужицы, куличка на ней, к своему удивлению, я не обнаружил. Долго стоял, вслушивался, надеясь разобрать в птичьём многоголосье песенку своего давнего знакомого, да тщётно: болотце пустовало.

Решил даже обойти болотинку с другой стороны, насилу пробравшись в кедах по вязкой трясине и чуть не расставшись со своей нехитрой обувкой: всё безрезультатно. Наверное, куличок погиб, печально подумал я, иначе бы он ни за что не изменил родному болоту! Всё в этой жизни рано или поздно заканчивается, не стало и этой маленькой птички, к её голосу я незаметно привык, даже привязался.

Теперь никто больше не нарушает тишину у лесной дороги и не приветствует прохожих радостной песенкой. К тому же, болотце постепенно совсем затянулось тиной и заросло камышом. Стало как-то пустынно и скучно: с отсутствием куличка во всём окружающем пространстве, кажется, что-то нарушилось. Долгое время я не переставал думать о куличке, а однажды поймал себя на простой мысли: мне не хватает этой маленькой неприметной птички, что не раз дарила улыбку и поднимала настроение. Не велик кулик, а всё-таки птица!

Птичий домик

Когда осенью опадает листва с деревьев, к удивлению своему замечаешь в лесу множество птичьих гнёзд, которые до сих пор были скрыты от наших глаз. Искусно слепленные из пуха, глины и сухих травинки, они так же искусно прикреплены к стволу или развилке сучьев, а то и подвешены к самому концу какой-либо ветви. Гнёзда ещё не разрушены непогодой, выглядят довольно аккуратными и, бредя мимо, ты всегда невольно попытаешься представить себе их хозяев, которые уже давно отлетели на юг.

Вспомнишь тут весну и то, с каким восторгом выплёскивается в наши леса эта неопишуемая волна радости, которую приносят с собой птицы. Вернее, прилетающие птицы – сама радостная волна, что сменяет одна

другую, и так до конца мая, с непрекращающимися заливистыми трелями, которые, кажется, символизируют утверждение всеобщего счастья на земле. Недаром говорят: счастье – что вольная пташка: где захотело, там и село. Так и птица: вроде бы не сеет, не жнёт, а сыто живёт, и уж чего ей не занимать, так это – воли, которая у птицы, между тем, в трудах праведных проходит, в особенности весной.

В эту пору есть у птицы и пение, и полёт, и ветка, которая ей лучше золотой клетки, но вот самое сокровенное, ради чего она и летит и поёт, это – её гнездо. И тесен будто бы дом, а для птицы просторен, в нём совершается великое таинство рождения, и птица очень ответственна в своём житнетворчестве.

Нет дерева, на которое бы птица ни садилась, да только не на каждом она себе гнездо вьёт. Чаще всего это хвойные деревья, в особенности – ель, и всегда гнездо располагается с защищённой от ветра стороны. Птицы в первые дни просто таскают гнездовой материал в клюве, бросая его где попало, подхватывают новый и собирают его в пучки, а затем уже начинают носить к месту постройки. Высокое расположение гнезда требует от птицы немалых усилий, так как ей приходится летать за гнездовым материалом и поднимать его на высоту.

Весь материал, какой птица использует на постройку гнезда, пустой, никому не нужный, развеваемый ветром: соломинки и пушинки, мелкий хворост, капельки воды и кусочки почвы – всё, что удалось раздобыть в освобождающемся от снега лесу. Сначала птичка обвивает клочок паутинки вокруг веточек, одновременно растягивая его в нить, затем обрывает торчащую снаружи бахрому, вновь используя её при оплетении. В то время, как самец впутывает всё новые и новые ленточки в стенки гнезда, самочка забирается вовнутрь и осторожно утрамбовывает собой своё будущее жилище, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Так создаётся полукруглая форма гнезда, и когда основа его завершена, в стенки гнезда всовываются мелкие веточки, листики и травинки, после чего лоток выстилается перьями и волосом. Без рук, без топорёнка строится птичья избёнка, и при этом птица никому не причиняет какого-либо неудобства, оставаясь неприметной.

За весенними заботами в своём огороде ты порой даже забываешь о существовании птиц, а вспоминаешь лишь с момента появления их возле твоего дома, когда родители с быстро подрастающей ватагой птенцов принимаются за уничтожение насекомых. Тут-то ты и порадуешься в очередной раз за своих неутомимых соседей, в душе поблагодарив птиц за оказываемую ими услугу. И опять, глядя на птиц, тебе покажется, будто они живут без забот и при этом ничуть не тужат: только бы не переводились червячки и мошки!

И вот пришла осень, за ней задули суровые метели... Птицы давно покинули родные края, и тебя уже не одолевают лёгкие, присущие только лету думы: сердце твоё околдовано несказанной тайной зимы. Сидя молча у

окна и вперив взгляд за околицу, где возвышается присмиривший хмурый лес, ты вроде бы ни о чём не мечтаешь. Привычно переживать в себе эту устоявшуюся сладкую скуку, как будто забывшись в долгом беспмятстве зимы. Скоро ли ещё растопят её тёплые ветра?

Только с наступлением ослепительного марта, будто отойдя, наконец, ото сна, отправишься в гости к глухарям, желая проверить ток, да и набредёшь вдруг на чьё-то сорвавшееся с дерева гнездо. Всю ненастную осень и суровую зиму, убаюкивая, крепко держала его в своих объятиях старая сосна, а ближе к весне, видать, сама задремала и уронила. Весенний озорной ветерок подхватил гнездо, и оно закувыркалось по насту, отчего будто бы даже несколько ожило, но не знало, что ему делать дальше. Гнездо цело, а птиц нет.

На первый взгляд мне показалось, что в нём уже давно свила себе убежище смерть – таким одиноким и ненужным оно выглядело сейчас на снегу. Но подойдя поближе и взяв гнездо в руки, я убедился, что брошенный птичий домик не вызывает ощущения безжизненности, пустоты. В нём оставалось розовое перышко, которое застряло между сухими травинками, чуть вздрагивая на ветру, и от моего прикосновения к нему само гнездо будто бы вздрогнуло и как-то подобралось. Судя по перышку, гнездо когда-то принадлежало зяблику.

Я держал гнездо в руках, неторопливо рассматривал его, раздумывая, как поступить, а оно будто затаилось. Высокие сосны мерно шумели над головой, ветер гнал по синему небу белые облака, и никуда не хотелось уходить из этого пробуждающегося царства умиротворённых теней и восхитительного света.

Я взял гнездо с собой, осторожно положив на дно рюкзака, привёз его домой, и теперь оно лежит у меня в шкафу за стеклом, так что я в любой момент могу подойти к нему и потрогать. В нём до сих пор чувствуется сила, которую когда-то вдохнули в него маленькие красивые птички, и иногда мне начинает казаться, что птичий домик терпеливо ждёт их радостного возвращения, и ни о чём ином не мечтает.

Моё трепещущее крылышками сердце

Помню, отец впервые взял меня в лес, постоять на тяге вечернюю зорьку. Отцу отчего-то вздумалось показать мне, как тянет по весне над лесом вальдшнеп – птица с длинным носом, и ещё как токует высоко в небе маленький куличок-бекас. Токует как-то необычно, рассказывал он, подобно тому, как блеет барашек, и мне очень хотелось увидеть этого неведомого «барашка», и услышать, как он «блеет». Ни о чём ином я уже и думать не мог.

Поначалу отец только обещал мне, что возьмёт с собой в весенний лес, весна в ту пору во всю свою мощь размахнулась по земле, и я с нетерпением ожидал это событие, каждый раз спрашивая отца:

- Сегодня поедem в лес?

Когда я думал о том дне, что мы с отцом отправимся в лес, мысли о нём затмевали всё остальное, и становилось так, будто мне совершенно нечем жить, кроме этого самого леса. Только бы быстрее настал час встречи с природой, где, как мне казалось, нет ничего худого или скучного, а всегда пребывает глубокий смысл и интерес к жизни, отсутствует глупость и непонимание, как это происходит между людей.

Я верил, что увижу маленькую птичку бекаса, и отгадаю, почему он «блеет барашком», как рассказывал отец. Думы о лесе почему-то очень обогащали меня. Думая о нём, мечтая чаще там бывать, я запасался добрым настроением на всю жизнь, как это происходит только весной...

Весна... Каждый день её несёт нечто неповторимое, чего ещё не было, тем она и прекрасна. Всё удивительно радостно в её нетронутой девственной природе, куда нестерпимо влечёт и свежая зелень берёз, сотканная из тоненьких клейких листочков, и тепло открывающейся земли, ударяющее со всего маху прямо в лицо, и оглушительные запахи молодых трав, а приходится отправляться в школу. Затем - учить уроки, и возиться с какими-то неинтересными и ненужными делами. Вот бы стать свободным, как молодой весенний ветер!

Мысли о лесе вызывали во мне душевное успокоение, было очень приятно представлять своё лесное уединение, даже – лесной уют, хотя я ещё ни разу и не бывал в лесу, но всё же обладал необъяснимым для себя внутренним знанием о нём... В этом восприятии леса куда-то улетучивались все мои мальчишеские огорчения, забывалось нечто неприятное, то, что беспокоило, а благодаря растекающейся повсюду весне все чувства и запахи разрастались, они, как никогда, будоражили воображение: одно яркое видение сменяло другое, да и ощущения, кажется, становились глубже. Как это было заманчиво: ожидать поездки в весенний лес, на охоту, впервые в жизни!

И вот, наконец, у нашего дома притормаживает газик, затянутый в выцветший брезент, сладко пахнувший бензином и пылью, именно – лесная машина! У отца уже собрано ружьё и ягдташ, он стоит передо мной в болотных сапогах, шляпа лихо заломлена на затылке. А все мои мысли уже давно в лесу, где синевато-мглистая дымка мягко стелется над дышащей сыростью землёй, весне в лесу тепло и уютно, и повсюду возникает какой-то неведомый шум.

Я почти слышу его, до такой степени возбуждают меня мечты об охоте, о загадочном куличке бекасе, о его ещё не слышимой мной песенке в небесах, а не на земле. Скоро мы приедем в лес, остановимся на какой-нибудь укромной полянке, и весь прозрачный, насыщенный влагой воздух над ней будут пронизывать трели дроздов, зябликов, пеночек и синиц. Разве задумаешься тут о чём-либо ином, чем о пробуждении природы, где невероятно много всего, и хочется видеть ещё больше, отправляясь за знаниями о лесе всё дальше и дальше.

И действительно, между пушистых ёлочек выплывают какие-то прозрачные видения, мох под ногами цветастый и мягкий, словно бабушкино одеяло, он расшит бордовыми огоньками прошлогодней клюквы и брусники, а сырые пни кружат голову ароматом только что освободившейся от снега древесины. Ясен весенний свет, что поднимается над расправившей плечи землёй! Течёт весеннее тепло по лесу, а я его впитываю полной грудью, и отчего-то за всё благодарю. Радостно сердцу видеть и чувствовать происходящее вокруг, и ничего при этом, что я маленький: ничто не скроется в лесу от моего внимания, всюду я увижу ум природы и её силу!

Всё в лесу кажется чудесным, даже - игрушечным, как на новогодней ёлке. Капельки на ветвях деревьев представляются светящимися фонариками, а влажные коренья и пни издают аромат, что дурманит голову слаще мандаринов. Перелетающие же повсюду птички – словно праздничные украшения. До чего же хорошо в весеннем лесу: весной обязательно увидишь в нём что-нибудь новое!

Вокруг меня, уже на самом деле, призывно пощёлкивают дрозды, любопытные гаички забавно надувают щёки, неумолчно насвистывают, снуют с ветки на ветку, так что не сразу их и разглядишь, бойкие зарянки не в силах сдержать своего растревоженного весной сердца и восторженно заливаются на вершинках ёлочек, задорно запрокинув головки. Обо всём можно позабыть, когда следишь за тем, как увлечённо перепархивают между ветвей чудесные крохотные птицы. Вот бы и мне так попробовать, живя в диком лесу и наслаждаясь весной!

Отец стал рассказывать мне про всех этих птиц... Вот горихвостки, они называются так потому, что вспархивая и подёргивая в полёте хвостиком, обозначают под ним огненные перышки, алыми шапочками красуются вездесущие и шумливые щеглы, кругленькие желтовато-пегие овсянки, будто обсыпанные спелыми зёрнышками, тоненько посвистывают в свои невидимые дудочки, ловко перелетая по обочинам раскисших дорог. Красота! Про многоголосых весёлых жаворонков я и не говорю: задрав головы, мы с отцом вглядываемся в их головокружительное парение в вышине, не в силах оторвать взгляд.

Чем выше солнце, тем больше птиц в весеннем лесу, веселее и восторженнее вокруг, и восхищённые жаворонки, кажется, поддерживают на ниточках своих трелей всю просыпающуюся землю. Но вечером, когда затаившийся поблизости овраг наполняется ещё большей тайной, и птичья музыка потихоньку замолкает, на небо, неведомо откуда, взбирается крохотный куличок – бекас.

Его не сразу и заметишь там, в подёрнутой радостной дымкой вышине, где, наверное, неслышны задорные возгласы дроздов и утробное постанывание вальдшнепа, обозначившего своим появлением начало знаменитой тяги. А бекас уже нашёптывает всему лесу какие-то свои, особенные слова восторга от всего, что происходит вокруг, и постепенно эти еле улавливаемые слова складываются в своеобразную песню.

Откуда-то сверху, действительно, как будто доносится «блеяние» невидимого «барашка»: какой он? Я пытаюсь рассмотреть в бездонном весеннем небе хоть что-то, но тщётно. Отец склоняется ко мне, обнимая за плечи, и увлечённо шепчет на ухо, другой рукой указывая туда, в вышину:

- Видишь?!

Поначалу я ничего не могу разглядеть, от роящейся над землёй пахучей дымки слезятся глаза, а песенка невидимой птички с каждой минутой становится всё сильнее, чаще. Отец только улыбается, присаживаясь на пенёк на краю оврага.

Я же ничего не слышу и не вижу, весь подавшись туда, в небо, угадывая сердцем мелодию всеобщей любви. Маленький, но в свои семь лет я уже понимал красоту жизни, чувствуя и воспринимая её, как и собственную, словно это был нескончаемый праздник. Праздник совершался и вокруг, весенний лес пленил моё детское сердце, что билось в груди так же трепетно, как и махонький куличок-бекас в бездонном апрельском небе.

До него не дотянуться, я это понимал, но и отказать себе в возможности вознестись туда душой - я был не в силах. Какое-то безграничное счастье охватило всего меня, будто ты уже жил однажды весенним лесом, и я восхитился всем происходящим, чего ещё, вроде бы, не видел в своей короткой жизни, но почувствовал и принял мгновенно.

Оказавшись в весеннем лесу, сердце твоё непременно встрепенётся, как птица, всего тебя обдаст весёлая свежесть, и ещё более любо станет жить. Будто от тебя давно скрывали эту чудесную жизнь, сберегая как подарок, а однажды взяли и подарили: какое счастье!

Погода - славная, всё тебе с радушием в лесу открыто, лесные обитатели, словно, только и ждали твоего приезда, готовились, и теперь во всеуслышание превозносят торжество жизни, разливая его повсюду и делаясь с тобой своим восторгом. Вольно, не как в городе, дышит грудь, бодро чувствует себя всё тело, и ты крепнешь вместе с живительным дыханием весны!

Воздух напоён ароматом только что оттаявшей земли, медовым запахом распустившихся барашков на вербе, свежей горечью коры и мокрых лозин. Мириады алмазных капелек блестят и алеют на солнце, что восторженно осматривает напоследок свои владения, радуется всему, что происходит на оттаивающей земле. Голова кружится от избытка благоуханий, чувствуется близость какого-то удивительного праздника, и ему, ты об этом откуда-то уже знаешь, не будет конца. Боже, как весело сверкает всё вокруг, как чудесен чистый апрельский вечер!

Ничто не мешает человеку быть в нём счастливым, сливаясь душою со всякой трогательной былинкой, и сегодня я узнаю – кто такой вальдшнеп, и что это за бесстрашный куличок, реющий в небесной вышине и разносящий повсюду волшебные звуки, напоминающие блеяние барашка. Несмотря на вечер, воздух становится ясным, солнце будто торжествует, прежде, чем вскоре потухнуть и скатиться в глухие лога, тогда как вальдшнеп только

намечает свой завораживающий полёт, а куличок-бекас взбирается на ещё сияющую небесную вершинку, провозглашая свою быстротечную весеннюю любовь. Весной невозможно не быть счастливым, тем более, если тебе только семь лет!

Чудесен и незабываем вечер в весеннем лесу. Радостно струятся по нему говорливые ручейки, дороги оттаяли, но стоят ещё сырые, не отошедшие от недавней снежной мягкости, резко ударяющей в нос, почки на деревьях надулись и вот-вот полопаются, наполняя воздух неясным шёпотом. На славу потрудившееся за день солнце, тем не менее, норовит заглянуть в самые укромные уголки леса: безудержно растекается по всей земле весна, ширится её жизнеутверждающее начало.

Утомившись от ходьбы, мы присаживаемся на пенёк. Всё в освободившейся от снега природе просто, кажется, что и все тайны сейчас точно также легко и просто откроются перед нами, и лес примет нас как своих давних знакомых.

- Сейчас отыщем место где-нибудь подле опушки, чтобы, непременно, была полянка с мелким березняком и ёлочками, и осмотримся, - с затаенным духом произносит отец. – Будем ждать, пока вальдшнеп не потянет. Для нас, охотников, особенную прелесть имеет этот незабываемый час заката, когда самец устремляется за самкой. Летит неслышно над самыми берёзками, только по голосу его и угадаешь.

- Какому?

- Хор-хор, цвиг-цвиг, хор-хор, цвиг-цвиг, - отец попытался изобразить песню неведомого для меня вальдшнепа.

Облюбовав небольшую полянку на краю укромного ложка, отец неспешно обошёл её и остановился у опушки. Место показалось ему удобным, и он, восторженно оглядев лес, в удовлетворении произнёс:

- Хорошо?!

Неугомонные дрозды с утробным квохтаньем перелетали с дерева на дерево. Они словно купались в налитом душистой прохладой воздухе, не в силах утолить своей жажды к жизни. Где-то далеко за лесом прокатился отдалённый гром, воздух чуть тронулся, всколыхнулся, и будто окончательно пробудился.

Задрав голову к небу, отец что-то долго разглядывал в нём, и затем, вдруг с какой-то сдержанной радостью, тихо промолвил:

- Вот и Венера объявилась... Видишь – самая яркая звёздочка?!

Венера, теперь я это знаю, красивым белым зёрнышком ещё ярче вспыхнула где-то в вышине, и вокруг стало как-то уютнее, теплее. Дрозды по-прежнему посвистывали в свои невидимые дудочки, глухо постанывали в болотистой низине лягушки, и небо будто поднялось и выгнулось над лесом, так, что от земли потянуло промозглой прохладой.

Истомившись в ожидании, когда появятся вальдшнепы, я всё не решался спросить об этом у отца, а он только улыбался чему-то про себя, меня же знобило от нетерпения: когда же, наконец, появятся эти чудесные

длинноносые птицы, или покажется в небе ещё неизвестный мне маленький бекас?!

Не в силах усидеть, я подымаюсь, весь напрягшись, и вслушиваюсь во внутреннюю тишину леса. Впрочем, тишина полнится нескончаемым лепетом птиц, журчанием ручьёв, и все эти звуки сливаются со струящимся влажным воздухом, что будто бы тоже звенит, так что в лесу ничего не слышно. Румяное небо подёрнуто синеватой дымкой, а сырость, струящаяся от земли, незаметно забирается в рукава моего старенького пальто, и мне становится зябко.

Берёзки с ёлочками, кажется, засыпают, а их верхушки быстро тускнеют на фоне зеленеющего неба, но в лесу ещё много жизни, хотя птицы тоже незаметно примолкают, посвистывая уже как бы для порядка, сонливо. У меня сна – ни в одном глазу, ведь отец впервые взял меня на тягу, и сердце моё томится ожиданием.

Когда же появится над опушкой длинноносый вальдшнеп, ловко выпорхнет из-за тёмного леса на своих проворных крылах, и отец ударит по нему хлёстким выстрелом из ружья? Мне очень хочется увидеть подбитого отцом вальдшнепа, поддержать его в руках, и, может быть, если повезёт, услышать маленького бекаса, бесстрашно забирающегося высоко в небо. Весна, будто отпущенная кем-то на волю, обнаруживает во мне особое видение жизни, доселе неизвестное...

- Вальдшнеп летит, обычно, как бы с потяжкой, - вкрадчиво объясняет отец. – Словно ему что-то мешает набрать в полёте полную силу, и этим пользуется наш брат-охотник: смотри, не медли!

И я смотрю, с трепетом вслушиваюсь в пение неутомонных дроздов, чьё возбуждённое квохтанье разносится повсюду. Где-то поблизости слышится чьё-то монотонное постанывание, и околдованный этими звуками, я вопрошающе взглядываю на отца.

- Дикий голубь, витютень, воркует! - пока чем-то неизведанным для меня восторгается отец. Но мне и самому отчего-то становится радостно.

- Чуфы-ы, чуфы-ы, чуфы-ы, - уже из-за леса доносится до нас приглушённое бормотание, и я опять в удивлении вскидываю брови.

- Тетерев-косач вечернюю зорьку провожает, - улыбается отец.

«Сколько же неизведанного кроется в лесу!» - в восхищении думаю я, и с замиранием сердца вслушиваюсь и всматриваюсь в проистекающую вокруг жизнь. Что-то шуршит, попискивает под ногами, и я вдруг замечаю под корнями пенька робко высунувшуюся лесную мышь. Не объять всего, что происходит в весеннем лесу, но всё более сгущается подступающая тишина.

Тихо и прохладно становится под деревьями, а от земли в лицо ударяет пряная сырость. И вот, нарушая наступившую тишину и утробно хоркая, обласканный последними лучами закатного солнца, появляется над нашими головами первый вальдшнеп. Он и вправду, на секунду как будто приостанавливается в воздухе, а затем медленно тянет над сиреневыми

верхушками берёз. Отец, не стреляя, даёт мне посмотреть на его полёт: ещё никогда не доводилось мне видеть такую необычную птицу!

Длинноносые вальдшнепы один за другим непрерывно тянут над лесом, страстно хоркают и цвиркают, некоторые из них неожиданно сваливаются на землю, но их уже не видно, потому как снизу, из оврагов, поднимается синий туман, скрывая любовную игру загадочных птиц. Про любовь мне ещё ничего неизвестно, но страсть, с какой птицы бросаются друг к другу, и во мне вызывает необъяснимое чувство восторга от происходящего вокруг, того, что представляется важнее всего: неудержимое стремление жить.

Тяга же всё более разгорается, хотя лес уже тёмен, и только небо по-прежнему светлеет багряным выпуклым стеклом, отчего ещё хорошо заметны на нём хоркающие и цвиркающие птицы, сначала вводящие, а потом выводящие из сладостного оцепенения. Очередной вальдшнеп неожиданно налетел на нас так близко, что отец мгновенно ударил по нему, и птица бухнулась прямо нам под ноги, уткнувшись длинным носом в пожухлую траву. Я держал в руках его пепельно-рыжую тушку, ещё тёплую, трепетную, не в силах сдержать гулкого сердцебиения.

И тут же мы увидели, как мелко подрагивая крыльями, вдоль опушки, где мы стояли, совсем низко летит другой вальдшнеп, затем – ещё один, третий, и почти над ухом полыхнул сноп огня во тьме, а вальдшнеп резко вывернул в сторону, и в следующее мгновение скрылся за лесом. Отец радостно рассмеялся, в волнении переломил ружьё, и из ствола потянулся сизый дымок, приятно щекочущий ноздри стреляным порохом, отчего всё моё существо охватывает дикий восторг. Наконец-то, и ко мне пришла настоящая охотничья весна!

- Слышишь, играет? – вдруг опять встрепнулся отец.

Я, оцепенело, вслушивался в неясные звуки, пронизывающие настоящий на травах и корнях воздух, но от волнения песенку бекаса разобрать не мог. Мы слышали звучание ручьёв, голоса просыпающейся земли, безудержные переливы птиц, и весь этот восхитительный мир, впервые открывшийся передо мной, совершенно меня пленил. Жизнь великодушно одаривала нас невообразимым счастьем!

- Заметить бекаса не просто, - говорит отец. – Он – мал: даже самая мелкая дробь при охоте на него прозвана меж охотников не иначе, как «бекасиная». Бекаса выделяют только длинные ножки и нос, и это позволяет куличку быть неуязвимым. Но, не отличаясь ярким окрасом и внушительными размерами, он очень живой: маленький, почти не видимый с земли, бекас в полёте храбро распушает свой крохотный хвост и перья, так что им невозможно не залюбоваться. Все весной, даже самые маленькие, хотят петь и быть неотразимыми!

Отец восторженно вглядывался в небо, придерживая рукой шляпу.

- Бекас чуток, наверное, потому, что именно маленький, а малого, как известно, всяк может обидеть. Вот он и забирается повыше в небеса. Видишь его?

И тут я разглядел, как бекас с трепетом проваливается в небесной вышине, и по всей пробуждающейся от зимнего сна округе рассыпается тонюсенькое звучание от его взбудораженного весной полёта, так ощутимо угадываемое обострённым слухом: весь я был – воплощённое внимание, ни один звук не мог миновать моего вкрадчивого интереса. А лес был налит какой-то невероятной силой, предвечерний свет в нём показался мне особенным, он не был похож на тот, что зарождается утром: сквозь вечерний воздух в природе проглядывало что-то, присущее именно весне.

- Заметил, что летает он как бы зигзагом?

- Почему?

- Бекас по весне не отъевшийся, как осенью, и потому – лёгкий, и так же легко он бросается то в одну, то в другую сторону. Его часто можно увидеть в наклонённом положении, когда он несётся вниз, повёртываясь с боку на бок, так он, по-видимому, играет, то есть – токует, и подстрелить его охотнику бывает очень не просто. Бекаса не назовёшь смирным: его, как раз, отличает неуловимость, даже, скорее, непредсказуемость в поведении, и это поведение хорошо выражается в чудном полёте проворной птицы.

- Если бы не песенка, его и не заметишь, - замечаю я.

- Бекас – самый крохотный из всех куличков, и об этой птице мало кто знает. Только охотники, да и то не все. Обычно бекас играет невысоко, но вот завидев охотника или зверя – тотчас устремляется ввысь. Эта способность возноситься в недостижимую для многих птиц высоту заметно отличает бекаса от них, подчёркивая в нём какое-то свободолюбие, чуть ли не отчаянную игривость. В этом – своеобразие бекаса.

- И что он делает потом?

- Наигравшись в вышине, под облаками, бекас обыкновенно спускается на землю, присаживается на кочку или какую-нибудь отдельно стоящую сушину, и продолжает свой ток криком: «таку-таку, такую-таку, такую-таку». И верно, разглядеть бекаса, даже на земле, можно лишь слышав его песню, что чаще всего напоминает бляение барашка.

Бывало, бредёшь ночной порой на глухариный ток, запинаясь о невидимые кочки, окружающая парная темень жарко дышит в лицо, и в этой липкой темноте задумаешься о чём-нибудь, а крик вот такого бекаса над самой головой вдруг выведет из охватившего забытья, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от разных дум.

- А почему бекас кричит как барашек?

- Куличок стремительно падает в необозримой вышине, невидимые перышки на его крыльях вибрируют о воздух, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек. Но своё «бляение» бекас производит не только перьями на крыльях, но и хвостом. Подобные звуки издают ягнята – молодые барашки, когда по весне крестьяне выводили их в поле на выгон. Кто-то из них,

наверное, однажды услышал, что издаваемые животными звуки напоминают порхание бекаса в небе, и с тех пор повелось такое поверье, что бекас «блеет» как барашек.

А ещё бекас не любит дождик и ветер, ему по душе покойный закат и тихий вечер, когда солнце скатывается за чернеющий лес, и бекас, кажется, ещё более страстно принимается превозносить весну и свою любовь.

Мне всегда нравилось солнце, особенно – в детстве. И тогда, весной, когда мы отправились с отцом на вечернюю охоту, солнце как-то ласково касалось и травы, и ветвей, и потом – верхушек деревьев. Быстро опускаясь всё ниже, оно, тем не менее, было радостным, как будто благословляя землю, а земля в ответ дышала сладкими запахами, хотя ещё казалась оголённой. Прозрачный воздух, благодаря солнцу, преображал и землю, и лес, словно расширяя их, и от этого хотелось исследовать жизнь, каждый раз открывая для себя что-то новое.

Вот и лес: налился сотнями птичьих голосов, тысячи живых существ в нём просыпаются от спячки, и я вглядываюсь в раскрывшееся от этой проснувшейся жизни небо, пытаюсь увидеть в нём маленького, казалось бы, никому не нужного куличка-бекаса. Но впитывая всё, что происходит вокруг, мне представляется, что я вырастаю, становлюсь сильнее. Хотя – всё такой же, маленький, и, тем не менее, я начинаю ощущать в себе силу, ранее неведомую, и, замечая это в себе, становлюсь взрослее.

Пристально всматриваясь в призрачное небо, какое-то время я стою в приятной растерянности, вслушиваюсь в весеннее многоголосье, и ощущаю только удары разгорячённого от всего происходящего сердца. Такой же крохотной птичкой, как и бекас, бьётся оно в моей груди, будто трепещет невидимыми крылышками, а я ещё и не ведаю, что незаметно, благодаря этому маленькому бекасу, во мне пробуждается и радость, и неиссякаемый интерес к жизни.

В этот весенний вечер во мне что-то ровно открылось, занялось новым существованием, так что я потом несколько дней пребывал в радости, вспоминая и прозрачный лес, и оттаивающую землю, и многоголосье птиц, и крохотного куличка в высоком небе. Я всё-таки увидел его, почувствовал сердцем в этой бескрайней весенней необъятности, а куличок пел так самозабвенно, что казалось – может истратить на песню всю свою маленькую душу, и упасть замертво, но песня бы не кончалась.

В детстве всегда думается о возможности достижения чего-либо лучшего, чем то, что существует, и этого предполагаемого лучшего так много, что оно нескончаемо возникает перед тобой каждый день. Я чувствовал себя у порога раскрытия каких-то важных тайн, и жил с ещё большим наслаждением. Я был благодарен весеннему дню, что улыбнулся мне таким крохотным, но замечательным счастьем: я увидел и услышал небесного «барашка», и до сих пор не могу успокоить моё трепещущее крылышками маленькое сердце.

Смышлёная ворона

Как-то затопил я в деревне баню, а дрова в печь подбросил старенькие, худые. Дым из трубы повалил густой, едкий, и тотчас на крышу уселась ворона. Отчего-то завертелась беспокойно, заходила по коньку взад-вперёд. Ворону явно что-то заинтересовало. Спрятавшись в дровянике, я решил понаблюдать за ней, понимая, что смышлёная птица появилась на крыше бани не случайно.

И вот, когда дым чуть развеялся, а жар, по-видимому, спал, ворона воровато взгромоздилась на трубу, как-то неловко раскорячилась и замерла. Таким образом, птица, вероятно, намеревалась вывести досаждающих ей паразитов – перьевых клещей, и меня поразила её сообразительность. Ведь очутилась ворона у трубы сразу, как только из неё повалил дым: значит, она моментально среагировала и оценила возникшую ситуацию. Конечно, ворона могла проделывать подобное и раньше, но это никак не умаляет её способности быть поразительно смышлёной.

Вороньё

Не помню дня, чтобы над моим огородом в деревне не появились вороны, то и дело без устали прочерчивающие воздух. Зима ли на дворе, весна или осень, вороны неизменно держались рядом, и при этом всегда слышалось их карканье, что они, кажется, только и знают. Деревенская жизнь без надоедливого воронья, наверное, не была бы такой интересной!

С воронами у меня в огороде происходило немало очень занятных историй, и я привык к их существованию, как к неминуемому, но приятному неудобству. И, тем не менее, птицы никогда не устраивали свои гнёзда поблизости от жилья, заводя их обычно в лесу. А тут вдруг по весне обосновались на одном из тополей, возле самого дома, прямо у меня над головой, каждый день, в возбуждении, оглашая округу безудержным граем. Этого только не хватало!

Призадумался я о таком беспокойном соседстве: что вынудило птиц завести гнездо рядом с человеком, которого они раньше сторонились, всё же, до конца, не лишая его своего присутствия, и выбирали тополя только как временное пристанище, тотчас срываясь при обнаружении любого движения в доме или ограде? Какое препятствие оказывалось для птиц совсем недавно непреодолимым, а сейчас им ничего, вроде бы, не препятствует, и они, у всех на виду, соорудили своё нехитрое обиталище прямо возле моего дома? Трудно было сразу понять такое необычное поведение ворон, и стал я за ними наблюдать.

Сосед Кирюха, завидев в развилине тополя воронье семейство, будто даже обрадовавшись, при встрече расплылся передо мной в ехидной улыбке: «Ни яблочков теперь тебе, значить, ни клубнички... Кха-а!» А я ещё более

загрустил, недобро взглядывая на незвано появившихся под боком гостей. Ничего хорошего подобное соседство явно не сулило.

И всё-таки, думал я, почему вороны поселились именно над моей крышей, ничуть меня не опасаясь? Как это всегда бывает, решение пришло неожиданно, но только после того, как я сам явился свидетелем небольшого переполоха в вороньем стане.

Уже не однажды приезжал я той весной в деревню, и всегда ненадолго, так что топить печь мне не приходилось, зимой и вовсе отсутствовал, но вот в последний раз пришлось задержаться. Давно нетопленная печь разгоралась нехотя, беспрестанно дымила, а когда, наконец, пламя взялось и радостно заиграло, над самой крышей неожиданно раздался хриплый вороний ор: «Кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р, кар-р-ра-улл!» От неожиданности я даже поднял голову и присел, так отчётливо, будто под самым потолком, слышалось недовольное карканье. Ворон, конечно, вывел из себя едкий печной дым, что валил из трубы густым столбом, упираясь прямо ... в гнездо.

Выйдя из дому и задрав голову, я не без интереса поглядывал, как беснуются раздосадованные птицы, и мне сразу стала понятна причина их былого отсутствия и недавнего неожиданного появления. Вороны долго не занимали тополя, потому как просто не решались. Во всей округе эти деревья были самые высокие, очень удобные для обзора, так необходимого любопытным, неугомонным птицам, но мои постоянные приезды в течение нескольких лет настораживали ворон, и они остерегались присутствия человека. Главное же, птиц беспокоила топящаяся печь, так неуютно для них дымящая: едкий дым тревожил воронью, мешая им наслаждаться беспечным существованием.

Но последний год я почти не ездил – держали дела в городе, и вороны пообвыкли без меня, осмелели, и к весне, видать, решили устроить новые хоромы, облюбовав, наконец, подходящее для себя место. Тополя явно пришлись им по душе: и высокие, и кустистые, и все огороды, как на ладони. Но дело, как говорится, не ворона: не каркнет, а скажется, и принялся я потихоньку наводить в огороде порядок.

Вскоре в гнезде появилось прибавление, и всё семейство сразу ещё более оживилось. Вороны то и дело вскрикивали, шипели, хрипели, в общем, издавали самые невообразимые звуки, по-видимому, обсуждая свои нехитрые заботы, беспокойно ворошились, родители не успевали подносить прожорливым воронятам корм, а те ещё более обеспокоенно требовали добавки, прибавляя в весе, кажется, не по дням, а по часам. Работая в огороде, я с тревогой поглядывал на всю эту воронью кутерьму, вороны же при виде меня необыкновенно возбуждались, наверное, по праву считая себя полноправными хозяевами. «С воронами по-вороньи и каркать», - невесело думалось мне.

К началу сенокоса воронята здорово подросли, я насчитал их пять штук, и все они оделись в аккуратные серовато-чёрные сюртучки. Обычно они слетали бесшумно вниз, присаживались на маленькие стожки, или важно

расхаживали в траве под яблонями, не обращая на меня никакого внимания. Даже при моём приближении не улетали, а только перескакивали боком подальше, и опять принимались степенно разгуливать у меня под носом. Ворон будто подменили, они и кричать перестали, лишь иногда выражая чем-либо своё недовольство. Но я почему-то стал постепенно чувствовать, что это недовольство не относится ко мне, к тому же, птицы, как ни странно, ничего не трогали.

К этому времени по склонам овощной ямы высыпала алая земляничка, на грядках успела поспеть ароматная клубника, но вороны, словно, не замечали ягод, даже не приближались к ним. Они по-прежнему держались в огороде, что-то выискивали в траве, поклёвывали, и созревающие плоды, это было очень необычно, совершенно их не интересовали.

Иногда вороны куда-то исчезали, и за заботами я успевал о них позабыть, а появлялись, кажется, только за тем, чтобы навести порядок, может быть, даже проведать меня. Они прогуливались в траве под деревьями, порою настороженно замирали, забавно повернув голову набок, и, как чуткие часовые, издавали странные тревожащие звуки, будто кого-то предупреждая. В народе говорят: «Первые детки – соколятки, а последние – воронятки», эти же молодые птицы были какими-то особенными, вроде, как и не воронами, что было уж совсем удивительно.

Так незаметно прошло лето... Вороны, между тем, даже не попробовали ни клубнику, ни землянику, ни малину с облепихой, ни вишню, за которую я почему-то особо опасался. К яблочному Спасу яблочек народилось так много, что ветви не выдерживали и ломались. Под некоторые деревья пришлось ставить подпорки, но и это не помогало. Яблоки почти беззвучно падали, утопая в изумрудной отаве, и лежали там тихо, словно, чего-то, ожидая, но и их никто не трогал, разве что мыши.

Правда, порой на деревьях мне всё же попадались поклёванные яблоки, но вскоре оказалось, что в саду безобразничают дрозды. Вездесущие полчища этих птиц ещё не успевали примоститься на яблонях, как на них тёмной тучей слетало с тополей дружное воронье семейство, и дрозды тотчас обращались в бегство, после чего я только разводил руками.

Как могло случиться, что вороны отчего-то превратились в моих спасителей? До сих пор эта загадка не даёт мне покоя, и, видно, верная ведётся среди людей поговорка, что на своей стороне - и ворона родня!

Дети воздуха

Сколько помню, всегда под нашим деревенским мостом, у железнодорожных путей, целое лето вились стрижи, и деревенские жители воспринимали их естественно, скорее даже не замечая. Носятся в воздухе – и ладно, так заведено в природе. Это, в конце концов, нужно самим птицам, они витают в вышине, выискивая необходимый корм, постоянно отчего-то

вскрикивают и, в общем-то, достаточно наскучивают своим безудержным парением. Но, между тем, стрижи не так уж просты и безынтересны.

Стрижи никогда не обманут в «предсказаниях» погоды. Перед похолоданием и дождями птицам становится трудно добывать пищу – насекомых, они ловят их только высоко в воздухе, и поскольку насекомые при непогоде опускаются ближе к земле, это вынуждает стрижей тоже снижаться. Если надвигается затяжное ненастье с похолоданием, стрижи и вовсе покидают места обитания, и легко откочёвывают за сотни километров, где стоит тёплая погода, ярко сияет солнце и вдоволь летающих насекомых. Когда же на родине снова устанавливается хорошая погода, стрижи с такой же лёгкостью возвращаются. Из-за приспособленности стрижей чувствовать непогоду и сложились в народе приметы: «Коли вдруг среди лета стрижи исчезают из города или деревни – жди дождя, и дождь будет затяжной», «Летающие высоко над строениями до самых поздних сумерек стрижи – признак сохранения хорошей, тёплой погоды».

Стрижи полезны поеданием многих летающих вредных насекомых, так как вся их жизнь проходит в воздухе. Даже пьют стрижи на лету, пролетая над самой водой и зачерпывая её широко открытым клювом. Стрижи – неугомонные птицы, даром природа снабдила их мощными, серповидно изогнутыми крыльями, по которым стрижей всегда легко узнаешь в полёте. От ласточек их отличают длинные крылья и маленький вильчатый хвост, тогда как касатки, как часто называют в народе ласточек, имеют узкие короткие крылья при очень вытянутом изящном хвостике. В высоком летнем небе стрижи всегда отличаются от ласточек именно благодаря крыльям, и их трудно спутать друг с другом.

Стрижиная пара – заботливые родители. Сами недоедят, но детей, во что бы то ни стало, накормят. Добывая пищу для своих птенцов, они держатся в воздухе большую часть суток, а спят всего часов пять-шесть, отдыхая в скромном гнезде из кучки перьев и сухих травинок, скреплённых собственной слюной. Гнёзда стрижи обычно устраивают в дуплах высоких деревьев или под карнизами каких-либо высоких строений: важно, чтобы неподалёку от гнезда находились значительные открытые пространства. Однако случается, что самец и самка вдруг покидают гнездо, порой на несколько суток... Отчего это происходит и как отсутствие родителей влияет на оставленных ими беспомощных птенцов?

В народе существует поверье, будто взрослые птицы, надолго покидая птенцов, кормят их необычайно питательным птичьим молоком, наподобие того, каким кормит зайчат зайчиха, когда убегает от них. На деле оказывается, что птенцы стрижей просто впадают на время в оцепенение, пока не вернутся родители. К чему только не прибегнет мудрая природа, чтобы уберечь живых существ, продляя в них свою жизнь!

Вернувшись с началом хорошей погоды домой, родители-стрижи застают своих детишек живыми и здоровыми. Непогода птенцам ничем не повредила. Во время отсутствия взрослых все жизненные процессы у них

замедляются: дыхание и кровообращение почти останавливаются, сердце бьётся еле-еле. В таком состоянии птенцы могут прожить без пищи несколько дней. Этим и пользуются родители, без волнений отлучаясь из дома на время непогоды. Когда выглядывает солнышко, пригретые стрижата просыпаются, а родители уже тут как тут: по-прежнему стремительно носятся в высоком небе, вылавливают насекомых, изредка отчего-то пронзительно вскрикивают.

Долгое время для меня оставалось загадкой: почему стрижи, что охотятся исключительно в воздухе, как и ласточки, прилетают весной позже их, а отлетают на юг раньше. Ведь те и другие достаточно теплолюбивы! Оказывается, всё дело в зрении или, точнее, в устройстве глаз: ласточки видят насекомых, летающих вокруг, и гоняются за ними. Стрижи же насекомых не замечают, появляются, только когда их становится много, и летают с открытым ртом, просто на лету захватывая добычу. С уходом тепла в августе количество насекомых тоже снижается, и стрижи, не находя достаточно корма, отлетают.

Видимо, отсутствие у стрижей острого зрения, а также потребность как можно больше находиться в воздухе, и обуславливают то, что крылья у них от природы мощные, предназначенные осваивать большие воздушные пространства. Оттого и летают стрижи стремительно и прямо, но не вёртко: когда нужно повернуть, они делают большой вираж. Им нет надобности юлить в воздухе, как это ловко проделывают ласточки, и они просто таранят воздух, с силой разрезая его серповидными крыльями.

По стремительности полёта стрижи держат первенство среди птиц, развивая скорость до двухсот километров в час, а визжат они постоянно потому, что им нужно держать рот раскрытым: так в него залетит больше насекомых. В силу размаха крыльев и безудержности полёта стрижи с каждым пойманным насекомым прилетать к птенцам, конечно, не могут. Они скапливают корм в клюве, обволакивая клейкой слюной, и затем приносят птенцам. За один раз стрижи способны выловить несколько сот насекомых, а птенцы съедают их за сутки десятки тысяч!

Чем ещё интересны стрижи? У крупного иглохвостого стрижа, что обитает в восточных частях Сибири и Дальнего Востока, каждое хвостовое перо оканчивается острой иголкой. Он предпочитает гнездиться в высоких выгнивших пнях, обгоревших во время лесного пожара деревьев. Иглы хвоста, вероятно, помогают птице подниматься вверх внутри пустого ствола.

В тропической зоне Азии и Африки живёт пальмовый стриж, он строит оригинальное гнездо. Впрочем, гнездом это сооружение можно назвать с некоторой натяжкой. Оно скорее похоже на подушечку, склеенную из пуха, соринок и мелких перышек.

«Подушечка» крепится к нижней стороне пальмового листа. Конечно, на ней яйца лежать не будут, да и птице не усидеть, тем более, что лист пальмы висит почти вертикально, поэтому стриж яйца ... приклеивает, а сам садится на них, крепко цепляясь коготками за «подушечку». Так и посиживает, пока

не вылупятся птенцы. Детишки, едва появившись на свет, тоже вцепляются коготками в «подушечку» и сидят, таким образом, в гнезде, пока не подрастут.

А вот у стрижей, обитающих в Юго-Восточной Азии и Индонезии, гнёзда знамениты тем, что из них готовят так называемый «ласточкин суп». Говорят, этот суп действительно превосходный, а само гнездо по вкусу напоминает осетровую икру. Дело в том, что гнёзда стрижи изготавливают исключительно из очень питательной собственной слюны, включая в неё кусочки ароматных растений и корешков. Именно эти гнёзда ценятся среди заготовителей, забирающихся за ними в самые труднодоступные места.

Так уж повелось, что стрижи, которые всегда держатся вместе с ласточками, чаще всего остаются для людей незамеченными. В первую очередь люди примечали ласточек, наделяя их самыми добрыми эпитетами. «Ласточкой», «касатушкой» называли в народе особо любимых женщин и милых дочерей. А вот стрижей как-то бесчувственно и просто: пташка, схожая с ласточкой.

По-видимому, в том были повинны большие, серповидные крылья, напоминающие острые и даже опасные орудия, что выглядели как-то несуразно. К тому же, стремительный полёт стрижей как будто подчёркивал в них эту невнятную, но возникающую в воображении угрозу, и стрижей не особо жаловали, впрочем, не имея против них ничего дурного. То ли дело – изящные ласточки с вильцеобразными хвостиками и в белых аккуратных манишках, которые всегда тянутся к человеческому жилью, будто принося ему своим присутствием счастье!

Стрижей же, всё же, недолюбливали, называя их «коротконожками» из-за того, что они весьма тяжело поднимаются с земли. И действительно, ножки у стрижа настолько малы, что если он окажется на земле, то в лучшем случае проползёт несколько метров, а взлететь не сможет – крылья при взмахе ударяются о землю. Каким-то птицам, чтобы подняться в воздух, нужно хотя бы маленькое возвышение, но и этой возможности стриж лишён. Большинство птиц способно летать и плавать, ходить и бегать по земле, но всё, что требуется стригам, они проделывают в воздухе: бросаясь с высоких сооружений, ловят насекомых, отыскивают материал для гнезда, на лету пьют и купаются.

А ещё стрижи могут в воздухе ... спать! Причём, не считанные минуты, а по несколько часов, лишь изредка пошевеливая во сне крыльями и наслаждаясь воздушной стихией. Стрижи – «дети воздуха!»

Наверное, из-за того, что стрижи не похожи на других птиц, их часто и не принимали среди людей. Отсюда не совсем лестные высказывания о них: «стрижом» на Руси называли какого-либо плута, мазурика, а ещё пуще – карманника-вора. Бытовало поверие, что когда стрижи летают, они якобы людей «оплетают». «Стрижей считать» - означало зевать, ротозейничать, а про ребятшек, завидев, что они куда-то отправились дружною ватагой, могли заметить: ребята пошли стрижей выдирать! Словом, отношение к

стрижам в народе как-то незаметно и беззлобно сложилось неважное, чаще этих птиц вовсе не замечали, а мне стрижи всегда нравились.

Если ласточки веселы и радостны в своей юркости, дружелюбны в полёте, по крайней мере, их именно так воспринимает большинство людей, то стрижи при всей своей воздушной неутомимости и головокружительной эквилибристике выглядят более серьёзными, деловито нацеленными только на свою стремительность. Будто бы их ничего кроме скорости не интересует – лишь бы носиться высоко в небе, выхватывать клювом попавшихся насекомых и вновь отдаваться безудержному парению. И всё-таки, стрижи мне больше по сердцу... Наверное, потому, что я – мужчина, и мне ближе нацеленный, стремительный полёт стрижа, чем постоянные взлёты и падения милой касатки, что приходится по сердцу женщинам.

Получив от природы право весь день стремительно парить, схватывая в воздухе поднятые ветром соломинки, перья, травинки и пух, которые стрижи используют для строительства гнёзд, а ещё разного рода насекомых, подкармливая ими своих птенцов, эти птицы, наверное, незаметно для себя полюбили полёт и просто наслаждаются им. Человек, заглядываясь на стрижей, невольно представляет себя птицей, когда ей ничего не препятствует, и она радостно витает в облаках, если захочет – присядет на гнездо, в ветвях деревьев или повиснет на выступе скалы. Хорошо быть стрижем, размышляет человек, от его безудержного полёта охватывает такое головокружительное радостное ощущение, что хочется тоже полететь над расцветающей землёй, закладывая в воздухе крутые виражи и ни в чём не чувствуя каких-либо ограничений.

Ты летишь, видишь под собой всё то, чего бы никогда не увидел, оставаясь просто человеком, и душа твоя спокойна – везде можно побывать, обладая безграничной свободой. Какие они замечательные, эти стрижи, думаешь ты, и птицы, конечно, получают удовольствие от своих воздушных походов, но как хорошо всё-таки быть человеком, хоть и не имея возможности парить в небе подобно им.

Важно понимать: всё, к чему бы ты ни прикоснулся, волшебное, если относиться к жизни серьёзно, и в твоих возможностях сделать всё для того, чтобы мир стал лучше. А виной твоим душевным рассуждениям – эти обыкновенные стрижи, что благодаря устремлению человека к полёту оказываются ... необыкновенными!

Стоит раздольное июльское утро... Всё в нём предполагает удивительное и радостное отдохновение для всего живого, и, конечно, ощущение непередаваемого восторга от того, что ты можешь поверить в возможность тоже взвиться в небеса, воспарить в них свободной замечательной птицей, и стать ещё более глубоким и сильным, когда вернёшься на землю. В этом помогают тебе неудержимые стрижи – дети воздуха, что живут им, самозабвенно отдавая себя на волю бескрайнего небесного пространства, и оно наполняется восхитительной свободой.

Мужичок в армячке

Всюду встречаем мы воробья – и в городе, и в деревне. Городской воробей, в отличие от деревенского, домового, живей и изворотливей. Приученный на шумных городских улицах ко всему, он нечета своему пугливому полевому собрату. Только вот с сюртучком горожанин оплошал, он у него серенький, пегий. Селянин же выгодно отличается рыжевато-бурой одежкой, широким чёрным галстучком, да ещё яркой коричневой шапкой! Знай белый свет и нашу деревню!

Люди пригляделись к воробьям, и будто их не замечают, а ведь это одни из самых замечательных птиц в царстве пернатых. Несмотря на свой малый рост, воробей неустрашим. Какие суровые зимы переживает он, и даже в сильные морозы мы слышим за окном его жизнерадостное чириканье: «Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив-жив, жив-жив-жив».

Со всех сторон доносится его однообразная песенка, она не надоедает, а даже чем-то ободряет и радует. Воробей на удивление приветлив, и если бы ни его проникновенное щебетание, то одно сорочье стрекотание и воронье карканье нам давно бы уже опостытели. Не обладая красивым голосом, воробей, наверное, воображает себя настоящим певцом, особенно – весной, и его односложное чириканье вызывает у людей одобрение.

Вообще, воробей очень забавный малый, и даже когда за ним гонится какой-нибудь хищник, например, ястреб, он в отчаянии вскрикивает: «Жив, ещё жив, ещё жив». Без этого вездесущего храбреца и его, казалось бы, однообразного чириканья нам, наверное, было бы скучно жить.

Воробей хоть и слывёт забиякой, но все его любят. Он удивительно свободолюбив, и остаётся, пожалуй, единственной птицей, что не живёт в клетках и не попадает в сети птицеловов. Воробей – далеко не глупое существо, и очень хорошо запоминает, где его встречают с радостью, радушно, а где со злом да метлой.

И вот что удивительно: любая другая птица, не превосходящая воробья по размерам – поползень, синица или королёк, может до такой степени привыкнуть к человеку, что будет брать у него корм с руки. Воробей же в руки никогда не дастся, а из рук, что хочешь, выхватит. Есть в нём какая-то непоколебимая черта, что не позволяет воробью поступиться своей волей, хотя гордецом его не назовёшь, но оттого уважения он к себе не теряет, и более того – умножает его. Маленький, удаленький, он весь проникнут неизбывным зарядом энергии, и его, наверное, следует просто принять таким, какой он есть, не посягая на дорогую его сердцу свободу.

Воробьи – изрядные драчуны, и любят устраивать между собой шумные потасовки, что, впрочем, беззлобны. Они, скорее, заменяют вездесущим птичкам своеобразную зарядку, удовлетворяющую, отчасти, их потребность постоянно двигаться. Птицы не доставляют друг другу большого вреда, если только потеряют пару-другую перьев, хотя со стороны вся эта оживлённая свалка порой представляется совершенно отчаянной.

Обращая всеобщее внимание на свою оживлённость, что предполагает некую видимую бесшабашность, воробьи, в тоже время, очень осторожны, и поймать их не так уж просто. Они быстро примечают любую, грозящую им опасность и успевают вовремя ретироваться. Воробьи редко становятся добычей кошек, и всегда предупреждают их появление громким чириканьем.

Мой кот, когда я привозил его с собой в деревню, исхитрялся ловить зябликов, горихвосток и даже дроздов, но вот с воробьями у него ничего не получалось. Он поджидал их в малине, спрятавшись в картофельной ботве, на подоконнике у раскрытого окна, и всё напрасно. Воробьи всегда заранее обнаруживали его коварные перемещения, и неизменно ускользали из-под самого носа.

Несмотря на частые стычки в собственном стане, воробьи дружны и очень привязаны к своему подрастающему потомству. Только что они ожесточённо схватывались между собой, но вот пришла беда, и птицы мгновенно позабыли о своих распрях и объединились. Бывает, воробьях приносит за лето два, а то и три приплода, и вся эта весёлая ватага на полных правах вливается в воробьиное семейство.

Всем своим буровато-сереньким полчищем поедая вредных насекомых, они неумоимо несут службу на благо человека, и потому не надо выгонять их из занятых ими скворечен: воробьи оправдывают своё нахальство. Ни одна птица, кроме горихвосток, не уничтожает столько жуков и личинок, а если учесть, как их много, то воробьи просто незаменимы на наших приусадебных участках, в садах и парках.

Я где-то прочитал, что воробьях выталкивает из гнезда не очень здоровых птенцов, почти не раскрывающих рта, когда она приносит им еду, во что, при известной всем воробьиной взаимовыручке, поверить трудно. Вернее всего, она, наверное, просто не замечает при обилии подрастающих птенчиков потерю самых слабых, отдавая все силы тем, кто оживлённо требует внимания, и, возможно, последние, не ведая того, являются причиной гибели своих хилых собратьев. Воробьи больше заслуживают уважения, так что никогда не подумаешь о них как о глупых, наглых и прижимистых птицах, отмечая про себя лишь их ум и находчивость!

Весёлый нрав – это ещё одна черта всеми нами любимого воробья. Любимого даже более, чем обыкновенная синица: если синица просто радуется нас, то воробей вдохновляет! Скачет воробей под ногами у людей, снуёт под колёсами автомашин, не боится залетать в продуктовые магазины, где-нибудь да перепадёт ему несколько хлебных крошек – чего ещё желать? Всегда в приподнятом настроении, он вызывает у людей только добрую улыбку. Спасибо ему, никогда не унывающей пернатой крохе, что подсказывает нам быть более терпимыми к неудачам и горестям.

Воробьи, например, обожают устраивать себе водные ванны. Они с удовольствием лезут в любую лужу, старательно трепещутся в ней и так увлечённо чистят перышки, что это выглядит очень заразительно. Другие

птицы предпочитают для своего туалета землю, песок или пыль, а воробьи – только воду!

Воробьи – невероятно чистоплотные птички, и чтобы избавиться от надоедливых насекомых, они притаскивают в гнездо веточки полыни, что избавляют их от докучливых клещей и пухоедов. В их гнёздах часто обнаруживают и салат, и кустики петрушки, и даже бутоны цветов. Может быть, воробьи, таким образом, украшают свои жилища?

Впрочем, воробей совершенно непривередлив. Всё, что ему нужно – это лужица воды и напёрсток обронённых кем-либо крошек. Может он перебиться и горсточкой семян, в достатке попадающихся в наших дворах и парках, тем более, в деревенских амбарах. Воробью, главное, присутствовать при любом маломальском событии, быть у всех на виду, внося в бурлящую жизнь и своё маленькое оживление.

Недаром воробей – самая общительная птица: оставаться неприметным – удовольствие не для нашего храбреца. Его можно увидеть не только в весёлой ватаге других воробьёв, без конца обменивающихся новостями, но и рядом с голубями, галками и сороками. Воробьи всюду к месту, и никто из пернатого царства не обращает на них внимания. Даже важные вороны, от которых всегда можно ждать подвоха, не злятся на вездесущих воробьёв.

Всем взял неприглядный, маленький воробей, что никогда не унывает, по характеру бесстрашен, но при этом нисколько не надоедлив. Это только от глупых людей можно услышать, что они воробьёв терпеть не могут и вездесущие птицы, якобы, никому не дают покоя. Но представили бы они себя на месте крохотного воробья, когда он в условиях оживлённой деревни, уж не говоря об огромном городе, не перестаёт удивлять всех чудесами стойкости и храбрости! Это про него говорят меж людей: «Сам с воробья, а сердце – с кошку!»

Не удивительно, что именно на примере воробья учили на Руси мудрые люди своих детей и внуков. «Андрей-воробей, не летай на реку, не клюй песку, не тупи носку: пригодится носок на овсяный колосок», – говорили старшие, остерегая от неверного поступка своего сына, но он «летел, клевал, да тупил», не поверив в то, чему его учили родители. И, конечно, расплачивался за это. А надо-то было послушаться взрослых, посмотреть пристальнее на себя и окружающую жизнь, и рассудить – жить тебе или проживать.

Не с руки было русскому человеку приниматься за любое дело без любви ко всему тому, что его окружало, и в том числе – без этих вездесущих неунывающих птиц. Просто так, как воробей, дело, говорили, не скажется, если та же махонькая птаха не вспорхнёт из-под самых ног, не обрадует своим присутствием, не согреет твоего сердца. Не зря его место – быть среди людей, именно там, где он более всего нужен.

Быть открытым и, в тоже время, не терять себя – может быть, самое главное достоинство воробья, что и не стремится стать большим. Ведь выше

плетня ему не перелететь! Зато он родится неустрашимым борцом, и этому следует у него, не уставая, учиться.

Дождь на дворе или холодный северный ветер – воробью всё едино, ибо никогда не иссякает его желание жить. И если стреляют в воробья, то попадают чаще в журавля, потому как воробьиным сердцем просто так не овладеешь. Нерадивый человек, не подумав, обронит: «Дело не воробей, не улетит». Но вот как раз такое неосторожное слово, что воробей: вылетит – не поймает. На деле эта малая птица напоминает всякому, что следует неукоснительно исполнять своё дело каждый день, вот как воробей, который поутру вместе с синицей день открывает, за обедом с соловьём за одним столом пропадает, а ввечеру солнышко провожает и никогда не тужит!

К воробьям невозможно не привязаться, наблюдая за их обыденными перемещениями. На первый взгляд, вроде бы, ничего не происходит: воробей скачет по земле, чирикает возбуждённо, и создаётся впечатление, будто он намеревается осуществить нечто необыкновенное. До такой степени он весь подтянут, молодцеват, по-деловому нахохлен, а чёрный глазок его так возбуждённо и вопрошающе блестит! Вот-вот, кажется, что-то должно произойти, но ... ничего не происходит, и всё продолжается по-прежнему.

Воробей, кажется, настроен только на что-то очень важное, не терпящее отлагательств. Грудь колесом, головка приподнята, перышки топорщатся. Всегда невольно улыбнёшься, глядя на его подтянутую фигурку, и засмотришься. Больно уж воробей хорош, когда, несмотря на непогоду и свою неприхотливую жизнь, не вызывает печали. Крутится весь день под ногами, то и дело перелетает с дерева на столб, со столба на забор, с забора на дорожку, и так без конца.

Правда, долго летать воробей не в силах, и если ему не давать садиться, он может погибнуть. Конечно, воробью никто не препятствует, и он волен делать всё, что ему вздумается. Воробью достаточно только взлететь, перепорхнуть, и вот он уже опять сидит, оживлённо покручивая во все стороны головой. Дальние перелёты воробью ни к чему: всё, что ему нужно, у него под боком!

А не пускают его выброшенные нами куски и крошки, на них разводятся мухи, великое обилие семян сорняков, златогузки, совки и шелкопряды, разного рода мошки и гусеницы, личинки и так далее. И всё это с утра до вечера воробьи клюют, хватают в воздухе, на деревьях и земле, спасая тем урожай человека. Доброе бы слово сказать за то воробью-домоседу, но люди больше замечают, что он повадился в конопельку, семена воровать, чем хвалят его.

Суетлив воробей, замечали в народе, а пива не сварит! Ну, так что с того? Разве воробьи ещё и горох тормошить подвизались, если они всегда такие живые?

Нет, по воробьям из пушек не стреляют, потому как бесполезное это дело, да они того и не заслуживают! Вернее будет поблагодарить их за соседство, полезное для человека во всех отношениях, а что до воровства,

которым воробья всегда попрекали, так разве это убыток? И всё-таки, как ни странно, в народе к воробьям часто относились презрительно, даже враждебно, так как считали их самыми настоящими ворами, совершающими, якобы, большие опустошения вокруг дома.

Само имя этой птицы сложилось, несомненно, из двух слов: «вора бей!». Так называли воробьёв русские крестьяне, у которых на конопляниках воробьи обклёвывали спелые семена. «Вора бей! Вора бей!» - кричали деревенские мальчишки, которым было поручено охранять коноплю. Но много ли зёрен мог унести маленький воробьишка, при его и без того обильном меню?!

Даже гнёздышко у воробья – и то немудрящее, как будто наспех прилепленное, да это и понятно: всю свою энергию и умение птицы расходуют на уничтожение вредных насекомых. Оттого они и занимают чужие скворечники, чтобы хоть как-нибудь перебиться, вывести потомство и рассыпаться по всей округе. Лучше иметь другом одного воробья, как говаривали умные люди, нежели десять ласточек, и когда у тебя свой воробей – это не то, что общий бык.

В старинных сказаниях к воробью тоже выказывалось непонятное пренебрежение. В них упоминалось, что когда Христа распинали, воробьи летали вокруг креста и чирикали: «Жив, жив», чтобы евреи продолжали его мучения. Голуби же в это время ворковали: «Умер, умер», желая избавить Спасителя от мук. С тех пор воробьи – проклятые Богом птицы, «хриstopродавцы», а голуби – птицы святые.

По другому поверью, прегрешение воробьёв относится к той поре, когда жида искали младенца Христа, чтобы его убить. Православные говорили, что его нет более на свете, а воробьи кричали: «Жив!» И было дано воробьям за их прегрешения такое наказание: Бог им ноги спутал невидимыми оковами, чтобы они не ходили, а прыгали.

В народе с воробьями связывали ещё такую историю. Есть будто бы одна ночь в году, когда чёрт забирает воробьёв себе. Перед наступлением этой ночи воробьи сидят, насупившись, и пищат так, что страх. А придёт ночь, они слетаются в одно место, и там чёрт забирает их, насыпая ими целую меру. Наполнив её воробьями, чёрт выравнивает верх чубуком: которые птицы при этом ссыпятся, те и остаются на земле, а остальных, что в мере остались, чёрт с собою уносит. Оттого будто бы летом воробьёв видно много, а придёт зима – и редко-редко какого встретишь.

С приближением весны среди воробьёв начинается невероятное волнение. Где устроить гнездо, не занято ли будет старое место под крышей сарая, чем прокормить своё первое потомство? К тому же, за соседской кошкой глаз да глаз нужен: стоит только чуть зазеваться, и маленьких деток – поминай, как звали.

Живя бок о бок с людьми, воробей к ним и к домашним животным быстро привыкает и не боится их, почему часто его называют удальцом: «Воробей и на кошку чирикает!» Но как бы высоко воробей ни залетал,

орлом он не будет, что его, наверное, не особо беспокоит. Умный воробей под кровлей хлебного амбара гнездо себе по весне вьёт: знает, где можно поживиться.

Бурно потекли ручьи, запели скворцы, а воробьи, бывает, так расчирикаются, словно хотят заглушить весенние песни скворцов. Каждое воробьиное семейство перетряхивает старые гнёзда, строит заново, тут же играет без устали – и так с утра до вечера. Никогда не увидишь по весне воробья скучающим, без дела, ну, если только в непогоду.

Какая радость увидеть таким весенним днём кустарник акации или сирени, густо усыпанный вживкающими воробьями! Воробьёв – тьма, все они необыкновенно оживлены, а сидят до того плотно, что не протиснуться меж ними самой маленькой птахе, но при этом они нисколько друг другу не мешают, и только ещё более возбуждаются от такого тесного соседства. Весна на дворе – полное довольство тепла, запахов и света, и маленькие воробьишки не в силах скрыть своего восторга.

Их волнение, кажется, вот-вот перехлестнёт через край: напыжившиеся тельца дрожат, голоски беспрестанно журкают, захлёбываются, ты даже остановишься напротив сгрудившихся птиц – как страстно они воодушевлены всем происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий дурман и торжество жизни, воробьи в ней – не самые последние! Даже неустанную капель перебивает их неугомонная суета, и оттого небо становится синее, солнце ярче, а воздух звонче!

Не без зависти поглядывая на воробьёв, представляешь себя таким же неунывающим и радостным. Думаешь с улыбкой: вот опять прошла зима, и вместе с ней миновали тягостные думы. Сколько света проснулось в душе, доброго ожидания и надежды!

А воробьи, между тем, только жарче чирикают, восторженно прославляют долгожданное тепло. И где бы тут, казалось, духу неугомонному уместиться, когда вся птица – пуховичок с ноготок, в ладошке не видать? Однако только её на дворе и слышно: «Чики-ври, жив, чики-ври, жив, чики-ври, жив, жи-ки, жи-ки, жи-ки, жив, жив, жив!»

Хорошо внимать этой незамысловатой воробьиной музыке, что звучит прямо у дома! Синиц, что радовали нас все мартовские утра, и не слышно. Только вездесущие воробьи маленькими стайками, по двое, по трое, но не в одиночку, без умолку снуют под окнами. Какое-то воробьиное столпотворение, призванное растормошить, поскорее сбросить с себя путы зимы и воскреснуть. И всё – благодаря милым воробьям, что как маленькие оголённые сердца бьются без устали весь весенний день и никогда не замирают!

Но проходит весеннее время, полное занятных тревог, забот и лёгких огорчений, и в поправленном старом гнезде вновь начинают пищать малыши, а неужённые папа с мамой уже подумывают о следующем потомстве. Не успеет в мае вылупиться и подрасти первый приплод, как воробьиха откладывает следующие яички, и так всё лето. Великую гвардию нужно

успеть воспитать родителям, чтобы управиться с множеством вредоносных насекомых, и способны на это только воробьи.

Воробей не примечателен ни внешностью, ни голосом, и не мы выбирали его себе в соседи, но, тем не менее, он более всех других птиц привязан к человеческому дому, рядом с которым находит и пропитание, и уют. По тесноте общения с человеком, помимо воробья, могут сравниться только разве что крыса и мышь, приносящие больше вреда, чем пользы, зато уж воробей – истинный его помощник. И даже одёжка воробья, хотя и неброская, всё же обращает на себя внимание, если приглядеться к ней достаточно пристально. Да и голосок, так хорошо всем знакомый, на деле вряд ли может наскучить, поскольку, скорее, выражает неиссякаемый задор и неустрашимость перед судьбой, злобредность которой воробей так часто испытывает на своей незатейливой шкурке.

То кошка соседская повадится выдирать его коричневато-пегие перышки, то хозяйский кот примется за дело, но все эти кошачьи поползновения сравнимы для воробья с чистой забавой, в отличие от нескончаемого осеннего дождя или лютого январского мороза. К добру, говорят, воробью ненастье, коли стреха под боком, и когда она спасает, воробей и на человека чирикает. Но более всего страшится он бескормицы, и если хоть изредка перепадает воробью семя, то беда ему по колено.

Старого воробья на мякине не проведёшь, а молодого и на испуг просто так не взять, потому как обладает эта птица незаурядным жизненным настроением. Откуда что и берётся, когда он налетает на кур, уток и даже индюков. Одно слово – забияка, но с характером, которому бы позавидовала любая и более крупная птица. Попробуй кто-нибудь тронь его!

Куры опасливо обходят воробья, будто не замечают, а петух, хотя и хорохорится, шаркает шпорами в пыли, всё же с робостью поглядывает на него. Утки раздражённо кричат, толкуются, завидев воробья, и только индюк, напыжившись, важно проходит мимо, показывая, что ему-то здесь бояться некого. Но воробью до всех этих обитателей птичьего двора дела мало, он – сам себе хозяин, и потому никого и ничего не боится.

Воробей – птица вёрткая, хватистая и никогда своего не упустит. В ней какая-то особенная смелость, для такой малой птахи, вроде бы, и не подходящая. Ни у синицы-матушки, ни у зяблика-интеллигента, ни у нежной и трогательной горихвостки такого напора не чувствуется. Воробей чётко представляет, в какой момент и как ему надлежит себя вести. Попусту затевать толкотни он не станет.

Иной раз и в повадках птицы, и в стремительном коротком полёте видна некоторая прямолинейность, но она тоже, по-своему, неотразима. Воробей только от бесстрашия несколько суетлив и резок в движениях, на самом же деле он осмотрителен, всегда насторожен, с любой бедой в силах совладать и выйти из неё сухим и невредимым.

Присмотревшись внимательнее к этой птице, особой любви в себе, может быть, и не обнаружишь, но уж уважать начнёшь непременно!

Крохотным сердечком трепещет в воробье какое-то особое обаяние, так что, глядя на него, невольно подумаешь: воробей – это неунывающий мужичок в сером армячке, что по дворам шныряет – крохи собирает, в полях ночует – коноплю ворует, словом, не плошает и при этом никому не мешает. Невелик воробей, зато нет его удалей!

Моё маленькое счастье

Выдалось мне однажды стоять в ограде своего деревенского дома перед распахнутыми в сад воротами, и в полной растерянности глядеть на длительную непогоду, что напрочь приостановила в то лето рост картошки и овощей. В деревне такого давно не помнили, тем более, что стоял июль, и необычность лета связывали с предшествовавшей ему небывало суровой зимой, когда морозы доходили до сорока пяти градусов и держались в течение всех зимних месяцев. Лето как будто повторяло необычную зиму, сводя на нет затраченные по весне усилия, и кажется, ничего хорошего не обещало. Жалко было не уродившихся огурцов, кабачков и свёклы с морковью. Они давно прекратили своё развитие и выглядели жалко, тогда, как лето близилось к концу.

Я стоял, не зная, за что взяться: всё было бесполезно и как-то безрадостно. Над огородом задувал холодный ветер, рвал пустые, без ягод, рябинки, и уж какую неделю подряд сеялся противный, промозглый дождик. Земля так насытилась влагой к этому времени, что на неё было больно смотреть. Лишь ветки крыжовника сгибались под тяжестью зелёных ягод, и упрямый укроп растопырил в серое небо свои нахохленные зонтики. И было бы счастье, да одолело ненастье.

И тут в ограду неожиданно запорхнула горихвостка. Уселась напротив меня, на верстачке, и взмахнула пару раз хвостиком, будто поприветствовала. А затем, склонив голову набок, взглянула вострым глазком: мол, не отчаивайся, не всё быть непогоде, будет и у тебя праздник. Ровно для этого и прилетела, чтобы подбодрить, через мгновение опять взмахнула хвостиком и упорхнула, а на душе сразу стало тепло.

Я вдруг остро почувствовал, что всё будет в порядке, и птичка эта появилась не зря: такая махонькая, вроде бы, совсем не защищённая от нескончаемых дождей, да ещё в такой холод, она всё-таки окрылила меня надеждой. Что-то в этой птахе было жизнеутверждающее, даже – нестигаемое, и её появление будто окрылило меня.

И действительно, вскоре что-то переломилось в природе, через пару дней повеяло теплом, а ночи перестали быть промозглыми. Ещё через день выглянуло солнышко, лёгкий ветерок разогнал серые тучи, и на душе стало радостно и хорошо.

Весь август простоял погожим: подсох и вырос лук, подтянулись свёкла с морковью, зажелтели круглыми боками кабачки, и к концу месяца появились первые огурчики. Жизнь, кажется, окончательно наладилась, в

лесу пошли грибы, и все постепенно даже думать забыли о случившейся посреди лета длительной непогоде.

Горихвостка же никуда от меня не улетала, по-прежнему держалась в огороде, перепархивая с грядки на дерево, с карниза на забор. Изредка она подлетала совсем близко к воротам, усаживалась на ближнюю веточку ирги и заглядывала в ограду, будто проверяя, здесь я или нет. А может быть, просто хотела напомнить о себе, как будто успокаивая: я – твоё маленькое счастье, оно всегда будет рядом, и никогда тебя не оставит.

Приятное соседство

Ещё в первых числах октября случился неожиданный снегопад. Снег валил два дня и две ночи, пригнул маленькие кустики и деревца к самой земле, а стылый северный ветер не прекращался. В эту непогоду все птицы бросились утеплять свои гнёзда. Но где найти подсобный материал?

И вот вороны, сороки и воробьи с синицами нацелились на мои окна: особо не церемонясь, присаживались на наличники и сразу принимались вытягивать из пазов паклю, так что по всему дому слышались невнятные стуки, словом, стояла жуткая возня. Одни только сорвутся к гнезду, другие уже тут как тут – и опять шум, шорох, озабоченное копошение. Даже очередь установили: первыми, как водится, кто посильнее, ну, а мелкота – последней. Не успевают друг друга сменять, того и гляди сцепятся.

А я сижу за столом у окна, слушая завывания холодного ветра, изредка поглядываю на птиц и работаю над новой книгой. Мне не жаль ни одной пушинки, что они тащат прямо из-под моего носа, и очень хочется, чтобы птицы не замёрзли, а успели утеплить свои гнёзда. Я смотрю в окно на приближающуюся зиму, улыбаюсь птицам и пишу про весну.

Сорока на коньке

На Руси исстари повелось связывать появление у жилья разных зверей и птиц с какими-либо переменами в жизни людей. Перебежит ли улицу заяц, взметнётся по тополи у родного дома белка, ни с того ни с сего застучит по бревенчатой стене дятел или закукует над оградой кукушка – на всё у смекалистого и приметливого деревенского жителя находилось своё суждение... Да и как его не иметь, если жизнь твоя вплотную соприкасается с удивительным миром природы, у которой приходится не только учиться, но и помогать всякой божьей твари, что в суровую для себя годину льнёт к жилью человека, старается в нём укрыться или позаботиться о своём пропитании.

Часто можно услышать, что птицы небесные не сеют, не жнут, а сыты живут, однако нелегко им пропитание своё находить, да ещё и детей прокормить надо, и потому у птицы со зверем житьё не такое весёлое и лёгкое, как многие об этом думают: хлопот и забот у них полон рот. И хоть

говорят, что всякая птица своим носом сыта, но наступает в жизни каждого лесного обитателя такое время, когда он приходит за помощью к человеку, и порой так к этому привыкает, что уже не в силах от своей привязанности отступить. Он самой жизнью повязан с человеком, которого и пугается, и не может без него обойтись.

Испокон веку живёт по соседству с человеком медведь. Медведь – любитель глухих лесов и людского шума не выносит, но к жилью его подходит часто, и собирает с человека подать на пасеках или с пчелиных бортей, как будто тот ему задолжал, и зверь без зазрения совести пользуется этим. Может быть, именно поэтому в народе и повелось поверье, что, повстречав медведя, следует ожидать какого-либо худа.

Ещё с давних времён медведя в деревнях все хорошо знали, так как пойманным его часто водили на цепи для представления господам-барам и простому деревенскому люду. Учёный медведь показывал, как ребята горох воруют, как пьяные мужики по канавам валяются, как старухи и молодухи ходят. И всё же, более всего медведь трущобу любит, и в отличие от человека всякого шума сторонится, а уж если появляется рядом с жильём, то по крайней нужде.

Вздумается ему, к примеру, корову задрать, и уж никто его не остановит, потому как медведь гнёт – не парит, а переломит – не тужит. Медведь корове не брат. Перед долгой же зимой, чтобы, наверное, было не так скучно спать, залегает он иной раз поближе к деревне и слушает, как петухи распевают: одну половину зимы лапу сосёт на одном боку, другую – на другом. Счастлив медведь, что не попался человеку, а человек счастлив, что не попался медведю. Так они издавна, бок о бок, и живут.

Часто человеку приходится сталкиваться в своём жилье лицом к лицу и с серым хищником – волком: то зверь зарежет корову прямо у деревни, то ворвётся в самую середину стада и выхватит овцу-другую, а то даже заберётся тёмной ночью на двор, потому как голод не тётка. Волк не глядит на хозяйскую заботу и тащит овец без счёту. Не было на Руси, наверное, деревни, жители которой не могли бы обмолвиться: «Есть волки и в нашем колке».

Не может серый обойтись без человека, тянет его к жилью на поживу, и оттого в деревнях ещё примечали: где волк рыщет – там хлеба ищет. Замечали также, что если в какую зиму покажется много волков под деревней – быть голоду, но вот если волк перебежал кому-нибудь из людей дорогу, это, как ни странно, обещало счастье. Встреча же с волчьей свадьбой почему-то считалась благополучной вдвойне. И всё-таки, вопреки необычной примете, во многих деревнях для предохранения скота от волков, в зимнее время подбирающихся по ночам к самым задворкам, существовал заговор: «Около двора железный тын, чтобы через этот тын не попал ни лютый волк, ни гад, ни злой человек!»

Но сколько волка ни бей и ни корми, он всё-таки частенько не в лес, а в сторону деревни глядит. На то, как говорится, Георгий ему зубы и дал, чтобы

он кормился. Как бы враждебно народ ни относился к волку, он и в его положение входил, ведь ему рядом с этим зверем жить приходилось: «Говори на волка, но и рассуди по нему!»

Лиса слабее волка, не а пример, конечно, его уму и сноровке, но благодаря своей хитрой повадке нередко живёт куда сытнее его, пробираясь ночами к человеческому жилью. Не зря говорят: «Волк – голодай, лиса – лакомка». Как ни стереги собака от неё двор, а всё равно лиса курятинки себе добудет. Лиса и во сне кур у мужика считает!

Не может лиса обойтись без человека, особенно зимой, и тот, хорошо зная этого зверя и ту заботу, которую он ему доставляет, всё же величает его про себя доброжелательно, даже с уважением – «кумушкой» или «Патрикеевной».

Выйдешь поутру за околицу – всюду видны её следы, потому как главное занятие у лисицы - кур да всякую другую птицу у человека таскать. Лишь этим она живёт, а значит, у деревни всё время держится. Зимой лиса охотно ходит на падаль, не найдя же возможности раздобыть себе на обед курочку, роется в помойных отбросах или на свалках по окраинам городов и деревень. Ничем не гнушается лисье племя, знай, терпеливо рыщет, манит да льстит. «Лисой пройти» - в устах людей равносильно желанию схитрить. Есть даже особое слово – «лисить».

Но как лиса не хитри, она всегда хитрее себя найдёт, и рано или поздно попадётся. «Посмеялась лиса мужику, кур покравши, посмеялся и мужик лисе, шкуру с неё снявши». Сколько лисе ни красть, а попадётся в пасть.

Правда, в народе замечали, что лиса никогда около своего жилья не промышляет, и отправляется вдаль зло творить. Даже логовище своё она старается устроить подальше от человека. Словом, нанималась, как говорится, лиса на птичий двор беречь кур от коршуна с ястребом, а к концу жизни обещает ещё и в монахи поступить, да кто ей поверит!

Странно вот только, что лиса, по народному поверью, при встрече на дороге почему-то предвещает удачу. Коли на дороге встретится лиса, то это хорошо, а коли заяц – худо. Может быть, виной тому её драгоценный хвост, которым она во сне в мороз укрывается, и след свой от погони замечает, оттого всячески хвалит его и бережёт?!

В простонародных сказках вместе с хитрой и изворотливой лисой обычно выводится заяц, что рядом с ней представляется трусливым и беззащитным. Но ион не чурается человека, норовя забраться к нему в огород: то морковочкой разговется, то капусткой, а на худой конец поглотить яблоньку, он её считает посаженной специально для него. Часто зайца можно увидеть у деревни, но вот если он перебежал дорогу, то это не приносило удачи, и лучше было вернуться домой. Когда же косой оказывался в самой деревне, то приключившуюся невидаль, вообще, связывали с большой бедой: заяц мечется по деревне – к пожару.

Вероятно, подобные убеждения уходили корнями в глубокую старину и объяснялись тем, что заяц сотворён дьяволом и служит нечистой силе.

Крестьяне искренне верили, будто ведьмы с колдунами иногда превращаются в зайцев, и если такой заяц вбежит в дом, то это сам чёрт. Отсюда появление зайца поперёк дороги и означало неудачу, предотвратить которую можно было, только повернувшись вокруг три раза и выкинув с повозки на дорогу клок сена. Зайцы считались, таким образом, нечистыми зверьми, и их не следовало употреблять в пищу. Поверье это было связано ещё и с тем, что у зайцев лапы с пальцами, а, по мнению русских крестьян, есть можно было только тех животных, у которых раздвоены копыта.

Но следует ли верить во что-либо худое, зная нашего милого, всем хорошо известного зайку, у которого и во сне глаза со страху раскрыты? Едва ли есть ещё такой зверь, которого бы столько преследовали охотники, но он всё равно к деревне тянется, а уцелел только благодаря своей плодовитости, да быстроте бега. Пока зайца догонишь – с пару, говорят, зайдёшься, и это несмотря на то, что цена ему две деньги, бежать же – сто рублёв! Всю свою жизнь заяц бежит, лететь ему не на чем, и надежда у него только на себя, да лесного бога.

На самом же деле заяц вовсе не трус, а просто он себя бережёт, оттого и любимое местопребывание у него на опушке леса или в кустах, где он, скорее всего, почует опасность. С необходимостью постоянно бояться и убегать связывали в народе и отсутствие у зайца хвоста, отчего его прозвали «куцом». Недостаток этот объясняли в старину по-разному. Одни говорили, что при раздаче животным хвостов было ненастно, заяц из норы не решился выйти да и остался навеки куцом. Кто-то рассказывал, что у зайца был хвост, но его волк оторвал, когда заяц от него бегством спасался. Третьи уверяли, будто заяц зимой хвостом в проруби рыбу ловил и отморозил его... Седая была веков, святая простота!

Так или иначе, но не даровал Бог зайцу хвоста, зато наделил знатной шубкой, он ей пуще хвоста своего дорожит! Чужа приближение человека или собаки, заяц лежит до самого последнего момента, так что чуть ли не наступишь на него, и потому чаще всего он поднимается там, где его меньше ожидают. Какой восторг обычно вызывает он своим неожиданным появлением!

Белый и пушистый как снег, с симпатичными чёрными ушками, заяц воплощает в себе нечто необыкновенное, когда вдруг выскакивает на опушку, почти у самой деревни, и на мгновение замирает. А уже через секунду пускается в пружинистый бег, несётся что есть духу, подхлёстываемый залихватским свистом, и нет, пожалуй, ничего прекраснее поздней осенней порой, чем стремительно удирающий по озимям беляк. Сквозь облетевшие ветви осин виднеются серые крыши крайних домов, дымки над ними, а по полю, будто оторванный неведомой силой от земли, летит ослепительно белый заяц!

Нет, как ни крути, а человеку от зайца больше радости, нежели печали, и сколько бы неприятностей заяц не причинил, все они несравнимы с его обаянием! Не горюет человек о погрызенных яблоньках, вишенках и

рябинках так, как если бы волк или медведь у него под боком тёлку задрал, и благодарит Бога за дарованную ему красоту леса, вместе со всеми его обитателями. В народе зайца всегда почитали и, несмотря на связанное с ним худое поверье, радовались хотя бы мимолётной встрече с ним, а меж собой называли с любовью, как единственную и ненаглядную дочку: «заюшка-горностаюшка»!

Красивый пушистый зверёк белка, своим непоседливым бойким нравом оживляющий пустынное безмолвие северных лесов, тоже, случается, подходит вплотную к деревне. То и дело упоминается она в русских сказках, где ловко перепрыгивает с ветки на ветку, распевает весёлые беличьи песенки, а сама, знай, грызёт орехи, скорлупа у которых из чистого золота, зёрна – ядрышки жемчужные. Но вот если белка забегала в деревню – быть худу, гласило седое народное слово.

Чем же мог досадить человеку этот забавный зверёк, не менее безобидный, чем заяц? Всему, по-видимому, виной была его повёртка, словно у беса: уж больно шустро зверёк перемещался с места на место, преодолевая немалые расстояния за короткое время. А ещё, наверное, сыграла роль её способность затаиваться на дереве, как будто исчезнув. Не могли помочь ни собака, ни колотушка охотника, ни его ружьё: белка как сквозь землю проваливалась, очень ловко замирая в своём невидимом с земли гайно. А в деревню зверька гнало обыкновенное соседство леса с жильём человека, что в старые времена было гораздо теснее.

То же близкое соседство лесного и человеческого миров привлекало на крестьянские дворы и такого занятого зверька, как ласка. И хотя среди людей было признано, что ласки в курятниках выпивают куриные яйца, в отдельных местностях зверьки считались полезными на скотных дворах. Где в хлеву есть ласка, там водится скотина, замечали в народе, а каждая корова имеет свою ласку-покровительницу: какой масти корова, такая у неё и ласка, и если её убить, то и корова вслед за нею издохнет.

На самом же деле юркие зверьки забегали чаще всего в деревенские конюшни, где их привлекала соль, выступающая на крупах лошадей. Ласки бегали по ним, слизывали её, и отсюда, наверное, повелось в народе поверье, будто бы ласки – чёртовы посланцы, заплетающие из конских волос косички и вгоняющие в лошадей худую силу. Недаром, мол, лошади волновались, взбрыкивали и храпели, не в силах успокоиться, но кому понравится, когда по тебе бегают, да ещё и облизывают!

Ещё ласка поедает в обильном количестве мышей, для их поимки она прибегает к разного рода хитростям, например, притворяясь мёртвой, но чаще, всё же, посещает человеческое жилище, где для неё мышинное раздолье. Словом, она не зря получила своё имя, потому как по характеру гибка, изобретательна и игрива. «Ласть, да ласть, - поговаривали про неё деревенские жители, глядишь, а она уже и живёт себе всласть!»

В некоторых деревнях считали, что ласки приносят счастье дому. Если же ласку, у которой есть дети, обидеть, то весь выводок нападёт на дом и

уничтожит в нём все запасы. С лаской следовало дружить, привечать её, и тогда зверёк платил человеку взаимностью, предохраняя его дом от нашествия грызунов.

Предраассудки были так крепки, что даже обыкновенная летучая мышь, залетевшая ночью в окно, означала неминуемую беду. Ведь небесные, божьи птицы, по мнению людей, должны были летать днём, а ночью – только порождённые чёртом. Но солнца ли вина, что летучая мышь в полдень не видит, а в вечернее время и ночью устремляется на свет, что привлекает для неё насекомых?

Кровью летучих мышей можно убрать веснушки на лице – верили люди, и потому, опять же, относились к зверькам по-особенному. В старые годы их считали непременной принадлежностью жилища колдунов и ведьм. Существовало даже убеждение, что если обыкновенная мышь поест «священного» хлеба, то есть освящённого кулича или пасхи, то превратится тотчас в кожану, летучую мышь.

Про летучих мышей, что летают, как птицы, но только ночью, водилось и такое поверье: птицу создал Бог, а летучую мышь чёрт, но только не мог сделать так, чтобы она летала, и обратился за этим к Богу. Бог согласился исполнить его желание, но с условием, чтобы чёртова птица летала тогда, когда божья покоится. Народ пользовался летучими мышами, чтобы отгонять от скота всякую нечисть: пойманную летучую мышь убивали и прибавляли за крылья у входа в хлев.

Однажды я действительно увидел на омшанике у одного старика-пасечника такую прибитую мышь, и очень удивился. Мышь изрядно высохла, побелела от времени, и я спросил у старика, зачем она здесь. Он объяснил, что это «хранимый знак», по которому быть на пасеке достатку, а все беды, якобы, обходят её стороной. Ещё издревле, заверил меня старик, ведётся в деревнях подобный обычай, и он не упомнит, чтобы эта «чёртова голова» не помогала. Распростёртая над приземистой дверью мышь до сих пор стоит у меня перед глазами, и я отчего-то сам начинаю верить в её скрытую силу.

Сродни летучей мыши ещё одна любительница темноты – сова. Сова, ночная гуляка, что величается в сказках и присказках «совушкой-вдовушкой, разумною головушкой, залесною барыней, Ульяной Степановной», тоже частый гость и в деревнях, и в городах. Часто представление о ней соединялось с понятием о мудрости, но русское суеверие, всё же, не сулило от совы добра. «Виден сыч по взгляду, а сова – по полёту, которая хоть и тиха, да птиц душит», - убеждённо заключали они.

Вообще, все птицы, принадлежащие к этой породе, как по образу жизни, так и по приписываемым им свойствам, всегда подозревались в близких сношениях с нечистой силой. Крик этих птиц над домом всегда связывался с несчастьем для его жильцов, и чтобы его избежать, советовали бросить в огонь соли. На крыше появился с криком сыч – верная примета скорого несчастья, потому как верили, что сыч своим криком хозяина из дому

выживает. А вот если над селом слышалось уханье филина - не миновать пожара. С давних времён крестьяне воспринимали эту птицу как великого охотника «скверниться», то есть – браниться. Слыша в лесу повторяемые эхом свои слова, крестьяне подозревали в этом передразнивании филина и посылали ему в отместку крепкое словцо, снова повторяемое эхом и вновь вызывающее брань, которая, в конце концов, прекращалась, потому что «филина-бугая не перебранишь».

Колдуньи по деревням обыкновенно держали при себе сов, как олицетворение нечистой силы. Совам они поручали охрану заклётых кладов, приговаривая: «Сова клады сторожит, а филин – совкин деверь, спутник лешего, беду людям пророчит». Когда с наступлением темноты всё живое прячется под кровлю, сова-мёртвая голова отправлялась на ловлю.

В народе было весьма распространено ещё и такое мнение, будто сова – птица смерти, дающая знать своим жалобным криком около дома больного, что он скоро умрёт. На самом деле огонь держали зажжённым в избе, где находился сильно хворающий человек, а ночник привлекал хищных ночных птиц. К тому же, благодаря свету у окна собирались летучие мыши, бабочки, различные жуки, и это не могло не привлекать сов.

Крупных сов неясителей в отдельные, особо голодные для них годы часто приходится видеть не только деревенским жителям, но и городским. Совы прилетают на улицы наших городов, сильно исхудав, решаясь на это в безвыходной для себя ситуации. Они держатся обычно садов и скверов, рассаживаясь на самых высоких деревьях, и приводят в бурное недовольство ворон, сорок и галок, что то и дело нападают на них и не дают покоя. Как правило, всеми гонимые совы в городе погибают, часто так и не разубедив, даже своей жалкой участью, людей в их недоверии. Хоть, как говорится, под небеса летай, а всё сове соколом, меж людей, не быть.

Более завидна участь аистов, всем хорошо известных красивых и очень величественных птиц, на репутацию которых никто, наверное, не покусится. Аист – желанный гость южнорусских деревень, где нарочно устанавливались на крышах шесты с тележными колёсами для их гнёзд. По старинному поверью, аисты охраняли избу от пожара: люди верили, что если что-то загорится, птицы начнут носить в клювах воду и заливать огонь. Обидеть аиста, разорить его гнездо значило накликать великую беду на свою голову!

Про аистов особенно много рассказывают своим детям, когда хотят убедить их в том, что птицы приносят новорождённых младенцев в клюве не случайно, а как воздаяние хозяевам за их доброту и хозяйственность. И потому родителей своих, мол, следует почитать, ибо аист – птица мудрая и поселяется на домах с разбором. Верили, что на крыше мошенника или ленивого человека птица гнезда никогда не совьёт.

Весной на наши необъятные русские просторы счастье и радость приносила из-за моря, по народному поверью, ласточка-касатка, она представлялась ещё и олицетворением домовитости. Примечали, что если не вернётся по весне касатка на старое гнездо, это предвещает несчастье, и

оттого ласточку ждали, никогда не обижали и очень гордились, если она избирала именно их дом. Ласточку считали любимой Богом птицей, убивать или разорять её гнездо считалось огромным грехом, и уж если поселилась ласточка под кровлей, значит, во благо. Ласточка, уверяли, въёт гнездо на том доме, где живут добрые люди, и только добрый человек замечал первую, прилетевшую из тёплых краёв ласточку, хоть она, по народным наблюдениям, весну и не делает. За постой же ласточки платили хозяину дома помётом. Птичий помёт, как известно, хорошее удобрение.

Ну, а тому, кто всё-таки покушался на птицу, она могла и отомстить: подлезет под вымя коровы и испортит у неё молоко: корова станет молока давать мало и с кровью. По другому поверью, ласточка за причинённый ей вред могла даже избу спалить. У того же, кто её убивал, помирали родители. Такого рода напасти, конечно, менее всего подходили ласточке с её добрым нравом, и потому во многих деревнях верили, что за разоренное человеком гнездо она наказывает его лишь ... веснушками.

В некоторых местностях России существовало ещё такое поверье, по которому не следовало начинать купаться до тех пор, пока ласточка не окунулась в воду, что бывало приблизительно около Троицына дня. Долгое время были живы представления о зимовке ласточек в реках, озёрах и колодцах, а так же о возвращении их на юг под крылом аиста или журавля. По всему видно, что в народе о ласточках постоянно думали, не мыслили без них жизни, с ними даже соизмеряли свои поступки.

Часты прилёты в деревню и дятла, про которого рассказов в народе сравнительно немного. Причём, они почти все касаются его свойства долбить дерево, выковыривая из него насекомых и личинок, которыми он питается. Если дятел держится вблизи строений, то в зависимости от того, что он клюёт, выводятся и разные предсказания, большей частью почему-то неблагоприятные для людей. Дятел весной долбит по преимуществу изгородь – наступающее лето будет червивое; стены холодных строений – будет много мышей; стены жилых помещений – к смерти одного из членов семьи; дом в переднем углу – к кончине самого хозяина.

Иногда дятел долбит стоящие рядом с домом телеграфные столбы, и даже порой залетает в ограду, стучит на какой-нибудь стойке. Может оттого, что дом просто начинает стариться и в нём заводятся разного рода личинки, а дятел предупреждает хозяев об этом и старается им помочь? С дятлом всё более-менее понятно: птица эта серьёзная, работающая, и за работой, видимо, не разбирающая, лес это или деревня.

А вот зачем прилетает на деревню кукушка, никто сказать не может. Усядется на столб, вытянется в веретено и давай, как флюгер, во все стороны крутиться: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку». Плачет, наверное, кукушка, что детей в люди отдала, да им на это и жалуется.

Но, с другой стороны, почему бы птице, что гнёзд не въёт, яиц не высиживает и птенцов не выводит, не побывать в гостях у людей, среди которых она славится своим кукованием, тем более, что по нему каждый

человек для себя определяет, сколько ему жить осталось. Кукушка, говорят, кукует – по бездомью горюет, так отчего же ей в деревне, что расположилась рядом с её родимым леском, не побывать?!

Кукушку, принимая во внимание её вдовство и бездомное положение, в народе называли «горькой», поскольку живёт она «тепла гнезда не греючи, малых деток не лелеючи». Но, понимая нелёгкую долю птицы, что будто бы оставляет на траве и цветах свои «кукушкины слёзы», люди стали связывать прилёты птицы в деревню с горем, что она может принести. Ведь и бездомный человек, что норовит к чужому очагу пристроиться, опаску вызывает, чего уж говорить про бедовую птицу!

Кукушка кукует, замечали в народе, горе вещует, а если кого натошак окукует или в затылок, то добром это не кончится. Конечно, пение кукушки негармонично, да она мелодичнее и не умеет, и потому лучше куковала бы птица на свою голову, тем более, что летая по деревне, кукушка пророчит пожар. А уж когда кукушка закукует перед каким-нибудь домом в сумерки, там обязательно кто-нибудь умрёт. Если кукушка продолжала куковать после Петрова дня, это обещало плохой год.

Кто-то нередко, кукушку выше соловья ставит: когда кукушка к нам весной возвращается, то она с собою тепло приносит. Люди верят, что кукушка ни за что не обманет, и если её услышишь, значит, лето близко. В некоторых деревнях даже был обычай не работать в тот день, когда запоёт первая кукушка. Пение её доносилось из самого дальнего леса, отчего стар и млад веселели, а вокруг всё пробуждалось.

По весне, когда земля оживала, люди не могли обойтись ещё без одной птицы, скворца, которую старались привлечь в свои сады и огороды, нарочно строя для неё скворечни. Птица, весьма полезная тем, что поедает огромное количество насекомых, привлекала среди других особое внимание ещё и потому, что была красива и обладала способностью всех и вся передразнить. Скворцы в эту пору затмевали собой всю пернатую братию, населявшую деревню, и даже вездесущие вороны с сороками оказывались, как будто, на втором плане.

Скворец, в отличие от других птиц, всегда летел к человеку целенаправленно, в уже приготовленный для него домик, и так к этому за долгие годы привык, что ограничить его чем бы то ни было просто невозможно. Откуда это повелось, с каких пор – ответить, наверное, сложно, но неизменно каждый год птицы очень настойчиво ищут нашего соседства. Может быть, именно длительное нахождение рядом с человеком и послужило появлению у скворца способности имитировать окружающие его звуки. Иначе, где бы он так ловко научился мяучить кошкой, скрипеть разошедшейся дверью или старым колесом, вторить контральто певицы, мастерски ведущей свою партию по радио, что доносилось из окна дома?

Повернув изумрудно переливающуюся грудку к юго-востоку, где поднимается солнышко, скворец самозабвенно и, в тоже время, очень уверенно провозглашает весну. Никто не пройдёт мимо скворца, не

полюбовавшись на его красоту, никто не скажет худого слова про птицу, что всеми любима. Человеку бы в самый раз задуматься: а почему не развить подобные взаимоотношения с другими представителями животного мира, хотя бы изредка приходящими и залетающими к нам из леса?

В лесу многие звери и птицы не добились бы того, что получают, находясь рядом с человеком. В холодное время и вороны, и галки, и сороки рассаживаются на деревья прямо над печной трубой, чтобы погреться. Не перестаёшь удивляться этой их способности использовать любую ситуацию в свою пользу. Только, бывало, растопишь баню, а ворона тут как тут: раскорячится на трубе в самом дыму, вытянет шею и в такой, полной удовлетворения, позе замирает... Ворона, таким образом, выводит перьевых клещей.

Но и человек, из года в год, наблюдая поблизости лесную жизнь, многому учится и многое открывает. Вот, скажем, погода... Кто как не звери с птицами безошибочно предугадывают её, ни разу не ошибившись?!

Волки завyli неподалёку от деревни – будет мороз. Перед наступлением сильных холодов приближаются к жилью и зайцы. Появление в большом количестве белок в садах предвещает мокрый год. Зачиркали снегири под окном – скорая оттепель. Ласточки летают высоко - к вёдру. И даже надоевшие всем дрозды, усевшись на нижних сучках ёлки, предвещают хороший год, если же высоко, на макушке, сам мужик скоро запоёт, как тот дрозд.

Ну, а что сорока, что дала название этому рассказу? Да ещё на коньке? Сорока всем хорошо известна, всякий её всегда приметит и невольно залюбуется, даже если бы птица проявила свой вздорный характер. Сорока на коньке – это своеобразный символ неразделимости природы и человека.

Сорока, на первый взгляд, отличается удивительно однообразным оперением, особенность его составляют белые перья на боках: не живёт сорока без белого бока. Этим однообразием оперения сорока, будто бы, превосходит всех других птиц, пока к ней не приглядишься внимательней, и не обнаружишь бархатную зелень на груди и спинке, отороченные снежной каймой веерообразные крылья, изящно покачивающийся, с еле угадываемой синевой хвост. И сразу птица преобразится, оперение её заиграет, и из обыкновенной сороки-белобоки - она превратится в деревенскую жар-птицу, что не всякий и приметит. Ведь для многих людей сорока от сороки в одно перо родится, и ничем особенным не выделяется. А зря!

Птица эта, несмотря на своё кажущееся однообразие, невероятно своеобразна по уму и, уж конечно, хорошо знает, где ей зиму зимовать. Тянется сорока к человеческому жилью, где ей и дом, и дол, и желанная вольница.

Никто из птиц не проявляет такого повышенного интереса к человеку, как сорока. Она просто примелькалась, её не замечают, да к тому же лишний раз она на глаза не покажется, но наблюдение за человеком ведёт постоянно. При этом сороки очень любят комментировать события, происходящие

вокруг них, и бурно реагируют на любое взволновавшее их действие. Человек, в свою очередь, не может не замечать этого оживления и, несмотря на заботы, тоже невольно обращает внимание на него, про себя любуясь занятой птицей. Ещё неизвестно, кто больше нуждается друг в друге – человек или сорока?

А как удивительно угадывает сорока возможное для себя пиршество, да ещё не предполагая, откуда его ждать! Разрубая однажды мясо в крытой ограде, под сеновалом, так что никто из птиц не мог меня видеть, я ушёл ненадолго в дом и, когда вернулся, застал у мясного крошева на полу сороку. Птица, конечно, тотчас взлетела, но уселась неподалёку на заснеженной ирге, и стала наблюдать за мной. Я потом долго думал, откуда сорока узнала про мясо, но, ни к какому выводу, так и не пришёл. Недаром эту птицу называют чёртовой птицей, посвистухой или деревенской бабой-лепетухой, способной любого обвести вокруг пальца.

Ещё сороку считали вещей птицей, что вечно сокочет – гостей пророчит, которых она давно уже поджидала, и скорее сорока пером вся побелеет, чем сокотать перестанет. Такая уж эта птица, сорока-белобока, зелёный хвост, долгий нос, что задолго до всех предвещает чей-либо приход или приезд, усевшись на коньке дома.

«Не было сороки, а гости у порога!» - восклицали в первую очередь, удивляясь, почему сорока не предупредила о визите, поскольку даром она не сокочет: либо к гостям, либо к вестям. Так глубока была в народе вера в её предсказания, и, конечно, эта способность использовалась людьми не только как оповещение о приближающихся гостях или скорых вестях, но и в лесу, при выслеживании зверя, а также при определении погоды: если птица под стреху лезет – к вьюге. Сорока за то щеголяет рядом с человеком, будто в барских хоробах, и горя не знает!

Загадочная птица

Как-то раз, ближе к вечеру, подглядел я в лесу загадочную птицу...

Птица сидела на вершине ели и издавала странные, не слышанные мною раньше звуки. Чуть подаваясь вперёд и осторожно отодвигая крылья от туловища, она как будто хрипела в себя, причём, очень ровно и долго, а в следующий миг раздавался утробный клёкот, и крылья её делали небольшой взмах, с замиранием звука возвращаясь в прежнее положение. Птица околдовывала таким необычным поведением, и хотелось идти на этот kloкочущий голос, ни о чём не думая и просто наслаждаясь её диковинным присутствием.

Проделав порядка двух десятков необычных возгласов, птица сорвалась и улетела, а разбуженные верхушки елей скрыли её тревожащий полёт. Размером - чуть ли не с доброго глухаря, тело вытянутое. Оперение же - тёмное, гладкое, и ещё какое-то неопределённое, разглядеть его более

тщательно тогда не представлялось возможным из-за морозной туманной дымки, повисшей над лесом.

Позже я убедился, что это был ворон. Птица, как утверждают народные поверья, наделённая таинственной способностью перевоплощаться. Тайна перевоплощения заключается в её изобретательности: она не только безукоризненно копирует поведение и возгласы других птиц, зверей, поскрипывание старого дерева или завывание ветра, но и придумывает нечто не существующее, ранее не слыханное. Отчего-то ей необходимо вести себя таким загадочным образом, и тайна птицы зачаровывает. Принято думать, что ворон даже понимает речь человека, тем более, легко разгадывая его думы.

Ворон в лесном мире – само воплощение его древности и тайны, той глубины, которая незаметно уводит за собой и часто даже убивает. Верно хранит ворон лесную тайну, лишь изредка вскрикивая, не в силах сдерживать себя, но, спохватившись, опять замолкает. Тайные помыслы леса ведомы, наверное, и волку, и медведю, и старому лисовину, но только ворону подвластно владеть ими в полной мере, и иногда напоминать о них всем. Распахнув мощные чёрные крылья, ворон будто приоткрывает свою связь с таинственными силами, на миг овеивая скрытой в себе темнотой.

Сразу чувствуется, что ворон – серьёзная птица... Не в пример нашей вездесущей вороне, у него даже свой подклювный мешок имеется. Ворона, своровав оставленные человеком без присмотра монетки, зеркальце или пуговки, утаскивает их в гнездо, а ворон прячет все доставшиеся ему драгоценности в свой потаённый кармашек. Потом вырывает где-нибудь ямку, аккуратно закапывает, и маскирует пучком травы или листочками. Может поэтому обыкновенные серые вороны не любят ворона, что он ведёт жизнь на особинку, и держится всегда в одиночку.

Зорко вглядывается ворон в окружающую жизнь, ничто не проходит мимо его внимания, но никогда не тяготит это пристальное присутствие необычной птицы. Всё замечает ворон, сам оставаясь невидимым, а показавшись, зачем-то перевоплощается. Чтобы, наверное, не переставали им восхищаться, постоянно думали о нём, удивлялись и немножко побаивались.

Ворон несёт в себе эту удивительную возможность перевоплощения и никому не открывает своего древнего знания, то и дело, наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти чудеса негаданно выплывают по её пытливым, сокровенным волнам из глухой непостижимой старины, и лес как будто оживает в такие моменты, возвращаясь к временам своей далёкой молодости. Может быть, именно поэтому я тогда и не разглядел эту таинственную птицу, а только засмотрелся на неё, позабыв обо всём?!

Поразительный тетерев

Каждая птица чудесна по-своему. Особенность тетерева – в его взрывчатости и стремительном напоре. Одинаково оглушительно режет он

воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и осенью, когда в умиротворённой тишине вдруг взметается свечой над частым осинником, испуганно бьётся какое-то мгновение в его скрестившихся ветвях...

Сердце сладко замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту восхитительную паузу, и разухабисто ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но ещё долго стоит он в ушах, не давая на чём-либо сосредоточиться.

Когда же всё проходит, и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, начинает казаться, что ничего не происходило, так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, неизвестно зачем скрытый ото всех в этом чёрно-синем, отливающим воронёной сталью оперении чудесной боровой птицы...

Про сыча

Недавно я узнал, как поёт сыч... Он издаёт глуховатый, по несколько раз повторяющийся свист наподобие того, когда ветер порывами задувает в дуле ружейного ствола.

Свист, начинаясь на высокой ноте, к концу выдоха идёт на понижение. Как будто неведомая насупленная птица, спрятавшись в укромном уголке леса, выказывает кому-то неразделённую обиду, не видя ничего, кроме своего маленького загнутого носа.

Сыч подаёт голос обычно в ветреную, дождливую погоду, словно желает подладиться под неё. Почему-то сразу хочется улыбнуться, представляя себе, как он это делает. Сидит нахохленный, сердитый, будто ничего, кроме его заунывного дудуканья не существует. Недаром говорят про недовольного чем-то человека: «Сычом смотрит!»

Деревенский глухарь

Однажды мне посчастливилось отыскать маленький глухариный точок неподалёку от деревни, и когда я подходил под песню к токующему глухарю, отчётливо было слышно тявканье собак. Глухарь в такие моменты замолкал, забавно замирая на суку с приподнятой лапой, настороженно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, внимательно прислушиваясь к доносящимся с деревни звукам, и новую песню заводил уже не так азартно, а как-то нехотя, в полсилы.

Родившись и живя рядом с человеческим селением, и будучи, по-видимому, достаточно молодым, глухарь чем-то неуловимым становился похож на деревенского петуха, по сути оставаясь всё же лесным.

Странная птица

Золотистые глаза цапли кажутся недобрыми, и наблюдение за ней почему-то не доставляет особого удовольствия. При приближении человека цапля лениво взмахивает крыльями, и неторопливо перелетает на другое место.

Обычно она присаживается на макушку ели, замирая там изогнутым крупным силуэтом, и ты порой подолгу гадаешь: кто бы это мог быть? Разобрав же, разочарованно шагаешь дальше, и вскоре забываешь о существовании странной птицы, что живёт у воды, а гнёзда устраивает на вершинах высоких деревьев.

Гнёзда у цапли получаются широкие, сплетённые из толстых прутьев, и всегда располагаются в раскидистой развилке сосны, ели или берёзы, чтобы разместить в нём полдюжины своих колченогих неповоротливых птенцов. Цапля не любит какого-либо соседства, и может быть, именно поэтому выбирает высокие деревья.

Однообразие дороги вскоре вынуждает вернуться в своих мыслях к цапле, и странной начинает представляться не сама птица, а то, почему её существование тебя не занимает. Странная птица чем-то будто отталкивает от себя, и хоть живёт всегда неподалёку от деревни, и часто попадает на глаза, но ничем не привлекает.

Её нередко можно увидеть на берегу лесной речки, неподвижно замершей в камышах. Птица терпеливо высматривает свою добычу, затем – неуловимый удар, и извивающийся уж у неё в клюве. Цепко цедит свою цель царственная цапля – цап!

Трясогузки

Из всех птичек, что радуют нас по весне – трясогузки самые бойкие... Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, то и дело заглядывают вовнутрь, вздрагивая хвостиком поправляют на груди свой чёрный галстучек и, быстро склонив голову на бок, посверкивают бусинкой-глазком.

Молниеносно оценив для себя обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте и устремляются дальше: невидимо семят крохотными ножками, ловко ныряют из стороны в сторону, и до того настойчиво попискивают, что кажется вот-вот вскрикнут – мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?!

Зяблики

Люблю примечать прилёт зябликов, когда снег в лесу не тронулся, следить, как они перепархивают, насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает ещё какого-то очень

важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна. Но вот маленькие птички своим присутствием будто обогрели зябкую пору, и всё вокруг вскоре задвигалось и заиграло!

Царь птиц

Парение орла необычайно величаво, падение – стремительно, овладение же им добычей – хладнокровно, и разве поверишь, что эта гордая птица может стать совершенно послушна человеку...

Для этого он просто надевает ей на глаза клобук, делая слепой. Затем, привязав за ногу, усаживает на бечеву, и изредка, в течение нескольких дней, покручивает её. Так, время от времени шевеля бечеву и беспокоя орла, он долго не даёт ему пищи, чтобы орёл уже больше никогда не смог успокоиться и прийти в себя, тем самым навсегда подчиняя царя птиц своей воле!

Первый вестник весны

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-дон-н!» До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё не проснувшейся радостной поры!

Вальдшнепиная любовь

Под вечер неожиданно просыпался тёплый дождик и, откуда ни возмись, выполз густой туман, что стелился от низкорослых кустов до верхушек высоких елей. Он и прибил вальдшнепиную тягу вниз.

Птицы прижимались к самой земле, самки вскрикивали, увлекали за собой самцов, и те налетали на них с ходу прямо на дорогах, любом открытом месте, шумно сталкивались, вырвавшись навстречу друг другу из молочной пелены, быстро спаривались, и тотчас разлетались. Вместо них, тут же, вскоре появлялись другие птицы, и всё в точности повторялось.

Туман, кажется, внёс в поведение вальдшнепов некую непривычную для них нервозность, будто птицы боялись упустить этот вечер, в целом – всю весну, и торопились любить, что со стороны выглядело непривычно просто, но в то же время – как-то необыкновенно притягательно.

Охваченные страстью, птицы были так возбуждены, что будто не понимали: туман скоро рассеется, закат опять будет нежно-розовый, а воздух

– прозрачный, тёплый и спокойный. Но, бывает, выдаётся чудесный тихий вечер, а вальдшнепы почему-то не устремляются к своей любви...

Витютень

Редко удаётся увидеть лесного голубя-витютня, который скрывается по весне в разлапистых ветках ёлки. Бывало, неожиданно послышится из лесу какое-то непонятное постанывающее воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица? Так проникновенно и гулко разносится её грудной голос, чем-то непонятным очаровывает и привлекает...

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то возникает совсем рядом. И вдруг, в каких-нибудь двух-трёх шагах, заметишь в ветвях дымчато-розовое оперение голубя, его надувшуюся гордую грудку, и поразишься неброской красоте птицы, что большую часть жизни держится над раздольными полями, а силу свою черпает в густом лесу.

Синички

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства – синички, сильно разнятся между собой: московка, длиннохвостая, буроголовая гаичка, хохлатая, усатая, лазоревка... Но все они предназначены делать одно дело – тоненько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег.

А ещё быть беззаботными в любую непогоду и никогда не унывать, в то же время, ни на миг не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости и в лесу, и в городе. Не для того ли, чтобы смягчить наше ожесточившееся за зиму сердце, и, не повторяясь, радовать его, делая богаче? Мала синичка, да ноготок остёр!

Поцелуи дятла

Иной раз заслышишь впереди дробную стукотню дятла, и тотчас несколько разочарованно подумаешь: опять дятел, встреча с которым ничего нового уже не принесёт, поскольку за свой лесной век понасмотрелся ты на этих птиц вдосталь, всё, кажется, про них прознал и ничем тебя не удивишь!

Остановившись от дятла чуть поодаль, решишь немножко передохнуть и, опершись на палку, станешь без всякого интереса наблюдать, как он небрежно и в тоже время размеренно взмахивает головой, отбрасывает в сторону щепку и вновь ударяет: «Тук-тук, тук-тук, тук-тук!» Стоишь, смотришь и постепенно вдруг начинаешь замечать, что дятел прикладывается к стволу не как придётся, а аккуратно, будто его ... целует.

Грозная сова

Ястребиная сова... Вроде бы, звучит грозно, даже устрашающе, но ничего хищного в её облике нет.

Может быть, только слегка загнутый клюв напоминает страшную для всех птицу, да ещё то, что остальные совы отдыхают днём в дуплах, забиваются в самую чащобу, а эта, как нарочно, устраивается на виду.

Так и сидит целый день, подобно ястребу, высматривающему таким образом добычу, но не нападает, потому, как ничего не видит. Пристроится на самой высокой вершинке какого-нибудь дерева и спит, изредка поворачивая за солнцем свой грозный ястребиный профиль, на который никто не обращает внимания.

Стать скворцом

Всегда бывает так: только в один какой-то год прилетает много скворцов, и селятся они по всем дворам, даже в самых заброшенных скворечнях. Год этот помнят меж людей, передают из уст в уста с какой-то грустинкою о неповторимом былом, в ущерб безрадостной обыденности, но всё же не оставляют надежду на дружное возвращение птиц, необыкновенно оживляющее весну.

Затем, к следующей весне, появляется лишь небольшая стайка скворцов, и это на всю деревню, а то и вовсе один-два, так что даже не каждый селянин их увидит. Несколько лет птицы могут, вообще, не показываться, как будто повывелись, и во всей природе без них воцаряется уныние: без скворцов весной не достаёт чего-то главного. Так, незаметно, в какой-нибудь невесёлый год, про них и вовсе думать забудут, не замечая даже зябликов и горихвосток, и уж когда окончательно душой упадут, разуверятся в жизни, скворцы вновь радостно известят хозяев о своём прилёте в каждом дворе.

Я обо всём этом думаю следующее: чтобы получить возможность встречать птиц каждую весну, причём, всей деревней, нужно и нам всем каждый год стремиться к пониманию жизни. То есть – необходимо внутренне расти, неутомимо добиваясь способности видеть и себя, и птиц со стороны. Как будто ты, наконец-то, так созрел, что вышел из себя и стал необыкновенно радостным скворцом!

Кавалер

Чтобы обворожить по весне самочку, лесной голубь сначала подыскивает для неё дупло, без которого она и не подумает остановить на нём своё внимание, затем заводит любовную песню, и когда голубица принимает его ухаживание и подпускает к себе, ласково разглаживает ей перышки и, наконец, вкладывает клюв в клюв.

Чомги

Случается, что чомги, спокойно плавая и кормясь, вдруг взмываются над водой вытянутыми столбиками, чуть выгибаются и, вспенивая воду, будто бегут по ней, не теряя при этом равновесия и какой-то необыкновенной грации, что, как и поза птицы, поначалу остаётся непонятной...

Немного подумав, относишь подобное поведение к строению тела этих птиц, у которых лапы значительно отнесены назад, и это не позволяет им двигаться по земле. Но в период брачных игр, когда самец преподносит самке в клюве пучок травинки для гнезда, он в порыве чувств занимает такое положение и, не имея возможности ходить по суше, бежит по воде, восполняя тем свой природный недостаток.

В этом желании понравиться столько приподнятости и восторга, что, глядя на охваченных страстью чомг, и сам невольно приподнимешься на цыпочки, но спохватишься – и улыбнешься.

Дятлова кузенка

Бродя целый день по лесу, и привыкнув к однообразию ходьбы и лесных пейзажей, всегда с удовольствием отметишь гору сосновых или еловых шишек, заботливо натасканную дятлом в небольшую впадинку с корневым выступом, либо к пеньку на краю опушки, чем-то привлёкшему птицу. Приверженность дятла к какому-то одному месту давно известна.

Бывает, годами привязан к нему дятел, по несколько сотен шишек выбивает за зиму, но места не переменяет. Хороша именно эта «кузня», а вернее – «верстачок», где он защемляет шишку и выколачивает из неё семена.

Может быть, эта приверженность – из-за неприхотливости дятла, его несравненной работоспособности? Некогда дятлу искать более подходящую «наковаленку», и, повстречав более-менее подходящую, он ударяется в свою бесперебойную стукотню... Всю зиму настукивает, несмотря на вьюги и метели, с утра до вечера, с осени до весны.

И что ещё интересно: порой встречаются «кузни» всего лишь с несколькими шишками, тогда как однажды я насчитал даже до тысячи. Устав перебирать шишки, помнится, стал их десятками отбрасывать в сторону, а они всё не кончались... Видно, любимое то было место у дятла, и бросать его старательная птица не желала.

Пристрастие дятла к какой-то одной избранной «кузнице» отличает в нём не только старание и основательность, но и особый вкус: всё бы стучал, да стучал, а шишки росли горой, всем на удивление. Видать, сам Господь умудрил дятла служить в лесу «кузнецом», была бы только шея крепка!

Невидимые нити птичьих трелей

Что заставляет птиц петь? Может, песней птицы благословляют радость своего поднебесного существования, ни с чем несравнимое ликование от возможности бесконечно парить в вышине? Но так ли безмятежны воспарения их маленьких душ, если рано или поздно им придётся всё-таки опуститься на землю для выполнения своих самых насущных забот – сооружения гнёзд и выведения в них птенцов?!

Неповторимыми голосами птицы знаменуют, вероятно, разрешение собственных проблем, и песня незамедлительно вырывается наружу, свидетельствуя о торжестве жизни. Птица искренна в своих побуждениях, её веселье не омрачено какой-либо печалью или сомнением, и чем вдохновеннее она поёт, тем справедливее её отношение к самой себе. Ведь любое пение предполагает чистоту помыслов, и нет существа более ответственного за переполняющую его жизнь, чем птица.

Недаром говорят, что жаворонок на невидимых нитях своих, никем не превзойдённых, трелей удерживает всю землю.

Мои глухаринные хлопоты

Целый месяц хлопотал я как-то рядом с глухарями: будил их, разбирал на снегу замысловатые наброды и чертежи, искал места новых токовищ, радовался их стремительному и тяжёлому полёту, слушал непостижимую весеннюю песню, но ... не стал им ближе. Глухари жили своей трепетно-осторожной жизнью, а я своей, начинающей казаться мне непутёвой и бездумной. Все попытки сблизиться ни к чему не приводили. Я был бесконечно далёк от великолепных птиц, и всё же они меня безотчётно манили.

Каждый день, затемно, я уходил к ним из избушки, чтобы приблизиться, хотя бы на чуть-чуть проникнуться их таинственным существованием, подсмотреть что-то недостижимое, ещё не виданное мной, но всё было напрасно. Глухари, в лучшем случае, терпели моё присутствие, а в самый неподходящий момент – улетали. И ничего нельзя было с этим поделать. Просто принять, как вынужденную и не совсем приятную действительность.

Глухари не издевались надо мной – они жили своей потаённой, лесной жизнью, в которой я оставался лишним. Но как было приятно пытаться почувствовать себя глухарём – этой диковиной птицей, что каждую весну поёт о неизведанной для нас древней любви.

Крапивник

Редко кто видит махонького крапивника, чья мелодичная песенка то и дело доносится из густого кустарника у изгороди. Только на миг прошмыгнёт он рыжевато-бурым мышонком среди ветвей, у самой земли, и

опять его не видать. Нужно немало терпения, чтобы хорошо разглядеть крохотного певца.

Но при всей своей осторожности и скрытности крапивнику не занимать совершенно бесшабашной повадки, когда он низко склоняет головку, а рыжеватый хвостик залихватски топорщится кверху, - вот-вот, кажется, перевернётся и упадёт. По этой позе его можно безошибочно отличить от других птиц, если, конечно, удалось подкараулить бравого удальца, которому по удали и его имя: не всякая птица способна в крапиву садиться, а только этот маленький молодец, и потому глядеть на него всегда любо!

Дятел-пчеловод

Дятел-желна – большая чёрная птица с красной головой, что, кажется, забыла себя в лесу, отрешённо перелетает с дерева на дерево, то и дело пронзительно взывая неизвестно к кому, и всё больше таится, не ведая: зачем ей суждено быть такой?

Услышишь по осени, как протяжно и жалобно заголосит над лесом желна, и непременно отчего-то вспомнишь что-нибудь худое, на какое-то время, поникнув душой. А дятел, не переставая, по-прежнему монотонно вскрикивает где-то вдалеке, будто неотступно просит о чём-то, и вспомнишь тут, что в народе желну почему-то прозвали «бортником», тогда как обычного дятла – «дровосеком».

И тотчас подумается: может быть это он не жалобится, а мёду у кого выпрашивает... От этих мыслей невольно улыбнёшься, представляя, как дятел, охочий до мёду, лазит в дупло, пытаясь отыскать соты, беспокойно косит по сторонам вострым глазком. Большой, чёрный, на голове – алая шапка, да ещё – пчеловод!

Гвоздик

Поздняя осень, выпал первый снег, и, как ни странно, наступила именно та пора, когда в нашем лесу оживляются самые маленькие обитатели. В разлапистых ветках ёлок без усталости вертятся и тоненько посвистывают зеленовато-оливковая птичка – королёк. Ростом он чуть больше стрекозы, разглядеть его можно только замерев и пристально вглядываясь в заснеженный лесной полог, а отличается он от других пернатых малюток рыжеватой-золотистой коронкой на молодцеватом хохолке, отчего и получил своё гордое имя.

За неугомонный нрав и несоответствующую его размерам бойкость лесовики ещё прозвали эту птичку «гвоздик», то есть, несмотря на малость, стойкий и неунывающий, сметливый и проворный. Не зря королёк поёт у нас и в морозы!

Зависть

Весенний день ласково струится над оживающим лесом. Ослепительно припекает солнце, а дорога упрямой лиловой лентой убегает к манящему горизонту. С маленьких придорожных лужиц, подпуская почти вплотную, пугливо срываются юркие кулики-черныши, и над затопленным в низинах тальником разносятся их отрывисто-восторженные вскрикивания.

Одиноким ястреб-тетеревятник плавно кружит над еловыми гривами, наворачивая круг за кругом, медленно уменьшается, постепенно становясь невидимым. Я лежу на маленьком стожке сена, оставшегося с прошлого года, и отрешённо наблюдаю за его размеренными, еле уловимыми движениями.

Нельзя даже различить: шевелит ли он кончиками крыльев? Должно быть, ястреб уже успел рассмотреть во мне незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недостижимое для человека пространство. Вознёсся, наслаждаясь собственной свободой, не принимая какую-либо ограниченность. В его глазах сейчас, наверное, стекленеет презрение ко всему, и на какой-то миг я начинаю жалеть себя.

Открывающаяся в лесу человеческая растерянность порой бывает постыдна. Правда, она не всегда достаточно ощутима. Главной виной тому – растраченная или пока так и не пробудившаяся в человеке совесть, свойство, которого лишены животные.

Совесть – робкое, а порой и довольно требовательное напоминание человеку о его душевном превосходстве над зверем, тогда как на деле это не всегда происходит. Более мучительным для человека оказывается постижение безвозвратной утраты им прекрасной звериной силы. И тогда человека начинает снедать тоска и неудовлетворённость, он заболевает полётом, и уже не мыслит себя без высокого неба.

Кажется, человеку нечего предпочесть одиноко парящему в вышине ястребу, этой отрешённости гордой птицы, что сначала незаметно окрыляет, унося вместе с ней в необозримую высь, а затем повергает в ошеломительную зависть...

Земля подо мной вдруг становится невесомой, какая-то неведомая сила приподнимает меня над лесом, и я уже не отдаю себе отчёта в своих чувствах, все они сливаются во всепоглощающее переживание дикой свободы, а её можно ощутить вот только таким, тревожащим сердце, весенним днём, превращаясь в мыслях в легкокрылого и недостижимого ястреба.

Осоед

Нелегко отыскать в лесу такого зверя или птицу, чтобы они долгое время не подозревали, что на них смотрит человек. Встречи со зверями сами по себе не часты и, как правило, кратковременны. Что же касается птиц, то

они скоро улетают, словно чувствуя чьё-то незримое присутствие. Так бывало не раз, когда я наблюдал за ними через оконное стекло лесного домика.

Подкравшись тихо к окошку, бывало, замрёшь и смотришь на расстоянии вытянутой руки, чем занимаются птицы, какое им свойственно поведение, или разбираешь яркое оперение, запоминая его всевозможные оттенки. Уже через несколько секунд птицы начинают выказывать тревогу, подхлестывают себя ею, разжигают и, доведя своё обострённое восприятие до допустимого накала, улетают в возбуждении, тогда как ты всё это время, затаив дыхание, оставался недвижим. Значит, что-то они угадывают сквозь своё независимое поведение, даже – полное отторжение от мира человека, и какой-то механизм предусмотрительности, заложенный в них природой, всё-таки надёжно срабатывает, быть может, даже независимо от их воли.

Так, однажды, обнаружил я за окном избушки обыкновенного осоеда, птицу в наших лесах довольно редкую. В каких-нибудь десяти шагах от дома сарыч с нетерпеливым клёкотом переминался с ноги на ногу, рыл под собой землю в густой траве, а как только я подошёл к окну, чтобы лучше его разглядеть, он тут же улетел.

Осоед, как выяснилось позже, раскапывал осиное гнездо, не боясь при этом быть ужаленным. Осы – главная часть его обеда, но ест он только тех, которые не совсем развились и не могут повредить его своим ядовитым жалом.

Осоед был красив, вёл себя, в отличие от других хищных птиц, как-то раскованно, и очень свободно передвигался по земле. Но более всего поразила меня его резкая, совершенно неожиданная настороженность, поскольку следил я за ним с подсолнечной стороны, и видеть меня за двойным стеклом он не мог. Не мог он меня и услышать, потому как подобрался я к окну, закрываясь от птицы стеной, не делая резких движений. Я даже не слышал самого себя!

Какие-то мгновения сарыч ещё находился в полной отрешённости, был начисто раскрепощён в своём увлечении добычей осиных яичек, но затем молниеносно насторожился, беспокойно закрутился на месте и, слегка взмахнув мощными крыльями, улетел. Звук его голоса – торопливое, часто повторяемое «ки-ки-квик», ещё долгое время слышался над лесом, а я подумал о том, что поводом для беспокойства осоеда послужил только мой взгляд, может быть, моё пристальное внимание к нему, и птица, несомненно, почувствовала это.

Самая живая птичка

Самая живая птичка весны – светло-серая с чёрным бантиком на груди трясогузка: только прилетев, она уже куда-то зовёт за собой. Кокетливо помахивая хвостиком, то и дело, перебегая дорожку и трогательно попискивая, трясогузка будто приглашает в какие-то неизведанные края, в

которые сама ни долететь, ни добежать, кажется, не в силах. Но почему-то не оставляет попыток, всё неустанно семенит ножками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь зазывно увлекать.

Небесный барашек

Идя ночной порой на глухариный ток, задумаешься, бывало, о чём-нибудь, что давно не давало покоя, а окружающая парная темень жарко дышит в лицо и ещё более сгущает тяжкое настроение: радость равнодушно покинула твоё сердце.

Запинаясь о невидимые кочки, бредёшь в липкой темноте, и всё думаешь о чём-то тревожном, на душе беспокойно и сумрачно. Уже затемнели верхушки тальника на чуть светлеющем небе, утробно вздыхают по лужам разбуженные лягушки и, пустив несколько пузырей, умиротворённо замирают. Тяжело идти, тяжело дышать, нелегко думать!

И вот, крик случайного бекаса над самой головой выведет из охватившего оцепенения, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от невесёлых дум. Куличок стремительно падает в необозримой вышине, перышки на его крыльях вибрируют, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек...

Вглядываясь в прозрачное небо, какое-то время стоишь в приятной растерянности, вслушиваешься и ощущаешь только удары разгорячённого от ходьбы сердца. Такой же крохотной птичкой бьётся оно в груди, трепещет невидимыми крылышками, а ты и не ведаешь, что незаметно, благодаря маленькому бекасу, в тебе уже пробудилась утерянная радость.

Пугач

В густом еловом лесу поднял я однажды филина. Он бесшумно перелетел поляну, и уселся неподалёку. Летел ночной хищник плавно, так что можно было хорошо разглядеть его тёмно-рыжий окрас с ярко-чёрными красивыми подпалинами. Крылья у филина были неестественно вздыблены, потому как предплечья – самая сильная часть тела птицы, а когтистые ноги устрещающе свисали под брюхом.

Большая округлая голова, похожая на кошачью, чутко вздрагивала, то и дело, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Её украшали мохнатые уши, вернее, это были пучки перьев, что напоминали их, и ещё – мощный загнутый клюв. Огромные оранжевые глаза бесстыдно взирали вокруг, будто пронзая своим холодом. Весь он был невозмутимый и целенаправленный, в поведении птицы чувствовалась ненаказуемость, призванная в лесу только брать, ничего не отдавая взамен.

И сразу дохнуло сказочностью, уверенностью в том, что лесной дух всё же существует. Если не в этом, бесшумно проскользнувшем между деревьев филине, то в силе, что созидает его полёт. Показалось, будто какой-то

непонятный сон на миг обволок сознание, но, даже избавившись вскоре от нахлынувшего видения, некоторое время ещё не покидало очарование от увиденного, а цвет оперения филина тотчас напомнил цвет шероховатого елового ствола, о который я опирался рукой, наблюдая за необыкновенной птицей.

Филин вертел головой, словно она была на шарнирах, хлопал огромными глазами и возбуждённо раздувал шею. Выглядел он скорее забавно, нежели устрашающе, между тем как в птичьем мире филин слыётся самым загадочным хищником, которого многие птицы и звери не на шутку боятся.

Но несмотря на то, что облик птицы чаще всё-таки вызывает ощущение страха, в филине зловещего не больше, чем обаятельного, и лесной бог посылает его лесным обитателям только за тем, чтобы филин своим уханьем напоминал им о таящейся в чаще опасности и тут же от неё отпугивал, время от времени предоставляя возможность для спасения. В народе издавна чтили сказочную лесную глухомань, но вскрикивания ночной птицы восприняли по-своему и прозвали филина «пугачом». Крестьяне, заслышав в лесу ухажущую птицу, всегда крестились и старались побыстрее миновать «гиблое» место, приговаривая: «Из пустого дупла – либо филин, либо сам сатана!»

Ласточки

Думал о том, почему ласточки более других птиц пользуются человеческой симпатией, особенно среди женщин... Приходили на ум и их внешняя красота, облачённая в белоснежную манишку и чёрный сюртучок, и трепетная забота о птенцах, ради которых вездесущие птички готовы неутомимо трудиться весь день, и стремительность завораживающего полёта, когда они львиную долю светлого дня свободно витают над землёй, ни на секунду не присаживаясь на неё. А ещё умение строить такие аккуратные и надёжные гнёзда под карнизами наших домов, не говоря уже о таинственных береговых норках, из которых, если потопать ногами, ласточки стрелой вырываются и долгое время носятся над водой, не в силах успокоить растревоженное маленькое сердце. Но все эти достоинства почему-то не удовлетворяли, в них, похоже, не доставало чего-то самого главного, за что ласточками можно было восхищаться и любить.

И тут я вдруг остановил своё внимание на ласковости их имени, с какой в народе величали этих обаятельных птиц... И сразу вспомнилось ласковое деревенское утро, которое невозможно представить без их стремительного полёта, и ласковое тепло солнечных лучей, и что-то ещё очень нежное, без чего ласточкино утро никогда не будет таким добрым и дорогим. Милые птицы, скорее всего, вселяют в сердца людей трогательную признательность за своё очаровательное добродушие, с каким они воспринимают жизнь, одновременно и божественно, и просто. И кому, как не женщинам, наиболее

приятно представлять себя в тёплых струях живительного летнего воздуха именно ласточками, а не горихвостками или овсянками!

Голос природы

Есть в лесу много таких птиц, чьи голоса можно без особого труда передразнить. Например, вороны, когда она, забираясь в поднебесные выси, начинает играть в воздушных потоках и издавать своё: «крум-крум, крум-крум, крум-крум», а то просто и доступно для любого подражателя: «кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р». Или, скажем, всем хорошо известная синица, что без остановки принимается будить нас за окном каждое мартовское утро: «пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь». Но может и рассыпаться, будто дробной капелью с крыш: «ци-ци-ци, ци-ци-ци, ци-ци-ци». Дятел желна всегда устремляется в полёт с тревожной озабоченностью: «крю-крю-крю, крю-крю-крю, крю-крю-крю», и потом плачуще, с жалобой на кого-то: «киу-у, киу-у, киу-у». Но вот песню глухаря, как ни старайся, никак не передашь: слишком уж она мудрёная!

На первый взгляд, голос глухаря, конечно, не сравнишь с пением соловья, но и поговорка, что у кого голосу нет, тот и петь охоч, к нему тоже не подходит. У глухаря свой голос, не похожий ни на какой другой, да к тому же бережно скрываемый природой под покровом темноты. Его не услышишь просто так, а нужно отыскать птицу в раздольную весеннюю пору, прокрасться к ней и остаться при этом незамеченным. Иначе древний житель лесов не соблаговолит открыть тебе свою древнюю тайну, и звук его великолепной гортани не проймёт тебя до самых глубин души. Всяк в природе своим голосом славится, и важно проснуться с зарёю, почувствовать сердцем, что природа тебя поджидает, и каждому звуку в ней обрадоваться.

Самое начало глухариной песни как будто несложно, ровно капли падают в какой-то невидимый металлический сосуд: «тэк-е, тэк-е, тэк-е». Так глухарь только принаравливается к пению, как бы настраивая свой музыкальный инструмент, которым является его гортань. Вытянув шею, и вздрагивая всем телом, он сообщает ей в окружающее пространство эти капли-звуки, что, падая, будят весенний лес.

А вот сама песня невероятно сложна и требует уникального музыкального слуха, соответствующей подготовки и досконального знания глухариного образа жизни, чтобы хотя бы попытаться воспроизвести её. Представьте себе древнего лесного исполина, чей возраст превышает возраст человека! Безукоризненно вылепленное природой горло и мощный клюв, широкая грудь, загадочное и сильное нутро этой птицы, что зачаровывают и повергают своей тайной. И всё это оттачивалось веками, пробовало себя из весны в весну, и ничто не мешало такому неторопливому и вдумчивому самосовершенствованию.

По глубоким летам птицы и её безупречно отточенный голос, в котором нет ничего лишнего, только восхищение, переданное глухарём доступными

ему средствами, прекрасная лесная глушь и нескончаемая мощь! За долгое время ученичества глухарь действительно бесподобно отшлифовал своё мастерство, не переставая каждую весну наслаждаться этим природным умением. Может быть, именно поэтому лес сберёг его песню, и глухарь начинает петь только ночью, когда многие птицы ещё видят сны.

Это даже не песня, а какой-то неведомый лесной голос, что провозглашает в ночи о чём-то непостижимом, таком далёком и, в то же время, близком. Мало того, что он человеку непонятен, так к нему ещё надлежит добираться через лесные дебри, отыскивать в необъятных таёжных просторах, тратя на это немало времени и усилий. А обнаружив – постараться слиться с лесом, стать незаметным, чтобы вслушиваться и постигать голос самой природы, сокровенно повествующий о том, во имя чего она, не покладая сил, трудится.

Голос природы – это и вековая память леса, а провозвестником её она выбрала именно глухаря, такую же древнюю, как лес, птицу, призванную, наверное, восхвалять самую главную лесную тайну. Хорошо бы когда-нибудь открыть её, и так же, как и глухарь, самозабвенно и радостно поведать о ней людям.

Буровато-серая маленькая птичка

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с берёзового листа, и сразу, по прилёту, занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек. В деревнях же выбирает, чаще всего, черёмуху и сирень. Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди фиолетово-лиловых нежных султанов и вовсе остаётся незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поёт всю ночь.

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самочек, что возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече. В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

Общеизвестно, что соловей – знатный певец, он не похож в своём природном умении ни на одну певчую птицу. Соловей не просто свищет и щёлкает, как обычно, не без восторга, принято упоминать среди людей о его непревзойдённом таланте, он именно поёт, издавая голосом восхитительные звуки. Охотники до соловьёв различают все колена его песни, и даже дали им названия: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин перелёт, гусачёк, юлиная-стукотня, почин, оттолчка, свисты, трели. Соловей поёт, говорят, себя тешит, но разве для всех нас по весне его песня не великая радость?!

Сколько раз мне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени у себя в деревне, силясь рассмотреть знаменитого певца. А когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в неприглядное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча.

Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

Чечевица

Увидел я однажды в бабушкином саду неведомую мне ранее птицу – чечевицу, и очень она мне понравилась. Только о ней я и думал, и до того к этой птице в мыслях привязался, что даже захотелось стать ей. Спросите, отчего такое случилось, и я отвечу: это была загадочная птица, не похожая на тех, что обитали в нашем саду и летом, и осенью, и даже зимой.

А ещё я увидел в ней то, чего в других птицах не было - она говорила человеческим голосом! Меня сразу поразила её необыкновенная песенка, вернее даже - позывка, что она подавала неизвестно кому, какому-то «Вите»: «Витю – видел?», Витю – видел?», « Витю – видел?». И с тех пор стал я внимательно наблюдать за этой птицей, когда она появлялась в нашем огороде.

Даже название птицы околдовывало: «че-че-ви-ц-а»! Как будто какое-то волшебное существо из неизвестной всем сказки прилетело в наш сад и озарило его своим нежным малиновым светом, а когда из клювика птицы разносились чудесные мелодии, то просто замирало в груди сердце. Больше всего завораживало это её беспокойное обращение, словно неведомый человечек заботливо спрашивает у такого же невидимого и загадочного друга о каком-то «Вите», будто ему без него ни за что не обойтись: »Витю видел?» Что за удивительная птица...

В звуках её песни я слышал именно неподдельное удивление, будто бы птица эта искренне недоумевает отчего-то, и неутомимо пытается разгадать неразрешимую для себя загадку, впрочем, не обременительную для неё, а скорее - радостную. Она просто живёт этим незатейливым устремлением, никому особо не докучая, и при этом - чудным образом его распевает, так что можно было её песенкой заслушаться. Трепетно, с присущей только чечевице проникновенной нежностью, выводила она свои трогательные нотки, так что хотелось внимать им бесконечно.

Любезна была чечевица моему детскому сердцу не только необычным голосом и яркой раскраской, а именно нежностью какой-то необыкновенной, и своей птичьей тайной, что хотелось разгадать: откуда взялась в нашем саду такая ласковая красавица, какую загадку с собой принесла? Уж больно по

душе она мне пришлась, возмечтал я о её неведомой жизни. Уж больно не похожа была чечевица на иных птиц: вроде, как не их племени, а всё же - птица.

Запоёт, бывало, удивительная птица поутру, и сердце радостно вострепнётся: посетило нас с бабушкой настоящее божественное явление, чистая благодать! Присядешь тихонько на корточки, под яблонькой, и слушаешь, как она тоненько заводит свою птичью просьбу, словно пронзая воздух трогательными нитями волшебной мелодии: «Уить, уить, уить, Витю видел?!» И ты, как в сказочном сне, забываешь обо всём, веря, что птица, действительно, кого-то ищет, а найти никак не может, и хочется помочь ей в этом.

Чувствуешь, что около тебя, в родном бабушкином саду, притаилась какая-то восхитительная и, в тоже время, простая жизнь, и она знает о твоём существовании, неясно двигается от дерева к дереву, как сон, и ласково становится на душе от её еле уловимого присутствия, а земля под ногами будто оживает, такая близкая, родная. Слышишь, как она дышит, хочется и её тайну разгадать, зреющую в самой глубине, и ты проникаешься её родимым теплом, видишь, как благотворно она распахивает свои объятия навстречу всему живому, и всё это ты переживаешь благодаря маленькой птице чечевица. Так, окрылившая мою душу, птица эта стала мне тоже родной. Разве не чудо?!

Слушая чечевицу, я будто забываю обо всех своих играх, и чудится мне, что будто бы это уже не она, а моё сердце изливает солнечную радость. Радость, что струится над землёй, как и её песня, и кажется, что скоро всё под солнцем растает, и потечёт цветочным густым потоком к небесам, украшая не только землю, но и воздух, и небо. Что за волшебство, и это ли не праздник?!

И вдруг почуял я тогда, в свои семь-восемь лет, как важно то, что ты сам видишь: не то, как смотрят на тебя люди, а как ты отличаешь во всём свет, и этим светом вокруг светишь, угадывая в окружающей жизни только добро. Вериться тогда начинает, что всё в жизни можешь сам устроить, и до всего прийти, если трепетно ко всему относиться, честно.

И тогда все твои мечтания - тоже как дети: вольны и прекрасны душой, ничего не опасаются, смело заглядывая за горизонт своей только начавшейся жизни, все они подобны божественному светлому лику. Хочется и тем из них побыть, и этим, а в того и вовсе можно влюбиться, голову за ним потеряв, и ведь так и надобно – именно с любовью отдавшись делу своей жизни, позабыв в сердце все страхи, незаметно поднимая себя на высоту чудесного божества. От всего этого более ясной становится душа, как земля после первой весенней грозы, и хочется самому источать вокруг такую же чистоту, быть безоблачным и вольным, как прекрасная птица чечевица.

А чечевица ровно из воздуха слова своей чистой песенки ловит, и всё поёт, не прерываясь, поёт, поёт. Так же чисто и на душе становится, покойно, хоть ты ещё и маленький, а всё же утверждается в тебе, благодаря птице,

нечто очень цельное, без чего прожить никак невозможно. Что же это, если не правда, угодная не только Богу, но и людям?!

И правда эта такова: каждый человек должен подняться над собой, внимательно осмотрев свою жизнь, чтобы двигаться дальше, к Господнему престолу, воплощая все мечты о добре и справедливости, как это делает маленькая птица, взмывая со своей чистой песенкой в блаженные небеса, и воцаряется повсюду всеми желаемое благо. Да будет так!

Кем только не мечтал я быть в детстве... Видел себя и путешественником, и футбольным судьёй, и объездчиком лошадей, и цирковым гонщиком на мотоцикле, и во всяком представляемом образе воображал себя, как будто, на своём месте, самим собой. Только никак не мог определить - к чему более всего лежит моя душа, именно к этому ли делу я приспособлен?

Не хотел я быть лишь звездой в холодном небе. Звёзды мне казались слишком далёкими и недосыгаемыми, там, наверное, было бы скучно без цветов и бабочек, солнца и деревенского пруда с карасями, бабушки и нашего сада с незабываемой птицей чечевица, что разговаривает человеческим голосом...

Мир воспринимался мною как чудесное существование, где можно было жить и себе и другим на радость. Понимать в ту пору я, конечно, многого не мог, детские разумения только в зрелые годы для человека доступны, когда к нему мудрость приходит, и он начинает Бога в себе любить. Так сохраняйте детство в своей душе, ибо в нём – божественная истина, как в пении птицы, пусть это будет чечевица!

Даже сейчас слышу я бабушкины наставительные слова, будто она в то время, как я вернулся из сада, почувствовала меня:

- Будь сильным и никого не бойся, смотри прямо вдаль, мечтай и осуществляй свои мечты. Но при этом бескорыстно поклоняйся Богу, хотя и нечего тебе просить у Него: только благодари за подаренную возможность жить, познавая себя и окружающий мир, радуйся всему и люби. Не Богово это дело помогать во всём людям, сами они о своей жизни разуместь должны, на то им существование и дадено, и жизнь – это радостная отдача всего себя только Богу, не забывая эту священную истину, чтобы лишнее горе в сердце не нести. Близок ты Богу – и уже в этом великое счастье, тихий радостный праздник души, возносящейся за облака, где обитают небесные птицы. Лети с ними к Богу, и да пребудет в твоей душе божественный свет.

ПТИЧИЙ БАЗАР

Одинокие скалистые острова... Истошный крик чаек и грохот прибоя, запах сырых камней и водорослей, резко ударяющих в нос. Странное чувство, что ты когда-то уже был здесь и прожил целую жизнь, а теперь вернулся, и эта твоя холодная родина необыкновенно тебе мила. Есть что-то

притягательное и в воздухе, и в красках, и в неброской природе северных широт, которую однажды узнав, уже больше никогда не забудешь.

Глядя на эти суровые края, голые скалы, холодное море, призадумался: а для чего птицы весной возвращаются на север, осенью улетев на юг? Осенью - понятно, на севере для них не находится корма, и в случае, если бы они остались, их ожидала неминуемая гибель, но вот отчего птицы не остаются в тёплых краях навсегда, не выводят там птенцов, а всё равно устремляются на север? Говорят - птицы возвращаются на родину, но почему родиной им не может стать во всех отношениях благодатный для них юг?

Оказывается, птицы возвращаются, скорее, не к местам своих гнездовий, а к человеку, чтобы быть ему полезными, принося радость. Спросят: а чего потеряли пернатые на самом Крайнем Севере, на берегу Ледовитого океана? Ответ прост: бывает человек и там, неодолима его тяга к дальним странствиям, как и неиссякаемая жажда открытий!

Так же и мы: не можем обойтись без этого сурового северного края, где птицы устраивают свои незабываемые «птичьи базары». Все гранитные уступы на таком «базаре» усыпаны птицами, а внизу, в холодных расщелинах, бьются обезумевшие волны. В некоторых из них ещё белеют оплывшие глыбы льда.

Иногда даже принимается идти снег, отчего начинает казаться, будто череда времён года по какой-то неведомой причине нарушилась, и на смену зиме пришла поздняя осень. Только крик всё подлетающих и подлетающих птиц выводит из этого охватившего тебя студёного затмения, и ты понимаешь, что вокруг всё-таки воцаряется весна, хотя и очень робко. В этих местах она приходит на месяц, а то и два позже.

Море тяжело вздыхает, медленно пробуждаясь от зимнего сна, лёд, застрявший в расщелинах, глухо потрескивает и охает. Сырой порывистый ветер мчит над водной поверхностью, разбрасывая солоноватую пену, и невольно думается о том, что север для тебя ближе, чем юг, и его неопишуемая свежесть ни с чем несравнима.

Кругом море и камни, камни и море, и ещё светло-серое, с жидкими белыми облаками небо, на фоне которого то и дело мельтешат подлетающие птицы. Подняв к глазам бинокль, не покидает ощущение, что мелькание пернатых в воздухе будто учащается, смешивается, и скоро на глазах наворачиваются слёзы. Пронзительный северо-западный ветер только усугубляет невозможность что-либо разглядеть.

Ещё совсем недавно замершую тишину всё более нарушают заунывные возгласы гагар и чаек, тупиков и кайр, монотонно постанывают в расщелинах чистики. Север встречает нас своим студёным дыханием, что не холодит, а обогревает, незаметно наполняя своей отрешённой силой.

С волнением смотрю я на голые скалы, на этот голубовато-серый туман, окутывающий их будто покрывалом, на мутновато-зелёную глубину под бортом, и не могу поверить, что я здесь. Так долго мечта представлялась

неосуществимой, а дикие острова с их неописуемо завораживающими птичьими базарами недосягаемыми. И вот я здесь...

Могучи вздохи прибоя у северного моря, спокойны и сдержанны северные краски, широки и ладны спины рыбаков, встающие и исчезающие в холодных водах, когда рыбаки в спокойном темпе выгребают кунгас с волны на волну. Всё здесь проникнуто приливом сил и сдержанной бодростью, так что, работая целый день, не замечаешь усталости. Север лечит тебя своим размеренным и простым ритмом жизни, если ты болен, и вдыхает в сердце студёную, бодрящую свежесть, отчего хочется круглые сутки лазить с биноклем по скользким скалам, отыскивая птичьи гнёзда с яйцами непривычно яркой для севера окраски.

Дни, кажется, длятся вечность, превращаясь в нескончаемо прекрасные недели. Где ещё я был так счастлив, как здесь, на севере, и что может сравниться с ним по глубине переживаний?

Нелегко, но радостно писать про север, ибо мысли о нём более всего переполняют душу. Так случилось, что самые главные события в моей жизни произошли на севере, на Краю Света, и укачивало меня своей любовью именно студёное море, у которого так замечательно и просто жилось, и каждый день оказывался неслучаен.

Утверждение, что на севере преобладают скупые краски, не верно, всё здесь живо и имеет свою внутреннюю красоту, которая непринуждённо просится на свет. Север, скорее, не убаюкивает, а будоражит, так что уже нет сил оставаться равнодушным, и ты незаметно становишься сильным и ловким, чутким в восприятии жизни.

Каждый день на севере встречает твоё пробуждение приятной прохладой. Холодный воздух совершенно спокоен и пронизан такими же спокойными глубокими красками. Спокойно и море, что случается здесь редко, и от всего этого хорошо и спокойно становится на душе.

Состояние покоя способны нарушить лишь птицы, что собираются по весне на диких островах в огромные стаи для выведения потомства. Каждая птица стремится устроить своё гнездо с наименьшей безопасностью для своих будущих детёнышей. В некоторых случаях безопасность птенцов достигается путём колониального гнездования, когда на скалистых берегах морей и океанов вместе оказываются самые разнообразные птицы.

У большинства морских птиц сильно выражен именно гнездовой консерватизм. Можно сказать, что им больше, чем большинству не морских птиц, оказываются свойственными верность своему острову, карнизу на скале и брачному партнёру. И как бы далеко их не уводили морские дороги по необъятному океану, они стараются вернуться на родину, к своему родному счастью, а своя печаль, если она случится, и чужой радости дороже.

Неприглядные голые скалы не отпугивают, а привлекают птиц. Весной, когда вся перелётная птица подаётся в родные края, именно эти одинокие острова становятся пристанищем для чаек, гагарок, бакланов, многочисленных уток и чистиковых. В пути и молодёжь мужает, и старики

закаляются, многие, конечно, гибнут, а оказавшись на пустынном каменном острове - словно возрождаются. И чему бы, казалось, радоваться, если вокруг - не до конца растаявшие льды и промозглый холод, а у тебя даже хворостинки не найдётся, нечем устелить своё гнездо, да и нет его вовсе - только голый камень.

Причём, с наклоном, и это – на продуваемом всеми ветрами маленьком острове, теряющемся в необъятности морских далей. Разве тут постигнешь неудержимые птичьи устремления всё дальше на север, когда уже, кажется, незачем и некуда больше лететь, и здесь хорошо. Но летят неутомимые птицы к местам своих неизбывных гнездовищ, и эта их приверженность родным суровым краям вызывает в сердце только тепло.

На птичьем базаре, конечно, не услышишь умиротворяющего сердце пения, как в нашем уральском лесу. Волнующее душу смятение, когда заслышишь по весне голос кукушки, вы вряд ли встретите здесь. Морские птицы в основном молчаливы, когда парят над бескрайними морскими просторами, а на гнездовых колониях вас просто обезоружит надвигающийся отовсюду гвалт, отдалённо напомнив пронзительное карканье ворон, когда они собираются вечером в огромные стаи.

У птиц в этих широтах не увидишь и красивого оперения, какое присуще снегирю и иволге, чечевице и скворцу, сойке или даже обыкновенной синице. Лишь розовая чайка способна очаровать ваше воображение, когда пасмурным туманным утром вам однажды посчастливится разглядеть её изящный силуэт, воздушным облачком повисший над хмурым свинцовым морем. Да ещё, пожалуй, ваше внимание привлекут массивные ярко-красные клювы топорков и тупиков, которыми они обычно схватываются между собой в кратковременных драках за гнездо. В облике птиц, ежегодно посещающих птичьи базары, всё больше красок, присущих северу, - беловато-серой и пёстрой, бурой и чёрно-коричневой, и если даже присутствуют какие-то зелёные, красные или жёлтые оттенки, то непременно с преобладающей в них холодной сумрачностью.

Зато морским птицам, как и самому птичьему базару, присуща строгость отточенной формы, в них нет ничего лишнего. Холод и суровость жизненных условий не допускают чего-либо случайного, всё здесь тщательно продумано природой, и уже не подлежит каким-нибудь изменениям. Зачем, спрашивается, усовершенствовать и до того безукоризненно работающий природный механизм, если крохотный кайрёнок в месячном возрасте бесстрашно бросается в море со стометровой скалы, чтобы стать по-настоящему сильной и красивой птицей?! В нём уже присутствует красота, будущая сила и великая радость жизни.

Океан живёт, он - колыбель жизни, но забываешь на время о его мощи, когда оказываешься на птичьем базаре, у которого свои масштабы и величие. Есть в нём что-то необъяснимо притягательное, что волнует даже больше, чем море, и если морская даль зовёт за горизонт, то миллионы птиц, устраивающие свои гнёзда на одиноких голых скалах, вынуждают замереть

перед совершенным торжеством природы. Всё, что связано с птицами, возвращением их по весне на холодную родину и заботой о выведении потомства, вынуждает твоё сердце биться учащённо, а душой совершенно забыться, всецело отдаваясь беспокойным птичьим устремлениям.

Чайки, буревестники, бакланы, кайры и старики становятся твоими друзьями, и красота их жизни сливается для тебя с бескрайним простором океана, грозно пенящимся и разбивающимся о скалы прибоем и упругим солёным ветром, неутомимо поднимающим птиц на крылья. Не передать словами, как и ты сам поднимаешься в себе, обнаруживая в птичьем базаре пример собственного, неудержимого устремления к жизни.

Жизнь на птичьем базаре только на первый взгляд, кажется, сложна, но стоит достаточно присмотреться, и ты поймёшь - как просто она здесь устроена. Вдыхая вместе с обитателями птичьего базара морской бриз, можно увидеть, как мощно разбиваются о скалы грозные волны, слышать, как постанывают в каменных расщелинах конюги со стариками, и пьянеть от солёного бодрящего воздуха, пропитанного запахом водорослей, выброшенных на камни приливом. Как прекрасно переживать при этом все перипетии беспокойной гнездовой жизни, её томительные всплески, забытье и ещё более жаркое возбуждение: ведь всё это так близко человеку! И хотя мы сильно мёрзли от пасмурной и ветреной погоды, и постоянный промозглый туман не давал нам возможности высушить до конца одежду, радости от соприкосновения с миром пернатых не было предела, а на все неудобства мы не обращали внимания. Когда ещё посчастливится побывать на настоящем птичьем базаре!

Почти у всех птиц, посещающих птичьи базары, кроме топорков и тупиков, вырывающих в земле длинные норы, снесённые яйца находятся на открытом месте, и этим, конечно, не могли не воспользоваться во все времена люди: они собирали яйца для собственных нужд, когда нечего есть, а так же - на продажу или обмен. От несведущих людей часто можно слышать, что разорение гнёзд птиц недопустимо, и сбор яиц, даже в самых незначительных количествах, следует запретить. Однако для тех людей, что давно связали свою жизнь с морским промыслом, вполне очевидна простая истина: на севере чайки, особенно - серебристая, большая морская и трёхпалые моёвки, не приносят заметной пользы, скорее причиняя вред.

Конечно, истребляют рыбу и другие виды морских птиц - тупики, конюги, кайры, старики и топорки, море способно прокормить многих, но эти крупные чайки ещё и нападают на гнездовья, утаскивают птенцов, а иногда даже не гнушаются детёнышами котиков, когда некоторые из них, совершенно беспомощные, остаются в одиночестве. И потому, наверное, не имеет оснований слишком бережное отношение к гнёздам, достаточно вспомнить прожорливых пернатых хищников, в огромных количествах похищающих и яйца и птенцов, и когда ты попадаешь весной на гнездовую колонию чаек и набираешь для всей команды наволочку яиц, оставляя птицам возможность восстановить кладку, это не преступно. Промозглая

весна на севере тянется долго, незаметно переходя в такое же ненастное лето, прошлогодние запасы заканчиваются, рыба к берегам ещё не подошла, и питательные яйца диких птиц - хорошее подспорье работающему человеку, да и люди в здешних местах редки. Разве можно тут говорить об уничтожении гнездовых птичьих колоний?!

Сахалинские нивхи, живущие в прибрежных районах, всегда собирали для еды яйца чаек и других морских птиц. При заготовке яиц на зиму их отваривали, очищали от скорлупы и складывали в тюленьи желудки, заливая тюленьим жиром и завязывая. Что любопытно, многие северные народности, в особенности - нивхи, заливали тюленьим жиром все скоропортящиеся продукты, даже ... морошку.

Вот и эскимосы, исконные жители севера, великолепно знающие его природу, издавна заготавливали по несколько сотен гагарок, посещающих птичьи базары. Забивая птиц, они засовывали их в брюхо убитого моржа, закапывали на много недель, а потом доставали - и ели. Морские птицы всегда являлись их добычей, и если бы не охотники за каланьим и котиковым мехом, поголовье красивых птиц вряд ли бы пострадало. Северные народы, учитывая суровые условия их жизни, не могли не воспользоваться по весне, когда кончалось пропитание, невообразимо величественным и таким же многочисленным птичьим присутствием, тем более - первыми птичьими кладками. Это было совершенно естественно.

Мне пришлось побывать на трёх птичьих базарах - на острове Тюленьем, острове Ионы и острове Монерон, и все они, несомненно, могут дать много ума равнодушному человеку, ибо обладают мудрым устройством, которое, каким бы это неправдоподобным утверждением не показалось, отличает строгий порядок. Случалось мне наблюдать за большими скоплениями птиц и на некоторых Курильских островах, но они были незначительны, и располагались на маленьких, отдельно стоящих скалах. Истинную мощь птичьего базара, этого великого скопления морских птиц, начинающего свою жизнь по весне, можно наблюдать только там, где никого нет, кроме этих самых птиц. Скала или остров, на котором птицы располагаются, достаточно высоки, вокруг этого острова присутствуют течения, приносящие обильный корм в лице фито и зоопланктона и рыб, существует возможность не опасаться хищных зверей, в особенности - песцов, и если все эти условия стекаются в одно целое, то птицы прилетают и выводят птенцов.

Это странно, но присутствие на птичьих базарах всегда что-то переворачивало во мне, я начинал иначе смотреть на мир и свою жизнь в нём. Это птичье возбуждение, вернее - природная гармония, просто повергали. Оказавшись здесь, среди безжизненных скал, холодного моря и этой поражающей воображение возбуждённой жизни пернатых, ты понимал, что жил до этого как-то не так, не совсем верно, и именно птичье огромное сообщество со своим неудержимым стремлением к продолжению рода, помогает разобраться в самом себе.

А почувствовав себя среди птиц более цельным человеком, совершенно обновлённым, тебе и самому хочется оставить всё своё человеческое, и воспарить над морем. Ты, оказывается, тоже в душе птица, и тебе, непременно, нужно куда-то лететь, к чему-то стремиться, оставив на время свои повседневные заботы. Ты словно перерождаешься вместе с многочисленным птичьим племенем, и становишься неудержимым в своих душевных устремлениях.

Северные полярные моря гораздо богаче морскими птицами, нежели южные. Морские птицы зачастую гнездятся такими несметными массами на неприступных скалистых утёсах, что это зрелище невольно поражает и одновременно зачаровывает каждого путешественника, отправляющегося на север. Такие утёсы, избранные птицами своим местожительством, совершенно справедливо называются «птичьими утёсами», а само место обитания – «птичьим базаром», и составляют характерную принадлежность берегов северных морей.

Целые тучи птиц постоянно окружают подобные утёсы. На всех выступах, углах и карнизах утёса в обилии сидят птицы, как по команде, словно солдаты, выстроившись рядами и горделиво выпятив свою белую грудь. Сотни тысяч птиц перемещаются около утёса то вверх, то вниз, и сплошная масса их покрывает море у подножия скал, беспрестанно ныряя и выуживая добычу из воды. Зрелище, что и говорить, в самом деле, потрясающее, и если вы оказались свидетелем всего происходящего впервые, вам, конечно, трудно будет скоро привыкнуть к нему, не переставая восхищаться увиденным.

На птичьем базаре все птицы, на первый взгляд, вьются над островом невообразимо скученной и беспорядочной гурьбой, предполагающей, тем не менее, необходимое и даже дружное жизнеустройство, и если приглядеться, то постепенно различишь, что и кайры, и чайки, и тупики с топорками, и конюги придерживаются своих законов и привычек, которые неукоснительно соблюдаются. Это только кажется, что птичий базар – полнейший хаос, на самом же деле – очень упорядоченное течение жизни. «Базар» - само по себе понятие жизнестойкое и цельное, у людей оно подразумевает сход и съезд со всех окрестных мест для купли и продажи особенно жизненных припасов, оживлённый торг между ними, а у пернатых - шумную птичью ярмарку, означающую не только утверждение молодой и здоровой жизни, но и истинную красоту природы.

Жизнь кипит ключом на таком птичьем базаре, и даже само слово «базар» бледнеет перед тем столпотворением, которое воцаряется в царстве пернатых по весне, у моря. От постоянно перелетающих птиц мельтешит в глазах, ор стоит невероятный, но при этом ты быстро обнаруживаешь, что многочисленное население базара выявляет удивительное миролюбие. Между птицами редко когда возникают драки из-за места или добытой рыбы,

несмотря на тесноту все они между собой чаще всего очень дружелюбны, а находясь, долгое время, бок о бок, скорее проявляют во взаимоотношениях доброжелательность, нежели раздражение. Птицам, кажется, нечего делить.

Парочки, то есть - самец и самка, принадлежащие к кайрам, тупикам, топоркам, старикам, конюгам или чайкам-моёвкам, всегда выказывают друг другу самую нежную привязанность. Вместе они летают и бросаются в море за рыбой, и так же дружно затем возвращаются в гнездо, сообщая ухаживая за своими птенцами. Ну, если только изредка сцепятся клювами два тупика, кувыркаясь в воздухе, валяясь вниз, к морю, но со стороны это выглядит более забавно, чем пугающе. К агрессивному поведению птиц может подвигнуть только какая-то неординарная ситуация, предполагающая, скажем, вынужденную бескормицу либо противостояние хищнику.

Птичьи базары - бесценная слава и краса диких тихоокеанских островов. Не котики, каланы и песцы, а именно птицы царствуют здесь. Это целая империя пернатых, только они в полной мере владеют островами, и стоит преодолеть немало трудностей, чтобы, хотя бы раз, соприкоснуться с этим удивительным миром.

Кстати, появились птицы на планете около 150 млн. лет назад - в юрском периоде мезозойской эры, а в следующем периоде мезозойской эры - в меловом, птицы активно стали осваивать морскую среду: Тихий океан для этого был наиболее предпочтителен. Это подтверждено ископаемыми данными, к тому же уместно будет напомнить, что в мезозойскую эру Африка, Южная Америка, Индия, Австралия, Новая Зеландия и Антарктида образовывали единый материк Гондвану. Тогда ещё не было Атлантического и Индийского океанов, а вот Тихий океан был всегда, он в те времена простирался до Южного полюса, так как Антарктида была сдвинута на север, в сторону современного Индийского океана. Тихий океан является самым древним океаном по сравнению с другими, и его геологическая судьба тянется с докембрия, более 1 млрд. лет назад.

Так вот, почти на всех прибрежных скалах и труднодоступных местах Тихого океана кипит разноголосая и, вроде бы, безалаберная жизнь птичьих базаров. Кого тут только нет: крикливые чайки, беспокойные глупыши, неуживчивые топорки, остроклювые забавные кайры, вечно голодные бакланы, и ещё - великое множество стариков, конюг, тупиков и прочих шумных обитателей островов. Птицы даже самим островам подарили свои имена: Арий Камень на Командорах назван в честь кайры, по-местному - ары, остров Топорковый - напротив острова-вулкана Матуа, островки Птенец и Базарный неподалёку от Парамушира, там же - мыс Бакланий, посёлок и гора Буревестник на Итурупе, скала Чайка.

И повсюду поражает обилие и доверчивость птиц. В местах гнездований к ним можно подойти на расстояние вытянутой руки – птицы лишь вертят головами, настороженно поглядывая на пришельца, но взлететь не спешат. Этой доверчивостью нередко пользуются песцы, протоптавшие целые тропы к гнездовьям. Но песцы, несмотря на свою кровожадность, не

нарушают сложившегося равновесия, и на скалах не умолкают весёлый гвалт и суета. Гвалт этот именно весёлый, наполненный безудержной жизнью, и трудно представить себе скалы пустынными, когда наступают поздняя осень и зима.

И среди всего этого гама, от которого не только глхнешь, но и дуреешь, пробивается порой несмолкаемый писк ещё одних морских птичек - чистиков, который усиливается почему-то ночью, когда другие птицы немного замолкают, а под утро уже так надоедает, что не знаешь - куда от него деться. Неприхотливая птичка, маленькая и невзрачная, а шума - не приведи Господь! Гнёзда она, как и многие морские птицы, не устраивает, достаточно подходящей расщелины в скалах, так что иногда даже яйцо в ней заклинивается, да только птенец всё равно это препятствие рано или поздно преодолевает. Но об этом чуть позже.

К слову будет заметить, что эти маленькие птички, ко всему прочему, весьма любопытны, они безбоязненно подплывали к нашему боту вплотную, когда мы обследовали литораль острова Тюлений, и при малейшем намёке на опасность - ныряли, а вынырнув чёрными поплавками - опять устремлялись к медленно движущемуся боту. Любопытные чистики очень занимали нас.

Особенно приятно было, когда плотные стайки пролетающих мимо чистиков обдавали лёгким ветерком, плюхались неподалёку от нас, и их игра продолжалась. Крохотные чистики были просто воплощением игривого любопытства, и трудно было понять, почему подобным образом не ведут себя более крупные птицы. Малое Бог бережёт!

Вероятно, щедрая расточительность природы в прежние эпохи была так велика, что большое разнообразие древних птиц отличал их гигантизм, что, несомненно, не могло не отразиться на их исчезновении. К примеру, среди предков альбатросов были виды с размахом крыльев до семи метров, они представляли собой лёгкую добычу, и природа, чтобы сохранить себя, постепенно пришла к необходимости постепенно мельчать. Маленькие птицы могли позволить себе излишнюю доступность, не рискуя когда-либо исчезнуть: кому нужны такие милые крохи?!

Но кроха крохе рознь, и из крошек складывается кучка. Вот и чистики, устраивая свои гнёзда в глубоких расщелинах скал и под навалами камней, где обычно бывает очень сыро, выстилают своё гнездо ... мелкими камешками, чтобы яйца не подмокли. В отличие от других морских птиц маленькие чистики могут быстро и ловко бегать, и в глубоких пещерках они совершенно неуловимы. К тому же, в тёмных расщелинах их надёжно скрывает чёрное оперение, и лишь красные лапки выдают обитателей каменных укрытий.

Интересная деталь: вроде бы, преданные своему потомству, чистики-родители зачастую покидают место гнездования до вылупления из яиц птенцов. Оставшись одни, птенцы копошатся в надтреснутых яйцах, и из них доносится писк. Благодаря этому шевелению, яйца сами выкатываются из нор, падают на нижние карнизы или галечный пляж, и разбиваются. Только

теперь почему-то появившиеся птенцы опять начинают выказывать заботу у своих родителей, так что те беспокойно кружат над ними в воздухе и истошно кричат, будто бы не зная - что им предпринять, но, всё же, очень переживая.

Необычность такого поведения родителей поражает, и многие из птенцов при этом, конечно, становятся жертвами кровожадных чаек, что непременно воспользуются странной оплошностью чистиков. Учёные объясняют отсутствие родителей рядом с появляющимся на свет птенцом тем, что самец и самка заняты добыванием для него корма, разыскивание его для крохотных птиц является делом далеко не лёгким, и на самом деле чистики отличает очень заботливое отношение к деткам.

Чистики, несомненно, занятные существа, да и имя своё они получили, по-видимому, тоже благодаря одному их занятому качеству. Дело в том, что охотятся чистики, ныряя с прибрежных скал, и, погрузившись под воду, именно «летают» в водной толще, размахивая своими крохотными крылышками. Движения их действительно напоминают обычный полёт в воздухе, так они изворотливо лавируют под водой, и, достигнув дна, тщательно обследуют камень за камнем. Но появившись на поверхности с зажатой в клюве рыбёшкой или рачком, чистик никогда сразу не проглотит добычу и не улетит с ней к гнезду, а непременно «прополощет» её, несколько раз опуская в воду и наклоняя головку - то в одну, то в другую сторону. По всей вероятности эта привычка и дала название чистикам, что проявляют себя как настоящие «чистюли».

Ещё чистиков прозвали на Дальнем Востоке «каюрками», потому что они протяжно свистят. Но почему - «каюрки»? Слово это, и в Сибири, и на Дальнем Востоке, обозначало проводника, кучера при езде на собаках, словом - «каюра», который правил упряжью, всё время посвистывая. Чистики, наверное, свистят оттого, что чрезвычайно обеспокоены тем, как прокормить своих птенцов, за то и получили, казалось бы, совсем не подходящее им прозвище, а поскольку малы, то слово «каюр» было преобразовано людьми в «каюрки», то есть - постоянно посвистывающие от переживаемой заботы милые птицы.

Ещё один, достойный внимания мелкий чистик с серовато-зелёным верхом, белым брюшком, чёрной головкой и светленькими полосками на ней, появляющимися в брачном наряде вдоль боков темени до самых глаз, именуется «стариком». С каким-то благообразным выражением глаз и трогательностью, составляющей весь его маленький облик, старик вызывает такое же трогательное отношение к себе, когда сидит «столбиком» на голом камушке, или лежит, опять же, как будто робко опираясь грудью на почвенный субстрат. На суше птицы большую часть времени неподвижно лежат на одном месте, хотя при необходимости перемещаются довольно резво: старики либо ползают, отталкиваясь лапками, либо прыгают, перемещаясь за один прыжок на фут, либо передвигаются короткими перебежками, во время которых держат туловище наклонно.

Благодаря цепким коготкам старики хорошо лазают даже по почти отвесным скалам. Чем-то они напоминают нашего лесного обитателя - поползня, что передвигается по стволу дерева ползком или быстрой перебежкой.

Старик - мал, а, тем не менее, причудлив в поведении, оставаясь неординарным во всём. Взять, хотя бы, его способность взлетать с воды без разбега: сидящая птица, отталкиваясь ногами, подпрыгивает на полметра от поверхности воды и начинает полёт. Сходным образом взлетает старик и с суши. Ну, чем, казалось бы, не молодец?

Как солдатик, вытянувшись в струнку, взмывает старик в воздушное пространство, будто окунаясь в море, и, наверное, находит в этом удовольствие. Старик - очень занятная морская птичка из семейства чистиков, ни на кого из своих братьев, между тем, не похожая при схожести между собой всё тех же многочисленных чаек.

Вот и странное имя – «старик», откуда оно взялось? Что лежит в его основе? Может быть то, что птица всегда сидит в наклонном положении или вовсе лежит, проявляя, таким образом, «старческие» наклонности? Старик как будто «старится», держа себя на суше так, и это, вероятно, происходит по той причине, что птица старается оставаться незаметной.

Но, так или иначе, старика не назовёшь тихоней, и задора ему не занимать. Обосновавшись в колонии после прилёта, и не обращая внимания на невеликие размеры, старики становятся очень крикливы: особенно - в начале размножения и во время перехода птенцов из гнезда в море. И если птенцы, выбираясь из гнезда, попискивают негромко - «пси-пси-пси», то взрослые птицы провозглашают совершающееся действие во всеуслышание, очень настойчиво и с постепенным усилением звука к концу – «ции...ции...циии-и, циври, циври, циври-и!» Облечённые родительскими заботами, старики становятся независимыми, даже, кажется, бесстрашными.

Гнёзда свои старики, как и все чистиковые, устраивают в камнях, выискивая между ними глубокие трещины или пещерки, где их никому не достать. Но если тебе всё-таки удаётся усмотреть чистика в какой-нибудь расщелине, и ты попытаешься прихватить его пальцами, чтобы лучше разглядеть, то птичка неожиданно выплеснет в тебя струю пахучей жидкости и исчезнет в камнях, а то - проворно плюхнется в море и поплывёт стремительными рывками вперёд, вытянув шею и воровато оглядываясь.

Дело в том, что многие из морских птиц, гнездящихся на птичьих базарах, кормят своих птенцов, отрывая полупереваренную рыбу, и некоторые из них, такие, как чистики, даже вырабатывают настоящее «птичье молоко» - особую маслянистую жидкость, или желудочный жир. Вырабатывается он железистой стенкой желудка, главным образом - из употребляемой пищи. Таким путём птица запасает пищу на несколько дней, улетая далеко от колоний, а когда возникает необходимость обороны - тотчас пользуется желудочным жиром, отрывая его в нарушителя своего спокойствия пахучей струёй.

Одна очень милая черта чистиков, правда, только очковых, их белые пятнышки по обеим сторонам головы. Они сразу вызывают ощущение того, что птица - в очках, душки которых аккуратно заправлены за уши, и чистик, таким образом, будто пытается разглядеть что-то в окружающей жизни, стараясь не пропустить. Эти воображаемые очки, точно как и ярко-красные лапки, очень идут чистику и заметно его выделяют. Маленькая птица воспринимается уже совсем по-другому, с большим вниманием, хотя сами чистики об этом ничего не ведают, и светлые пятнышки на их головках, вероятно, всего лишь способ отличать друг друга в многообразии пернатого сообщества, населяющего птичий базар.

На средних островах Курильской гряды – Симушире, Шиадоктане, Экарма, Чиринкотане и Райкоке, собираются многотысячные стаи морских конюг, птиц с очень занятыми хохолками на голове из загибающихся вперёд узких перышек. Клюв у них - яркий, оранжево-красный с желтоватой вершинкой. Большая конюга, хоть она так и называется, размерами несколько превосходит скворца, вернее - с перепёлку, а малая конюга и совсем мелкая, с воробья.

Эти небольшие птички окрашены в тёмно-серый, аспидный цвет, а на воде кажутся чёрными. В местах, где расположены их гнездовые колонии, конюг скапливается так много, что они «роятся» в воздухе, как пчёлы. Когда стая таких морских пичуг оказывается по ходу судна, они, пытаясь избежать встречи, испуганно разбегаются по воде или разлетаются в стороны.

На птичьих базарах конюги очень крикливы. В весеннее время, когда устанавливаются ясные безветренные дни, голоса конюг, похожие на лай, разносятся далеко над водой, а поскольку конюги обычно держатся стаями, иногда - очень большими, то можно себе представить - какие звуки они издают. Одиночные птицы попадаются крайне редко.

Гнездятся конюги в открытых осыпях, а иногда даже занимают старые норы топорков. Бывает, что пары устраивают гнёзда в щелях скальных обрывов, но случается, что и зарываются в землю на глубину в несколько метров. После особо снежных зим, когда снежные наносы лежат на птичьем базаре до середины лета, конюги могут откладывать яйца прямо на снег... Большая и малая конюги такие непредсказуемые птицы, что не знаешь - чего от них ждать, да и сведения по поведению конюг скудны.

Но хорошо известно, что конюги - очень деятельные птицы: они не только с вечера до утра напоминают всем о своём существовании пронзительным криком, а ещё и забавно ведут себя во время тока. Самец, прежде чем начать свои ухаживания, несколько раз встряхивает головой и взъерошивает перья на шее. При каждом новом встряхивании он всё выше и выше поднимает голову, выпячивает вперёд грудь и издаёт лающие звуки, совершая резкий выпад головой вверх при каждом новом крике, а соприкоснувшись клювом с клювом самки, начинает издавать низкую мелодичную трель. При этом и самец, и самка медленно склоняют головы к земле, чуть ли не ложась на неё, оставаясь в таком умиленном состоянии

довольно длительное время. И не мешает птицам творящееся вокруг всеобщее сумасшествие, в которое, впрочем, и конюги вносят свою посильную лепту. Стоит невообразимый галдёж, и, кажется, что сам остров ходит ходуном!

Но сумеречный скрытый образ жизни этих кукольных птичек, особенно - малых конюг, делает их малозаметными среди вездесущих чаек, шумных кайр и беспокойных тупиков. Днём конюгу и вовсе редко увидишь, лишь иногда плавают они стайками в море, а больше - всё светлое время сидят в укрытии, в каких-нибудь каменных завалах, насиживая единственное яйцо. Вечером же и в ночное время, когда поверхностный слой воды наиболее насыщен всплывшим из глубин планктоном, конюги вылетают в поисках пропитания. В эту пору они делаются очень разговорчивыми, будто вознаграждая себя за длительное дневное молчание, и до утра громко и без умолку тарарычат, за что и получили среди моряков прозвище - «тараторки».

Невозможно не упомянуть и об очень красивой птице, похожей на топорка и тупика, но имеющей, в отличие от них, белоснежное брюшко, тогда, как и у тупика и у топорка животики чёрные, как северная ночь. Это - ипатка, своеобразная птица, почти весь год проводящая на воде, а потому привыкшая переносить штормовое волнение, промозглые туманы и сильные ветры. Лишь в гнездовой период ипатки появляются на суше, и сразу обращают на себя внимание своей занятой внешностью. Вернее даже будет сказать - импозантной, не подходящей своей броскостью к здешним угрюмым широтам. Ипатка - очень яркая птица, так что ею невозможно не восхищаться.

Впервые увидев ипатку на острове Ионы, располагающегося в самой холодной северо-западной части Охотского моря, я был поражён и её обликом, и тем, что такая диковинная птица здесь очутилась. Её приземистую, крепко сбитую фигурку отличают точёные линии, природа зачем-то безукоризненно вылепила эту птицу, а постоянно приподнятая аккуратная головка - удивительно изящна. Ипатке даже присуща некоторая интеллигентность, поскольку и в благородной посадке головы, и в умных агатовых глазах птицы, с завораживающей точкой посередине, угадывается скрытое достоинство.

Это ощущение подчёркивают и красные веки, и чёрные кожистые брови над ними, и неоперённые выросты, напоминающие рожки. Всё в облике ипатки как будто наостроено, нацелено на очень существенное, что ей непременно суждено пережить, ну, а ребристый и достаточно весомый лимонного цвета клюв с красной вершинкой и вовсе усиливает необычный вид птицы. Кажется, что такой массивный клюв вот-вот перевесит её, птице тяжело с этим справляться, но ипатка крепко стоит на своих красных лапках, даже - почти вертикально, и напоминает маленького рыцаря на краю высокой скалы, лихо запахнувшего в тёмный плащ и готового в любой момент сразиться с неприятелем, защищая свою честь. Но, тем не менее, в позе

ипатки не чувствуется ничего угрожающего, а наоборот – только миролюбие и доброжелательность, какой-то очень милый и тихий покой совершенно небоязливой птицы, способной, между тем, отстаивать своё право на принадлежащее ей законное место в этой будоражащей воображение гнездовой колонии пернатых.

Несмотря на ошеломляющую красоту ипатки и непонимание того, зачем нужна такая красота седому и дремучему северу, тебе почему-то не просится на язык, что ипатки – до ярких красок падки, и ещё до чего-то такого, до чего ни человеку, ни им самим всё равно не дотянуться. Но птицы, всё-таки, как-то по-своему стремятся быть вот такими неотразимыми, и ими невозможно не восхищаться. Как невозможно не восхищаться самой природой, способной на подобное во имя чего-то непостижимого, но, оказывается, достигаемого: ведь увидел я этих чудесных птиц, мирно ютящихся на голых островах, озадачился их необъяснимой принадлежностью к северу, и отчего-то возмечтал в душе никогда ему не изменять.

А полёт у ипатки – стремительный, даже, можно сказать, красивый. Но когда почти потеряешь ипатку из виду, и частые взмахи её коротких крыльев постепенно начинают сливаться в глазах, создаётся впечатление, что ипатка теряет краски и их сила преобразуется в полёт птицы. И тогда вдруг на минуту самому захочется стать никому ненужной северной птицей-ипаткой, воспарившей над морем. И как представишь, что ты летишь, тоже постепенно растворяясь вдали, то и забудешь о своём минутном перевоплощении, оно оказывается совсем ненужным: ты и так весь насквозь проникнут морем, севером и бушующей в нём жизнью.

Занимая одни и те же острова, разные виды птиц живут каждый своей жизнью. Описывая обитателей птичьих базаров, и учитывая, что чайки на них – преобладают, невозможно не упомянуть моёвок – наиболее запоминающихся птиц из всего чаячьего сообщества. Моёвки, по-видимому, и самые многочисленные чайки из всех, что обитают на Сахалине и Курилах. Очень много их на островах Тюленьем и Монероне. Моёвки – типичные птицы морских побережий и мелких островов, а все неприступные скалы – их излюбленное место.

Если кайры, к примеру, гнёзд не делают, то моёвки устраивают гнёзда, и нередко очень громоздкие. Они умудряются прочно закреплять их там, где, казалось бы, вообще, нельзя удержаться. Причём, птицы не выбирают совершенно чистые, без почвенного покрова скалы, но там, где появляется земля и растительность – селятся с удовольствием.

Моёвка, или трёхпалая чайка, как её ещё называют, является представительницей особого чаячьего рода, отличительным признаком которого служит отсутствие или очень малое развитие заднего пальца. Если искать другие отличительные признаки, то их можно обнаружить в более

тонком клюве и относительно коротких ногах, пальцы которых, однако, довольно длинные и между ними находятся большие перепонки. Оперение взрослой птицы на голове, шее, задней части спины, хвосте и нижней части тела – ослепительно белое, верхняя часть спины серовато-голубая, маховые перья беловато-серые, а кончики их, как и лапы, чёрные. Глаза карие, ободок вокруг глаз кораллово-красный, и лимонно-жёлтый клюв.

По земле моёвка ходит довольно плохо и делает это редко, но плавает охотно и продолжительно, даже при самом сильном волнении. Летает моёвка легко, иногда махая крыльями, иногда паря и неподвижно держась в воздухе, и при полёте производит разнообразные и красивые повороты. Время от времени она ловко бросается с высоты в воду, чтобы схватить приблизившуюся к поверхности воды рыбу или другое животное, а потом взмывает в небо, оглашая округу громкими и резкими вскрикиваниями – «хэ-э, хэ-э, хэ-э, дак-дак, дак-дак, дак-дак, ка-ка-тай, ка-ка-тай, ка-ка-тай!» Моёвки, кажется, вообще, не способны молчать, и даже когда несут сор в клюве для постройки гнезда или рыбу, продолжают беспрерывно издавать хриплые горловые звуки.

Оказавшись в среде других птиц, моёвка отличается удивительной склонностью к обществу себе подобных, что чаще всего объясняют её, будто бы, кротким нравом, даже некоей преданностью своим сородичам, но на самом деле моёвке присуща совершенно обезоруживающая неприхотливость, непредсказуемая живучесть и невероятная жадность, необыкновенно спланивающая птиц. Отдельных моёвок можно встретить лишь редко, всё больше они держатся огромными стаями, и, объединившись, совершенно преобразуются: не дай, Бог, оказаться у них на пути!

С чего начинается птичий базар для моёвок? Птицы, конечно, должны прилететь, и как только воды Охотского моря очистятся ото льдов, что происходит в начале мая, тут же появляются моёвки. После прилёта птицы сразу начинают вести себя агрессивно – много и, кажется, безо всякой необходимости перемещаются и, постоянно, галдят. Пары ещё не образовались, но поведение птиц самое приподнятое: всё в их действиях предполагает сексуальную озабоченность – выбор места для гнезда, его постройка, знакомство с симпатичной для себя особью противоположного пола, долгожданное спаривание и насиживание яйца, а когда птенец вылупится – неутомимая забота о нём при равно затрачиваемых усилиях обоих родителей. И всё это сопровождается неумолчным криком, который вспыхивает сразу после того, как самцы захватывают небольшие временные участки, иногда в самой колонии, но чаще возле её границ. Это – так называемые предварительные территории.

Заняв их, самцы ведут себя всё время настороженно: осматриваются по сторонам, привстают на цыпочки, даже подпрыгивают, но выбранного участка не покидают, и стоит какой-нибудь чайке пролететь мимо, как они тотчас реагируют продолжительным криком. А поскольку и на скалах, и в воздухе над колонией находится множество чаек, и крик испускают все

птицы, протестующие против возможного вторжения, это временное место обитания птиц характеризуется несмолкающим оглушительным гомоном. Если вы попытаетесь поделиться своими впечатлениями с находящимся рядом человеком – у вас вряд ли что получится, поскольку вы просто не будете услышаны.

Интересно, что в отличие от возбуждённых самцов, усиленно ударяющих в полёте крыльями, самки ведут себя спокойно и крыльями взмахивают коротко и плавно. Они как будто присматриваются ко всему происходящему, время от времени опускаются на землю возле кричащего самца, но не приближаются. Самцы от такого поведения самок ещё более воодушевляются, уже пытаются разыгрывать перед ними спектакль. Вскоре и самец и самка занимают распластанную позу, широко раскинув на камнях крылья, какое-то время неподвижно остаются в ней, и вдруг, внезапным рывком выпрямившись, резко отворачивают друг от друга головы... Так начинается у чаек брачный ритуал.

Поскольку окраска у самца и самки одинакова, различить их можно по агрессивному поведению самца, когда он раздувает шею, ещё более истошно кричит и тербит у самки перья. Видно, что он находится в состоянии чрезвычайного напряжения, впадает в явную нетерпимость по отношению к другим птицам, и даже принимается исступлённо клевать землю. Очевидно, что самец переживает пик любовного возбуждения, и одновременно отстаивает необходимое для своей пары жизненное пространство. Вид у него при этом самый воинственный!

Как только пара окончательно сформировалась, и между самцом и самкой, наконец, устанавливается умиротворение, поведение самца в корне меняется, и он смягчается. Птицы привыкли друг к другу, самка перестаёт кокетничать с другими самцами, и начинает выпрашивать корм только у своего, а он заботливо кормит её. Затем сформировавшаяся пара подыскивает внутри колонии не занятый подходящий участок для будущего гнезда, и, найдя, защищает его от всех прочих чает, не переставая издавать умопомрачительные крики: «китт-уээйк, китт-уээйк, китт-уээйк!» Гласно взывая ко всему окружающему миру – не нарушать их отвоёванного счастья, моёвки, тем самым, его и закрепляют. Орать – не зевать!

Но кричат, да бранятся моёвки весь Божий день не потому, что они вздорны: само существование на птичьем базаре молчать не велит. Это кричит рождающаяся жизнь, ибо кто умирает – молчит, а моёвки своим громогласным криком утверждают будущее своего рода. Они рвутся к нему, бьются за лучшее место ради него, даже негодуют, когда оно им не достаётся. Как говорится: не всяк кричит, кого бьют, моёвки – только во имя жизни, за всё неистребимое пернатое племя, за всех своих собратьев!

Переживать подобное торжество жизни способен каждый, кто попал на это птичье сборище, и оказался им очарован, даже если он не птица. Не перекричать, одним словом, чаек-моёвок, да и кому придёт в голову соперничать с ними? Без голоса, как говорится, не кричится.

При всей своей шумной агрессивности в отношении других видов птиц, посещающих птичьи базары, моёвки придерживаются строгого единобрачия – пары держатся вместе весь сезон, причём, нередко и не один год. Встретившись по весне на территории гнездовой колонии, самец и самка легко узнают друг друга по каким-то только им известным признакам, ибо каждая птица обладает индивидуальными отличиями. Они могут проявляться во внешнем облике, например, в форме пятна на кончиках крыльев, в поведении, когда одни птицы ведут себя очень активно, а другие проявляют робость, даже - в особенностях крика. Так или иначе, моёвки быстро определяют знакомых им особей, тем более – близких родичей, и безо всякой подготовки создают пару. Эта наблюдательность и память, что обнаруживают птицы, отличает почему-то именно моёвок.

Ничто не препятствует моёвкам быстро увеличивать своё количество, поскольку птицы действительно очень неприхотливы, скорее даже – необычайно жадны. На острове Тюленьем моёвки не гнушаются во время забоя котиков мясом и салом забитых зверей, отчего птенцы развиваются и растут быстро. К тому же, моёвки поедают яйца кайр и отбирают корм у их птенцов.

Ко всему прочему, моёвки не пугливы, поскольку гнёзда свои устраивают на краю высоких обрывов, куда не в силах забраться хищники, и это способствует спокойному выведению потомства. Но благополучно предоставленные самим себе и избавленные от присутствия врагов, моёвки, между тем, отличаются неуёмной драчливостью между собой, так как им приходится отстаивать наиболее узкие и безопасные для них карнизы, попадающиеся нечасто. Если сравнить места гнездования прочих чаек и те, что занимают моёвки, то последним требуются самые края обрывов, причём, еле-еле выдающиеся на отвесной стене, чтобы на них никто, кроме моёвок, не смог уместиться.

Моёвки очень щепетильны в выборе подходящего места для устройства гнездовища, лишь немногим из них достаётся подходящий уступ, тогда как остальные вынуждены длительное время вести ожесточённые сражения в попытках отвоевать приглянувшийся карниз. Схватки не прекращаются в течение всего сезона, и многим моёвкам так и не удаётся обзавестись своим местом, а значит – они остаются без детёнышей, что, наверное, ещё более ожесточает птиц.

Трудно себе вообразить состояние птицы, прибывшей ранней весной на птичий базар и весь сезон, до осени, активно проявляющей себя на нём, но в итоге так и не выведшей потомства. Что должна она переживать при этом, как себя вести?! Становится понятной мера привязанности двух птиц, всё-таки нашедших друг друга.

Моёвки, в отличие от других чаек, удивительно трогательны в своих взаимоотношениях. Если самец перестаёт теревить перья у своей подруги, значит - они уже достаточно привыкли друг к другу. Во время кормления самки самец никогда не отрывает пищу, а удерживает её в горле, откуда

самка её и выклёвывает, едва самец откроет клюв. Со стороны кажется, что птицы целуются.

Даже в тех случаях, когда самка этого не делает, он не выбрасывает пищу на землю, как прочие чайки, и снова её проглатывает. Такое поведение – результат приспособления птиц к особым условиям существования на своих крохотных карнизах, где пищевые отходы неминуемо накапливались бы и разлагались, тогда, как другие чайки обитают на больших участках и отрыгнутые и не подобранные остатки пищи рассеиваются повсюду, не доставляя им каких-либо помех. Моёвки заботятся о чистоте своего маленького гнезда, и с той же предосторожностью впоследствии кормят птенцов, проявляя завидную предусмотрительность.

Но прежде, чем вывести птенцов, моёвки должны обустроить гнездо, и оно тоже отличается от гнёзд остальных чаек, в подавляющем большинстве наскоро выскребающих под собой неглубокую круглую ямку. Моёвки же, обитающие на узких каменных карнизах, нередко – с наклонной плоскостью, начинают с того, что самец приносит с морского побережья сухие водоросли и ил, скрепляющий их. Затем они с самкой тщательно всё утаптывают, пока не образуется твёрдый, плотно прилипающий к скале коврик. С одной стороны – он расширяет площадь будущего гнезда, а с другой – выравнивает его и обеспечивает устойчивость, где в течение последующих нескольких дней совершается кладка двух-трёх охристых или оливково-бурых с тёмными пятнами яиц.

Самка первое время постоянно обогревает птенцов, а самец пять-шесть раз в день приносит пищу в виде отрыжки. Самка перехватывает отрыгнутую пищу и делит её между птенцами. К концу лета птенцы моёвки уже поднимаются на крыло. Тщательность, с какой моёвки сооружают свою гнездовую площадку, обнаруживает в них особый ум, соответствующий особенностям мест их гнездования.

Любопытно, что отвесные утёсы с узкими карнизами определяют и поведение птенцов: у моёвок оно имеет своё отличие. Если птенцы прочих чаек начинают вылезать из гнезда и расхаживать вокруг него на второй или третий день жизни, то птенцы моёвок гнезда не покидают. Они лежат в нём или стоят на его краю, отрешённо повернувшись к обрыву, но шагов никаких не предпринимают. Послушание, выказываемое родителям, проявляемая птицами основательность и, казалось бы, не свойственное молодым птицам терпение, – поражают. Птенцы остаются сидеть точно на том месте, куда посадили их папа и мама, в таком поведении проявляется, в конце концов, их безопасность, и это свойство также выгодно отличает птенцов моёвки от других птиц.

Птенцы моёвок отличаются красивым серебристым нарядом, тогда как другие молодые чайки могут похвастаться лишь невзрачной покровительственной окраской коричневого, серого или чёрно-пёстрого цвета. У птенцов моёвки, при их обитании на коварных и очень узких уступах, где им не грозят хищники, не возникает потребности в маскировке,

и они могут позволить себе покрасоваться. К тому же, моёвки – единственный вид, птенцы которого имеют на шее чёрную полосу, что не только выгодно подчёркивает ровный серебристо-дымчатый окрас, но и свидетельствует об особенном приспособлении моёвок подавать спасительный для себя сигнал: осторожно, мы не так просты какими кажемся!

Обыкновенная моёвка не больше сизой чайки, и очень на неё похожа, но меньше серебристой, и тоже её сильно напоминает. В отличие от этих двух чаек – моёвка держится исключительно по берегам и на островах, и как бы наиболее выражает своим характером и поведением всех чаек, создавая их образ. Образ неудержимой и не сдерживаемой ничем свободы...

Когда я вижу, как моёвки садятся на воду, не обращая внимания на ветер и высокие гребни волн, я ощущаю вместе с ними эту свободу. Чайки, похоже, ничего не боятся, и берут от своей жизни, приверженной морю, абсолютно всё. Они – неотъемлемая часть морской стихии, далёкой от каких-либо раздумий и переживаний.

Всё, что нужно чайкам – это быть самими собой, отрешённо и в тоже время неукоснительно заполняя необъятное морское пространство, расчерчивая его и смыкая, преодолевая и утопая в нём, преодолевая и пытаясь вырваться за его пределы, но не в силах сопротивляться этой оглушительной бесконечности, вновь с головой бросаясь в холодящую морскую необозримость. Само необозримое пространство подымает чаек на крылья, а затем ввергает в умопомрачительную бездну, что, кажется, ещё более окрыляет безотчётные судьбы этих вольных птиц, и чайки будто надсмехаются над своей неприкаянной жизнью, с жалобным криком растворяясь между морем и небом.

Стая чаек – это не просто сплошной колышущийся ковёр, а целая держава, господствующая над другими видами птиц своей неисчислимостью и всеохватывающим оглушительным надрывом. Разве место в ней какой-либо иерархии с отдельными княжескими персонами? Нет, только общее, объемлющее каждого члена этой птичьей необъятности устремление быть всегда вместе, скопом, покрывая собой, словно гигантская волна, скалы, воздух, всё морское пространство. Настоящее базарное торжище, где первенствуют чайки-моёвки.

В небе происходит безостановочное кружение... Каждый тип чайки представляет собой совершенный, и в тоже время – чем-то отличный от других птиц летательный аппарат. Скоро я научился безошибочно определять для себя – какой особенной чертой отличается каждый вид чаек, и все они создавали в небе незабываемое зрелище, что возможно увидеть только вот на таких затерянных в океане островах с благословенными и таинственными названиями – Ионы, Монерон, Тюлений, Экарма.

Глядя на чаек, всегда начинает казаться, будто они требуют, чтобы ты убрался с их территории, и приходят в отчаяние от тщётности своих усилий. Слетающиеся к малейшему объекту охоты, чайки всегда выглядят быстрыми,

злыми и драчливыми. Словно обезумев, бросаются они за каждым куском, не обращая внимания на соседство себе подобных: небо от их силуэтов темнеет, а чайки только ещё более раззадоривают себя, хотя бы, предполагаемой поживой. Почуять корм и в последний момент уступить его собственным собратьям, - они не в силах. И так, неистовство одних птиц передаётся другим, и невозможно, будучи чайкой, не принимать участия в этом ожесточённом споре за свою долю яств.

Чайки обычно чувствуют себя настолько полновластными хозяйками береговой полосы, что прогонят любого, кто, по их мнению, претендует на добычу, которую они приписывают только себе, и человек для жадных птиц не исключение. Если кто из морских птиц и готов к отчаянному нападению на человека, так это именно моёвки. Они его совершенно не боятся, и готовы наброситься в любой момент, даже если человек ничего не собирает, а просто прогуливается по пустынному дикому пляжу. Что уж говорить, когда ты потрошишь у кромки воды рыбу: тут чайки способны просто обезуметь, бесстрашно нападая на человека.

Чайки тёмной тучей сосредотачиваются над твоей головой, от соприкосновения их крыльев стоит угрожающий треск, и птицы нападают с таким упорством и смелостью, что поначалу становится просто не по себе, а вскоре ты уже всерьёз вынужден отбиваться от птиц обеими руками, и, в конце концов, бежать. Смешно чувствовать себя затравленным птицами, но именно это однажды и произошло со мной, когда я вышел к прибою с полным тазом только что выловленной кунджы.

Сначала мне было на самом деле забавно ощущать на себе внимание негодующих чаек, что вырывали рыбы кишки чуть ли не из рук, кружили рядом плотным скопищем, взвизгивали от нетерпения, галдели, и то и дело схватывались между собой. Я подбрасывал им в воздух хвосты и головы, и птицы не давали им опуститься в прибрежную пенящуюся воду. Они, кажется, застлали собой всё небо, так что я уже начал не на шутку беспокоиться от их бесцеремонного присутствия. Когда же несколько птиц сходу ударили меня крыльями по голове и плечам, одна даже вцепилась в рукав, то от такого обращения уже несколько обезумел я. Птицы выглядели неуправляемыми, а главное - поразило ощущение, что они целенаправленно и совершенно осознанно атакуют именно меня.

Согнувшись над тазом и стараясь прикрывать от этих жестоких ударов, в первую очередь, лицо, я лихорадочно продолжал потрошить рыбу, стараясь теперь не разбрасывать кишки, но от этого чайки обезумели ещё больше. Они лезли ко мне уже не с воздуха, а пешком, чуть ли ни протискиваясь под мышками с обеих сторон, большая же масса насадала сверху. В какой-то момент я отчётливо осознал, что если не предприму сейчас же нечто неожиданное, то окажусь попросту заклёванным разбушевавшимися птицами. Но что можно было противопоставить этой дикой стае, кроме как удариться в позорное бегство? И я побежал.

Чайки гнались за мной по пятам вдоль всего пляжа, немедленно наседавая всем своим разгневанным сообществом, стоило мне остановиться на мгновение, чтобы передохнуть или изменить направление. Больно было чувствовать своё незавидное положение, но что поделаешь? Чайки ловко лавировали в воздухе хвостами и крыльями, ударяли меня клювами, и по-прежнему безумолчно галдели. Казалось, они собрались со всей округи, чётко представляя для себя, как я напуган, и, по-видимому, стремились запугать ещё больше. Создавалось впечатление, будто птицы застали меня за кражей яиц из их собственных гнёзд: такими они выглядели раздосадованными.

В какой-то момент я даже вынужден был остановиться, поскольку чайки вставали передо мной сплошной стеной, с тыла же нажимали другие, и двигаться я не мог. Вдобавок те, что пританцовывали в воздухе над моей головой - тоже с раздражённым криком бросались вниз, придавливая меня к земле. Вконец вымотавшись, я вдруг по-настоящему испугался.

Так знайте, дорогие читатели, что тот, кто отважится подобным образом раздражать видом лёгкой поживы этих дотошных птиц, рискует подвергнуться немедленному нападению целой стаи чаек, как я это описал. И, конечно, он не избежит испытать на себе силу ударов чайчьих крыльев и клювов, всю эту неистраченную птичью энергию: ей, кажется, нет конца. Ведь надо помнить, что прелесть чаек проявляется, в первую очередь, в том, если их не наделять человеческими чертами, а воспринимать отвлечённо от нашего мира, только в своём - морском, где чайки погружены в свои заботы, и выглядят замечательно отчуждённо, как, впрочем, и подобает обитателям первозданной природы.

Внешне - грациозная и красивая, по своему образу жизни чайка – птица взбалмошная и очень жестокая, порой просто в отчаянии добывающая пищу. В открытом море эта хищная птица не знает жалости, так как главное для неё - найти пропитание. Люди, потерпевшие кораблекрушение, представляют для чайки обычный корм, а если они мертвы, то расправиться с ними ей совсем не составляет труда.

Когда же человек жив и беспомощно барахтается в воде, лучше всего сначала выклевать его глаза. Никакой опыт не закрепляется у хищников так быстро, как тот, что связан с добычей пищи. Этого требует инстинкт самосохранения.

Во время морских сражений в годы второй мировой войны морякам приходилось часто вылавливать в море людей с пустыми глазницами и растерзанным лицом, и потому несчастным, оказавшимся в воде в ярком оранжевом жилете, особенно привлекающим птиц, нельзя было позавидовать. С каким ужасом, наверное, приходилось взирать этим людям на приближающихся к ним чаек, которых совсем недавно они воспринимали как неотъемлемую часть морской экзотики, совершенно для них безобидной!

Вот и оказавшись на птичьем базаре, поначалу теряешься: как вести себя здесь, что противопоставить великому птичьему исступлению?! С

наступлением утра всеохватный гвалт быстро растёт, раздирает рассвет на части, и это повергающее воображение птичье возбуждение неминуемо превращается в дикое празднество. Всё новые стаи слетаются откуда-то, вступая в воздушный хриплый ор, в то время как уже сбившиеся в огромное облако птицы жмутся к воде и вода вскипает от их неудержимого вторжения. Сквозь этот хаос, кажется, невозможно пробраться даже кораблю.

А морские хозяева, без остановки, пируют, пьянея от обилия корма и воли. Живое облако превращается в торжествующую тучу, способную взбудоражить, наверное, даже подводный мир. И всё-таки, в своём несметном количестве чайки чрезвычайно красивы, необычны, и сделали бы честь любой птичьей стае, вознамерившейся кого-либо повергнуть или хотя бы удивить. В чайках поражает остервенелая индивидуальность их бесчисленного племени, в котором каждый член - нестигаемый и неумолчный дух, что очаровывает своей непревзойдённой воздушной формой, цветом и устремлением.

Чтобы художнику, скажем, передать эту всеобъемлющую птичью многочисленность, необходимо, должно быть, выписать каждую чайку с её жадностью, неслыханным бесстрашием и красотой. В тоже время не устаёт поражать неслыханная доверчивость этих прекрасных тварей! Замечая любую возможность поживиться, даже если это бесхитростная человеческая приманка с леской и крючком, тысячи пернатых безумцев начинают бороться за право быть пойманными.

Восхитительные и глупые чайки! Эта отрешённая жертвенность красивых птиц вынуждает пребывать в таком же красивом неведении относительно людей. Люди, способные в своей жизни на очень высокие и прекрасные поступки, порой пользуются в ней необоснованно низким малым, и его, в конечном итоге, не используя по назначению.

Когда рассвет над морем перетекает в роскошный, полный жизни день, чайки, устав добывать пропитание, постепенно разлетаются и воздух будто пустеет. Вспенённая водная поверхность сверкает в золотистых солнечных лучах, словно переливающаяся груда несметных драгоценностей, и в этот миг перед вашим взором, наконец-то, предстаёт море, какое оно есть: с всепобеждающей синью и глубиной, радостное, таинственное и очень мудрое.

Однако вернёмся к всепобеждающему и жизнеутверждающему царству морских пернатых, среди которых белая чайка - ещё одна из птиц, чаще других посещающая птичьи базары. Кажется, она олицетворяет чистоту и моря, и неба, и незамутнённого ничем студёного воздуха, который до предела насыщен присутствием пернатых. Птицы - повсюду, и среди них — белые изящные силуэты, необыкновенно оживляющие суровое северное пространство. Из-за ослепительной белизны птиц создаётся впечатление, будто они только для этого и созданы, и, конечно, ты забываешь о том, какие чайки надоедливые, а порой - просто невыносимые.

Белая, как полярный снег, чайка эта ещё более ослепляет, подчёркивая свою белизну коротким зеленовато-жёлтым клювом и красными краями век. У молодых птиц случаются на крыльях тёмные пестрины, но и они лишь приносят в белизну присущую ей чистоту. Белая чайка – это неподдельная радость, которую хранит в себе море, и её обитание на диких дальневосточных островах придаёт ему ещё большее обаяние.

Белые чайки всегда присутствуют на птичьих базарах, без них он не полон, не насыщен таким очарованием, которое приносит нежный излом белых крыльев, и даже когда чайки дерутся между собой, это не вызывает какого-либо отторжения. Белая чайка – истинное украшение северной природы, у моря, когда всё живое радуется приходу весны, в том числе – и мы, люди, взирая на кружащих над головой белых чаек. Суровое ледовое окружение для этой чайки привычно, всю жизнь она проводит среди снегов и льдов, и тёплые края её не привлекают.

Взирая на кружащих над головой белых чаек, всегда выделишь среди них какую-то одну, почему-то приглянувшуюся тебе, и уже стараешься не упустить птицу из виду. А чайка, будто чувствуя твоё внимание, и вести себя начинает соответственно своим переживаниям: она, по-видимому, всё понимает и старается не изменить себе, уделяя внимание человеку. Чайка чувствует твою энергию, кружит рядом, то приближаясь, то удаляясь, но не в силах оставить приглянувшийся ей, необъяснимый источник чего-то притягательного: птице хорошо с тобой, она, кажется, становится ещё более счастливой от того, что прилетела на птичий базар и встретила там неизвестную, но дорогую для неё энергию. Чайка может даже обезуметь от переполняющих её чувств, и от тебя, наверное, зависит, – как глубоко ты сам чувствуешь и понимаешь её незаметную птичью судьбу, способную, оказывается, и к сопереживанию.

Глядя на белую чайку, всегда почему-то представляется, что все чайки непременно должны быть белоснежными. Таково первое впечатление, когда сталкиваешься с этими оживлёнными морскими птицами. Но, присмотревшись к ним внимательнее, вскоре уже так не думаешь, захваченный их своеобразием: чайки могут быть и сизыми, и серыми, и пёстрыми, и даже розовыми, каждая при этом неся и отстаивая своё, ни на кого не похожее «я». Белая чайка в этом многочисленном ряду – как будто начало начал бесконечного птичьего рода, испокон веков приносящего человеку больше пользы, нежели вреда.

Во-первых, белые чайки всегда радовали человека, побуждая осуществить свою самую сокровенную мечту. И человек, благодаря присутствию рядом с собой этих птиц, действительно начинал жить по-новому, более достойно, воплощая в делах и поступках то, что совсем недавно казалось ему недостижимым. Своей сокровенной белизной и стремительно-зависающим полётом, что кажется отрешённым, хотя это и не так, чайка просто убаюкивает и сознание, и восприятие, и даже чуткую

сосредоточенность души, когда неумоимо следишь за птицей, боясь упустить её из виду.

Так она прекрасна, и не надо думать, что получается у неё всё это волшебство случайно. Нет, чайка - убедительная вдумчивость природы, её чудесный лёгкий сон, надежда для того, кто сам себя в себе однажды оставил, не веря в заложенные в него силы. Но разглядев на горизонте белоснежную прекрасную птицу, чудесным образом вернулся к своей неповторимой душе.

А белая чайка будто торжествует, казалось бы, никчёмная в сравнении с нашими огородными горихвостками, уничтожающими за день до пяти тысяч вредных насекомых и сберегающих урожай, но, несомненно, птица совершенно незаменимая в море, когда ты надолго покидаешь берег. В восхищении взирая на белую чайку, тебе невольно вспоминается занесённая дорогими сердцу снегами среднерусская полоса, оказывается, совсем позабытая за морскими красотами, и именно белоснежная чайка тебя к ней возвращает. Одиноко парящая над морем белая чайка напоминает собой необъяснимо любимую, родную снежную безбрежность, её непревзойдённую белизну, и на душе вдруг становится так, будто ты только родился, уже точно зная, что никогда не умрёшь.

Много интересного связано с чайками, в том числе – и с белыми. С помощью этих хорошо заметных птиц, например, английские моряки в годы второй мировой войны довольно успешно охотились за подводными лодками противника. С учётом того, что у чаек отличное зрение и что они подбирают в море судовые отбросы, английским подводным лодкам было дано задание – в проливе Ла-Манш оставлять за собой следы из камбузных отходов. Это стало привлекать тучи чаек, которые привыкли видеть тень лодки, а затем появление корма. Постепенно у них выработался рефлекс – кружиться над всеми подводными лодками в ожидании пищи. А так как передвижение своих кораблей командование ВМС Великобритании чётко контролировало, то всегда было ясно, когда чайки летали над чужими подводными лодками.

Конечно, может возникнуть ощущение, что чайки в своих действиях подвержены природному инстинкту, но они вовсе не глупы, и доказательством этому может служить случай, произошедший с одной пожилой американкой. Восьмидесятидвухлетняя американка Флинн Рэйчел, прогуливаясь по берегу моря, оступилась, упала с высокого откоса и сильно расшиблась. Рядом с женщиной опустилась морская чайка, которую Флинн постоянно подкармливала хлебом. Через минуту чайка взмыла в небо, подлетела к дому Рэйчел и стала отчаянно биться в окно. На шум вышла сестра Флинн и, догадавшись, что всё это неспроста, поспешила за птицей, которая привела её к месту несчастья. Флинн спасли только благодаря быстро оказанной помощи.

Чайки - превосходные летуны, и когда они скользят по воздушным струям, можно вскоре с уверенностью ожидать перемены погоды к худшему: погода неустойчива, раз есть восходящие токи воздуха, давление понижено.

А раз достаточно сильно понизилось давление воздуха, чайки выбираются на песчаные или галечные берега, оправдывая известную пословицу – «чайка ходит по песку, моряку сулит тоску». Следует ждать шторма и, скорее всего, затяжного, и, значит, поднимающийся над морем ветер и волны понесут к берегу всякую поживу, до которой так падки чайки.

Зато, когда чайка села на воду или даже на оснастку корабля, чтобы только не летать, тогда можно надеяться на устойчивую хорошую погоду. Чайки присаживаются на воду потому, что им нет поддержки от восходящих воздушных потоков – вода холоднее воздуха и давление высокое. Кстати, тело чайки неглубоко сидит в воде при плавании, поскольку кости у неё не сплошные, они наполнены воздухом, и, вероятно, резкое понижение давления воздуха, предшествующее шторму, вынуждает их нещадно ныть, от чего особенно выразительными становятся крики и стоны чаек в штормовую погоду. Словом, по поведению чаек можно безошибочно определить погоду, и это, несомненно, было ощутимой поддержкой морякам в прежние времена, когда они были лишены таких точных приборов, как барометры. Различимая в любую погоду, белая чайка не раз, наверное, спасала отчаянных мореходов.

Но если в море можно, наверное, ориентироваться по птицам, исходя из их укоренившихся привычек, то находясь на птичьем базаре, эта возможность совершенно пропадает. Опытный моряк знает, что днём морские птицы летят хаотично: они просто парят над водой, выжидая, когда на поверхности появится рыба, чтобы мгновенно на неё спикировать, а ближе к вечеру они своим поведением могут подсказать моряку, близка ли земля. Если птицы опустятся на воду и будут спокойно сидеть, покачиваясь на волнах, значит, земля далеко. Когда же они взмывают высоко в небо и устремляются всей стаей в определённую сторону, земля близко, и птицы хотят отдохнуть там за ночь.

С помощью белых чаек айны, коренные жители Курил, промышляли лис. Привязав чайку к чему-нибудь в том месте, где приметят лисьи следы, окружали её петлями, а охотник сидел, притаившись, чтобы лисица не успела, попавшись в петлю, перегрызть её. Зверь, услышав порхание свободолюбивой птицы, не знающей покоя, и тем более – скоро завидев её, тотчас бросался на свою добычу и попадал в петлю. Таким образом, неугомонность заметной чайки с выгодой использовалась местным населением, которое хорошо знало окружающий мир природы.

Белая чайка, наверное, именно за свой неугомонный нрав и яркость оперения, служила у айнов приманкой ещё для одного хищника – орла. На берегу, неподалёку от уреза воды, они ставили небольшой шалаш с одним отверстием на самом верху. Внутри шалаша, сразу под отверстием, привязывали белую чайку. Орёл, спустившись, вцеплялся в неё когтями, и пока он силился оторвать свою добычу или оставался пировать на ней, его убивали.

Белую чайку невозможно было не заметить, и люди, тесно связанные с природой, ценили её свойства, отдавая дань в своём культе поклонения

морской птице. Скульптурные изображения птиц имеются на многих предметах, которые, благодаря этому, на взгляд айнов, приобретали все лучшие качества птицы: хорошую ориентировку, возможность легко преодолевать значительные пространства, какую-то изощрённую повадку в добывании пищи, а значит – выживанию и продлению рода. Символическое значение имела фигурка птицы, вырезанная на коньке крыши надмогильного домика, предполагающая положительную роль для находящейся в домике души. Гармония, установившаяся между птицей и человеком, кажется, не несла ничего худого ни тому, ни другому.

Но что, если птицы живут одним грабежом, которому они подвергают менее слабых чаек, кайр, чистиков и топорков, а иногда даже детёнышей котиков? Как это делают, к примеру, большие североморские чайки. Возможна ли в природе подобная кровожадная отрешённость, когда одни птицы всё время преследуют других, и ничего более их не занимает?

Беспримерная настырность этих крупных чаек скорее не озадачивает, а поражает, и всё-таки, несмотря на их беспощадность, они, между тем, не приносят особого вреда всем вышеперечисленным видам. Наоборот, благодаря жестокой нацеленности большой североморской чайки, кажется, не без удовольствия осуществляющей свои нападки, происходит отбор самых приспособленных и поддерживается здоровье и постоянный уровень жизнедеятельности всех членов популяции птичьего базара. Как на острове Тюленьем, славящимся и многочисленными гнездовьями пернатых, и ежегодным приходом на остров морского зверя.

Вдоль всего котикового лежбища, возле серо-голубых скал, нависших над ним, торопливо пролетают старики, конюги, топорки, кайры и бакланы, поглощённые своими птичьими заботами, и только большие североморские чайки никуда не спешат, а назойливо парят поблизости, высматривая поживу. Вот одна опустилась близ недавно родившей матки, попыталась подойти к ней, чтобы утащить детёныша, но зверь отогнал птицу. Чайка терпеливо выжидает. Наконец, животные привыкают к присутствию птицы настолько, что теряют в какой-то момент бдительность, и хищник беспрепятственно хватает мощным жёлтым клювом малыша, вытаскивая его на свободный участок лежбища.

Но тут новое осложнение – на чайку набрасывается самец, и птица вновь отскакивает, терпеливо выжидает, а когда зверь возвращается к гарему, спокойно оттаскивает добычу ещё дальше и принимается её расклёвывать. Конечно, больно наблюдать за этой трапезой, жалко несмышлёных малышей, но такова суровая жизнь у самого моря, что неотступно притягивает своей открытой и доступной красотой.

Эти извечные спутники морей и диких скалистых берегов, несмотря на свою хищность, действительно красивы. Они вооружены длинными жёлтыми клювами, загнутыми на конце, как пиратские кинжалы. Острые и цепкие, они не знают жалости ни к своим пернатым собратьям, ни к их потомству, ни к беспомощным чернышам - детёнышам морских котиков. Эти сильные

североморские чайки - жестокая изошрённость, живущая у моря и питающаяся чужой слабостью.

Их не назовёшь ненасытными, они почему-то именно злые и безжалостные, оказывающиеся именно там, где в этот миг нужна поддержка, а не насилие. Но они несут с собой только насилие и страх, всех повергая своим появлением в смятение. Молниеносное нападение, удар и расправа, чтобы в следующий миг повторить то же самое. Им некого страшиться, может быть - только без ущерба для себя опасаться, и большие чайки бесчинствуют, наводя среди пернатого населения прибрежных скал и диких островов ужас.

Впрочем, переживают ли в полной мере ужас совершенно незащитные птицы или маленькие животные, когда они оказываются повергнутыми безжалостными «воздушными пиратами» мгновенно? Успевают ли они хоть как-то отреагировать на происходящее? Ведь мгновенность – суть жизни морских стервятников, и они безукоризненны в своей природной приверженности. Движения их отточены и ловки, устремления же однозначны: большие и сильные чайки берут то, что принадлежит им по праву, а подвергнувшиеся нападению птицы даже не успевают ужаснуться.

Но при этом большие североморские чайки не всегда прямолинейны, как принято о них думать. Им, оказывается, присуща изворотливость, которой можно только позавидовать, учитывая, какие эти чайки настырные. По всей вероятности, это самое качество в условиях жёсткой борьбы и предопределило у птиц неминуемость наглого натиска, когда неограниченная ничем сила достигла пика.

Большие сильные чайки превратились в холодных палачей, за что и получили, должно быть, среди моряков, большинство из которых были выходцами из среднерусских деревень, своё отчаянное прозвище – «мартыны», суть которого – в настигающей их на птичьих базарах некоей бездушной слепоте, бушевающей по весне, на Мартына-лисогона, лисиц, теряющих над собой контроль. Хорошо знающие русскую природу, бывшие мужики, ставшие моряками, видели в лихой безудержности чаек неподдающуюся описанию весеннюю взбудораженность зверей. Такое природное раздражение животных они и выражали в ёмком, будто оторванном и брошенном в пространство имени – «мартыны»...

А ещё «мартынами» в России называли чернорабочих артельщиков, что шли в работу к купцу бесплатно, устраивали крытые лубьями и рогожами амбары, принимали, меряли и ссыпали пшеницу на свой ответ, всей артелью живя воровством и обмером, кражей хлеба у продавцов. Понятие «мартынничать» или «мартышничать» означало промышлять мошенническим занятием, и пошло оно, по-видимому, от слова «мартышка», от зверя, также проживающего мошенничеством и кражей.

Изошрённость больших североморских «мартынов», конечно, отлична от простой изворотливости, присущей рядовым чайкам, и несёт в себе идеальное угадывание ситуации, которую можно максимально обернуть в

свою пользу, порой даже доведя до абсурда. Вот, самка морского котика отлучилась в море, чтобы привести себя в порядок от последствий постоянного ухаживания взрослого самца, а один из её многочисленных детёнышей на какое-то время остался один. Я наблюдал подобный случай неоднократно, причём, вблизи от происходящего, и поражался умению «мартына» мгновенно оценивать конкретную обстановку, а ведь вокруг располагается звериное стадо в несколько сот голов!

«Мартын» безошибочно примечает оставшегося без присмотра малыша, тотчас оказываясь рядом, и прикидывается обыкновенной любопытной чайкой, не предполагающей какого-либо злого умысла. Он опустился на песок меж блестящих, распластавшихся тел котиков как будто случайно, чтобы просто передохнуть. И вдруг – бросок, молниеносный удар по неокрепшему черепу и хладнокровно выклеванные маленькие голубые глаза...

Разве мало ему поблизости корма, и во имя чего он так неистовствует? Причём, спокойно, а совершив этот вандализм – в мгновение забывает о нём, нацеливаясь на другой подходящий объект.

Мало того, у большой морской чайки, имеющей длину тела более семидесяти сантиметров, а размах крыльев до двух метров, существует двойник - большая полярная чайка, что обладает такими же внушительными размерами. Родиной этих прекрасных птиц служит крайний север, и большая полярная чайка также охотно посещает птичьи базары, где для неё – полное раздолье, ибо не существует врагов. Большую полярную чайку неслучайно прозвали «бургомистром».

«Бургомистр» в северных балтийских губерниях – городской начальник, а в русских деревнях помещик ставил бургомистром над вотчиной старосту из крестьян. При Петре 1 в 1699 году посажены были по городам бургомистры или бурмистры, подчинённые московской бурмистерской палате или ратуши. Словом, «бургомистр» - всему голова, выше его никого нет.

По этому значению, видимо, и отметили звучным именем крупную полярную чайку, что задаёт порядок среди морского пернатого царства. Её постоянно путают с большой североморской, и неслучайно. Но это, всё-таки, разные птицы, хотя и схожие по характеру и внешнему облику.

И ещё несколько слов о главенствующих на птичьих базарах птицах, отличающихся значительными размерами и наглостью: не стоит путать большую морскую чайку, кем-то называемую «мартыном», и большую полярную, именуемую «бургомистром», с тихоокеанской клушей. Как и «бургомистр», и «мартыны», клуша, несмотря на своё непутёвое имя, осуществляет набеги на кладки яиц кайр и их птенцов, поедает плаценту, оставшуюся после щенки самок морского котика, нередко атакует павших детёнышей морского котика и даже новорождённых, сначала выклёвывая им глаза. На острове Шикотан клуши даже питались во времена китового промысла останками китов, выбрасываемых в море китобойным комбинатом.

В общем, клуша, как и большая североморская чайка, и бургомистр, - грозный морской хищник, и прозвали её так, видимо, из-за частичного сходства с квохчущей наседкой, какой она себя проявляет, когда насиживает яйца очень плотно: к насиживающей самке можно подойти вплотную, и она не оставит гнезда. А поскольку «клушей» называли в народе ещё и дурно одетую женщину с серыми быстрыми глазами воровки, что очень напоминает эту птицу, имеющую ко всему прочему очень растянутую линьку, и, следовательно, постоянную взъерошенность, то, может быть, всё вышеизложенное и послужило основой для наименования большой и несколько неопрятной тихоокеанской чайки «клушей». Но стоит увидеть клушу в действии, когда она нещадно терроризирует обитателей птичьего базара, и вы позабудете о её несколько неожиданном для неё прозвище: ведь, скорее, она - хищник, нежели «клуша» в той мере, в какой её больше воспринимают?!

Конечно, чаще всего эта птица держится на морских побережьях, где питается выбросами моря: морскими ежами и звёздами, крабами и ракообразными. На Курилах я видел, как клуши охотятся за ходовой рыбой, поджидая движение сельди. На острове Тюленьем клуши охотно поедают яйца и птенцов кайр, а также рыбу, приносимую кайрами для птенцов.

На Сахалине какая-то часть клуш улетает далеко от морских берегов, в глубь острова, где они охотятся за полёвками. Нередко клуши забивают детёнышей морского котика и даже новорождённых. Но, тем не менее, эта тихоокеанская чайка – ещё одна необыкновенная птица, украшающая собой прибрежные скалистые обрывы, острова, разбросанные по морю, или отдельно стоящие в море кекуры.

Жизнь у моря, при видимой размеренности происходящего, необыкновенно кипуча и таинственна. Поначалу ты начинаешь чувствовать себя здесь каким-то потерянным ротозеем, которого, как и несчастного котика-черныша, забиваемого большими чайками, кто-то водит за нос и наслаждается от ощущения твоей растерянности. Вот когда нужно собрать свою волю в кулак, и вслушиваясь, всматриваясь в окружающий мир – попытаться почувствовать себя ему сопричастным.

Птичий базар околдовывает и будоражит, и ты, оказавшись на нём, рано или поздно откажешься от всего несущественного в своей жизни, и воспрянешь духом, если хотя бы на миг утратил его присутствие. Тебе, опять же, помогло море и те существа, которые слагают его суть: морские птицы...

Какая радость, что однажды море предстало перед тобой, ты жил в нём и желал для всех такого же счастья обладания тем, что никогда нельзя потерять. Радость обладания была всегда так огромна, что хотелось делиться ей, никого при этом не обременяя. Но разве возможно обременить счастьем обладания такой необъятной радостью, как море?

На первый взгляд безмерность моря ограничена уровнем развития твоей души... Но потом ты понимаешь, что как бы развита она ни была, море всё равно остаётся безмерным и непостижимым. И птичье царство, на его краю, будет всегда лишь свидетельствовать о морской безбрежности, несущей в себе притягивающую необъятность и обаяние нескончаемой широты, куда можно всегда отправиться в путешествие. Птицы, несомненно, украшают удивительное морское пространство, они его ещё более насыщают жизнью.

Пожалуй, хватит перечислять особенности птиц, посещающих птичьи базары, тем более, их всех не перечесть, так они многочисленны и неподражаемы. Птичьи базары хороши именно своим необыкновенным птичьим сообществом, тем, что вместе собираются непохожие друг на друга птицы, и все они – по-своему неповторимы. А люди стремятся к ним, и, как ни странно, пытаются найти среди этих птиц своё счастье. Вернее, самого себя, то, на что ты способен.

Птицы, оказывается, помогают человеку почувствовать себя другим, лучшим, готовым посвятить свою жизнь нескончаемому путешествию к Божественному тождеству, к возможности воспарить над собственной нерешительностью и достичь недостающей гармонии со всем миром. Стать птицей в собственной душе, означает – полететь, и мысленно и наяву, к самому дороговому, что может быть для человека: к Богу.

И чайки, и тупики, и конюги со стариками, и топорки, и даже клуши, кажется, осознанно приглашают нас к какому-то очень важному, внутреннему учению, не считая человека чужим. Вот что почувствовал я на многоголосом и не поддающемся точному описанию птичьем базаре, где и мысли, и душа моя, и сам я превратились в морскую птицу, мужественно отстаивающую свою способность быть свободным, вольно паря над бескрайней морской стихией, не отрываясь сердцем от суши.

Интересно находиться на птичьем базаре, когда и одинокая скала, и море окутаны туманом... Птиц не видно, но вскрикивания их перемешиваются и, благодаря туманной пелене, будто приближаются к тебе вплотную. Вот-вот чудится, что обеспокоенные туманом птицы налетят на тебя и сшибут с ног, и тебе не удержаться на голых, скользких камнях.

Все птицы воспринимаются большими, еле различимыми тенями кружа совсем рядом, и вдруг где-то прорвётся туманная завеса, выглянет солнце, а в коротеньком разрыве откроется холодная небесная синева, и весело заиграет упругая зелень моря. Необыкновенно радостно и привольно станет на душе!

А уже через несколько мгновений туман, подобно театральному занавесу, раздвигается, и взору открываются серовато-голубые скалы, где густо, плечом к плечу, сидят чайки и кайры, оглашая всё близлежащее пространство неумолчным криком. Каменный остров - сплошная копошащаяся птичья колония, где каждому, как это ни странно, находится место, ибо когда одни птицы срываются в полёт, другие, возвращаясь с моря,

тотчас их заменяют. Воистину - птичий рай, несмотря на жуткую тесноту и плотность!

Чайки, словно снег, покрывают обрывистые отроги. Они не боятся человека, и смело нападают, непрерывно обстреливая серовато-белыми брызгами помёта, он ударяется о камни и медленно сползает длинными рваными полосами. А сидящие на краю карниза кайры, то и дело поливают жидкими испражнениями других птиц, сидящих ниже на скале.

Вокруг стоит неопиcуемый ор, и невозможно различить, кто шумит более – птицы или море? Самки с криком встречают подлетающих с кормом самцов, особенно усердствуют моёвки, и тяжело вздыхает внизу прибой. Гам, шум, крик налетают какими-то рваными порывами, а лицо приятно обдаёт сырой тёплый воздух, принося солоноватые запахи взбитой волнующимся морем пены, холодного камня и смрада птичьего базара, в котором перемешаны горечь оплывающего грязного льда и затхлость полуразложившейся рыбы, зловоние птичьего помёта и разбитых яиц, терпкая морская свежесть... Кипит великое птичье сообщество, состязаясь с самим морем, и необыкновенно радостно быть здесь, и всё это видеть!

И всё-таки, намаявшись от нелёгкого труда у моря, с его промозглой сыростью и ветрами, неустроенным бытом и опостылевшей ломотой в суставах, перенасыщенных азотом, захочется тебе, рано или поздно, сухого тепла и домашнего уюта. Экспедиция подходит к своему завершению: сколько незабываемых впечатлений увозишь ты с собой, счастливый от переполняющих тебя эмоций!

Не терпится поделиться ими с друзьями и родными, с нескрываемым восхищением передавая увиденное, а потом вдруг успоаиваешься, неожиданно замкнувшись... Север научил тебя быть сдержанным, несмотря на шумное многоголосье пёстрогo птичьего базара, куда ты вскоре вновь мечтаешь отправиться, чтобы до глубины души проникнуться его скупыми красками, запахами и неугасимым жизненным ритмом. Птичий базар неотступно манит тебя в новое увлекательное путешествие.

Баклан

В безлюдных дальневосточных просторах, среди угрюмых скал, обитает не похожий на других морских птиц баклан. Море в изобилии даёт ему корм, а неприступные скалистые кручи служат птице укрытием и местом гнездования. Бакланы всегда встречаются недалеко от земли.

Бытует мнение, будто бы наличие птиц в море – есть верный признак близости земли. Это далеко не так, поскольку есть птицы чисто водяные, которые держатся постоянно над водой, и к ним относятся альбатросы и разного рода буревестники. А вот появление рядом с судном бакланов означает, что берег должен быть где-то поблизости. Бакланы более привержены берегу, нежели открытому морю.

Этих необычных на вид существ – бакланов, редко увидишь вместе с кайрами, тупиками, топорками или какими-либо чайками. Чаще они держатся в одиночестве, когда часами, совершенно неподвижно, просиживают на прибрежных скалах или отдельных камнях у самого моря. Такое задумчивое пернатое племя, на первый взгляд, непонятно для восприятия, потому как большинство морских птиц громогласно заявляют о своём существовании, и ведут себя очень оживлённо. И, тем не менее, бакланы не выглядят птицами, только желаящими, чтобы их не заметили, а наоборот, ведут себя как бы даже приподнято, и всегда насторожены в своём терпеливом ожидании у моря.

«Чёрные птицы»... Так называют бакланов впервые увидевшие их люди, и довольно мрачное первое впечатление развеивается только после того, как они познакомятся с ними поближе. Бывает, на уступах скалы, от её подножия до верха, по самым узким карнизам, умещаются тысячи морских птиц, гнёзда их – повсюду, но бакланы почему-то предпочитают держаться в отдалении – на прибрежных камнях, хотя и рядом с бесчисленным птичьим сообществом. Бакланы не белят так скалы известью, как чайки.

Оперение бакланов действительно чёрное, с зеленовато-бронзовым оттенком, который можно различить лишь вблизи. Крылья у бакланов короткие, закруглённые, и по этой причине птицы не могут долго парить над морем. Ноги же у них отнесены далеко назад, что облегчает бакланам плавание, и особенно – ныряние. Вдобавок, стержни грудных перьев у баклана изогнуты, и поскольку при нырянии оперение испытывает в воде большое давление, то изогнутые стержни слегка разгибаются, не прижимаясь к телу птицы, и перья намокают не сразу. С таким расположением ног, оперением и короткими крыльями баклану легче передвигаться под водой, чем по воздуху.

Ещё у баклана клюв загнут на конце крючком, что придаёт птице сосредоточенный вид, даже некую основательность. Но такое строение клюва необходимо для удержания сопротивляющейся добычи: будь то маленькая рыбёшка или моллюск. Отыскав добычу, баклан ловко зажимает её в клюве и устремляется на поверхность, где, резко откинув голову назад, тотчас проглатывает. Ни секунды не передыхая, он, в мгновение перевернувшись, вновь бросает себя в очередной нырок, и до того у него это получается целеустремлённо и расковано, что ты невольно начинаешь завидовать птице. Вот бы и тебе так же озорно и стремительно освоить погружения под воду, а ведь баклан способен нырять на несколько десятков метров!

Под водой баклан совершенно преображается! Как молния проносясь в толще воды значительные расстояния по горизонтали, баклан способен опускаться на глубину и по вертикали, зигзагообразно сложив крылья и вытянув шею. Со стороны сначала покажется, будто это запущенный кем-то бумеранг, разящий без разбору каждого, кто попадает к нему навстречу.

Манёвренность прохождения под водой у баклана невероятна: он гребёт и взмахивает крыльями в толще воды точно так же, как и в воздухе. Во время нырка баклан может молниеносно менять направление, вкручиваться в глубину наподобие штопора, вертеться на месте и крутить сальто с такой лёгкостью, что даже засомневаешься: не рождена ли эта птица для подводного обитания, и так ли свободно она нацелена на добычу в воздухе?

Причём, ныряет баклан чаще всего из положения на плаву, и под воду уходит мгновенно, находясь там минуту и даже более. Судя по всему, баклан чувствует себя в воде увереннее, чем на берегу, а главным двигателем его оказываются лапы с широкими перепонками. Короткие же крылья используются как их дополнение, для манёвра. Необыкновенная птица, порождённая неповторимой морской стихией!

Однажды, работая под водой, я был напуган подобным нырком баклана, который вошёл в воду совсем рядом, оставив за собой пенящийся шлейф. Его тёмно-коричневое оперение мгновенно покрылось мириадами воздушных пузырьков, и баклан предстал прямо перед моими глазами в сверкающем одеянии, лихо наброшенного на его выпуклые плечи. Баклан даже, кажется, скосил на меня свой карий глаз, ещё неистовее рванувшись вниз. Поначалу я подумал, что это свалился с прибрежной скалы камень...

Прошло больше минуты, а баклан не появлялся. Наверное, он уплыл куда-нибудь в сторону, подумал я, и прошло ещё с полминуты, прежде, чем я заметил, уже в значительном удалении от себя, устремлённую вверх птицу. Баклан теперь выглядел каким-то сдавленным, как будто он похудел на глубине, и чуточку истощённым, но всё равно плыл к поверхности уверенно, уже не взглядывая на меня. Всё его спрессованное подводным давлением существо было нацелено на высвобождение от глубинных пут, и баклан, что было сил, молотил перепончатыми лапами, будто бежал по земле. Вскоре он исчез, и лишь серебристая дорожка мелких пузырьков какое-то время напоминала об этом отважном ныряльщике.

Бакланы действительно отменные пловцы и способны погружаться на очень значительные глубины, демонстрируя восхитительную технику ныряния. Недаром японцы использовали этих птиц при добыче жемчуга, когда бакланы, опускаясь на дно, выхватывали из раскрытых раковин драгоценные горошины, привлекающие их своим блеском, и, зажав в клюве, поднимались с ними наверх, к своему хозяину. Баклан, при своей склонности погружаться на значительную глубину, мог поднять со дна гораздо большее количество жемчуга, чем ныряльщик.

Держась больше у берега и добывая себе пищу, в основном, подводным способом, баклан, тем не менее, довольно быстро летает. Правда, полёт у него какой-то прямолинейный, не манёвренный, как у чаек, и когда он летит, вытянув длинную тонкую шею и часто взмахивая крыльями, то несколько напоминает уток или гусей. В облике баклана вернее всего обнаружишь нечто сухопутное, отчего поостережешься сразу назвать его «морской

птицей», и более того, сразу после первого знакомства с ним, возникает ощущение, что полёт для баклана – довольно тяжёлая работа. И всё же некоторые бакланы не преминут из любопытства лишний раз облететь проходящее мимо судно, в удовлетворении усевшись в скором времени на камни.

Сидит баклан на оголившихся после отлива камнях обычно с развёрнутыми крыльями, будто настороженно всматриваясь в простирающееся перед ним водное пространство, готовый вот-вот ринуться туда, и поначалу начинает казаться, что он высматривает добычу. Но приглядевшись, убеждаешься: баклан, будто бы, отчего-то забылся, или даже задумался, отрешённо взирая на море, и даже не помышляет о рыбе. А может быть он, таким образом, просто передыхает от напряжения, которое испытывает на глубине.

Вероятнее же всего бакланов можно часто видеть торчащими столбиками на прибрежных камнях потому, что они вынуждены время от времени просушивать перья. Пепельно-коричневое оперение бакланов недаром грязновато, до черноты, под стать прибрежным невзрачным камням, но как бы бакланы не маскировались, их всё равно сразу отличишь по неподвижной вытянутой фигурке, напоминающей кувшин с длинным горлышком или бутылку шампанского.

Что высматривают бакланы в бесконечной морской дали, о чём их непостижимые птичьи думы, - непонятно. Может быть, они силятся что-то вспомнить или им просто некуда девать своё время? Но ведь другие морские птицы не ведут себя подобным образом, и даже присаживаясь отдохнуть на какое-то время, вскоре вновь срываются в стремительный полёт над морем, на который они обречены всем своим образом жизни. Бакланы же продолжают своё отрешённое созерцание морской поверхности, кажется, не в силах оторвать от неё взгляд.

Устроившись удобнее на голых скалах, бакланы обычно сидят, не двигаясь, лишь изредка поводя головой из стороны в сторону, и вновь на долгое время замирают. Иногда они утробно курлычут – «урр...урр...урлл, урр...урр...урлл», как будто чем-то недовольны. Но так, правда, беспокоятся по весне и в начале лета только заботливые бакланы мамыши, которые закрывают растопыренными крыльями своих длинношеих детёнышей, наклоня на бок головы: видно, что у них на уме одно беспокойство и тревога за своих малышей.

В таком положении бакланы подпускают к себе очень близко, и можно подобраться к ним на несколько метров, хорошо разглядев зеленовато-сизое горло и грудь, чёрно-угольную спину и в бурых подпалинах крылья с хвостом. Глаз у баклана тоже какой-то зеленовато-сизый, с чёрной точкой посередине, и он почему-то всегда тревожно сверкает, то и дело вздрагивает, как тёмно-серый мешочек под клювом - своеобразная кошёлка для рыбы. Малыши обычно бесцеремонно заглядывают в него и шарят в поисках рыбы, у каждой мамы их не меньше трёх.

Бывает, бакланы сидят на камнях у самой воды, в цепочку, и вспугнутые чем-либо, также все вместе поднимаются в воздух. Птицы летят вслед друг другу, вытянувшись в длинную вереницу, словно нанизанные на невидимую верёвку неведомые чёрные рыбины. Получается это у них так неторопливо и ровно, что, кажется, нырни сейчас первый баклан под воду, и остальные тоже размеренно, ни секунды не колеблясь, дружно последуют за ним.

Вся эта бакланья живая гирлянда завораживает именно своей размеренной слитностью полёта, даже - тишиной, поскольку бакланы не издадут при этом ни звука. Но самое поразительное, что они не меняют дистанцию между собой, сохраняя расстояние, на котором отрешённо восседали рядом на камнях. Кажется, даже ружейный выстрел не нарушит этого выдержанного птичьего порядка.

Кстати, об охоте на морских птиц... Во времена Витуса Беринга на Командорских островах обитал очковый баклан, и он довольно быстро был сведён на нет из-за своей доверчивости. Те самые, потерпевшие крушение матросы из экспедиции Беринга, и били птиц палками, и большие глуповатые птицы, а потому, отчасти, и неповоротливые, ничего не могли этому избиению противопоставить. Они действительно были порядком тяжёловесны, о чём свидетельствовал член экспедиции Беринга зоолог Стеллер.

Кстати, его именем впоследствии будет названа морская корова, так же, как очковый баклан со временем выбитая, так вот этот Стеллер утверждал, что одного очкового баклана с избытком хватало на троих измученных голодом людей. Вес этих птиц, опять же по воспоминаниям очевидцев, достигал 30 фунтов, то есть – двенадцати килограммов, и именно его большие размеры, доверчивость и вкусное мясо привели к тому, что за несколько десятков лет баклан этот полностью был уничтожен.

Что же касается вкуса мяса других морских птиц, то он даже для голодного человека неприятен, а кому-то и вовсе противен, поскольку запах морских растений, присутствующий в нём, очень чувствителен, и кусок птичьего мяса просто застревает в горле. В давние времена, когда судно уходило в море на два-три года, и начинало скоро сказываться отсутствие свежего провианта, моряки ловили альбатросов и чаек на уд, после чего сразу в пищу пойманную птицу не употребляли, а некоторое время держали в так называемом «курятнике», кормя мукой, разведённой на тёплой воде. Мясо птиц от этого постепенно теряло неприятный вкус и запах, отчего альбатросов можно было сравнивать даже с гусями, чаек же – с утками.

Мясо бакланов тоже сильно отдаёт морскими водорослями, а вдобавок – рыбой, к тому же – оно жестковато, и от долгой варки совершенно деревенеет. Когда нам пришлось однажды голодать около двух месяцев на острове Атласова, о чём будет рассказано позже, то легче всего получалось стрелять именно бакланов, поскольку сидели они на камнях у береговой полосы и были более доступны, нежели другие птицы. При отсутствии

какой-либо другой пищи, за исключением ягод, отбитые бакланы тушки шли у нас на «ура».

К слову заметить, мясо морских животных, а именно – дельфина или тюленя, не имеет подобного неприятного привкуса рыбы и водорослей, и даже более того, отдалённо напоминает, на мой взгляд, лесную дичь. Не знаю, чем это вызвано, но мелко нарезанные и пережаренные с луком кусочки мяса самки дельфина возбудили однажды в моей памяти ... аромат хорошо пропечённой глухарятины. Впрочем, чего только не вообразит себе изголодавшийся желудок!

Но почему только баклан считается менее пригодным в пищу?! Вероятно, виной тому его способность нырять на довольно значительную глубину, когда у него оказываются задействованы все мышцы, и упражняясь, таким образом, в течение тысячелетий, эти птицы укрепили себя до невозможности: тела их стали твёрдыми и выносливыми. И где уж тут до кулинарных опытов, если мясо птиц трудно подчиняется обработке для приготовления самого неприхотливого варёного блюда, пусть даже для кого-то воспринимаемого изысканным?!

Да, бакланы - непревзойдённые ныряльщики! Конечно, есть морские птицы, что и летают, и плавают, и ныряют несравненно дальше, быстрее и глубже баклана. Но разве можно сравниться с загадочным, каким-то совершенно необъяснимым в своём отрешённом поведении бакланом, когда он сидит спокойно на прибрежных скалах, так что трудно ожидать от него какого-либо неожиданного, не вяжущегося с его покойным образом поведения, и вдруг, сорвавшись, он молниеносно врывается в морские воды, надолго исчезая в них. Неужели баклан погиб?

Раньше, ещё до того, как я стал погружаться под воду, мне всегда хотелось заглянуть туда, где волны, только что, сомкнулись над этой удивительной птицей, и посмотреть, как там у неё всё получается? Но прежде, чем погрузиться вместе с бакланом в глубину, я с какой-то необъяснимой привязанностью любовался, как он отрешённо сидит на скале, всем своим видом давая понять: уединённость – моя стихия, и точно так же, как я отрешённо держусь в одиночестве на берегу, я свободно парю и под водой. Мне нравится находиться у моря с самим собой, когда я совсем один, и это состояние соответствует моему глубинному птичьему настрою.

Баклан как будто специально удалён от всего, исключён на время из жизни, может быть даже отлучён кем-то? Баклан и отделён от других морских птиц, существующих сообща, но в тоже время – с ними, только находится неподалёку. Возможность быть отрешённым обязывает баклана ко многому, ведь пропитание легче добывать себе в море дружным сообществом, и всё-таки - он один, а одинокому везде дом – и на голой скале, и на неприятном утёсе, и на открывающихся в отлив острых рифах.

Одна голова, как говорится, не бедна, а и бедна, так одна. Баклан не может быть иным, и лучше принять его таким, какой он есть: непохожим ни

на кого, задумчивым и загадочным, даже - бесстрашным, составляющим одно целое с вольным морским простором.

С присущей бакланам необычностью, они и места обитания выбирают недоступные. Или это высокий, затерявшийся в море островок, или камни у прибрежной скалы, где даже в отлив никакой полоски суши нет, и к гнездовью не подойдёшь. Да и подплыть к нему вплотную тоже нельзя: участок воды у подножия скалы ограждён от вечно наседающих волн то появляющимся, то исчезающим под водой каменным барьером. Лучше сюда не соваться!

Мутновато-свинцовые воды тяжело и безучастно бьются о груды скользких камней, неохотно разлетаясь на бессчётное количество холодных брызг, но не в силах сокрушить их. А бакланы сидят, как ни в чём не бывало, на этих самых голых камнях, и не нужно им какого-либо другого убежища, где бы птицы почувствовали себя более свободно. Их дом – здесь, среди затерянных в тумане бухт и скалистых островков. Счастье бакланов – это именно неприхотливые птичьи радости, которые птицы переживают в необъятности неприютных северных морей, и лишить их себя они не могут: жив баклан - живо и море, несущее всему живому своё спасительное дыхание.

Обычно, приближаясь к одинокому скалистому островку, застаёшь невообразимый птичий гвалт. Птицы, обременённые своими домашними заботами, улетають, снова прилетают и кормят птенцов. Поначалу всё это птичье столпотворение покажется сущей несурезицей и не поддающейся объяснению неразберихой, пока не соприкоснёшься с неизведанным миром величайшей жизненной энергии и не ощутишь на себе его силу. А когда ощутишь, то и себя почувствуешь неутомимым ныряльщиком – бакланом, с полным зобом возвращающегося с моря.

Вот, ты подлетаешь к утёсу, идёшь на посадку, и приспускаешь крылья, делая ещё что-то очень по-птичье простое, присущее только баклану. Словом, включаешь какие-то «внутренние тормоза», на самом деле уже давно существующие в тебе, но не мешающие. Главное, что ты отчаянно не хлопаешь крыльями, не горланишь по чём зря, не жадничаешь, вытаскивая рыбу из-под других птиц, не хлопаешь отчаянно крыльями, стараясь создать ненужное возбуждение вокруг себя, чтобы насладиться минутной победой. Вся твоя жизнь сейчас – это предоставленная тебе природой возможность научиться преодолевать, казалось бы, непреодолимое, и разве обойдёшься при этом без обилия всех тех природных образов, что дарит море?!

А бакланам порой действительно приходится нелегко, особенно – в штормовую погоду, когда птенцам приходится нередко голодать, так как в эту пору взрослым птицам добывать корм нелегко или почти невозможно. Удастся маме возвратиться с промысла нагруженной рыбой – и малыши, а их у бакланов бывает по трое в гнезде, по очереди, с пронзительным воплем, буквально погружаются с головой в горловой мешочек матери, жадно вытаскивая рыбу и тут же проглатывая её. Детёныши изо всех сил стараются

насытиться немедленно, ибо неизвестно – когда ещё мамаше удастся добыть корм!

Самцы обычно свободны от семейных дел, и их задача – нести сторожевую службу. Тёмными вытянутыми силуэтами застывают они по краям утёсов, намётанным глазом поглядывая за тем, что происходит в бухте.

Словно неведомые сторожевые, как солдаты, располагаются бакланы по вершинам одиноких скал и утёсов, оборотившись к морю в одном направлении. Обычно бакланы пользуются одним и тем же, раз избранным местом, и происходит это, по-видимому, ещё оттого, что ходьба для них весьма затруднительна и представляет собой жалкое ковыляние. Лучше – замереть, так что, приметив птиц, поначалу подумаешь, будто кто-то оставил на прибрежных скалах изящные кувшины, вызывающие притягательное ощущение наполненности.

Да и самих бакланов нельзя обвинить в отсутствии содержательности, вернее – понятливости. Недаром в Японии и Китае бакланов издавна приучали, помимо охоты за жемчугом, ещё и к ловле рыбы, когда птицы беспрекословно исполняли волю человека. Дрессировать бакланов начинали с раннего возраста, вынуждая молодых птиц бросаться в воду, нырять и выносить на поверхность пойманную рыбу по приказанию хозяина.

Естественное желание проглотить её – баклан осуществить никак не мог по причине того, что на шею ему надевалось металлическое кольцо. Птице, волей неволей, приходилось плыть к лодке, где рыбак принимал у неё добычу, или он накидывал на баклана сетчатый сачок и подтягивал птицу к себе, так как часто случалось, что крупную рыбу баклан терял. Затем рыба отнималась, а в вознаграждение птица получала немного корма, после чего баклану давали отдохнуть и, вскоре, вновь посылали под воду. Чтобы смышлёная птица не удрала с рыбой, ей за ногу привязывалась бечёвка.

Глядя на одиноко сидящих у самого уреза воды бакланов, у тебя, в конце концов, действительно возникает ощущение, что они о чём-то думают, в неподвижности взирая вдаль моря. Могут птицы находиться в таком состоянии и час, и два, и ни разу не повернут головы, не обратят внимания на появление сивуча или человека. Ничто их, кажется, не интересует: только бы сидеть вот так, в одиночестве, на прибрежной скале, и созерцать бесконечность морского пространства.

Баклан – это какое-то необъяснимое морское упорство, внутренняя нацеленность на то, чего ему совершить никогда не суждено. Но баклан об этом не знает или не догадывается, и самозабвенно сосредоточен на своей неизведанной, может быть, даже непонятной ему самому мечте, переживая, наверное, нечто непередаваемое, и, тем не менее, отчего-то близкое его трепетному птичьему сердцу, даже – приятное.

Качурки

Не сразу и не всегда разглядишь над морем маленьких морских птичек - качурок. Имеющие оперение тёмно-коричневого цвета, в пасмурную погоду качурки кажутся и вовсе чёрными, неприметными. Впрочем, сквозь тёмно-бурую окраску иногда слабо проглядывает беловатый рисунок, но он заметен лишь в ясный солнечный день и когда качурки находятся на достаточно близком расстоянии, а ещё лучше – в руках, после того, как столкнулись в непогоду с судовыми надстройками и, оглушённые, на время потеряли ориентацию. Осторожно проводя пальцем по взъерошенным перышкам, ты непременно разглядишь эти белёсые пряди, и ещё более бережно разглядишь их, ощущая под рукой трепетное биение маленького птичьего сердца.

Наверное, именно из-за своего небольшого размера, стремясь остаться незаметными, качурки и ведут, по большей части, ночной образ жизни. В пору насиживания и выкорма птенцов устраивая норки, а где это невозможно – находя себе самые узенькие и глубокие закоулки и щели в скалах, качурки, в целях самозащиты, летают только ночью, днём же – беззвучно сидят в укрытии. Привычка хорониться от хищников, по-видимому, обуславливает и миграционные перелёты в ночное время, когда, как это нередко случается, птицы и попадают в непогоду, и поскольку летят качурки низко - они наталкиваются на судовые надстройки, и во множестве гибнут.

Птиц, встревоженных бурей, словно охватывает какое-то безумие. Рассекая маленькими крыльями насыщенный влагой воздух, они мечутся над палубой, ударяются о ванты и рубку, истошно кричат, будто стараясь перекрычать шум волн. Взмывая в метущуюся черноту, а затем камнем падая вниз, на палубу судна, птицы издают громкие и очень пронзительные вопли ужаса. Качурки обезумели от непрекращающейся непогоды, но их, то и дело, мелькающие в воздухе маленькие силуэты не кажутся зловещими. Скорее, они вызывают острое сожаление, что невозможно никак им помочь.

Птицы и воздух как будто сплавляются, становясь похожими на живую рваную тучу, разбивающуюся о судовые надстройки. Нет сил на всё, что происходит, смотреть, но моряки ничего не могут поделать, и вынуждены только наблюдать за тем, как бьются несчастные птицы. Однажды в сильный шторм привелось подобное увидеть и нам, и все свободные от вахты члены экипажа, не сговариваясь, приняли участие в спасении попавших в беду морских ласточек, насколько это было возможно. Может быть, именно по причине сопереживания моряками незавидной доли этих маленьких морских птиц, они однажды и стали называть качурок «ласточками».

Только вообразите себе... Ночь, штормовое море, и вы стоите на вахте, у руля, а в стёкла рубки, прямо перед вашим взором, ударяют волны. Сила волн такова, что при каждом ударе, кажется, будто вот эта волна непременно сметёт всё на своём пути и, в том числе, вас. И точно с такой же силой, вперемешку с мутновато-зелёными потоками воды, ударяются в окна

надстройки и маленькие, коричнево-пегие птицы – качурки, не способные сопротивляться разбушевавшейся стихии.

Совершая долгий перелёт, птицы, по-видимому, абсолютно вымотались в борьбе с непогодой. Ураганный ветер высосал все силы из этих птах, они ударились о такелаж судна, соскальзывали по стёклам рулевой каюты на мокрую палубу и оставались лежать там бездыханными комочками. У кого из них ещё хватало сил, прятались - куда это было возможно, некоторые даже опять пытались взлететь, но, сбиваемые смерчем, вновь ударились о стальные борта и погибали.

Под утро те из птиц, что ещё остались живы, были истощены до такой степени, что отдавались в руки моряков без какого-либо сопротивления. И всё же, недоверие к людям не проходило, птицы, даже в каютах, старались спрятаться подальше, забиться под койку, в самый угол. Они были очень напуганы. И удивительное дело: маленькие пушистые комочки, избитые ветром и непогодой, как бы это странно ни звучало, дополняли суровую простоту судового быта, и скрашивали вахту и часы отдыха экипажа, стремящегося хоть как-то помочь птицам. А сколько морских ласточек погибает в пути от переохлаждения!

Качурки до того хрупкие и стройные птички с массой тела всего в тридцать-сорок граммов, что на первый взгляд трудно даже вообразить, что они приспособлены к жизни в море. Английские моряки, имея, наверное, это в виду, уже давно прозвали их «цыплятами матушки Кери». Под матушкой Кери подразумевалась Святая Дева Мария. Богородица считалась покровительницей моряков, поэтому они уважительно называли её «наша Леди». С её покровительством связывалась, в частности, благоприятная погода, что было особенно важно во времена парусного флота: «Наша Леди, - говорили моряки, - попутный ветер».

У качурок есть ещё одна интересная особенность: в отличие от крохотного тела они имеют непропорционально длинные, буквально как ходули, ноги. При добыче пищи качурки, подняв крылья, танцующей походкой семенят по воде, бросаясь из стороны в сторону, и это, действительно, создаёт иллюзию танца. Так, пританцовывая, они и держатся всегда над морем, будто не желая терять с ним связи, и это выгодно отличает их от других морских птиц, гораздо превышающих их по размеру, что всё больше парят над морской стихией, словно опасаясь к ней приблизиться.

В общем, наблюдая за качурками, не перестаёшь удивляться, что такие крохотные птички – морские. Но и на суше качурки довольно беспомощны. Как и буревестники, они не могут даже стоять на ногах, и при передвижении по земле опираются на всю цевку. И всё-таки, их стихия - море, и именно морю посвящают морские ласточки свой порхающий полёт и трепетные жизни.

К слову заметить, с этой частой гибелью птиц в непогоду связано, по-видимому, их настоящее имя. Предполагают, что оно произошло от слова «качуриться» или «окочуливаться», что на самом деле и происходит с ними

во время шторма. Качурки в прямом смысле слова, побившись, околевают, «качурятся», одним словом, более всего вызывая интерес моряков, наверное, именно этим.

Правда, на море качурки из-за своих малых размеров не очень привлекают внимание, если не собираются в большие стаи. Они как бы теряются среди волн и морского простора. Тем не менее, моряки с качурками знакомы лучше, чем со многими другими морскими птицами, потому как они чаще попадают в беду, и надолго отлучённым от родной земли людям, самим порой оказывающимся в очень непростых ситуациях, представляются ближе и приятнее сердцу.

Из-за своей хрупкости качурки, конечно, не способны спорить с сильным ветром, отчего нередко случаи заноса их в большом количестве в глубинные районы суши. Но, как бы то ни было, морские ласточки - птицы открытого моря, море является родным домом для этих внешне беззащитных пернатых крох. При жестоких штормах качурки стараются держаться между валами волн, где ветер тише, и можно кормиться даже в плохую погоду. Это ещё одно завидное свойство маленьких птичек, выгодно отличающее их в море от своих собратьев.

Кстати, на островах Пасхи морские ласточки издавна являлись предметом культа человека. Оказывается, на небольших островках, разбросанных вокруг основного острова, гнездятся эти маленькие чёрные ласточки, которых местные туземцы считают священными. Морские ласточки – перелётные птицы, и в определённый день они прилетают к своим гнездовьям. Тогда лучшие воины острова кидаются в море и плывут к островкам наперегонки. Тот из воинов, кто первым находит гнездо ласточки и приплывает с ним обратно, не разбив при этом ни одного яйца, становится героем, а его хозяина провозглашают человеком-птицей, равным богам. Ритуал охоты за ласточкиными яйцами проходит ежегодно, и специальные жрецы решают – когда наступает знаменательный день.

Нет сомнений, что на островах Пасхи гнездятся, помимо ласточек, и другие морские птицы, но жрецы почему-то выбрали в качестве ритуального поклонения именно качурок, может быть, даже не зная, что они так называются, и наделяют почестями героев, добывших яйца только морских ласточек. Чем замечательным отличились эти маленькие морские птицы, что их отметили люди - неизвестно.

Вероятно, морские ласточки привлекли к себе внимание незначительною величиною, учитывая, что совершают длительные перелёты в любую погоду, стройным поджарым тельцем, лёгким полётом, действительно напоминающим головокружительное парение ласточки, и чудесным белоснежным оперением под хвостом, пронизывающим пространство над водой изящной вилочкой. Трудно найти более обаятельную и кроткую птицу, бесстрашно вступающую в единоборство с морской стихией. Не зря моряки называют качурок штормовыми ласточками!

Питаются качурки очень мелкими рыбёшками и крупными планктонными рачками. Эти изящные морские пташки вьются в шторм вблизи корабля, следуют за ним, низко летя над его кормовой струёй, и используют сравнительно спокойную воду кормовой струи корабля для того, чтобы ловить там пищу, недоступную при штормовом волнении. Вероятно, винт, вращаясь, глушит всякую мелкую живность, и она, всплывая в кормовой струе, тоже приманивает морских ласточек. Ко всему прочему качурки очень любят ворвань, отчего приходят в большое возбуждение, заведя дохлого кита или тюленя, за что моряки прозвали их ещё и «китовыми птицами».

Что же касается крика, то он у качурок чирикающий, с переливами, и очень напоминает щебет ласточек, только тоном пониже, а когда птицы, неожиданно появившись из темноты, осыпают всё судно, то возникает ощущение, будто движется и шелестит воздух. Совершенно не остерегаясь людей, птицы вьются над палубой - даже когда шторма нет, и всё норовят попасть на свет, залетая и в рубку, и в каюты. Трудно сказать - чем привлекают морских ласточек световые потоки, но вот плохую ориентацию их можно объяснить тем, что глаза у качурок располагаются где-то сзади, чуть ли не на затылке, и возможно из-за такой странной постановки глаз они и видят плохо впереди себя, натываясь на мачты, стены рубки и освещённые стёкла иллюминаторов. Если бы морские ласточки не бились даже в отсутствие непогоды, и не падали раненные на палубу, после чего они уже не в силах подняться в воздух, то можно было бы назвать их кружащие над морем стайки весёлыми и радостными.

Впрочем, таковыми качурки и являются, несмотря на то, что гибнут в огромном количестве, и вызывают ещё большее уважение, стоически перенося свои увечья и неволю. Те птицы, что не разбились насмерть сразу, ведут себя, как ни странно, очень скромно: не подавая вида, что им плохо, и стараясь оставаться неприметными, они кособоко передвигаются вдоль переборок, как можно более незаметно волоча перебитые крылышки. Так и хочется брать каждую из них в руки, пытаюсь хоть как-то облегчить им мучения, и в этом случае птицы всегда ведут себя смирно, не вырываются, как будто понимая, что им не желают зла, и эта их миролюбивость, при сильно пострадавшем тельце, до глубины души трогает.

Однажды я набрал к себе в каюту полдюжины покалеченных птиц, и все они выявляли удивительную безропотность. Лишь по причине отработанной в них природой защитной реакции, качурки изредка, всё же, отрывали в лицо и на руки струю бурой маслянистой жидкости – ворвани, совершая подобную процедуру, скорее, машинально, но я несколько не сердился на беззащитных птичек. Птиц требовалось только немного обогреть и успокоить, может быть, именно своим вниманием вдохнув в них недостающую им энергию.

И птицы быстро это понимали, и так же скоро шли на поправку, после чего я их по очереди, торжественно, выпускал на свободу, и морские

ласточки бесшумно взмывали вверх, в своём ныряющем парении тотчас подстраиваясь соответственно движению волны. Порхая на одном и том же уровне, ласточки точно ластились к волнующейся воде, несмотря на недавно приключившееся с ними несчастье, вновь играя. Ведь Тихий океан редко бывает спокойным, и даже крохотные его обитатели к этому давно, конечно, привыкли.

Качурки, пожалуй, самые прелестные и грациозные создания из числа всех морских птиц. Они и гнездо своё устраивают так же ненавязчиво и грациозно, будто опасаясь хоть немножко кого-либо побеспокоить: это - незначительная вмятина в песке или гальке, иногда - едва приметная, посреди совершенно голого пляжа. Ласточка приземляется, припадает к грунту и быстро начинает работать жёлтенькими ножками, вращаясь вокруг своей оси. Песок с мелкими камешками летит во все стороны, и такое нехитрое строительство занимает совсем немного времени.

Но самое интересное заключается в том, как эти милые птички украшают свои гнёзда камешками и осколками ракушек, в каждом из которых находятся два или три яичка голубовато-зелёного оттенка с буроватыми крапинками. Ласточки подбирают на берегу мелкие кусочки морских ракушек и обкладывают ими кромку чаши гнезда, словно формируя замысловатую цветную мозаику.

Думая о такой чудесной способности этих птичек, что часто разбиваются в непогоду о судовые надстройки, безжизненными тельцами покрывая всю палубу, неожиданно пообещаешь себе впредь выстраивать свою жизнь так, чтобы другие люди угадывали в ней только достойные поступки, и они, как и гнёзда морских ласточек, отражали красоту и трепетную силу.

Тупики

Много лет проработал я на Сахалине, привелось не раз бывать на Курилах и Камчатке, острове Тюленьем и Шантарах, Командорских островах и Прибылова, одиноком скалистом островке Ионы, затерянном в северо-западной части Охотского моря, но вот Монерон как-то всегда приходилось миновать, хотя и очень хотелось попасть в этот удивительный уголок дальневосточной природы. Чем-то неизъяснимым притягивал к себе Монерон, о нём постоянно думалось, и даже только одно имя острова – «Монерон», завораживало.

Словом, Монерон необыкновенным образом волновал моё воображение, и мечты о нём незаметно перетекли в действительность: однажды, спасаясь от надвигающегося шторма, мы вынуждены были завернуть в его укромную бухту Кологераса, вдающуюся в северный берег острова между мысом Северный и мысом Сивучий. Моё надолго затянувшееся желание посетить остров, наконец-то, осуществилось, но

какое-то время было неясно: сможем ли мы подойти к острову? У Монерона, почти со всех сторон, разбросано очень много камней.

Остров Монерон, названный Лаперузом в честь инженера его экспедиции, довольно гористый, и лежит в 47 милях к северу от японского острова Ребун и в 26 милях к западу от западного берега южной части острова Сахалин. Самой высокой точкой острова является вершина горы Старицкого высотой 439,3 метра, расположенной в его средней части. Все вершины, возвышающиеся на острове, почти лишены растительности, отдельные участки поверхности острова поросли травой, а на береговых скалах гнездятся чайки. Но наиболее забавными из всех селящихся здесь птиц, помню, как сейчас, были тупики.

Именно тупики первыми попали в поле нашего зрения, да, в общем-то, и составили самое главное впечатление об острове, поскольку находились мы у его берегов недолго, только ожидая окончания шторма. Помнится, всё моё восприятие этого, как будто заколдованного каменного существа, затаившегося где-то в немыслимой глубине, выразилось именно в живых милых птицах, как мне тогда казалось – очень непутёво устранивающих свою жизнь. Остров словно ждал, что его кто-то разбудит, в своём отрешении ото всех выглядел могучим и неповоротливым, а забавные тупики очень оживляли его суровые берега. Мало того, они, несомненно, выражали своими несущественными перемещениями скрытую душу острова, и, наблюдая за ними, нам становилась понятной его глубинная, но, в тоже время, очень жизненная и простая суть.

Тупики похожи на сказочных гномов или маленьких клоунов, и гнездятся обычно не только на Монероне, но и в юго-восточной части полуострова Крильон и на Малой Курильской гряде. Почвы в таких местах очень рыхлые, песчано-глинистые или с мелкой галькой, где тупики и вырывают свои норы-гнезда. Глубина их достигает двух метров, но иногда в отверстие норы хорошо видно насиживающего тупика, и глубина такой норы не превышает 20-30 сантиметров, тогда как входное отверстие всего лишь 15 сантиметров. Часто норы соединены между собой и образуют сложную подземную сеть. При ходьбе по такой колонии ноги то и дело проваливаются в норы, что небезопасно, поскольку склоны острова крутые и, оступившись, немудрено сорваться.

Прилетают тупики в места гнездовий рано, в марте месяце, когда ещё не растаяли снег и лёд, но, тем не менее, птицы приступают к расчистке гнездовых нор, делая это постепенно, по мере оттаивания земли. Массовая кладка яиц происходит уже в середине мая. Тупики откладывают всего одно яйцо, редко - два. Яйца больше куриных, расцветка – беловато-кремовая. Своё единственное яйцо парочка тупиков тщательно оберегают, и насиживают его родители поочерёдно.

Птенцы появляются в первой декаде июня, и всегда покрыты густым и нежным пухом, по цвету напоминающим окраску голубого песка. Родители кормят птенцов в течение ночи, принося с моря рыбу тоже по очереди.

Остатки пищи можно, как правило, обнаружить у норы, и чаще всего – это тихоокеанская сельдь, иваси, корюшка и песчанка.

Мясо тупиков по вкусу ничем не отличается от мяса кайры и топорка. Оно вполне съедобно, но слегка суховато и требует длительной варки. К тому же, немного отдаёт рыбой, чего не замечаешь, только когда ты сильно голоден.

Тупик – очень занятное существо, и передвигается он тоже очень забавно. Находясь в совершенно спокойном состоянии, он вдруг бросается в какую-то прижимающуюся к земле побегку, семенит ножками так часто, что становится очень смешно наблюдать за ним, и при этом старательно приседает, весь напрягается и усердно покряхтывает. Тупики – само совершенство, сочетающие в себе, казалось бы, совершенно не сочетаемые свойства. Они – лучшее, что могло произвести море, когда ты ни летать толком не можешь, ни нырять, как бакланы, ни корм добывать в таком количестве, чтобы птенцы горя не знали.

И всё-таки - тупик и летает, совершая 400 взмахов в минуту, несмотря на короткие крылья, и неплохо ныряет, погружаясь на десяток метров и оставаясь под водой минуту, и старается прокормить своих малышей. Неумело отбиваясь от настырных чаек, что постоянно пытаются отобрать у него рыбу, которую тупик очень ловко зажимает в клюве, порой удерживая до десяти песчанок одновременно, он часто не в силах противостоять их напору. Остаётся тупику надеяться на самого себя, и только самому себе может он доверить сокровенные ночные бдения, когда ему на самом деле кажется, что он – лучший, и тупик, в удовлетворении, покряхтывает. Звук этот напоминает некое протяжное утробное томление, будто кто-то время от времени нажимает на игрушечного резинового совёнка, и тот, вбирая в себя воздух, очень мило, с присвистом, посапывает.

Сразу представляешь, как тупики это делают: смешные и славные птицы, не доставляющие никому беспокойства. И воображая себе чудных тупиков, их занятные повадки, становится понятным неприхотливое существование птиц у моря, предполагающее между собой скорее милое обхождение, нежели раздоры. Тупики так обаятельны в своём возбуждённом поведении, то и дело, скрываясь в норках и неожиданно выныривая из них, что и самому непременно захочется подурачиться, перебегая мелкой побегкой, присесть и ... рассмеяться. Ты – тупик, в это трудно поверить, но тебя не покидает желание побыть милой птицей, маленьким птичьим клоуном, и ты искренне отдаёшься мысленно этой незамысловатой игре, пробуя на себе привычки забавного тупика.

Сходство с клоунами у тупиков проглядывает в постановке косолапых ножек, постоянно принимаемой ими забавной позе и треугольных ярко-красных клювах, с помощью которых птицы отстаивают свои гнездовья, яростно сцепляясь этими клювами, что длится порой до получаса. Ухватившись за клюв соперника, тупик неоднократно поворачивается вокруг своей оси, но хватки не прекращает. При этом опять же утробно кряхтит,

озабоченно постанывает и, кажется, нет ему не до чего дела, как только выстоять и не отступить. Сцепившиеся птицы кувыркаются по склону, валятся с обрывистых каменных козырьков вниз, ударяясь о камни, а клюва ни за что не разомкнут. Милому тупику присуща и такая черта, как упрямство.

В отличие от многочисленных чаек, достаточно схожих между собой, тупик, конечно, выделяется среди других морских птиц своей внешностью. Хотя, если не брать во внимание его яркий клюв, как и у топорка сжатый с боков и напоминающий секиру, то ничего необычного в нём вроде бы и нет: тупик как тупик. Забавный коротыш с нескладным плотным тельцем, очень схожий с небольшой морской уткой серовато-чёрного цвета. Глаза голубовато-белёные, с желтизной, но невероятно пронзительные, будто тупик неотступно что-то высматривает, всегда обратив голову к морю.

Само его имя – «тупик», выражает в нём чудесное обаяние, какое-то несказанное природное таинство, присутствующее в этой птице. Тупик, кажется, как раз не «тупит», а именно проясняет обыкновенное для всех обитателей прибрежной полосы моря пространство, будто разрезая его своим красивым носом. Из-за него тупика прозвали «носорогом», хотя он ничего общего не имеет с этим внушительным зверем, и очень мило и неброско устраивает свою жизнь поблизости с морем, без которого не может существовать.

Иногда тупики любят отдыхать на воде. Только что они в возбуждении сновали над морем, неистово ныряли в поисках рыбы, и вот – неожиданно замерли на волнующейся морской поверхности, как раскрашенные деревянные утки, и в ус не дуют, что их появления ожидают птенцы: выглядывают вопросительно из-за колыхающихся волн, что-то высматривая, понятное только им. Это поведение птиц выражает в них какую-то милую природную отрешённость, как будто тупики впадают в некую, очень необходимую для них задумчивость, не пытаясь её преодолеть, а только отдаваясь ей совершенно. Тупики – чудные существа, и даже когда они отчего-то негодуют, к примеру, спасаясь бегством от чаек, или схватываются между собой, будто от нечего делать, обаяния своего от этого не теряют. Чудесные птицы, волшебное украшение природы, для которой они, кажется, всё время пытаются что-то очень милое совершить, но это им никак не удаётся.

Виной милому образу, который тупик производит сразу при первой встрече, - его ноги... Они сильно отставлены назад, поэтому на суше тупик постоянно находится как бы в настороженной позе, держа тело почти вертикально, опираясь на цевку и пальцы. В спокойной позе тело его расположено слегка под уклоном, но всегда возникает ощущение, что тупик насторожен, находясь в ожидании того, что как-то может повлиять на его жизнь. Тупик - как крохотный маячок с ярким клювом-огоньком, что предназначен для ещё более мелких морских обитателей, когда они в

бесчисленном количестве витают вокруг острова в тумане или сумрачным днём.

Этот его яркий цвет сразу привлекает к себе их внимание: благодаря ярко-красным светящимся огонькам морские птицы угадывают скалы и своё гнездовище на них. Хорошо заметен и красный цвет лап тупика, которые он растопыривает в воздухе, руля ими. Эта птица, с компактным обтекаемым телом, крупной головой и контрастной окраской – верх чёрный, а низ белый, без всяких сомнений привлечёт внимание любого, кто желает насладиться дальневосточной экзотикой.

Тупики, как и морские ласточки, сумеречные птицы, вернее даже будет сказать – ночные, и днём, втихомолку, отсиживаются в норах. Но если вдруг почему-либо возникает тревога, тупики, как по команде, выбираются наружу, всматриваются пристально во все стороны, пытаюсь определить причину своего беспокойства, и тихонько переговариваются между собой, будто решая – что предпринять дальше. С заходом солнца они опять отправляются в море в поисках пищи.

Срываясь с крутого склона в полёт, тупики смешно растопыривают лапки. Дело в том, что хвоста у них нет, и птицам приходится рулить именно лапками, то и дело, меняя их направление. Тупик, тормозящий в воздухе этим своеобразным способом, несомненно, вызывает невольную улыбку.

Таковыми я и застал тупиков впервые в одной из укромных бухт Монерона, наблюдая, как они, необычно для птиц, лавируют в воздухе, увёртываясь от надоедливых чаек. Благополучно добравшись с зажатыми в клюве песчанками до своих гнёзд и покормив птенцов, тупики вскоре выбирались наружу, смешно оглядывались, так же забавно перебежали то туда, то сюда, и непременно отчего-то опять схватывались между собой в занятные драки, не вызывающие какого-либо опасения за их жизни.

За тупиков не было страшно, даже когда они валились с самых высоких скал, кувыркаясь по крутому склону вниз, и ударялись о каменные выступы. Но тупики не расцеплялись вплоть до самой воды, что тотчас отрезвляла птиц, и они, уже успокоенные, принимались неторопливо взбираться в гору, напоминая маленьких усердных человечков, поставивших себе целью непременно взобраться на самую вершину острова, чтобы только следовать своему неизведанному птичьему пути.

Было непонятно, как тупикам удаётся вышагивать по почти отвесному склону, но они упрямо продвигались вверх, обстоятельно обходя повсюду торчащие камни, и так притягивали к себе этой обстоятельностью внимание, что ты невольно начинал улыбаться, не в силах оторвать от них взгляд. Можно было часами смотреть на птиц, и это тебе ничуть не надоедало. Более того, ты незаметно привязывался к чудесным тупикам, открывая в них для себя нечто полезное, чему невозможно научиться у кого-либо другого.

Сидя на палубе и улыбаясь ото всего увиденного, я и себя отчего-то начинал представлять маленьким беззащитным тупиком, в тоже время умеющим постоять за своё потомство. И вместе со мной улыбались скалы,

море, небо, и даже ещё кто-то выше, кого я не видел, но Он видел меня прекрасно, и точно так же, как и я, радовался всему происходящему. Глядя на забавных птичек, мне становилось хорошо и покойно от одной мысли, что я нахожусь именно там, где и должен сейчас находиться, у берегов острова Монерон, по соседству с очаровательными тупиками. Соседство с чем-то божественным и чудесным никогда не покидало меня на Дальнем Востоке.

Меня всегда привлекала в птицах их воля, но и она обычно подвержена своим непрекаемым законам, порождённым великой силой природы. Тупик - одно из её чудесных воплощений, как, впрочем, и человек, способный на всё. Захочешь - и полетишь птицей, хотя бы как тупик; родится в сердце мечта – ты можешь осуществить её, несмотря ни на что.

Отправляйся в дальнюю дорогу, живи полной жизнью, как звери и птицы, и ничего не бойся. Изучать себя и мир, - лучшее, что можно осуществить в своей жизни, и обретение счастья при этом неминуемо. Но помни – чтобы стать счастливым, нужно оставаться честным, в первую очередь, по отношению к собственной душе, никогда не переставая искать своё предназначение, а обнаружив его – уже не оставлять усилий в осуществлении задуманного, открывая и для других людей возможность более гармоничного существования.

Поскольку на Монероне мы находились неполный день, а лишь часов шестнадцать, значительная часть из которых приходилась на тёмное время, то нам удалось высадиться на берег только один раз, выделив для себя именно тупиков, они были более заметны среди всех птиц, обитающих на острове. Милые тупики стали для нас олицетворением Монерона, его сутью, которая, конечно, гнездилась где-то в его глубинной каменной утробе, может быть, ещё в чём-то очень важном и великом, для нас всех пока непостижимом, а птицы лишь дополняли красоту его надводного существования, и облагораживали всё окружающее пространство.

И, тем не менее, именно благодаря маленьким тупикам почувствовал я скрытую жизнь этого неведомого острова, существующего отдельно ото всех, но в глубинах своей души, наверное, не представляющего себя обособленным от всего живого. Что можно было с этим поделать?!

Вероятно, только рассказывать обо всём увиденном, надеясь ещё раз побывать в чутком уголке природы, на острове Монерон, зачем-то оказавшемся в скромном уединении, однажды отдалившись от своего величественного соседа - Сахалина, но сохранившего при этом свой незабываемый и до конца не постижимый облик.

Кайры

Остров Тюлений расположен к востоку от южной части Сахалина, на границе залива Терпения, в двенадцати милях от мыса того же названия. Он представляет собой вытянутую с северо-востока на юго-запад узкую, в большей своей части отвесную скалу, заканчивающуюся наверху почти на

всём протяжении ровным, преимущественно голым, каменистым плато с обрывистыми краями.

Подножие скалы переходит в песчаный, с примесью гальки, берег, образующий низменный пляж вокруг всего острова. По концам скалы, на северо-востоке и юго-западе, пляж выдаётся довольно далеко в море. Общая длина острова составляет около семисот метров, наибольшая ширина – чуть более ста метров, длина скалы – четыреста пятьдесят пять метров, высота плато над уровнем моря – пятнадцать-двадцать метров.

Зимой в районе острова Тюлений преобладают северо-западные и северные ветры, а летом – южные. С апреля по сентябрь часто наблюдаются туманы. Начиная с октября, число дней с туманом уменьшается, и в ноябре туманы почти отсутствуют.

Издали остров очень похож на мыс Терпения и в ясную погоду открывается с расстояния десяти-двенадцати миль. На северо-западной стороне острова Тюлений имеется несколько жилых построек, а в юго-восточной части, на участке песчаного берега, находится лежбище котиков. Пресной воды на острове нет...

Статистика «Люции Охотского моря» суха и официальна, но, тем не менее, точно отражает надёжно скрытую от людских глаз суть острова. В общем-то, это довольно безрадостное место. Занесённая хилым весенним снегом серая полоска суши без единого намёка на растительность. Даже скалы не оживляют пейзаж.

Если бы сюда каждый год не приходили тюлени, и многочисленные птицы не облюбовали суровые утёсы под свой базар, острову трудно было бы найти название. Просто – скалистый осколочек земли посреди угрюмого Охотского моря. И всё же, он привлекает к себе по весне жизнь, и остров словно оживает, что происходит благодаря тёплому ответвлению Куроисио – Сое, направляющемуся частично на север и северо-восток мимо Тюленьего к мысу Терпения.

До своей поездки на остров я никогда не был на нём и не встречал его изображения на фотографиях, но то, что привелось увидеть, полностью отвечало всем возникшим в воображении представлениям. Вплоть до изгибов главной скалы острова, каменистой пляжной линии, и различных цветовых оттенков и запахов. Остров словно жил во мне и только ждал, когда я обращу к нему своё внимание.

Нет ни одного клочка земли, не занятого птицами или зверями. Всё кругом движется, кричит, и больше всего поражает именно неожиданность увиденного.

Когда-то здесь осуществлялась ежегодная заготовка кайровых яиц и добыча самих птиц. Промысел птиц обычно производился после первой массовой кладки, в первой половине лета. Если начинать промысел до начала кладки, то хозяйство в этом случае не доберёт тысячи яиц, так как в числе добытых птиц будут отловлены тысячи самок, способных произвести кладку. Кроме того, при промысле, когда птицы ещё не спаривались, может быть

нарушено соотношение между самцами и самками, из чего возможно, что часть самок окажутся холостыми, да и птицы будут распуганы и не останутся гнездовать на острове, переселившись на соседний базар – на мыс Терпения.

Лов кайр осуществлялся с помощью сеток, и заключался в следующем... На пляже острова, в двух десятках метров от подножия скалы, расставлялись сетки, стенки их укреплялись на вкопанных в грунт пляжа жердях высотой до шести метров, имеющих небольшой наклон в сторону скалы, а общая, огораживаемая сетями площадь составляла порядка полутора сотни квадратных метров. Со скалы два-три человека спугивали птиц, подгоняя их к обрыву против того места, где были расставлены сети, и птицы в огромном количестве падали вниз, попадая в отгороженный сетями участок, куда заходили рабочие с палками и производили их забой.

Такой способ промысла был чрезвычайно прост и удобен как массовый, но имел свои недостатки: при загоне кайр в сети всегда приходилось беспокоить весь птичий базар, многие птицы прорывались через сеть и, получив увечья, уплывали в море, где погибали, становясь жертвой хищных птиц и животных. После массового отлова тушки забитых кайр разбрасывали на морском пляже и оставляли лежать в течение десяти-двенадцати часов, пока не остынут, после чего их грузили в трюмы шхун и вывозили к местам сбыта. Кстати, хорошо приготовленное мясо кайры по вкусу мало отличается от мяса нырковых уток.

Во многих северных странах лов кайр и сбор их яиц на птичьих базарах составляет целое ремесло, им занимаются птицеловы, передающие его из рода в род по наследству. Люди эти отличаются необыкновенной смелостью и неустрашимостью, они не боятся никаких опасностей, и потому, конечно, нередко погибают. Ведь им надлежит карабкаться на высокие, почти неприступные утёсы, и затем сползать с них при помощи длинного каната, раскачиваясь во все стороны, достигая, таким образом, самых укромных карнизов с кладками яиц. Внизу, под ногами такого отчаянного птицелова шумит и пенится море, кругом возвышаются острые уступы скал, и малейшее неосторожное движение может привести к его гибели, что рано или поздно происходит, но не служит уроком для другого добытчика. Жажда наживы и привычка к постоянно переживаемым опасностям делают своё дело.

В Гренландии кайр добывают довольно оригинальным способом. Пока лёд не взломается, птицы имеют обыкновение приходить ночевать на свои прежние места, то есть туда, где были их гнёзда, и там они проводят короткую ночь в крепком сне. Гренландцы подмечают, когда кайры возвращаются на свой утёс, и по их прибытии осторожно взбираются на скалу и затем вспугивают птиц внезапным криком и выстрелами. Бедные кайры, перепугавшись спросонья, забывают, что море внизу ещё оковано льдом и бросаются вниз головой, чтобы искать спасения в морских волнах: но вместо волн они встречают лёд, о который и разбиваются. Людям остаётся только подбирать их.

А между тем огромное котиковое лежбище живёт своей таинственной жизнью. Десятки тысяч зверей сплошным колыхающимся ковром голубовато-бурого цвета устилают берег у подножия обрывистых скал плато. Днём и ночью над островом стоит непрекращающийся рёв, и нужны время, понимание происходящего и достаточная физическая усталость после забоя, чтобы привыкнуть к разворачивающемуся перед тобой каждый день величественному зрелищу дикой звериной жизни, и тем более – заснуть. По ночам за стеной дома тревожно копошатся и вскрикивают неугомонные кайры. Недоступные для человека перипетии их птичьей жизни возбуждают в засыпающем сознании какие-то необыкновенные картинки. Потом всё смешивается, затихает и оглушает только где-нибудь посреди тягучей ночи, когда птицы, растревоженные чем-то, взбудоражено просыпаются и начинают дикое столпотворение.

Вслед им, на противоположной стороне острова, вторят разбуженные котики, и рёв их сливается с неугомонным хлопанием крыльев, вскрикиванием и стоном. Как это ни странно, сквозь поднимающийся над островом всеобщий шум начинает прорываться далёкий и непрекращающийся гул моря, что почему-то не различается в не потревоженной ночной тишине.

Может, испугнутые неизвестно чем кайры усаживаются на море, может, в каком-нибудь другом месте, но только поднятая ими разноголосица быстро утихает. Опять липкий туман окутывает облепленные птицами скалы, и отдалённый гул моря вновь притупляется, так что не разобрать сразу – далеко оно или совсем близко. Остров погружается в свои хмурые северные сновидения до следующего внезапного пробуждения.

Поутру кайры выглядят несколько оживлённее. Изредка некоторые из птиц срываются в пике с обрывистых уступов и выходят из него у самого уреза воды, почти касаясь желтоватым от помёта брюхом её поверхности. Совершив трепещущий и какой-то неугомонный круг над морем, они возвращаются на своё место, зажав в клюве по две, а то и три маленькие серебристые рыбки.

Кайры – сравнительно небольшие птицы, размером со среднюю утку. Шея у них короткая и толстая, крылья узкие, кайры ими часто взмахивают, отчего полёт у них не планирующий, а быстрый. Довольно длинная грудина и рёбра, выступающие за пределы таза, позволяют птицам безболезненно соприкоснуться с водой, когда они со всего маху врезаются в неё. Это своего рода природные «рессоры», своеобразные перьевые подушки, с помощью них посадка на водную поверхность происходит у кайр очень мягко и воздушно.

Обычно брюшная сторона и бока тела кайры белые, а спина – тёмно-коричневая, почти чёрная. Когда птицы плюхаются в воду, они поднимают фонтанчики голубовато-зелёных брызг, и на их белоснежно-атласном оперении капли становятся алмазными слезинками, стекающими обратно в воду. На это короткое мгновение довольно прямолинейные птицы просто

преображаются, даже становятся загадочными. Интересно отметить, что среди кайр мне доводилось встречать и альбиносов, совершенно белых птиц, и что ещё более любопытно, обыкновенные кайры не сторонились своих необычных соседей.

Но вернее, всё-таки, то, что все кайры – птицы необычные. Вот и передвигаются они спокойно, вперевалячку, как бывалые моряки. В полёте же отличаются тонким вытянутым клювом и относительно изящной небольшой головой. Изредка кайры летают даже с открытым клювом, а с виду неловко плюхнувшись в воду, великолепно плавают и ныряют. При этом тело птицы держат довольно высоко над водой, но при опасности почти полностью погружают его в воду, оставляя на поверхности голову, шею и часть спины. Купаясь, кайры могут плавать на боку, иногда привстают на воде вертикально, часто хлопая крыльями, ныряя – передвигаются под водой со скоростью до 20 км/час с помощью крыльев, опускаясь на глубину в несколько десятков метров.

Дело в том, что природа далеко не всегда имеет неограниченное количество вариантов в выборе путей развития. Как в северных широтах северного полушария, так и в южных широтах южного полушария морские птицы приспособилась добывать себе пищу при помощи ныряния. В северном полушарии по такому пути пошла группа чистиковых птиц, к которым относятся всем известные кайры, топорки, конюги, старики и тупики. При освоении подводной среды у них постепенно уменьшились крылья. Они стали походить на ласты, ведь длинными крыльями под водой махать трудно, а быстро – просто невозможно. Всё это пошло в ущерб летательным способностям чистиковых птиц, а один вид – бескрылая гагарка, совсем разучилась летать, была очень доверчива, и из-за этого к концу 19 века была полностью истреблена.

Но вернёмся к кайрам... Работая на Тюленьем, мне всегда хотелось подобраться к птицам поближе, чтобы рассмотреть их, но это на острове, вообще-то, запрещено, потому как идёт кладка и выведение птенцов, и своим приближением ты вспугиваешь птиц. Кайры заталкивают птенцов под себя, втискивают их животами в маленькие углубления, а сами поворачиваются спиной к внешнему миру. Все скалистые карнизы улеплены птицами, на них и без птенца-то удержаться сложно, а кайры умудряются как-то приспособливаться, пытаются сохранить равновесие, и, конечно, срываются, заполошно взмахивая крыльями. По всему такому базару шум стоит несусветный, птицы перекликаются на разные голоса и сквозь этот птичий говор прорывается настойчивое – «ара-ара-ара». Это – кайры возвещают во всеуслышание о своих нескончаемых заботах.

Море, кажется, вскипает от дождя падающего сверху помёта: кайры ринулись в море за кормом для своих птенцов. Помёт серо-белыми наплывами покрывает скалы этого древнего острова, отчего они сливаются с серовато-белыми клубами тумана и низким серовато-белым небом.

Ощущение, что всё вокруг имеет одну чудесную, первозданную основу, и ничто здесь не изменилось с тех незапамятных времён.

Очутившись в гуще взлетающих птиц на склоне скалы, наклоняешься вперёд, пригнув плечи, будто съёжившись под видимой тяжестью навалившейся на тебя живой массы, и выдерживая на себе прикосновения лап и крыльев, не можешь избавиться от впечатления, что эта застывшая в воздухе птичья туча сейчас тебя раздавит. Птицы заполняют собой воздух, всё морское пространство, и ты просто теряешь ориентацию, полностью подчиняясь этому всеобщему безумию. Кайры создали такое необыкновенное состояние, да и глоснешь от птичьего гомона на острове как-то по-особенному: вроде бы, шум стоит невообразимый, а ты всё слышишь и в себе и в окружающем пространстве, проникнутом могущественным присутствием моря. Велико кайровое столпотворение!

Всеобщее головокружительное передвижение среди птиц наступает ближе к полудню. Сизые чайки и вдвое превышающие их бургомистры, хохлатые конюги и уравновешенные красноносые тупики, то и дело мельтешащие косяки каменушек и более всех подверженные неразберихе кайры до такой степени исчерчивают пространство над островом, что кажется невероятным отсутствие столкновений между ними. Всё здесь подвержено издавна заведённому внутреннему устройству, по законам которого и существует эта поразительная, с виду ни от чего не зависящая и необязательная жизнь, но кайры в ней остаются ещё и самыми многочисленными среди всех птиц.

Наблюдая за этими своеобразными пернатыми, мы пробовали заменять яйца кайр чужими, и они не замечали этого, продолжая высиживание. При перемещении же яиц даже на небольшое расстояние в десять-двадцать сантиметров птицы по-прежнему садились на старые места, где раньше лежали яйца, и усердно согревали голый камень. Над плато царило всеобщее, ничем непоколебимое возбуждение, и для человека, впервые прибывшего сюда, оно казалось необъяснимым.

При слишком близком приближении - птицы взрывали воздух огромным грязно-белым крылом, ложились в непрекращающийся над плато круг, и тревожили других, ещё не вспугнутых птиц. Непозволительно было каким-либо неосторожным действием согнать весь базар, нарушить сокровенную тайну созревания продолговатых остроносых яиц изумрудного, розоватого и белого цветов. Только однажды, при первом заезде на остров, люди забирались сюда, принося в жертву своему чревоугодию начальную кайровую кладку.

Недосчитавшись ещё не появившегося на свет потомства, кайры повторно откладывали яйца, и так же усердно высиживали их, как будто это была единственная возможность избежать смерти рода. Мне приходилось слышать, что некоторые птицы способны отложить и третье яйцо, если первые два у них по какой-либо причине исчезли, но происходит это крайне редко.

Груды облепленных помётом шероховатых яиц складывали на пол холодной бильярдной, расположенной на самом высоком месте острова. Их накрывали широким брезентовым тентом, и они лежали так, не портясь, почти всё лето. Каждое утро туда поднималась буфетчица, набирала полный таз холодных, едко пахнущих птичьими испражнениями и сыростью яиц, и затем шла с ними к морю. Тщательно отмыв их, так что они становились ярко-голубоватыми и нежно-розовыми, буфетчица варила яйца на завтрак и выставляла в столовой на самом видном месте. Крупные кайровые яйца, втрое превышающие куриные, все ели с удовольствием, обильно намазывая их горчицей.

Между собой кайры живут в высшей степени дружно. Даже когда между ними возникает переполох из-за того, что какие-нибудь птицы, вернувшись с моря, не могут обнаружить своё насиженное гнездовище и, заполошно перелетая с места на место, нарушают спокойствие своих собратьев, вскоре среди них обнаруживается понимание. Драки, как таковые, отсутствуют и подразумевают всего лишь беззлобную толкотню, заканчивающуюся неременным перемирием. Да и с другими птицами, которые не могут быть для кайр опасны, они также поддерживают самые доброжелательные отношения. Со своей стороны, кайры не надоедают никакой другой птице, живущей рядом с ними, на одной скале, скорее стараясь быть услужливыми, насколько это может быть применимо к птице.

Связаны между собою тесной дружбой и семейные пары у кайр. Кайры постоянны в своих самых важных жизненных побуждениях: они придерживаются единобрачия и стремятся ежегодно занимать на утёсе одно и то же место для гнезда. Перед тем, как сменить друг друга при насиживании яйца, самец и самка на несколько минут замирают рядышком и, как бы извиняясь за то, что вынуждены покинуть его, сочувственно кивают головой, словно раскланиваясь. Потом один из них срывается вниз и улетает в море, по возвращении же – процедура передачи яйца повторяется.

Иногда кайры начинают нервно перебирать клювом перья, но происходит это, скорее, от возбуждения, вызванного переживанием гнездового периода. По большей части птицы милуются друг с другом, трутся шеями, и вдруг в одно мгновение бросаются в море, сообщая ловят рыбу и вместе возвращаются на гнездо, где впоследствии опять разделят все заботы по выводу птенцов. Подобное поведение птиц может выказывать только одно: кайры удивительно благопристойны и внимательны, и заслуживают всяческого уважения.

Вообще, весь брачный ритуал, заведённый между этими птицами, поражает именно необыкновенной обходительностью и дружелюбием, можно даже сказать – трогательной заботой, которую кайры, кажется, проявляют с самым искренним желанием. Ритуал этот сопровождается необычными позами и криками, впрочем, не переходящими в неконтролируемое поведение. Все звуковые контакты у кайр глубоко продуманы природой, имеют индивидуальную «окраску», и только у птенца

различается около десятка типов крика, которые лишь способствуют более чуткому пониманию его родителями.

Период ухаживания у кайр также сопровождается и «танцами» на воде, которые предполагают замысловатое плавание кругами. Птицы выписывают разнообразные фигуры, вертятся вокруг себя, ныряют и, появившись на поверхности, вновь начинают своё кружение. А то вдруг будто привстают на цыпочках, вытянувшись вертикально, и, вспенивая лапками воду, «бегут» по ней какое-то время, неожиданно переворачиваясь на бок. Замечено, что кайрам свойственно игривое настроение - даже когда они насиживают яйца и выводят птенцов!

Среди моряков мне не раз приходилось слышать такое мнение, что кайры – птицы глупые. Но зачем им, опять же, по человеческим меркам, быть умными? Всё, что нужно птицам, чья стихия - море, жить своими природными инстинктами, в период гнездования выбираясь на сушу.

Кайры держатся колониями, зачастую в сообществе чаек и других морских птиц, и чаще всего занимают отвесные утёсы по берегам и островам в богатых рыбой районах Охотского и Берингова морей. Здесь, по уступам скал, и располагаются так называемые птичьи базары, где обычно первенствуют кайры. Именно первенствуют, преобладая и количеством, и красивой посадкой, когда птица спокойно замирает в вертикальной позе, с достоинством выпятив свою белоснежную манишку, аккуратно заправленную в чёрный сюртучок, удивляя, к тому же, ещё и своим необычным поведением. Но вот глупое ли оно?

На всех берегах дальневосточных морей живут два вида кайр – тонкоклювая и толстоклювая. На первый взгляд они почти неразличимы. Но различие есть – и в оперении, и в поведении, и в крике, и даже в питании. Так, если тонкоклювая кайра предпочитает почти исключительно пелагические и донные виды рыб, то толстоклювая, вдобавок к этому, питается и морскими рачками.

Чтобы добыть необходимую для птенцов рыбу – молодь минтая и трески, песчанку или мойву, кайре требуется, в первую очередь, взлететь, а имея короткие и узкие крылья сделать это не просто. Оттого она и предпочитает высокие отвесные скалы, с них легче слететь к морю, успевая набрать достаточную скорость. Чем выше каменный уступ, тем больше будет продолжаться парение, приносящее кайре уверенность, что она способна на многое, и может управлять полётом так, как ей захочется. Сорвавшись с крутого обрыва, кайра, наверное, обретает ощущение, какое в течение всей своей жизни переживает альбатрос или чайка.

Конечно, наблюдая со стороны за манерой поведения кайры, когда чудится, что она и вовсе летать не умеет, сначала становится смешно: ну, надо же, думаешь ты, как ей, вообще, удаётся держаться над морем, имея такой ниспадающий со скалы полёт?! Всё, кажется, что вот-вот кайра угодит в волны и уже больше не поднимется в воздух, словом, сгинет. Но нет, кайра тянет над волнующейся морской поверхностью, тянет, и, постепенно

выравнивая полёт, в следующий миг будто затормозит и бухнется на воду: она – в родной стихии! Вроде бы, ничего смешного...

Забавляет более другое: то, как кайра натывается на возникшую на её пути преграду, не в силах отвернуть или обойти препятствие. Это, по-видимому, и порождает пренебрежительное к ней отношение, что давно бытует среди моряков. Они видят в подобном поведении недалёкость кайры, не способной осуществить обычный для любой другой птицы манёвр, и именно поэтому, должно быть, считают её тупой.

И действительно, не покидает впечатление, что кайры, облечённые способностью к стремительному полёту, всё-таки несколько прямолинейны в нём. Срываясь со скал, они то и дело натывались на различные препятствия, не являющиеся, в тоже время, таковыми для других пернатых обитателей острова. Нас очень сместило, например, как кайры ударялись в забор, ограждающий площадку для обработки забитых котиков, не имея возможности вытянуть к морю и набирая недостающую высоту в своём планировании. Но как им ещё нужно было проявить своё искусство успешно миновать препятствия, при всём желании этими птицами непреодолимые, если они созданы таковыми?!

Каким-то чудом не переломав себя при падении, кайры деловито отряхивались, переминаясь с ноги на ногу, и, неожиданно наклонив туловище, бросались по скользкому дощатому полу пирса к морю. То и дело, оскальзываясь и спотыкаясь, они стремглав топали друг за другом своими перепончатыми короткими ножками, неловко срывались у самого края и плюхались в пенящуюся воду. Сделав несколько стремительных зигзагов, кайры замирали и так успокоено покачивались долгое время на лёгких волнах.

Только потом, терпеливо наблюдая за птицами, я понял, что у кайр очень короткие крылья. Вследствие этого птицы не могли создать достаточную начальную скорость, необходимую для того, чтобы взлететь с земли, и им приходилось перед взлётом планировать с какого-нибудь более высокого места. Поэтому все оказавшиеся на траектории их полёта предметы и оставались непреодолимыми.

Нет, кайры, скорее, милые птицы, имеющие немало замечательных свойств, нежели бестолковые. Всегда удивляет и восхищает способность этих птиц безошибочно, в любую погоду, находить своё место на утёсе, представляющее из себя совершенно голый, очень обширный камень. Кайры удивительно быстро, почти что сразу, обнаруживают на нём своего птенца или одно-единственное яйцо, затерявшееся среди тысячи таких же яиц. А ещё кайры охотно принимают под крыло чужих птенцов, и в случае гибели своего малыша воспитывают приёмыша, потерявшего родителей. Если же случилось так, что по какой-либо причине яйцо утеряно, кайры нередко начинают насиживать любое подвернувшееся или даже похожий на него камень.

В северных широтах, исключая, пожалуй, только осень, всегда, как правило, стоит сплошной туман, так что в двух шагах ничего не видно. В таких условиях, конечно, нет никаких ориентиров, но кайра, не сбиваясь с курса, попадает прямо на свой карниз и приземляется там, где ей надо. Сунет в рот малышу рыбёшку или самец сменит на яйцо самку, и обратно в море, рыбу выуживать. Бывает, из-за случающегося между птицами столпотворения, кайра усаживается чуть правее или левее нужного места, и ей приходится пробираться мимо своих соседей, а те, разумеется, не преминут потрепать мимоходом её перья, даже раз-другой клюнуть. Но происходит это беззлобно, скорее, для какого-то внутреннего птичьего порядка, или по той известной причине, когда ни за что не удержишься подтолкнуть побеспокоившего тебя соседа, хотя бы, ты не испытывал к нему никакой неприязни.

Из-за переживаемого на птичьем базаре беспокойства, кайрам часто приписывают не свойственное им чувство ревности. Предположим, какая-то самка, вернувшись с морской прогулки, застаёт у гнезда другую самку, и та поднимает истошный крик, якобы, проявляя отчаянное возмущение подобным вмешательством в личную жизнь. На самом же деле она просто крикливо выражает недовольство, так как хозяйка яйца вынуждена расталкивать соседей, усаживаясь на своё место.

Вернее всего, что ревность чужда птичьим сердцам, и они более охвачены любовью к своим детям, а гортанное ворчание по этому поводу соседей — «кгээ, кгээ, кгээ», лишь являет их временное раздражение происходящим. У каждой самки — свой птенец, и она чудесным образом рано или поздно его обнаруживает. Кайра — заботливая мамаша, ведь яйцо-то у неё, как правило, одно, и беречь ей его приходится в оба глаза, вернее — в четыре, вместе с самцом.

Но случается и среди кайр настоящий сумбур во взаимоотношениях, когда, как по цепной реакции, ссора между двумя кайрами перерастает во всеобщее раздражение. Сидящие рядом птицы неизменно включаются в перепалку, и начинают щипать и толкать друг друга, оглашая округу невообразимым гамом. Постепенно возбуждённым состоянием загорается весь скалистый уступ, все карнизы, и в воинственный азарт, наконец, включается весь «базар». Что тут происходит!

Вниз летят перья, сыплются мелкие камни и вместе с ними голубые, розовые и изумрудные яйца, птицы срываются со скалы и тотчас перемешиваются, а через мгновение всё это пернатое сборище разрывается и с неимоверным шумом рассеивается над морем. Повсюду слышится пронзительное «арра, арра, арра, ар-р-р-р», из-за чего, наверное, птиц и называли кайрами, и этот многоголосый гул, кажется, превратился в воздух, объив всё вокруг. А у подножия скал повсюду валяются разноцветные скорлупки яиц, на камнях — брызги желтка, и начинает вдруг казаться, будто природа допустила непростительный для себя просчёт: сколько кладок утрачено, и далеко не у всех птиц они смогут в этом сезоне возобновиться!

Но скорее всего предупредительная природа позаботилась о том, чтобы птичий род не извёлся, и, допуская возбудимость кайр в гнездовой период, она не случайно поддерживает их неисчислимое количество.

На недоступных человеку обрывистых скалах, от самого подножия и до верха, лепятся по карнизам тысячи кайр. При той тесноте, которая существует на птичьих базарах, кайрам не до гнезда, уместиться бы самой! Поскольку яйцо кладётся прямо на камни, кайра при насиживании прижимает его к телу, закрывая яйцо с боков перьями, а снизу подсовывает лапки. Этим компенсируется отсутствие подстилки на камнях, но когда напуганная чем-либо птица резко срывается с места, яйцо нередко падает с утёса, и дальновидная природа позаботилась об исключительной прочности яйца: скорлупа его иной раз выдерживает удар о камень. Для того, чтобы выдуть яйцо кайры, сохранив в качестве сувенира, его приходится сверлить шилом, иглой ни за что не проколешь.

Но природа не была бы собой, если не предупредила бы и падение яйца кайры, придав ему конусовидную форму: именно это удерживает яйцо от того, чтобы оно не скатилось даже на покатом уступе. Стронутое с места взлетевшей птицей или потревоженное ветром, яйцо кайры начинает крутиться на краю скалы, поворачиваясь тупым концом к обрыву. Так как центр тяжести будет всегда оставаться в месте соприкосновения яйца с камнем, оно никогда не упадёт.

Кстати, и нахождение кайрового яйца на голой скале не случайно: повышенная влажность северных широт привела бы к быстрой гибели зародыша, если кайра отложила бы пористое яйцо в траве, и, потому, птицы избегают гнездиться на карнизах, поросших какой-либо растительностью. Яйцу кайры необходим свежий воздух, вечно обдувающий яйцо ветерок, и открытый камень – лучшее место для неприхотливого гнездовища. Да и окраска яиц кайры под стать пёстрым камням, она варьирует от дымчато-голубой и серовато-белой, до кремовой, зелёной и даже розовой, испещрённой буровато-чёрными пятнами и штрихами. Ещё одна уловка природы, чтобы закамуфлировать яйца дорогих для неё птиц от врагов.

Главный враг кайр – клуши, и хотя на Тюленьем эти птицы гнездятся в небольшом количестве, значительное число их регулярно прилетает сюда по утрам с побережья Сахалина, нанося обитателям острова непоправимый урон... Клуши преимущественно кормятся павшими детёнышами морского котика и следами, оставшимися после щенки, но одновременно залетают на птичий базар, где пожирают яйца кайр и таскают маленьких птенцов. За один присест клуша способна уничтожить до десятка яиц кайры, которые она очень умело расклёвывает и всё содержимое выпивает, а развитых наполовину зародышей проглатывает целиком. Когда кайры насиживают или обогревают птенцов сплошной массой, то клуши на них не нападают, достаточно же кайрам оставить яйца открытыми, как сейчас же налетают клуши и начинают «грабить» базар.

Ещё одни вредители птичьего базара - трёхпалые чайки моёвки. Они гнездятся большой колонией на острове Тюленьем, и также очень охотно, причём, в огромном количестве, расклёвывают яйца кайр. Моёвки даже умудряются вырывать не проглоченных рыбок из клювов птенцов кайры, отчего последние погибают.

Зато бесчисленным чайкам ничто не мешает часами безбоязненно парить в невидимых воздушных потоках. На распростёртых в изломе крыльях они поднимаются всё выше и выше, обзревая свои необъятные владения. Являясь, как и кайры, вечными спутниками котиков, они вовремя предупреждают зверей о надвигающейся опасности.

Остров с каждым днём всё более оживает, подлетают новые стаи птиц, организующие на безликих скалах свои бесчисленные колонии. Стремительно носятся они над водой, передавая друг другу радостное возбуждение от встречи с родимыми местами. Всё движется, шумит, но неистовство это ещё не достигло своего пика. Жизнь только начинается здесь, и будет продолжаться несколько долгих месяцев, пока не иссякнет это возбуждение, и существование островных обитателей, наконец, не войдёт в свою обычную колею.

Кайры выведут своих птенцов и обучат их летать, детёныши котиков незаметно подрастут и окрепнут для своего первого серьёзного путешествия по морю, только что освободившиеся от бремени самки вновь понесут в себе драгоценный для них плод. Суетливая и громогласная островная жизнь ещё долго не прекратится и, как будто существующая сама по себе, будет незаметно копить силы, которые затем насытят собой весь этот чудесный морской мир.

Кайрёнок

Представьте себе птичий базар в самый разгар весны, всеобщее птичье столпотворение, и вот посреди всего этого природного безумства, на первый взгляд, совершенно беспорядочного и не поддающегося никакому осмыслению, папа с мамой кайры выводят к краю скалы своего единственного птенца - кайрёнка, ненавязчиво склоняя его ... броситься вниз, в бушующее у подножия скалы море... Зачем? - спросите вы, поражённые нарисованной картиной, что ежегодно и тысячекратное количество раз повторяется на каждом птичьем базаре испокон веков. И я вам отвечу: только для того, чтобы продлить свой род, находясь в полной убеждённости за наличие у будущего потомства истинной жизнестойкости и силы.

Нет в подобном проявлении жизни ни глупого жеманства, ни самовлюблённого ломания и кокетства, ни лживых оправданий собственной лени, равнодушия и невежества, ни хамства, ни глубоко скрытого желания, во что бы то ни стало, добиться власти или славы, ни каких-либо иных эгоистических побуждений, присущих человеку. Есть только единственное и

ничем неугасимое стремление выжить, чтобы следующей весной опять огласить всю близлежащую к острову округу пронзительным – «кгээ-э, кгээ-э, кгээ-э, арра-арра-арра-арр!» Но что предшествует появлению на свет нашего героя?!

Сначала в первых числах мая на гнездовьях появляются взрослые птицы. Зиму они провели в Японском море, у берегов острова Хоккайдо, Сахалина и у южных островов Курильской гряды. Особенно много кайр зимует в проливе Лаперуза, на берегах которого я однажды пережил незабываемое ощущение от слияния двух морей – Японского и Охотского.

Пока остров Тюлений и мыс Терпения окружают льды, кайры, другие морские птицы и котик в этих местах не появляются. Впервые попав на остров, недоумеваешь: как могут быть дороги птицам эти холодные, казалось бы, совершенно безжизненные скалы, где они опять, безо всякого удобства, начнут скоро выводить новое потомство, которое на следующий сезон будет также заботиться о своём?! И всегда, из года в год, наблюдая за одним и тем же чудесным действием, непроизвольно задумываешься: как бы и тебе обустроить свою жизнь так, чтобы может быть остепениться и больше уже никуда не ездить, а просто жить тем, что тебя окружает, довольствуясь малым?!

А между тем наступает массовый прилёт птиц на остров, после чего совершается спаривание: природа берёт своё! Всё это невообразимое священнодействие сопровождается драками между самцами из-за гнездовых участков. Кайры обычно стремятся захватить под гнездовые ранее занимаемые ими места, где они уже выводили потомство. Кладка яиц начинается уже через неделю после появления птиц. Случается, что один самец кроет сразу двух и более самок, но самки ничего не имеют против. Главное - утверждающаяся повсюду жизнь, призванная к нескончаемому продлению рода.

Птицы откладывают яйца на ровной каменистой поверхности плато острова, если таковое имеется, в противном случае – на карнизах и выступах обрыва скалы. Порой, на отдельных участках базара, представляющих собой большие и малые кекуры, нередко располагающиеся вдали от острова, в море. Яйца кайр лежат так тесно, что между ними нельзя просунуть палец, не сдвинув их с места. Но кайрам это, кажется, ничуть не доставляет неудобства.

Среди некоторых учёных распространено такое мнение, что кайра насиживает только своё яйцо. Это утверждение справедливо лишь по отношению к базарам карнизного типа и, наоборот, оно ошибочно для плоскостных базаров. К тому же, на плоскостном базаре яйца сильно запачканы калом и грязью, от чего внешне малоразличимы. Уже по одному этому легко допустить, что кайры могут насиживать не только отложенные ими яйца. Трудно вообразить, что в таком огромном и тесном скоплении птиц, когда они постоянно перемещаются и дерутся, можно находить только

свой яйцо, не упуская его из виду, а также обнаруживать его в этом птичьём столпотворении даже после короткого отсутствия.

Кайры занимают буквально все свободные площадки скал, лишь бы они не были покрыты травой и на них могли держаться, не скатываясь, яйца. Яйцо кайры не случайно имеет конусообразную форму, и вертится на каменистой голой поверхности как магнитная стрелка, не скатываясь и не разбиваясь. Центр тяжести яйца находится в его тупой округлой части, получается эффект ваньки-встаньки, при котором яйцо, как бы ни крутилось, остаётся в целости. Но, несмотря на это, известны случаи, когда кайры, всё же, подкладывали пластинки сланца под яйцо для его устойчивости.

Обычно кайры имеют в кладке всего одно яйцо, и лишь в случае его гибели откладывают второе, а иногда даже третье. Как правило, яйца имеют белую, кремовую, голубовато-зелёную и иногда аквамариновую окраску со всевозможными крапинками коричневого, бурого или чёрного цвета, а у молодых птиц даже встречаются яйца с ярко-красными пятнами. Но грязь и помёт делают своё дело, и при сборе нами яиц на острове Тюленьем все они выглядели одинаково, а обретали своё лицо только после того, как их тщательно отмывали в прибойной полосе.

Яйца кайр очень крупные, грушевидные, достигающие весом почти двухсот граммов и в длину десяти-двенадцати сантиметров. Если сравнивать калорийность яиц кайры из расчёта числа калорий в 1 кг, то у кайры оно будет составлять – 1988, у говядины – 1358, у мяса куры – 1288, и у коровьего цельного молока – 683. Как видно, питательная ценность яиц кайры высокая.

Желток яйца кайры ярко-оранжевого цвета, белок, сваренный вкрутую, имеет голубовато-синюю окраску. Принято считать, что длительное хранение яиц кайры крайне затруднено из-за большой пористости скорлупы и даже слегка насиженные яйца портятся в течение 4-5 дней, так как бактерии проникают через поры. Но мы, собирая яйца кайры при забое котиков на острове Тюленьем, держали их на бетонном полу в старой бильярдной, и поскольку погода в течение всего сезона, с мая по сентябрь, стояла прохладная, яйца сохранялись довольно долго.

В насиживании яиц у кайр принимают участие оба родителя, что подтверждается наличием наседного пятна и у самца, и у самки. Срок насиживания длится максимум до 35 дней, поскольку последний сбор яиц мы производили на острове Тюленьем в первых числах июня, а первые птенцы появились в конце первой декады июля.

За сутки до выклева зародыш пищит и шевелится в яйце, слегка покачивая его. Вылупление продолжается ещё один день, пока птенец полностью не освободится от скорлупы. Интересно, что птенец появляется с остатком желточного мешка, содержимое которого обеспечивает его питанием в первые два-три дня. В течение недели желточный пузырь полностью рассасывается, но иную пищу птенец начинает принимать лишь на третий-четвёртый день.

Первые дни после вылупления птенцы обогреваются родителями и остаются на месте выклева. Правда, природа уже позаботилась о них и наделила коротким жёстким пухом, более похожим на шерсть. Жёсткость пуха затрудняет раздувание его ветром, и поэтому такой пух оказывается весьма целесообразным на обдуваемом ветром уступе скалы. Развитие птенцов кайры идёт очень быстро, и уже к концу первого месяца они покрываются контурным пером, тогда как пух остаётся только на темени. Всё это способствует тому, что птенец покрывается плотным оперением, которое препятствует теплоотдаче организма и противостоит намоканию.

Кайры - удивительные птицы, созданные природой, в отличие от других морских птиц, по-особому. Природа почему-то выделила этих птиц, постаравшись сделать так, чтобы уже с раннего возраста птенцы кайры были готовы к суровой жизни северных широт. По-видимому, кайр не случайно отличает и одно замечательное свойство: эти птицы очень доверчиво относятся к человеку.

Кайры будто по какому-то своему природному чутью или знанию не считают его врагом, и к ним можно подойти очень близко, когда они сидят на скале или утёсе. Даже если люди неоднократно забирали из-под кайр яйца, птицы, кажется, не воспринимают подобное обращение за что-то худое, и продолжают вести себя открыто, по-прежнему подпуская человека на близкое расстояние, чем ему, конечно, не стоит злоупотреблять. Кайры – очень милые птицы, и особенно проявляется это их качество в отношении своих птенцов, когда они подрастают, и родители находят нужным приступить к их обучению.

Какая оживлённая возня тогда происходит около гнезда, которого, впрочем, нет: своё единственное яйцо кайры сносят на голые камни. Бывает, что после того, как яйцо по какой-либо причине пропадает, птицы сносят ещё одно, очень редко – третье, ограничиваясь, как правило, первым. Весь период выведения птенца родители-кайры обычно крайне волнуются и издают пронзительные крики, будто предваряя своим озабоченным поведением предстоящее для него испытание: это очень торжественный и ответственный момент в жизни птиц!

И тут уместно будет заметить, что птенцы кайр покидают родные уступы менее чем через три недели после появления на свет. В отличие от них птенцы чистиков и конюг, устраивающих гнёзда в узких каменистых расщелинах, остаются в своих тесных, но безопасных убежищах два месяца. Какое преимущество имеет перед ними кайрёнок, так рано начав самостоятельную жизнь!

Из всех морских птиц только кайры отводят своих птенцов на воду задолго до того, как малыши научатся летать: так легче их прокормить, ведь иначе на скалах у гнезда постоянно вынужден дежурить один из родителей, потому как птенцов могут сожрать чайки. Стоит родителю зазеваться – и птенец уже схвачен, ненасытная клуша или большая морская чайка

заглатывают его целиком. Вот ещё одно подтверждение того, что моряки выбрали для воплощения своих душ после смерти далеко не лучших птиц!

Занятно наблюдать, как кайра-мама и кайра-папа сопровождают малыша к краю скалы. За ними почему-то увязываются и следуют гуськом другие кайры, наверное, свободные почему-либо от родительских обязанностей. Вся эта процессия, торжественно и, в тоже время, деловито поспешая, приближается к обрыву. Трогательный ритуал приобщения птенцов к будущей большой и интересной жизни происходит у кайр именно на краю высокой скалы, откуда птенец должен сигать вниз, в воду, которая ударяется мощными валами в прибрежные острые скалы.

Что-то подобное существует у золотоволосых пингвинов. Правда, они, в отличие от кайр, находятся в море, и, поджидая удобную волну, несущуюся к высоким обрывистым скалам, бесстрашно бросаются в неё, чтобы у самого их подножия, на этой же бушующей и вздымающейся вверх волне, взметнуться к узким карнизам, и, замерев, ловко присесть на них. Застыв там настороженными столбиками, пингвины внимательно наблюдают, как волна с сокрушительным грохотом рушится вниз, чтобы со следующей волной вновь отправиться в море.

Могучие волны бесперебойно ударяются в неприступные берега с такой силой, что остаётся непонятным: как пингвинам удаётся не разбиться, и даже задержаться на них, долгое время при этом оставаясь неподвижными, сохраняя равновесие? Интрига с летящими вниз, к бушующему в камнях морю кайрятами, и играющими со стихией пингвинами, в общем-то, одинакова: и те и другие подвергают себя невероятному риску... Поражает иное: золотоволосые пингвины довольно крупные существа, к тому же – это уже достаточно взрослые особи, тогда как кайрята - ещё толком не оперившиеся трёхнедельные крохи. Но не размеры определяют характер, а природная отвага!

И так, когда птенец подрос и обрёл способность самостоятельно передвигаться, он подводится своими родителями к краю скалы. Самец и самка озабоченно поглядывают по сторонам – не видать ли чаек? При этом они необыкновенно возбуждены, но стараются всё-таки сдерживать обуревающие их чувства, и птенца с обрыва не сталкивают, как утверждают некоторые исследователи, предоставляя ему самому принять решение. Остановившись неподалёку от края, кайры-родители лишь убеждают его совершить отчаянный прыжок, и терпеливо наговаривают: «Арра...арра...ррры...ррры...арра-а».

Бедняжка, кажется, ужасно трусит, тогда как родители продолжают ободрять его резкими возгласами, пока кайрёнок переминается с ноги на ногу, то и дело, смешно заглядывая в пропасть, куда ему сейчас предстоит отправиться. И вот, наконец, птенец решается: неловко подковыляв к головокружительной пропасти, он раз-другой повернётся туда-сюда, немножко покрутившись у самого края, коротко пискнет, и – пошёл вниз,

одним прыжком бросаясь в море! Как только на такое действие оказывается способным столь маленькое существо, что умещается на ладони?!

И, тем не менее, кайрёнок летит на оголяющиеся из-под воды камни, рискуя разбиться, и родители обеспокоенно наблюдают за ним, готовые в любой момент отправиться вслед. Жутко даже сделается от этого зрелища, а птенец уже в воде оранжевыми лапками изо всех сил под себя подгребает, стараясь от опасных камней подальше убраться. Великое таинство кайрового рода совершилось, и инстинкт сохранения вида взял своё: кайрёнок обещает вырасти в большую здоровую птицу, и она продолжит свой род!

Если кайрёнку повезло, и он живым и здоровым выныривает из воды, то сразу ищет защиты у родителей, боязливо прижимаясь к ним и нороя забраться на спину, но те побуждают кроху ещё раз совершить свой подвиг, опустившись под воду. И так – несколько раз, пока кайрёнок не сделается смелее и не перестанет остерегаться водной стихии. Родители учат его, как отыскивать себе пищу, и когда он достаточно научится всему тому, что следует знать морской птице, чтобы вести самостоятельное существование, родители вместе с ним отправляются в море, куда собираются и другие семьи, и там уже полувзрослые кайрыта заканчивают своё воспитание.

Птенцы научаются бороться с непогодой и смело парить над бушующим морем, когда садятся на гребни вздымающихся волн и добывают себе рыбу. Но далеко не все из птенцов оказываются на волне окружающего их многообразия жизни, многие платятся ей за свой первый прыжок в море: сгинул кайрёнок в бушующей у прибрежных скал морской пучине, не выплыл, как бы сильно не волновались и не поддерживали его родители, значит, не судьба быть продлённым именно этому птичьему роду, не имеет ему здорового потомства... Подвергая своего птенца такому испытанию, самец и самка проверяют крепость своих птичьих уз во имя будущей здоровой жизни, и если маленькая птица, не умеющая ещё толком управлять своими движениями, с размаху падает на камни и разбивается на смерть, - природа обнаружит своё достойное продолжение в других, более удачливых и выносливых птенцах.

Именно такой, удачливый кайрёнок, поразил меня однажды на острове Тюленьем, когда бросился в метущиеся волны с высокой скалы, смешно растопырив в стороны оранжевые лапки. Наверное, он в одно мгновение сразу снискал для себя счастье ожидающего его вольного существования в суровых северных морях, на диких птичьих утёсах, привлекающих миллионы таких же счастливых нескончаемого семейства пернатых. Признаюсь, ничего более трогательного в природе до этого я не видел...

Это было своего рода жизненное крещение, и кайрёнок справился со своим страхом, решившись броситься с отвесной скалы навстречу неизведанной для него стихии: ему повезло, он выжил. Как тут не подумаешь о человеческих отпрысках, что готовятся выйти на жизненную дорогу!

Так ли правильно, наподобие кайр, ведут себя родители у людей, чтобы их ребёнок вырос в настоящего человека? И не пример ли это для него, в

отличие от кайрёнка имеющего гораздо больше возможностей преодолеть собственную нерешительность, но, тем не менее, не совершающего в своей жизни достойного шага, тогда как недалёкие, казалось бы, птицы как раз этим необходимым знанием обладают, и очень умело им пользуются?! Никто иной, а именно крохотный птенец своим чудесным бесстрашием побуждает нас стать сильнее, обретя в себе недостающую для жизни радостную уверенность.

Но трудно учиться тому, начало чего сам в себе не пробудил. Так, совершите же свой прыжок с высокой скалы навстречу долгожданному и выношенному в себе желанию или мечте, и вы станете ближе к Богу. Ему всегда в радость, когда человек упражняется в своей воле.

Учись, как говорится, доброму, а худое и само придёт, к нему только нужно быть готовым, полностью это худое приняв, чтобы было и Богу, и людям. А всего лишь побуждает тебя к полной и достойной жизни крохотный кайрёнок, неотъемлемая частица нашего мира, в том числе – и моря, где всякому найдётся своё место, если он готов к восприятию своей судьбы как единственной и неповторимой.

Глупыш

Находясь, длительное время, в отрыве от земли, среди бескрайних морских вод, когда за целый месяц, порой, не встретишь ни одного проходящего мимо судна, невольно начинаешь более внимательно относиться ко всему, что тебя окружает и может приносить хоть какое-то разнообразие. Одно из достаточно распространённых развлечений среди членов экипажа – наблюдение за птицами, что само по себе даже полезно.

В туманную погоду о близости земли можно судить по появлению птиц, что иногда удаляются от берега до 25 миль. Если чайки летят высоко над водой, быстро и по прямой линии, то это значит, что они приближаются к берегу, если же они летят низко, бросаются то в одну, то в другую сторону, и временами опускаются к воде, то это уже обозначает, что они удаляются от него. Было замечено, что топорки и кайры, удаляясь от берега, всегда летят низко над водой, возвращаясь же к берегу, летят высоко. А вот быстрое возвращение к берегу чаек означает приближение шторма.

Обычно выбираешь парящую над морем, плохо различимую птицу, и, не зная – куда себя деть, подолгу всматриваешься в неё, пытаешься разгадать – кто это? Кувыряясь в серых облаках, птица с неожиданной решимостью вдруг взмывает в беспредельное, чуть светлеющее над облаками пространство и, сложив крылья, плавно устремляется вниз. У самого уреза воды птица невероятным образом изворачивается – и вновь взлетает в небеса. Делает она это так неподражаемо просто и легко, что захватывает дух, и ты забываешь на миг обо всём, что происходило с судном в течение всей экспедиции, и, не отрываясь, следишь, как птица, в который раз, повторяет свои удивительные взлёты и падения, и не в силах отвести взгляд.

Постепенно ты различаешь в ней нестигаемого маленького буревестника-глупыша, которого моряки прозвали так за его поразительные воздушные броски, кажущиеся им глупыми.

Внешне глупыш не блистает красотой, и в отличие от тех же чаек выглядит достаточно скромно: серовато-белое оперение с таким же грязновато-пёстрым брюшком и буро-пегими шейными перьями оттеняют только чёрные моховые. Глаза – карие, клюв – опять же серовато-зелёный, а спинка – бледно жёлтенькая. В одежке своей глупышу похвастаться особо нечем!

К тому же, все буревестники, в том числе - и малые, к которым принадлежат и глупыши, почти не умеют ходить, плавают, хотя и легко, без напряжения, но редко, да и ныряют они, в отличие от остальных морских птиц, достаточно непутёво, хотя всё-таки и умеют погружать в воду своё густо оперённое тело. Но чего у них не отнять, так это способности неустанно парить над бескрайними морскими просторами. Наблюдая за глупышами с судна, легко отличить их от других морских птиц, так как глупыши в продолжение целого дня находятся в непрерывном движении, носясь между волн и высоко над ними, лишь изредка опускаясь к самой воде, чтобы схватить добычу.

Глупыш свободно скользит над бушующими волнами с распростёртыми, почти недвижимыми крыльями, держась по возможности на значительном расстоянии от воды, и всегда неумоимо борется со штормом, будто получая от этого наслаждение. Кажется, глупышу совершенно не нужен отдых. Возникает даже ощущение, что глупыш возбуждён круглый год, будто постоянно находясь в переживании ... тока.

Глупыми этих птиц нарекли, вероятно, и за то, что глупыши бросаются за кормом, когда он насажен на крючок удочки, причём, даже в случае, если они бывают очевидцами гибели от этого крючка своего собрата. Но не проявляют ли птицы при этом отвагу, пытаюсь овладеть хоть какой-либо добычей? Морских птиц – бесчисленное количество, и всем им, для поддержания жизни, необходима пища, отчего всякое живое существо, плавающее на поверхности моря, оказывается для них объектом нападения, если оно отчего-то погибло, ранено или больное. Ведь не секрет, что любая морская птица не погнушается и мёртвою рыбою, и при этом не нужно забывать, что приписываемая птицам жадность и ненасытность являются прямым следствием их неустанной деятельности, когда они неумоимо витают весь день над морем, чаще всего преодолевая сильные ветровые потоки.

Глупышу, при его особой приверженности к неустанному полёту, приходится, видимо, затрачивать ещё большие усилия, чем другим птицам, и потому даже в приёме всегда необходимой для жизнедеятельности пищи глупыши выказывают своеобразие: существует мнение, что они нападают даже на медуз! В их желудках находили не только останки рыб или китовое сало, но и кости, паклю, кожу, капустные листья, сухари и щепки, даже

табачную жеванину, то есть – выплюнутый табак, который жевали матросы. Трудно объяснить - как сочетается в этой маленькой морской птице подобная кровожадность и склонность к отрешённому высокому парению, предполагающему головокружительное падение в волны?!

Кстати, поэтическое название – «буревестники», птицы получили не из-за того, что они заранее предупреждают корабль о близящейся буре своим появлением возле него, а потому, что в бурю этим птицам легче добывать себе пищу на гладкой воде оставляемого идущим кораблём кормового следа, и они держатся там группами. И если есть в ком-то из морских птиц поэтичность, так это, конечно, в глупыше - малом буревестнике морей, над которыми он витает под самыми небесами, а потом, стремглав, бросается вниз, к водной поверхности, достигнув которую, вновь устремляется к заоблачным далям. Он словно бросает всем вызов, редкими возгласами сея вокруг необъяснимую и восхитительную тревогу.

Глупыш – таинственный маленький романтик океанских просторов, и его безумный окрик и неизъяснимая надежда на что-то несбыточное, даже не океанское и не морское, а только то, на что способен замахнуться именно он, бесстрашный и очаровательный храбрец, необыкновенно восхищают! Будь его оперение более ярким, он мог бы сравниться с прекрасной морской бабочкой, совершенно очаровательной в своей недостижимости. Пустынный скиталец морских поднебесий, глупыш чем-то сродни самозабвенному отшельнику, который целыми днями благочестиво и очень усердно несёт свою непонятную никому службу, не желая иной доли. Трудно не засмотреться на него, позабыв обо всём, но и непросто постигнуть.

Правда, есть и в глупыше, при всех его положительных и даже забавных склонностях нечто необъяснимое, даже порой пугающее. У берегов Ирландии, например, а также на Гебридах и Фарерах глупыши совсем не пользуются популярностью среди местного населения. Из всех морских птиц именно они имеют здесь наименьшую симпатию. На этих островах численность глупышей растёт за счёт других птиц...

Глупыши прогоняют пернатых с их гнездовых полочек на скалах, пользуясь некрасивым приёмом: они отрывают на кайру, конюгу или тупика зелёную слизь, которая разрушает водонепроницаемый покров на их оперении, так что птицы тонут при очередной посадке на воду. Трудно сказать – делают ли это глупыши специально, так как мне самому ни разу не доводилось этого видеть. Но, даже зная об этом, мне почему-то хочется думать, что глупыши, таким образом, развлекают себя, играют, на самом деле не причиняя никому особого вреда.

Птица эта всегда нравилась мне, и я не видел в её действиях ничего глупого. В стремительном полёте глупыша была заключена только радость от переполняющей его крохотное сердце жизни. И ещё - неистребимое желание забраться как можно выше, чтобы в прекрасном парении пронестись над вольной морской стихией.

Ведь по-настоящему птица познаётся только в полёте и, глядя на свободно парящего над поверхностью моря малого буревестника-глупыша, вдруг сложившего крылья и отважно устремившегося вниз, в бушующие волны, лично я проникаюсь к нему уважением. В этом воздушном броске облик маленького буревестника разительно отличается от птицы, спокойно сидящей на земле, и, вообще, всю жизнь связанной с сушей, пусть даже это берег моря. Кажется, что это два совершенно разных создания, потому что только в воздухе, над морем, проявляется индивидуальность птицы, а она у глупыша – особенная.

Бывает, вы не против иной раз понаблюдать за камнешаркой, озабоченно перебегающей по земле и что-то постоянно склёвывающей, какое-то время любоваться её оперением и повадками, но способны ли вы наслаждаться её видом бесконечно, боясь вспугнуть? На глупыша же можно действительно засмотреться, позабыв обо всём на свете, так как он обращает на себя внимание даже среди беспрестанно перелетающих вокруг чаек, кайр, гагарок и чистиков с топорками.

Именно глупыша ты отмечаешь в многоголосом птичьем круговороте, в котором каждая птица хранит свои легковесные тайны, но малый буревестник, прозванный моряками глупышом, волнует больше всех. Он словно специально создан природой для головокружительных полётов, с короткими крепкими крыльями, маленьким сильным тельцем и какой-то очень возвышенной мечтой, которую глупыш стремится, несмотря ни на что, осуществить, бесстрашно забираясь всё выше и выше в небеса, а затем срываясь в кипящую под ними бездну. Непроизвольно оказываешься захваченным его умопомрачительным парением, и начинаешь вдруг завидовать маленькой отважной птице за её нестигаемость и волю.

Работая в море, в минуты отдыха я всегда любил наблюдать за неутомимым глупышом. Его легко было отличить от других морских птиц, поскольку он – небольшой, плотненький, с короткими крыльями, и тогда, как взбалмошные чайки устраивают невообразимый гвалт вблизи добывающих рыбу кораблей, глупыш безудержно взмывает в небеса, без усталости поднимаясь всё выше и выше, так что порой его совсем уже становится не видно. Думая о том – зачем он это делает, я прихожу к выводу, что глупышу просто нравится так летать.

Забираться в высоту и нестись оттуда во весь дух до самого моря, а потом всё повторять сначала. Как будто это самое лучшее, что он нашёл для себя в жизни, и, обнаружив подобную потребность, уже не в состоянии ей изменить. Что-то вынуждает глупыша вновь и вновь повторять эти умопомрачительные взлёты и падения, и они, кажется, будят в сердце птицы нечто неизведанное.

В общем, глупыш стал мне дорог, он ещё более оживил моё восприятие моря, и в экспедициях я действительно постоянно ищу его глазами, а найдя – будто успокаиваюсь и обретаю среди морской стихии себя. Своим

присутствием птица помогает мне справляться со многими трудностями, как это ни странно звучит – я учусь у неё жизни и очень ей признателен.

Мне и самому хочется точно так же, как птице, рваться ввысь, удаляясь от моря, а потом нестись с высоты вниз, выходя из пике у самой поверхности воды. В этом, кажется, совершенно ненужном действии, не несущем в себе никакого смысла, между тем заключается нечто притягивающее и завораживающее. Приятно было даже просто смотреть на парящего над морем глупыша, восхищаясь его ловкими манёврами и неустрашимостью, и за долгие годы работы в море я искренне полюбил эту маленькую птицу, заключающую в себе какую-то необъяснимую, нестигаемую силу.

Сейчас, по прошествии многих лет, когда глупыша мне, действительно, не хватает, он неожиданно появляется передо мной в воображаемом морском пространстве, и, глядя на него, я, конечно, понимаю, что ни какой он не глупыш, но имя его мне всё-таки нравится. Глупыш как будто восклицает своим отрешённым полётом: думайте обо мне – что хотите, но я счастлив, что имею возможность наслаждаться парением над морской пустыней, и если вам нравится называть меня «глупышом», то пусть так оно и будет, и это никак не сможет повлиять на ту радость, которую я переживаю.

Подобные мысли всегда посещают и меня, пока я представляю себе кружащего неподалёку глупыша, и я как-то незаметно успокаиваюсь, и тоже переживаю в душе неизбывную радость. Как и глупыш, я купаюсь в своих воспоминаниях о море, Курильских островах и нестигаемом маленьком буревестнике, что лёгким взмахом крыла отрывает моё не скованное ничем тело от земли, и, в неподражаемо чудесном полёте, уносит над необъятной морской далью. Взмывая в недостигаемые выси, и, с наслаждением, падая камнем к пенящимся волнам, я превращаюсь в маленькую морскую птицу – глупыша, бесстрашного провозвестника необузданной стихии, которым, наверное, уже был когда-то в своей давней полузабытой жизни.

Оглавление

ЭТИ ПТИЦЫ...	1
Предисловие.....	1
Жаворонки	2
Сила жизни.....	5
Глухариная весна.....	7
Вороний суд.....	11
Зимняя картинка.....	14
Утёнок.....	14
Осенняя песня.....	16
Сойка	20
Изобретательная сорока	23
Сорокопут	24
Влюблённая глухарка	25
На север	29
Забавный случай.....	30
Лесной шум.....	30
Визитка глухаря.....	32

Косач.....	41
Совкин деверь.....	42
Только однажды.....	45
Черный ворон.....	48
Господин дятел.....	55
Дневник глухаря.....	66
Журавли.....	71
Дружные тетерева	81
Спящие лебеди.....	90
Кукушкины слезы	94
Чувства-птицы	96
Трясогузкины причуды.....	97
Сердобольная птица.....	98
Зяблик-интеллигент	107
Птичий гений	115
«Пя-ять, пя-ять, п-ять тетеревей!»	125
Еловое облачко	141
Лесная бабочка	161
Необычная сова	164
Горихвостки	167
Куличок	169
Птичий домик	170
Моё трепещущее крылышками сердце.....	172
Смышлёная ворона.....	181
Вороньё.....	181
Дети воздуха	183
Мужичок в армячке.....	188
Моё маленькое счастье	195
Приятное соседство.....	196
Сорока на коньке	196

Загадочная птица.....	206
Поразительный тетерев	207
Про сыча.....	208
Деревенский глухарь.....	208
Странная птица.....	209
Трясогузки.....	209
Зяблики.....	209
Царь птиц	210
Первый вестник весны.....	210
Вальдшнепиная любовь.....	210
Витютень.....	211
Синички.....	211
Поцелуи дятла.....	211
Грозная сова.....	212
Стать скворцом.....	212
Кавалер.....	212
Чомги.....	213
Дятлова кузенка.....	213
Невидимые нити птичьих трелей	214
Мои глухаринные хлопоты	214
Крапивник	214
Дятел-пчеловод.....	215
Гвоздик	215
Зависть.....	216
Осоед.....	216
Самая живая птичка	217
Небесный барашек	218
Пугач.....	218
Ласточки.....	219
Голос природы.....	220

Буровато-серая маленькая птичка	221
Чечевица	222
ПТИЧИЙ БАЗАР	224
Баклан	254
Качурки	262
Тупики	266
Кайры.....	271
Кайрёнок.....	282
Глупыш.....	288